

3

неприкосновенный
запас

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ

161 2025

★ последняя мировая?
к 80-летию завершения
Второй мировой войны
★ Оуэн, Рёскин, Моррис:
невидимая история
британского социализма

неприкосновенный запас 3 [161] 2025

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ | выходит шесть раз в год | издается с сентября 1998 года

ПОСЛЕДНЯЯ МИРОВАЯ? К 80-ЛЕТИЮ ЗАВЕРШЕНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	003	Джеффри Хасс. Срока давности не имеет: что помнят ленинградцы-блокадники и как они делятся своими воспоминаниями
	027	Брэндон Шехтер. Ненависть – тлетворная или благородная? Управление эмоциями в армиях США и СССР в годы Второй мировой войны
	047	Олег Бэйда, Игорь Петров. Холодное лето 1943-го: побеги советских военнопленных из офицерского лагеря XIII D
	069	Михаил Николаев. Деньги и война: экономика повседневности в период Великой Отечественной войны
	095	Кирилл Кузьмин. Память о войне в китайско-японских отношениях: забвение, актуализация, политизация
АРХИВ «НЗ»	107	Эммануэль Рингельблюм. Хроника Варшавского гетто. Записи 1940–1942 годов
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА	118	Люди войны <i>Страницы</i> Алексея Левинсона
ОУЭН, РЁСКИН, МОРРИС: НЕВИДИМАЯ ИСТОРИЯ БРИТАНСКОГО СОЦИАЛИЗМА	122	От редакции
	123	Роберт Оуэн. К аристократии, землевладельцам, духовенству и народу Ирландии
	131	Джон Рёскин. Цветущий белый боярышник
	146	Андрей Гелианов. Возрождение искусства возрождения: Уильям Моррис 136 лет спустя
	165	Уильям Моррис. Как мы будем жить – тогда?
КУЛЬТУРА ПОЛИТИКИ	184	Константин Митрошенков. Призраки изгнанников бродят по Британии
ПОЛИТИКА КУЛЬТУРЫ	199	Идейное взаимодействие с друзьями и коллегами. Разговор Юргена Хабермаса с Штефаном Мюллер-Домом и Романом Йосом
ОБЗОР ЖУРНАЛОВ	229	Александр Писарев. Уют, освобожденная модернность и лейбницеанское будущее: обзор российских интеллектуальных журналов
НОВЫЕ КНИГИ	236	Борис Соколов. Правда солдата
SUMMARY	252	

Главный редактор
Ирина ПРОХОРОВА

Шеф-редактор
Кирилл КОБРИН

Редакторы
АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
АНТОН ЗОЛотов

Дизайн
ДМИТРИЙ ЧЕРНОГАЕВ
АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Корректор
МАРИНА АЛХАЗОВА

Маркетинг, PR и реклама
АНАСТАСИЯ ВЕКШИНА
Тел. +7 (495) 229 91 03
e-mail:
a.vekschina@nlobooks.ru

Почтовый адрес редакции
123104, Москва,
Тверской бульвар, д. 13, стр. 1.
тел./факс: +7 (495) 229 91 03
в Санкт-Петербурге:
тел./факс: +7 (812) 579 50 04

e-mail:
nz@nlobooks.ru
электронная версия
журнала:
www.nlobooks.ru/nz

member of
the eurozine network
www.eurozine.com

Подписка по России:
Агентство «Роспечать»:
подписной индекс 45683

Зарубежная подписка:
Kubon & Sagner,
Hesstr. 39/41,
80798, München, Germany
Tel.: +49-89-54-218-130
Fax: +49-89-54-218-218
e-mail:
postmaster@kubon-sagner.de
www.kubon-sagner.de

ISSN 1815-7912
ISBN 5-86793-053-x
«Неприкосновенный запас»
Лицензия на издательскую
деятельность:
серия ЛР № 061083
от 6 мая 1997 г.

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации:

Серия ПИ № 77-7546 от
5 марта 2001 г.

Периодичность: 6 раз в год.
[18+]

© 000 Редакция журнала
«Новое литературное
обозрение»

Москва, 2025

Срока давности не имеет: что помнят ленинградцы- блокадники и как они делятся своими воспоминаниями¹

ДЖЕФФРИ
ХАСС

О значимости блокадных воспоминаний и их передачи

Блокада Ленинграда остается грандиозной гуманитарной катастрофой, вызывающей неослабевающий интерес ученых к целому ряду сюжетов и тем. В их ряду практики выживания в экстремальных условиях, поддержание политического порядка и функционирование властной системы в тисках жесточайшего внешнего давления, специфические механизмы конструирования смыслов, разнообразные стратегии адаптации, а также попытки реконструировать то, что на самом деле произошло за 872 блокадных дня². Это был травма-

- 1 Статья написана специально для «НЗ». Редакция благодарит Юлию Крутицкую за помощь в подготовке материала к публикации. – *Примеч. ред.*
- 2 Обзор основных направлений исследований, посвященных блокаде Ленинграда – на русском и английском языках, – см. в: Ломагин Н. *Неизвестная блокада*. СПб.: Нева, 2002. Кн. 1; Он же. *В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах немецких спецслужб и НКВД*. СПб.: Аврора-Дизайн, 2014; Соболев Г. *Ленинград в борьбе за выживание в блокаде: В 3 т.* СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2013, 2015, 2017; Яров С. *Блокадная этика: представления о моральном духе в Ленинграде в 1941–1942 гг.* СПб.: Нестор-История, 2011; BIDLACK R., LOMAGIN N. *The Leningrad Blockade, 1941–1944: A New*

ПОСЛЕДНЯЯ
МИРОВАЯ?
К 80-ЛЕТИЮ
ЗАВЕРШЕНИЯ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ

ДЖЕФФРИ ХАСС

СРОКА ДАВНОСТИ НЕ ИМЕЕТ:
ЧТО ПОМНЯТ ЛЕНИНГРАДЦЫ-
БЛОКАДНИКИ...

Джеффри Хасс (р. 1967) – американский социолог, специализируется на изучении блокады Ленинграда, войны, насилия и постсоциализма, профессор кафедры социологии и антропологии Университета Ричмонда (Вирджиния, США).

тичный и драматичный опыт, в котором масштабные страдания гражданского населения и урон, наносимый германским насилием, массовой смертностью и управленческими просчетами (например сбоями в эвакуации и снабжении, особенно в 1941 году) соседствовали с новаторскими решениями ленинградцев, обеспечивавшими им жизнестойкость и выживание в немыслимых условиях.

Будущему памятованию блокады предстояло стать нелегким делом³. С одной стороны, оставшиеся в живых жаждали общественного признания перенесенных ими страданий, добиваясь особого отношения как к тем, кто смог преодолеть ужасающие испытания, так и к тем, кто сгинул в них. Блокадники действительно увековечивали долгую осаду города в своих личных традициях, историях, воспоминаниях. Но, с другой стороны, публичное увековечение памяти о блокаде было сопряжено с трудностями. Ведь прославление живых и мертвых ставило перед социумом сложные вопросы – прежде всего о том, почему погибших было так много, а также почему все произошедшее оказалось настолько ужасающим. Главными виновниками трагедии Ленинграда, безусловно, оставались немцы, хотя они были не единственными, от кого зависели масштабы этой беды. Братские могилы, напоминая нам, насколько обильной была жатва смерти, сами по себе не предлагают никаких ответов. В СССР официальная историография признавала гигантский масштаб трагедии, но при этом настаивала, что советский народ вопреки тяжелейшим испытаниям мужественно сохранял единство и продолжал героически сопротивляться врагу под руководством коммунистической партии и советского правительства. Одновременно она старалась обходить стороной бюрократические провалы и коррупционные безобразия, усугубившие бедствия, которые обрушились на блокадный Ленинград⁴.

Распад СССР, отмена цензуры и открытие архивов позволили исследователям, не связанным более «генеральной линией», воссоздать более полную историческую картину. Но сказанное касалось только академической среды, и поэтому естественно задуматься: а каким же предстает само бытование памяти –

Documentary History from the Soviet Archives. New Haven: Yale University Press, 2012; HASS J.K. *Wartime Suffering and Survival: The Human Condition under Siege in the Blockade of Leningrad, 1941–1944*. New York: Oxford University Press, 2021; PERI A. *The War Within: Diaries from the Siege of Leningrad*. Cambridge: Harvard University Press, 2017.

3 О политическом значении блокады см.: KIRSCHENBAUM L. *The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995*. New York: Cambridge University Press, 2006; MADDOX S. *Saving Stalin's Imperial City: Historic Preservation in Leningrad, 1930–1950*. Bloomington: Indiana University Press, 2014. Начиная с 1991 года тема политического использования памяти о блокаде все чаще поднимается в публичном поле, хотя подобные исследования носят менее систематический характер.

4 См., например: ПАВЛОВ Д. *Ленинград в блокаде*. Л.: Лениздат, 1985; МАНАКОВ Н. *В кольце блокады. Хозяйство и быт осажденного Ленинграда*. Л.: Лениздат, 1961.

иначе говоря: как обычные люди вспоминали, осмыслили и передавали произошедшее в те памятные 872 дня? Здесь перед нами возникает важнейший вопрос о природе коллективных нарративов и коллективной памяти. Хотя ни одно историческое описание не может быть абсолютно точным и исчерпывающе полным, существуют различные степени квазиобъективности. Если одну крайность представляет откровенный вымысел, то другую – искреннее стремление индивида максимально сблизить собственные убеждения с реальностью. Между этими крайностями пребывают различные градации сознательного или бессознательного выстраивания восприятий и наблюдений в целостный нарратив – причем подобное воссоздание событий, наличествующее лишь в человеческом сознании, способно исказить реальность, произвольно схематизировать ее.

ДЖЕФФРИ ХАСС

СРОКА ДАВНОСТИ НЕ ИМЕЕТ:
ЧТО ПОМНЯТ ЛЕНИНГРАДЦЫ-
БЛОКАДНИКИ...

**Главная трудность, возникающая при изучении
блокадных дневников, которые были написаны
в эпоху Сталина и НКВД, связана с выяснением того,
до какой степени ленинградцы, подвергавшие себя
самоцензуре в силу страха или обычая, подгоняли
образ пережитого под официальный дискурс.**

Главная трудность, возникающая при изучении блокадных дневников, которые были написаны в эпоху Сталина и НКВД, связана с выяснением того, до какой степени ленинградцы, подвергавшие себя самоцензуре в силу страха или обычая, подгоняли образ пережитого под официальный дискурс или как-то иначе использовали конструируемые нарративы в статусных целях⁵. (Эта проблема, кстати, присуща не только блокаде – она возникает в любых контекстах, где властные отношения асимметричны, а сильные мира сего стремятся навязывать остальным те или иные трактовки и картины реальности, отвечающие их корыстным интересам.) В какой степени свидетельства очевидцев-блокадников являются точными, а в какой искаженными – будь то из боязни сказать правду или в силу поддержки режима и его идеологии? Ведь и то и другое могло задавать стимулы, побуждающие корректировать личные нарративы произошедшего. Внесение ясности в эту тему способствовало бы более четкому пониманию природы советской власти, большевистской субъектности и личностной автономии в сталинскую эпоху.

5 См.: PERI A. *Soviet Diaries of the Great Patriotic War* // *Revue belge de Philologie et d'Histoire*. 2020. № 98. P. 691–714.

ЛОГИКИ ПРИПОМИНАНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ

В этом эссе исследуются установки, которыми руководствовались выжившие блокадники, выбирая, что рассказывать о блокаде – и как о личном опыте, и как об историческом событии. Вместо анализа сугубо содержательной стороны воспоминания (*remembering*) как такового я скорее сосредоточиваюсь на процессе припоминания (*recollecting*) и трансляции воспоминаний (*relaying*) как на более активных и взаимосвязанных формах работы с прошлым. Если под *припоминанием* имеется в виду сознательный поиск в памяти определенных моментов и сюжетов, то *трансляция* подразумевает передачу продукта, получаемого таким образом, другим людям. Посредством припоминания и последующей трансляции субъекты создают нарративную линию – подборку информации, специфическое структурирование которой позволяет наделять события смыслом в глазах других людей. Этот процесс открывает возможность для фрейминга самого события, а также для обозначения роли в нем субъекта или выстраивания по отношению к нему субъективной идентичности.

Что же предпочитают вспоминать и рассказывать люди, пережившие блокаду? Из их повествований можно узнать об интериоризированных нормах, идентичностях и власти: о правилах допустимого и запретного в речи, отсылающих к советским и постсоветским практикам властвования и легитимности; о личных идентичностях (среди них «ленинградец», «блокадник», «советский гражданин»), не всегда сочетающихся между собой, что естественно для нарративов, которые исходят от людей, пытающихся наделить свой жизненный опыт смыслом; о власти, реализуемой в виде навязанной режимом персональной субъектности, которая насаждается через генерируемые им версии исторических событий и места человека в истории.

Между тем поколение непосредственных свидетелей блокады сходит со сцены. Какая-то часть их воспоминаний и переживаний сохранилась в дневниках, остающихся в архивах или опубликованных потомками. Собрания коротких мемуаров печатались в виде отдельных изданий; например, материалы, послужившие Даниилу Гранину основой для «Блокадной книги», хранятся в одном из петербургских архивов⁶. Увы, многие из этих свидетелей истории ушли из жизни еще до того, как ученые смогли зафиксировать их воспоминания с помощью строгих методик. Вместе с тем некоторые из переживших блокаду в детском или подростковом возрасте оставались в живых и

6 Адамович А., Гранин Д. *Блокадная книга*. М.: Советский писатель, 1982. Материалы, послужившие основой для этой книги, включая интервью и некоторые дневники, остаются (или были) доступными в фонде 107 Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга.

после 2000 года, когда Европейский университет в Санкт-Петербурге запустил специальный проект по устной истории, в ходе которого записывались их воспоминания. Настоящая статья опирается на эти материалы. Интервьюируемые либо сами восстанавливали отдельные аспекты былого опыта, либо выступали в качестве косвенных свидетелей, узнававших о происходящем от родителей, родственников или других старших⁷. И хотя интервьюеры порой использовали вопросы и подсказки, призванные уточнить отдельные моменты повествования или подтолкнуть к дальнейшему погружению в тему, по большей части они позволяли респондентам самостоятельно выбирать значимые для них сюжеты и детали – следуя тем самым квази-фуколдланской логике, согласно которой повестку задают сами субъекты.

В упомянутых методах имеются некоторые проблемные аспекты, которые необходимо учитывать. Во-первых, предоставление респондентам свободы в выстраивании нарратива влечет за собой то обстоятельство, что последний может меняться в зависимости от эмоционального состояния интервьюируемого. Иначе говоря, в один день он может вспоминать один событийный ряд, а в другой – совершенно иной. Более структурированные интервью даже при сохранении открытого характера вопросов следуют логике, которую задает специалист; они позволяют сравнивать разные интервью для выявления нарративных стратегий и фактических деталей (например посредством анализа того, как именно интервьюируемые отвечают на вопросы). Подход, использованный в рассматриваемом здесь устном проекте, лишает нас такой аналитической возможности.

Во-вторых, проблемой оказывается значительная временная дистанция. Блокадные дневники создавались непосредственно во время описываемых в них событий. Интервью конца 1970-х (например, собранные Даниилом Граниным) отделяли от войны лишь три десятилетия. Воспоминания же, оставленные в 1990-е, содержат, как правило, меньше деталей, поскольку прошло слишком много времени, и скорее являются попытками запечатлеть важные для памяти мемуариста «большие» темы: взаимопомощь в выживании, героизм в условиях лишения, человечность и сочувствие. (Насилие, сопутствовавшее блокаде – например эксцессы каннибализма, – в этих поздних мемуарах упоминается гораздо реже.)

В-третьих, трудность заключается и в том, что многие из респондентов в блокадные годы были детьми или подростками. Они находились в переходном состоянии между детством,

ДЖЕФФРИ ХАСС

СРОКА ДАВНОСТИ НЕ ИМЕЕТ:
ЧТО ПОМНЯТ ЛЕНИНГРАДЦЫ-
БЛОКАДНИКИ...

7 Предисловие // *Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества* / Под ред. М. Лоскутовой. М.: Новое издательство, 2006. С. 7–9.

с присущими ему ограничениями в ответственности, в способности осознавать происходящее и реагировать на него, и взрослой жизнью, когда подобные навыки, как правило, уже сформированы. Даже если в годину испытаний они выросли быстрее обычного, это не делало их субъектами самостоятельных решений: у них еще не было для этого ни юридических прав, ни социальной санкции, они не имели должного жизненного опыта и не до конца сформировали навыки наблюдения и осмысления. Сказанное не означает, что эти люди во время блокады оставались пассивными и не обладали субъектностью. Детям, чтобы выжить, тогда приходилось быстро взрослеть, а грандиозная травма, очевидцами и жертвами которой они оказались, лишала их какого-либо подобия детства в нынешнем его понимании. Согласно некоторым исследованиям, дети, оказавшиеся в сложных ситуациях, могут быть изобретательными, находчивыми и стойкими; например, дети иммигрантов в США выступают посредниками между своими семьями и социальными институтами, помогая родственникам ориентироваться в структурах неравенства и институционального расизма⁸. Однако, нисколько не умаляя переживаний и поступков детей блокадного Ленинграда, следует подчеркнуть, что в контекстах крайнего напряжения и предельной неопределенности им довольно редко приходилось самостоятельно анализировать информацию и принимать ответственные решения, чему они только-только начинали обучаться⁹. (В подобных обстоятельствах, впрочем, и многие взрослые были бы не слишком компетентными.)

В качестве поясняющего примера сошлюсь на участвовавшего в проекте Европейского университета Вадима Номоконова (BL-1-001)¹⁰, которому в 1941-м исполнилось четыре года. В ходе интервью он отмечал специфику детского восприятия происходящего: мальчику казалось, будто он находится не внутри переживаемой ситуации, а за ее рамками:

«Про героическое я ни в коем случае не говорю, потому что нет осознания реальной опасности в менталитете ребенка, вот это как-то ощущается нереально, понимаете, что со мной этого не может произойти. Как только бомбы, или [...] раненые, или что-то, смотришь как будто, так сказать, со стороны. Понимаете, вот это детское любопытство и детская уверенность в том, что жизнь-то твоя вот она, так сказать, будет все время».

8 См.: Kwon H. *Language Brokers: Children of Immigrants Translating Inequality and Belonging for Their Families*. Stanford: Stanford University Press, 2024.

9 О детстве в блокаду мы по-прежнему знаем слишком мало; из немногочисленных работ на эту тему см., например: Котов С. *Детские дома блокадного Ленинграда*. СПб.: Политехника, 2002.

10 В настоящей статье подобными кодами маркируются респонденты, которые были участниками проекта по устной истории блокады, реализованного Европейским университетом в Санкт-Петербурге в начале 2000-х.

Его воспоминания представляли собой впечатления, а не осмысленные наблюдения и не оценку пережитого: это была смесь *его личного* опыта и *личных* наблюдений с опытом и наблюдениями, полученными от *других* людей – начиная с родственников и заканчивая авторами книг о блокаде (о последнем обстоятельстве он в начале интервью не хотел упоминать). То же отмечала и Наталья Сухова (BL-1-005). В 1941 году ей было десять лет, но в беседе с интервьюером она утверждала, что мало что знает или помнит о войне и блокаде; фраза «я не помню» повторялась несколько раз. На нечто подобное обращала внимание и Софья Сухорукова (BL-1-003). По ее словам, она почти не помнит, как умирали люди, а о смертях в блокадную пору знает не из личного опыта, а в основном из книг, прочитанных позже. К сказанному женщина добавила, что вспоминать о блокаде ей не хочется. Вытекающие отсюда потенциальные методологические риски очевидны: ведь такие респонденты не делали подробных записей и не собирали устных свидетельств своих родителей или просто знакомых. Разумеется, это не повод, чтобы критиковать их намерения или сомневаться в достоверности их повествований – подобные воспоминания тоже ценны, хотя воспринимать их мы должны с определенной осторожностью.

Наконец, в-четвертых, есть еще одна серьезная проблема: мы не в состоянии определить, в какой степени интервьюируемые (осознанно или бессознательно) формировали свои воспоминания под влиянием политического контекста. В начале 2000-х, когда Владимир Путин и его режим еще не успели навязать научному сообществу собственной (и весьма жесткой) версии политической историографии Второй мировой войны и блокады, участники интервью могли свободно делиться своими воспоминаниями, не опасаясь последствий. Вместе с тем в 1990-х выжившие блокадники стали свидетелями краха СССР и всех порожденных этим государством мифов. То, за что они страдали и боролись, внезапно исчезло, сменившись нестабильностью и неуверенностью (особенно в экономическом плане, что задело в первую очередь стариков), а также отрицанием важных составляющих их идентичности. Конечно, нельзя исключать, что некоторые из опрошенных были рады открыто обсудить травму блокады и войны. Но другие, вероятно, чувствовали необходимость защитить свою прежнюю родину, соответствующим образом подгоняя под эту задачу собственные воспоминания. На основании записанных интервью сделать однозначные выводы невозможно; мы способны лишь выдвигать предположения, внимательно анализируя тексты бесед.

Мой анализ этих интервью убеждает в том, что описанные в них наблюдения и переживания соответствуют обобщенно-

ДЖЕФФРИ ХАСС

СРОКА ДАВНОСТИ НЕ ИМЕЕТ:
ЧТО ПОМНЯТ ЛЕНИНГРАДЦЫ-
БЛОКАДНИКИ...

му опыту, зафиксированному в блокадных дневниках и воспоминаниях, которые Даниил Гранин собрал в конце 1970-х. Иначе говоря, можно с уверенностью утверждать, что эти материалы вполне достоверно передают опыт переживших блокаду. Один из паттернов, извлекаемых из качественного анализа этих источников, состоит в том, что даже спустя десятилетия наиболее яркими для бывших детей-блокадников оставались пережитые *физические ощущения*. И это вполне объяснимо. Для получения телесного опыта не нужно обладать навыками поиска информации, выбора источников или интерпретации сведений. Голод, пожары, взрывы – реальность, вызывающая инстинктивные реакции и оставляющая мощный эмоциональный отпечаток, не требующий осмысления.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ ТРАВМА: ВОЕННОЕ НАСИЛИЕ И ГОЛОД

Мы начинаем с переживаний, которые испытали все ленинградцы независимо от возраста. Неудивительно, что физическое восприятие пережитого оставалось ярким и богатым даже спустя многие годы после блокады. Авианалеты, артобстрелы, взрывы, пожары, разрушения – всему этому в воспоминаниях, запечатленных в интервью, отводилось значительное место, особенно в начале разговора. Создается впечатление, что собеседники как будто готовили почву для своих историй, намеренно начиная с потрясений и ужасов. Возможно, эти впечатления казались наиболее сильными из-за того, что они шли первыми и были получены раньше, чем их затмили более страшные последующие события. Когда началась блокада, ленинградцы могли последовательно описывать в дневниках каждый свой день со всеми его ужасами. Они испытывали шок, но, поскольку дневники велись ежедневно (или почти ежедневно), вносимые в них записи отражали развертывание блокады в реальном времени. Однако воспоминания спустя десятилетия – совсем другое дело: они сжаты и отрывочны, так как воспроизведение деталей по максимуму может оказаться для повествователя эмоционально непосильным. Период с июня по октябрь 1941 года был ужасающим, но последовавший за этим кошмар был еще страшнее; иными словами, первые месяцы вспоминать и пересказывать гораздо проще.

Некоторые из опрошенных противопоставляли последние дни мирной жизни последующим событиям: сначала они рассказывали о пребывании в пионерских лагерях или отдыхе на дачах, а затем о возвращении домой, где окна уже были заклеены крест-накрест бумагой, а повседневная жизнь изменилась

до неузнаваемости. Таковы, например, интервью Софьи Сухо-руковой (BL-1-003) и Евгении Петровой (BL-1-009). По мере того, как жизнь в Ленинграде становилась тяжелее, в воспо-минаниях респондентов на первый план выходят эпизоды физического насилия: зачастую именно они оказываются пер-вейшим и главнейшим аспектом блокадного опыта, о котором повествуют выжившие. Вадим Номоконов (BL-1-001) в нача-ле войны был четырехлетним ребенком, однако он отчетливо помнил смешанное чувство тревоги и уверенности – послед-няя, вероятно, подпитывалась государственной пропагандой и твердой убежденностью его отца в грядущей победе. В па-мяти интервьюируемого сохранились уход отца добровольцем в санитарную часть, трудное возвращение из Выборга в Ле-нинград в первые дни войны, тифозная горячка матери, ощу-

ДЖЕФФРИ ХАСС

СРОКА ДАВНОСТИ НЕ ИМЕЕТ:
ЧТО ПОМНЯТ ЛЕНИНГРАДЦЫ-
БЛОКАДНИКИ...

Илл. 1. Мемориальная доска, размещенная на здании библиотеки Академии наук СССР. Фото автора.

щение полнейшего одиночества в первую блокадную зиму. Начало блокады ассоциировалось у него с воздушными тревогами и походами в бомбоубежища – эти моменты Номоконов описывал особенно подробно¹¹. В его рассказах присутствуют также воспоминания о раненых, светомаскировке, военной форме. Номоконов рассказывал и о том, как жгли дрова, чтобы спастись от зимнего холода.

Авианалеты, бомбежки, стужа, работа родителей, смятение – примерно те же впечатления ярко всплывают и в воспоминаниях Лидии Дмитриевой (BL-1-002). Подобно мемуаристам, оставившим дневники, она помнила, как люди собирались у уличных репродукторов в ожидании военных сводок, поначалу порождавших растерянность и даже панику. Как и Номоконов, она тоже запечатлела в памяти мучительный путь домой из загородного поселка Песочный. Город встретил ее воем сирен, девочке впервые пришлось спускаться в бомбоубежище – этот эпизод она описывала особенно подробно. Дмитриева сохранила характерные звуки и картины своей школьной жизни военной поры. Осталось в ее памяти и то, что на работе у матери было тепло. Похожие мотивы мы видим в интервью Софьи Сухоруковой (BL-1-003). Она тоже упоминает, как, вернувшись в город из пионерского лагеря, повсюду замечала заклеенные крест-накрест окна. Значительное место в ее рассказе отводится воздушным тревогам, томительным часам в бомбоубежищах, школьным будням. Хотя она и упоминала о нехватке еды, центральными в ее повествовании стали темнота и бомбежки. Сухорукова также помнит, как люди, пытаясь согреться, жгли книги и бумагу.

В некоторых устных воспоминаниях переживания физической угрозы отражены более интенсивно, чем в блокадных дневниках. Евгения Петрова (BL-1-009), которой в 1941 году исполнилось девятнадцать лет, рассказывала о кошмаре первых недель войны: случайно попав на занятую врагом территорию, она, пытаясь вернуться на советскую сторону фронта, испытала непередаваемый страх. Она выкапывала картошку в пригороде, когда внезапно поняла, что незаметно для себя оказалась на немецкой стороне. Петрова, по ее словам, очень боялась, что из-за еврейской внешности немцы ее расстреляют. Во время интервью, вспоминая этот эпизод, она умолкла и расплакалась – настолько сильным оставалось это переживание даже спустя десятилетия.

По сравнению с другими опрошенными блокадные воспоминания Марии Васильевой (BL-1-004) кажутся более мрачными. Как и все выжившие, она ярко описывала авианалеты, артобстрелы, пожары и разрушения, но одновременно в ее по-

11 Не допуская безмерного расширения статьи, я не привожу цитаты из первоисточников в каждом подобном случае.

вестовании много внимания уделялось и иным формам страдания. Она рассказывала, насколько холодно и голодно ей было и как в 1942 году приходилось есть траву – опыт, воспринимаемый ленинградцы той поры с особым отвращением¹². Она рассказывала, как наблюдала последствия голода, истощение и цингу. Разумеется, о дефиците еды, придумывании эрзац-продуктов, голоде как таковом в анализируемой серии устных интервью говорится очень много, но тут нет той детализации, которая отличает блокадные дневники. Сказанное позволяет предположить одно из двух: или конкретно этот опыт был не столь интенсивным, или же память о нем попросту стерлась – учитывая, что человек воспринимает голод физиологически, а не визуально, а визуальные образы в силу важности зрения для нашего восприятия сохраняются в памяти дольше.

Напротив, Валентина Алексеева (BL-1-007), которой в 1941 году было шесть лет, необычайно подробно останавливалась на деталях, связанных именно с пищей: что готовили, как она ела, откуда брались продукты и так далее. Она вспоминала, как в школе получала паек по карточкам и как в 1943 году ее родителям выдали путевку в санаторий. Там семья не голодала, отчасти потому, что учреждение находилось в ведении военных; в столовой разрешалось есть досыта – но выносить еду было запрещено. Она подробно описывала, как дома ее мать варила суп-баланду и как он съедался. Вокруг между тем царил голод:

«Все время хотелось есть. Ели мы все. Я ела торф зеленый, [или по-другому] черный торф. Его продавали в стеклянных банках женщины, пожилые женщины. [...] Все продавали, кто мог достать. Это остатки, по-моему, с Бадаевских складов. Это я так предполагаю, [...] они же сгорели. [...] Вкус этого торта – тьфу, торфа, ну, творога, он назывался черный творог, когда продавали, – он такой кислый был. Почему-то кислый. Почему, я не знаю. Мы это ели. [...] Все ремни съели, которые были в доме. Варили студень. Значит, ремни – это давало клейкость, бульон застывал. Туда клали [все]: надо сказать, что лавровый лист был в семье, кто его может много съесть, перец был горошком, лист, ну, соль еще была, все это было. Так вот эта [...] масса застывала, и мы ели с превеликим удовольствием. Вот это ели, ну, там, шпроты – это вообще, и молоко было соевое, вот. А дуранда – это было золото¹³. На дуранду можно купить было все. Были люди, которые могли [ее] и продавать».

Ситуация ухудшалась по мере того, как в магазинах заканчивались продукты, а гражданскому населению сокращали даже скудные пайки. Нехватка продовольствия влекла за собой появление «черного» рынка, который пополнялся по большей части

ДЖЕФФРИ ХАСС

СРОКА ДАВНОСТИ НЕ ИМЕЕТ:
ЧТО ПОМНЯТ ЛЕНИНГРАДЦЫ-
БЛОКАДНИКИ...

¹² HASS J.K. *Wartime Suffering and Survival*... P. 116, 202, 272.

¹³ «Дуранда – то же, что жмыхи» (ОЖЕГОВ С.И. *Толковый словарь русского языка*. М.: Оникс, 2009. С. 283). – Примеч. перев.

за счет сомнительных источников: в одних случаях директора и кладовщики воровали продукты прямо со складов или из магазинов, в других – ответственные лица занимались махинациями с продуктовыми карточками, изымая тем самым «излишки», которые либо потреблялись, либо продавались. Ленинградцы вынуждены были обращаться к услугам «теневиков», иногда прямо на рынке, чтобы добыть дефицитные продукты. Однако жители города осуждали тех, кто был вовлечен в эти схемы – особенно заведующих и директоров магазинов, продавцов или иных граждан, не выглядевших столь же изможденными, как остальные¹⁴. Из-за этого в некоторых блокадных дневниках поднимается проблема коррупции и несправедливости; мемуаристы критически отзываются о государственных и партийных кадрах, обвиняя их в некомпетентности и продажности.

Масштабы нелегальной торговли продовольствием, согласно милицейским расследованиям, свидетельствовали о массовых хищениях¹⁵, однако в наших устных интервью 2002–2003 годов эта тема затрагивалась редко, поскольку дети и подростки либо не участвовали в «теневом» обмене, либо еще не распознавали признаков коррупции – например, не замечали, что работники булочных выглядели куда более сытыми в сравнении с обычными горожанами. Тем не менее время от времени и мимоходом интервьюируемые все же касались этого вопроса, описывая общий фон блокадной жизни. Софья Сухорукова (BL-1-003), например, упоминала о жуликоватом дворнике, который брал карточки умерших и выменивал на получаемый хлеб соседские вещи, наживаясь тем самым на страданиях и смерти. Порой голод и насилие переплетались. Алексей Цамутали (BL-1-013) объединил их в одном кратком, но выразительном эпизоде, где звучит нота сурового правосудия. Речь идет о директоре продуктового магазина, захлопнувшем двери перед разгневанной толпой голодающих людей, стоявших в очереди:

«В один из этих декабрьских дней директор магазина сказал, что он закрывает магазин, а толпа стала с ним спорить, кричать, что еще не время, но он сказал, что он закроет магазин, и действительно началась тревога... Ну, тогда очередь разошлась, а на утро узнали, что этот директор, закрыв магазин, через двор куда-то шел, и вот в этот дом на углу Куйбышевской и Большой Вульфовой попала бомба, а этого директора магазина, говорят, разорвало совершенно на куски, от него нашли только палец с обручальным кольцом. Я помню эти разговоры».

¹⁴ См. подборку фактов и дополнительных источников на ту же тему: HASS J.K. *Wartime Suffering and Survival...* Ch. 3, 7; BIDLACK R., LOMAGIN N. *Op. cit.*

¹⁵ HASS J.K. *Wartime Suffering and Survival...* Ch. 2, 7; Пьянкевич В. *Рынок в осажденном Ленинграде // Жизнь и быт блокированного Ленинграда* / Под ред. Б. Белозерова. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 122–163. Более подробно о ленинградском «черном» рынке см.: HASS J.K., LOMAGIN N. *Soviet Power under Siege* (книга находится в печати в издательстве Университета Питтсбурга).

Цамутали прямо не говорит о свершившейся справедливости, но сопоставление двух эпизодов наводит на мысль, что логика его воспоминаний именно такова: насилие, вызываемое войной и голодом, терзавшее обычных ленинградцев, дополнялось страданиями, которые причинялись им их согражданами.

Некоторые реминисценции строились на бинарных оппозициях: справедливость–возмездие, насилие–покой, холод–тепло. Воспоминание об одном могло вызывать в памяти его противоположность, подчеркивая некое подобие баланса даже в годину невероятных лишений. Об этом говорила, в частности, Софья Сухорукова (BL-1-003): она рассказывала, что жила в неотапливаемой комнате, но зато некоторые другие городские помещения, например, на ее работе, обогревались, то есть даже в условиях блокады сохранялись островки относительно комфорта и безопасности. В подобных противопоставлениях отражался, по-видимому, подсознательный поиск того, что я назвал бы *якорями нормальности*: с одной стороны, интервьюируемые описывают насилие и голод как повседневный ужас, но, с другой стороны, они неизменно упоминают людей и места, дававшие им утешение и приют. Якоря нормальности в контексте опасности и неопределенности – таков постоянный фон блокадных воспоминаний.

Любопытно, что блокадные дневники содержат больше подробностей о физическом насилии войны, чем мы находим в более поздних устных интервью, – и это объяснимо. Можно, однако, выделить важную динамику: такие впечатления были особенно яркими в первые месяцы блокады, а потом им на смену приходит своеобразная «нормализация» блокадной жизни с ее бытовыми подробностями, касающимися еды, голода, смерти. Ленинградцы действительно много писали о бомбежках, пожарах и разрушениях, но это продолжалось недолго: вскоре такие впечатления были вытеснены иными переживаниями, а физическое насилие войны превратилось в привычный фон.

ДРУГИЕ БЛОКАДНЫЕ ПРАКТИКИ, ПАТОЛОГИИ И ТРАВМЫ

Блокадный опыт, безусловно, включал множественные физические лишения, что подтверждается дневниками. Однако потрясения и травмы блокады не ограничивались только ими. Крайнее отчаяние и формируемые им поведенческие опции подталкивали некоторых ленинградцев к поступкам, которые считаются абсолютно патологическими даже в контексте крайних лишений – как в современном мире, так и (в основном) в блокадную пору. Тем не менее ленинградцы, переживавшие

ДЖЕФФРИ ХАСС

СРОКА ДАВНОСТИ НЕ ИМЕЕТ:
ЧТО ПОМНЯТ ЛЕНИНГРАДЦЫ-
БЛОКАДНИКИ...

блокаду, не могли игнорировать фактов такого типа. Они оставались реальностью и десятилетия спустя, но теперь уже *реальностью прошлого* – и потому их можно было избирательно забывать (в тех случаях, разумеется, когда интервьюируемый или интервьюируемая сталкивались с ними лично). Какую же картину подобных травм и их места в нарративе блокады рисуют нам устные воспоминания 2002–2003 годов?

Эти аспекты истории блокады в интервью также всплывали, хотя и не всегда с такой же детализацией и рефлексией, как в блокадных дневниках. Одним из подобных аспектов был каннибализм. Советская историография избегала этой темы, и даже после краха коммунизма каннибализм оставался болезненным вопросом, который старались обходить стороной: он упоминался лишь вскользь как одно из следствий голода. «Моральная экономика каннибализма» вообще не изучалась сколько-нибудь основательным образом. Хотя некоторые ленинградцы и пытались оправдывать людоедство как рациональную реакцию дошедших до отчаяния людей на крайний голод, большинство даже в то время воспринимало его с глубочайшим ужасом – и как сам по себе акт поедания человеческой плоти, и как знак крушения цивилизации, отмечающий возвращение человечества к звериному состоянию. В блокадных дневниках каннибализм описывался через призму страха; он, возможно, казался воплощением той грандиозной зловещей тени, что нависла над городом. На дневниковых страницах он возникает как порождение сторонних слухов или собственных догадок – появившихся, например, в моменты, когда авторы начинали замечать, что на замерзших телах, лежавших на заснеженных улицах, день ото дня остается все меньше плоти¹⁶.

Вероятно, из-за того, что опрашиваемые были в то время детьми, не слишком чувствительными к слухам о каннибализме или его признакам, в их нарративах он почти не представлен, а временная дистанция и иной жизненный опыт создают более понимающий взгляд. Например, Вадим Номоконов (ВЛ-1-001), не пожелавший подробно говорить на эту тему, высказался о людоедстве так:

«У меня такое впечатление, что есть разные фазы этого умирания от голода, и есть фаза, когда хочется есть, когда [...человек], так сказать, рассудок теряет... Почему, собственно, я и не могу, не считаю, что надо вот напрямую каннибализм осуждать. Конечно, были люди, так сказать, злостно к этому прибегавшие. Но были те, которые просто уже не ведали, что творили. Тем более, что у меня тоже была своя собственная мысль, давайте, если уж откровенно делиться. [...] Ведь умирают люди, а умирают они на улице, вот

16 Подробнее об этом см.: HASS J.K. *Wartime Suffering and Survival...* Ch. 3.

просто вмерз, и, так сказать, это вот видно, вот пальто и нога торчит. Ну что бы, так сказать, отпилить, именно отпилить, потому что все это замерзло».

ДЖЕФФРИ ХАСС

СРОКА ДАВНОСТИ НЕ ИМЕЕТ:
ЧТО ПОМНЯТ ЛЕНИНГРАДЦЫ-
БЛОКАДНИКИ...

Номоконов в целом разделяет интерпретацию, которая встречается во многих дневниках: каннибализм есть либо злонамеренный акт (совершаемый, например, людоедами, убивающими людей, чтобы продавать их плоть – скажем, в пирогах на рынке), либо следствие помрачения рассудка из-за голода¹⁷. Однако его трактовка, которая в блокадных дневниках, напротив, отсутствует, предполагает и нечто иное: умом он понимает, откуда такое поведение могло взяться. Поскольку устные интервью проводились спустя десятилетия после завершения блокады, в его нарративе присутствовала временная отстраненность, обусловившая явный контраст с восприятием, присущим ленинградцам непосредственно в блокадные годы: каннибализм в глазах этого респондента выступает не столько свидетельством краха цивилизации, сколько явлением, заслуживающим *как осуждения, так и жалости* – в зависимости от мотива. (Стоит напомнить, что, согласно признанию самого Номоконова, он воспринимал происходящее как ребенок, не затронутый подобным опытом, как наблюдатель, не ощущавший непосредственной угрозы, а вовсе не как участник.)

Виктор Вайнштейн (BL-1-006), которому в 1941 году исполнилось пять лет, также затронул тему каннибализма, касаясь экстремального голода первой блокадной зимы. В его краткий рассказ вошло воспоминание о том, что он вместе с матерью наблюдал своими глазами, а также предложенное ею объяснение увиденного. Этот эпизод был связан с сосисками, появившимися на прилавках Сытного рынка той зимой: мама, говорит он, сразу поняла, что их внезапное появление подозрительно. Затем интервьюируемый пояснил, что могло за этим стоять: по его словам, злонамеренные ленинградцы похищали детей, чтобы есть их или продавать их мясо на рынках. Вайнштейн упомянул и другой случай: некая мать, чьи дети умерли, вместо того чтобы похоронить, питалась трупами, поскольку лишилась рассудка (он добавил, что милиция знала об этом, но ничего не предпринимала)¹⁸.

Алексей Цамутали (BL-1-013) также упомянул каннибализм в контексте смертного отчаяния, охватившего горожан осажденного города. Подобно Номоконову и в отличие от многих других очевидцев блокадного времени, Цамутали по прошествии десятилетий тоже пытается относиться к прошлому с понимани-

¹⁷ Ibid. P. 119–120, 122–123.

¹⁸ Этот рассказ созвучен с некоторыми записями, появлявшимися в блокадных дневниках первой зимы, см.: Ibid. Ch. 2.

ем – ведь, в конце концов, Ленинград сумел пережить блокаду, избежав крушения цивилизации, чего так опасались горожане в 1941–1942 годах. Однако в его рассказе имеется одно исключение, вновь связанное с пересечением двух тем – людоедства и розничной торговли мясом. Здесь речь идет уже не о выживании, а о наживе – причем на фоне массового голода и страданий.

«Я вам должен сказать, что я больше слышал разговоры о всяких ужасах. Так вот, на наших улицах, иногда в подворотнях я видел умерших людей, которых, видимо, собирались куда-то отвезти, и, конечно, вот эти печальные проводы людей, которых везли на саночках и они были видны. [...] Потом, когда мы встречались с ребятами, то я узнал такую страшную вещь, что моего одноклассника Юрку Тимофеева мать убила вместе с младшим его братом, сварила из них студень, [...] такой случай людоедства, который был уже в непосредственной близости. Ну и про одну женщину, которая жила в нашем доме, недоброжелатели говорили, будто она ест человеческое мясо. Бог его знает, может, это была неправда. [...] Иногда мама шла на Сытный рынок в надежде что-то выменять, и я это помню; вообще этот рынок производил ужасное впечатление, там еще ко всему прочему старались обмануть. [...] Даже уже и не продукты, а какие-то свечки мы на что-то выменивали. И я почему-то помню женщину, которая всем совала такой кусок мяса, говорила, что это баранина, а ей говорили: “Знаем мы, что это за баранина”. Бог его знает, ну. [...] Вообще, конечно, маловероятно, чтоб настоящая баранина была бы в то время».

Каннибализм стал травмой, с которой ленинградцы в большинстве своем встречались опосредованно: через толкования увиденного (трупы с убывающей плотью), подозрения (странное мясо на рынке), слухи. С массовыми смертями дело обстояло иначе – с ними, а также с переживаниями утраты и скорби жители города сталкивались напрямую. Массовая гибель людей и новые практики утилизации человеческих тел сделались неотъемлемой частью блокадного ландшафта и коллективного опыта¹⁹. В основном интервьюируемые не углублялись в подробности, связанные с кончиной, захоронением и поминовением, – в силу детского возраста от них не ожидали участия в этих процессах, которые оставались уделом взрослых. Софья Сухорукова (BL-1-003) упомянула о смерти матери, но обошла детали; она также отметила, что о блокадной смерти больше знает из книг и чужих историй. Те же, кто во время войны был постарше, предложили более подробные свидетельства. Анна Степанова (BL-1-008), которой в 1941 году минуло семнадцать, была достаточно взрослой, чтобы осознавать и запоминать под-

19 Ibid. Ch. 6. Термин «утилизация тел» (*disposal of the dead*) может показаться отстраненно бесчеловечным, но именно его используют специалисты по работе с утратой, которых не надо убеждать в эмоциональной тяжести таких процессов.

робности, связанные со смертью, и даже участвовать в похоронах. Виктор Вайнштейн (BL-1-006), которому в начале войны было пять лет, тем не менее довольно детально вспоминал смерть отца:

«Мама [потом] рассказывала, но я очень хорошо помню, как он умирал. А я, все мое внимание было сосредоточено на маленькой сковородочке на буржуйке, на которой готовились для него сухарики, то есть вот эта пайка, которая у него там была, [...] разделена на такие маленькие сухарики. Я сидел, непрерывно смотрел на это, а мать пыталась его напоить, водицей вот этой сладковатой, кипяточком. Вот. И вдруг мать говорит, это я помню четко: “Все, наш папа умер”. [пауза] А она мне [потом] рассказывала, что он до этого долго-долго следил за мною глазами. А она ему говорит: “Куда ты смотришь, Хельмут?” А он говорит: “На сына смотрю”. Все. Как она только сказала, что наш папа умер, я ее спросил: “Мама, а можно я съем эти сухари?” Я знал, что это для... [пауза] Вот».

Перед нами воспоминания, исполненные невыносимой горечи: ребенок, ставший свидетелем смерти отца, осознал ее трагизм лишь годы спустя – паузы-заминки в его рассказе красноречивее слов. Позже он добавил:

«Про Новый год 1941–1942-го я только помню, что нарядили елку – тем не менее нарядили. И елка у нас стояла, когда умер отец, она стояла чуть ли не до апреля, вся осыпалась. С тех пор елки в моей, нашей семье не было никогда, даже нашим детям мы не устраивали».

Обсудив с интервьюирующим темы голода и блокадной еды – об этом говорилось ранее, – Валентина Алексеева (BL-1-007) рассказала об особенно ужаснувшем ее случае каннибализма:

«Наверное, это все же было с 1941-го на 1942 год. Тогда, когда уже люди стали просто гибнуть. [...] Там лежали люди, в снегу, уже засыпанные снегом. Потом, это мама уже говорила, там были даже места какие-то вырезаны у людей, которые что-то могли дать, какую-то пищу, ну и потом я видела вместе с ней, как-то она меня взяла с собой, мы ходили на Сытный рынок, [...] он и сейчас существует. Так там продавали такие сардельки, такие толстые и белые почему-то. Ну, мы поняли, что это пища не та. [...] Сардельки, не знаю, откуда они, чье производство. Это частным образом продавали. Все было, все могло быть. Даже как муж рассказывал, что у них там у родственников вообще сын [...] исчез, мальчик исчез. Его просто, это самое, съели. Потом вот обнаружили вещи. Поэтому все было, даже и такое. Людоедство. Вот так. Ну, что делать? Да, и потом у нас там женщина была на Зверинской, она в доме 17 жила, [...] у нее погибли дети, но она их не хоронила, она их съела. Уже мертвых съела. Вот, она, конечно, в общем-то, тронулась умом, и не знаю, как там теперь ее судьба, ходила, и в милицию ее не забирали. Они уже знали, видимо, о ней».

ДЖЕФФРИ ХАСС

СРОКА ДАВНОСТИ НЕ ИМЕЕТ:
ЧТО ПОМНЯТ ЛЕНИНГРАДЦЫ-
БЛОКАДНИКИ...

В жесточайших условиях блокады чужая смерть превращалась в инструмент выживания. В обычной обстановке эти сферы строго разделены: умерших провожают, соблюдая ритуалы уважения и поминания, а не извлекая из них корысть. Но блокада перевернула все нормы: иногда смерть других людей помогала ленинградцам спасти собственные жизни. Один из способов заключался в сокрытии факта кончины ради того, чтобы продолжать получать хлеб по карточкам умерших: тело оставляли в промерзшей комнате, смерть не регистрировали и на кладбище не обращались²⁰. Евгения Петрова (BL-1-009) вспоминала сцену, ярко демонстрирующую эту жуткую логику войны:

«Раз я иду, женщина идет, саночки везет, я вижу, что ребенок маленький. Ну, в одеяльце маленький. И чего у нее ума не хватало заколоть, конвертик вот этот сверху заколоть. Ветром открывает. И вижу черненькое-черненькое лицо. Она возила покойничка, вот этого ребенка, чтоб получать на него карточку. Понимаете, видимо, какая цель-то у нее была. Вот только эта. Она возила покойника-ребенка, чтобы получать вторую карточку».

Та же интервьюируемая дополнила свой нарратив еще одним показательным воспоминанием – на этот раз не о выживании через чужую кончину, а о шоке от того, насколько властно смерть вытеснила привычный порядок вещей:

«В общем, кто как ухитрялся, кто как мог. [...] Дровишек-то у нас [не было], печурка, топить надо, где дрова достать? У нас ума не хватило бы паркет выковыривать, [хотя там], где потом мы на Дворцовой набережной жили, в 1950-м переехали, там паркета не было, его [в блокаду] стопили. [...] Мы на этой стороне [жили], а на той стороне Невская лавра, кладбище. И там штабеля, мне показалось издали-то, штабеля дров. [...] Я сестре говорю: “Вечером, как стемнеет, поедem за дровами, я знаю где”. И мы едем по той стороне Обводного, подъезжаем, сворачиваем на кладбище, подходим, это были штабеля – трупы. [особенно подчеркивает слово голосом] Трупы людей. Мы как шарахнемся бежать оттуда! [смеется] Я-то все думала – дрова, я не думала, что вот так складывали людей, а там, оказывается, вот оттуда на Пискаревское кладбище их и возили. Понимаете? Вот такие дрова я видела».

В анализируемых здесь воспоминаниях практически не затрагиваются две важные темы. Первая из них – гендер²¹. Блокадный Ленинград постепенно становился все более женским городом: мужчины уходили на фронт или умирали от голода

20 Со временем режим начал бороться с этой практикой, внедрив систему перерегистрации продовольственных карточек.

21 Общий обзор гендерного аспекта блокады, а также более подробный анализ темы, подкрепляемый ссылками на соответствующие исследования, см. в: HASS J.K. *Wartime Suffering and Survival...* Ch. 4; IDEM. *Anchors, Habitus, and Practices Besieged by War: Women and Gender in the Blockade of Leningrad* // Sociological Forum. 2017. № 32. P. 253–276.

раньше женщин. В результате женщины вынужденно принимали на себя основные заботы, связанные с выживанием, прежде всего поиск, приготовление и распределение скудной пищи среди голодающих мужей, детей, родственников, а также заменяли мужчин на заводах. С этими вызовами они справлялись достойно, причем многие из них осознавали значительность женского вклада в блокадное выживание и военную победу, открыто подчеркивая ее и критикуя мужчин за кажущуюся слабость.

ДЖЕФФРИ ХАСС

СРОКА ДАВНОСТИ НЕ ИМЕЕТ:
ЧТО ПОМНЯТ ЛЕНИНГРАДЦЫ-
БЛОКАДНИКИ...

В жесточайших условиях блокады чужая смерть превращалась в инструмент выживания. В обычной обстановке эти сферы строго разделены: умерших провожают, соблюдая ритуалы уважения и поминания, а не извлекая из них корысть. Но блокада перевернула все нормы: иногда смерть других людей помогала ленинградцам спасти собственные жизни.

Здесь перед нами возникает вопрос: учитывая важнейшую роль женщин в выживании и победе, а также недооценку этой роли в послевоенные годы, как же сами респонденты освещали гендерные аспекты блокадной жизни? Разумеется, не стоит ждать от свидетелей блокады рассуждений в духе современных социологов, для которых гендер – базовое социальное явление, аналитическая категория и каузальная переменная. Тем не менее *какие-то* упоминания о женском вкладе и женской мобилизации в критические моменты в интервью все же встречаются. (Кстати, в сами блокадные годы не только женщины, но и многие мужчины понимали и ценили женское участие в спасении города.) Гендерный аспект, однако, всплывал в беседах не часто, а когда это все-таки происходило, то его упоминали лишь между делом и при обсуждении каких-то иных тем. Так, Софья Сухорукова (BL-1-003), вскользь отметив факт участия женщин в защите города на фронте и в тылу, сразу же обозначила важную социальную границу: если одни женщины, обладая необходимыми техническими навыками, могли реально способствовать победе, то у других таких возможностей не было.

Вторую тему, которую интервьюируемые почти полностью обходили стороной, составили патриотизм и национализм. Мы знаем, что некоторые ленинградцы предавались размышлениям о советской цивилизации и русской культуре, иногда критическим, а иногда апологетическим²², но в рассматриваемом

22 См.: Идем. *Wartime Suffering and Survival...* Ch. 7. Кроме того, Никита Ломагин и я затрагиваем эту проблему в книге «Soviet Power under Siege».

ДЖЕФФРИ ХАСС

СРОКА ДАВНОСТИ НЕ ИМЕЕТ:
ЧТО ПОМНЯТ ЛЕНИНГРАДЦЫ-
БЛОКАДНИКИ...

здесь наборе устных интервью респонденты очень редко упоминали патриотические или националистические сюжеты. Более того, Алексей Цамутали (BL-1-013), фактически, заявляет, что в среде блокадников патриотические чувства не были доминирующими, выступая в лучшем случае вторичными на фоне других мотивов, хотя национальные категории (например «немцы») действительно использовались, неся в себе эмоциональную нагрузку:

«В кругу тех взрослых, которых я видел, не было никогда каких-то там ультрапатриотических высказываний, но вместе с тем была какая-то такая молчаливая убежденность, что город нужно защищать во что бы то ни было. Я не берусь судить, повторяю, обо всех настроениях, какие были, но вот те люди, с которыми я сталкивался, все стояли на том, что мы будем во что бы то ни было стараться, чтобы немцы в город не вошли. Какой круг людей был вокруг меня? Говорю вам, что моя мама была учительница, мой папа был инженер, но в молодости он был артиллерист, участвовал в Первой мировой и гражданской войне, мои родители были разведены, у них были тем не менее очень хорошие отношения, и мой отец очень ко мне хорошо относился».

Позже Цамутали (BL-1-013) поделился своим отношением к тому, как блокада выглядела в зеркале официальной культуры:

Интервьюер: А вы помните, фильмы про блокаду вы смотрели?

Цамутали: «Ленинград в борьбе». Да.

Интервьюер: А вы специально как-то ходили на него?

Цамутали: Да, видите, мне было одиннадцать лет в 1942 году. А вообще я не люблю фильмов о блокаде, потому что так это там. [...] С Далем какой-то фильм был. Немножко... Как-то все это... Все-таки не хочется все это вспоминать, это уже ради вас я вспоминаю, а так...

Интервьюер: Просто в фильмах это все слишком правдоподобно?

Цамутали: Когда как. Довольно такой бутафорский фильм был по роману Чаковского «Блокада», там еще какая-то песня была сопровождающая.

Такое отношение не было редкостью – многие ленинградцы критически воспринимали изображение блокады, в котором приносились или искажались как реальность страданий, так и проявления героизма.

СОПОСТАВЛЕНИЯ И ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ

Как можно прокомментировать все то, что выжившие блокадники изложили своим интервьюерам? Можно ли выявить какие-то

устойчивые паттерны в том, что они вспомнили и чем решили поделиться? Несмотря на то, что жизненные обыкновения и прошлые привычки важны, у нас нет оснований предполагать, будто у опрашиваемых имелась какая-либо грандиозная стратегия выстраивания нарративов, служащая политическим целям. Вместе с тем не следует думать, что эти люди никак не продумывали своих речей наперед и совсем не фильтровали производимого, даже оставаясь искренними (что, кстати, весьма вероятно). Важно отметить, что во многих аспектах нарративы, воспроизводимые в устных интервью, не так уж сильно отличаются от тех, что представлены в блокадных дневниках. Это говорит о достоверности воспоминаний, несмотря на юный возраст респондентов в те годы и существенную временную дистанцию. Многие в их повествованиях могло быть осознанным, а многое, напротив, произвольным; однако сами по себе интервью не позволяют с точностью разобраться в том, что есть что.

Стремясь лучше понять, что именно выжившие в блокаду готовы были вспоминать и транслировать, мы можем предпринять беглое сопоставление их устных воспоминаний с записями блокадных дневников. Скорее всего оно подтвердит избирательность памяти и селективность в выборе нарратива, а также вновь подчеркнет то обстоятельство, что многие из опрошенных во время блокады были детьми и поэтому не могли полноценно наблюдать за происходящим, оценивая его в той же манере, как это делали взрослые. Но, хотя предпринимаемое сопоставление будет носить фрагментарный, а не систематический характер, оно может оказаться полезным для будущих исследований.

Некоторые темы равно воспроизводятся как в дневниках, так и в интервью. Один из примеров – ужас от разрушений, причиняемых авианалетами и артобстрелами. Блокадные дневники, особенно за первые месяцы осады, подробно описывают время налетов, последствия бомбардировок и чувство страха, которое пронизывало ленинградцев, будь то застигнутых обстрелом врасплох на улице или дома или успевших укрыться в темных и холодных подвалах-бомбоубежищах. Интервьюируемые в своих воспоминаниях передают схожие впечатления: немецкие авианалеты, начавшиеся после того, как город оказался в пределах досягаемости самолетов люфтваффе, описываются ими не так ярко, как в дневниках, но все же занимают значительное место в их рассказах. Иначе говоря, эти события оставили в памяти респондентов глубокий след, оказавшись потом темой, которую респонденты были готовы открыто обсуждать. Эту готовность вполне можно объяснить: ведь немцы однозначно были злодеями, и, хотя конкретно эта травма была ужасающей, она не выходила за рамки обычного военного опыта.

ДЖЕФФРИ ХАСС

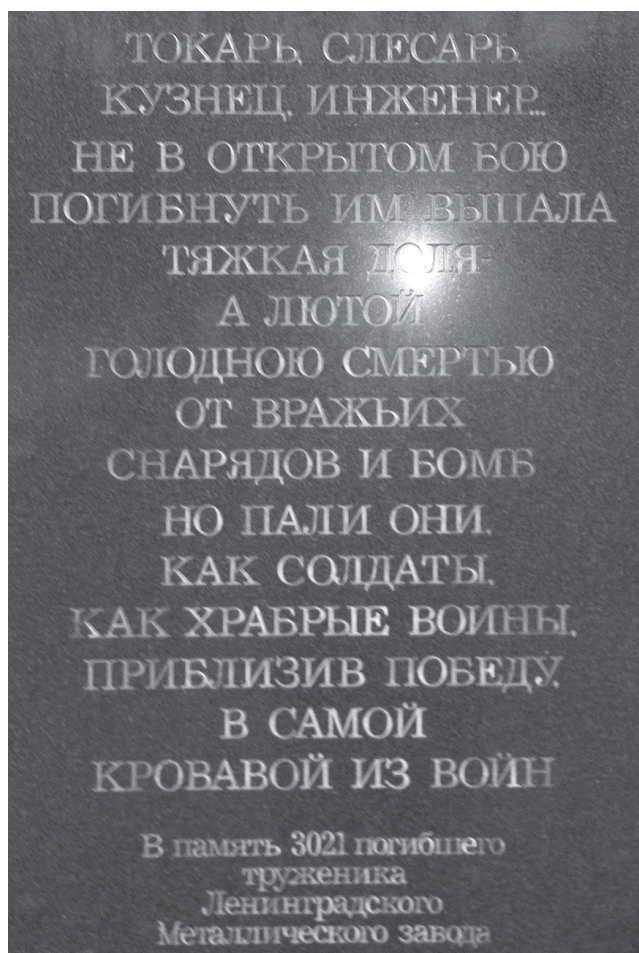
СРОКА ДАВНОСТИ НЕ ИМЕЕТ:
ЧТО ПОМНЯТ ЛЕНИНГРАДЦЫ-
БЛОКАДНИКИ...

ДЖЕФФРИ ХАСС

СРОКА ДАВНОСТИ НЕ ИМЕЕТ:
ЧТО ПОМНЯТ ЛЕНИНГРАДЦЫ-
БЛОКАДНИКИ...

Илл. 2. Мемориальная
доска в память о по-
гибших в годы блокады
рабочих и служащих
Ленинградского метал-
лического завода на
Пискаревском мемори-
альном кладбище. Фото
автора.

Хотя интервьюируемые могли и не соприкасаться с «черным» рынком напрямую (и потому почти не упоминали о спекуляции или коррупции), в некоторых случаях они целенаправленно не желали углубляться в определенные темы. Смерть и каннибализм относились именно к таким запретным сюжетам. Авторы же блокадных дневников, в отличие от интервьюируемых, зачастую подробно и мучительно размышляли об этих явлениях – особенно в первую блокадную зиму, когда и смерть от истощения, и случаи людоедства не только имели место, но и подрывали привычные представления о нормальной советской жизни²³. Фактически, ленинградцы *вынуждены* были пройти через каннибализм и массовую гибель, чтобы преодолеть шок, страх, безнадежность. Осмысляя эти явления в дневниках, жители города фиксировали их ненормальность или аморализм,

23 См.: ИДЕМ. *Wartime Suffering and Survival...* Ch. 3, 6.

сохраняя тем самым хоть какое-то ощущение морального порядка в мире, который рушился на глазах. Кроме того, письменные размышления о людоедстве и смерти превращались в способ сохранить нравственные ориентиры и противостоять дегуманизации, которую несли с собой нацисты и война. Одной из важных особенностей устных интервью стало то, что респонденты, которым в годы блокады было по семнадцать лет или чуть больше, рассуждали о каннибализме и массовых смертях гораздо подробнее – вероятно, потому что интенсивнее впитывали происходящее или были менее защищены от этих мрачных реалий.

Стоит упомянуть и еще об одном отличии. В то время как участники устных интервью нередко затрагивали и более поздние годы своей жизни, выходя за хронологические рамки блокады, авторы блокадных дневников обычно завершали повествование окончанием осады или войны. Хотя интервью начала 2000-х были посвящены блокаде, многие опрошиваемые испытывали потребность рассказать и о своем дальнейшем пути, причем не всегда связывая его с блокадным опытом. В какой-то мере это объясняется тем, что большая часть их жизни пришлась на послевоенные годы. Но отсюда рождается и гипотеза о том, что интервьюируемые, помимо прочего, стремились заново утвердить ценность своей жизни – в особенности послевоенной советской жизни – в тот исторический момент, когда они уже оставили активную трудовую деятельность и вынужденно наблюдали распад СССР и трудности 1990-х (об этом говорил, например, Виктор Вайнштейн, BL-1-006). Сказанное также свидетельствует о том, что многие опрошиваемые не желали ограничивать свою идентичность исключительно терминами блокады – они ощущали себя чем-то большим, нежели просто блокадниками. Такое предположение заслуживает дальнейшего исследования; в частности, перспективным представляется сопоставление упомянутых нарративов с дневниками, которые, описывая блокаду, велись и в последующие годы – если, разумеется, подобные дневники сохранились в достаточном количестве.

В заключение я возвращаюсь к вопросу, поставленному в начале этого эссе: в какой степени нарративы о блокаде – как ранние, так и поздние – формировались под влиянием властных структур, а в какой являлись результатом самостоятельного и индивидуального осмысления? Хотя систематическое сравнение блокадных интервью и дневников мною не проводилось – это задача для будущих исследований, – я готов предложить некоторые предварительные основания и направления для дальнейшей работы. В значительной степени темы, поднимаемые в интервью и дневниках, совпадают. Это совпадение

ДЖЕФФРИ ХАСС

СРОКА ДАВНОСТИ НЕ ИМЕЕТ:
ЧТО ПОМНЯТ ЛЕНИНГРАДЦЫ-
БЛОКАДНИКИ...

ДЖЕФФРИ ХАСС

СРОКА ДАВНОСТИ НЕ ИМЕЕТ:
ЧТО ПОМНЯТ ЛЕНИНГРАДЦЫ-
БЛОКАДНИКИ...

не абсолютно, но мы видим сходные сюжеты, детали, интерпретации. Отличия, как уже отмечалось, конечно, есть, однако степень сходства производит впечатление. Это позволяет выдвинуть два альтернативных предположения: 1) пережившие блокаду испытывали ощутимое влияние специфических социально-политических факторов, которые формировали их восприятие и нарративы как в блокадный период, так и позже, закрепившись в их привычках и субъективности; 2) ленинградцы сталинской эпохи чувствовали себя достаточно вольно для того, чтобы фиксировать свои переживания и свой опыт, не оглядываясь на власть, походя в этом на выживших блокадников 2000-х, вспоминавших о прошлом в то время, когда прежняя советская гегемония уже рухнула, а новая постсоветская еще не сложилась. Дальнейшее сравнение дневников и интервью позволило бы уточнить реальную способность большевизма и сталинского режима формировать субъектность советских граждан нужным для себя образом. Тот факт, что эта тема заслуживает дальнейшего изучения, не вызывает никаких сомнений.

*Авторизованный перевод с английского Андрея Захарова, доцента
кафедры теоретической политологии факультета политологии
РГГУ*

Ненависть – тлетворная или благородная? Управление эмоциями в армиях США и СССР в годы Второй мировой войны¹

БРЭНДОН
ШЕХТЕР

Любящие Господа, ненавидьте зло!
Пс. 96, 10

Ненависть к фашистским извергам
мы считаем священной.

Михаил Калинин (1945)

В ходе наиболее масштабной военной мобилизации за всю мировую историю две крупнейшие союзные армии – американская и советская – призывали в свои ряды специалистов, которым предстояло разъяснять военнослужащим смысл войны и отвечать на мучившие их экзистенциальные вопросы. В Соединенных Штатах такими специалистами оказались капелланы – представители духовенства, добровольно отправившиеся служить государству. Они предлагали духовное попечение как солдатам-единоверцам, так и представителям других вероисповеданий. В советских вооруженных силах за информирование военнослужащих о государственной повестке, отслеживание состояния их духа и обеспечение эмоциональной поддержки отвечали коммунистическая партия и комсомол, которые в мирное время были органично встроены во все основные государственные структуры².

Брэндон Шехтер
(р. 1982) – историк,
сотрудник фонда «Архив
семьи Блаватник» (США).

- 1 Автор благодарит Чарльза Шоу, Маргарет Борозан, Миляшу Закирову, а также участников вашингтонского семинара по российской истории – в особенности Диану Думитру, Полу Чан, Эрика Лора и Стивена Ригга – за комментарии к этой статье. Кроме того, я признателен Олегу Бэйдэ за предложение подготовить этот текст, а Софии Веретенниковой за его перевод на русский. Статья написана специально для «НЗ».
- 2 Настоящий текст – часть большого проекта, сравнивающего капелланов армии США с политработниками Красной армии, с рабочим названием «Борьба за спасение в годы Второй мировой войны» («The Struggle for Salvation in the Second World War»). Историография, посвященная деятельности капелланов и бытованию религиозности в вооруженных силах США в тот период, весьма богата – и продолжает расширяться. Недавние образчики включают следующие работы: STANL R. *Enlisting Faith: How the Military Chaplaincy Shaped Religion and State in Modern America*. Cambridge: Harvard University Press, 2017; SNAPE M. *God and Uncle Sam: Religion and America's Armed Forces in World War II*. Rochester: Boydell, 2015; PIENLER K. *A Religious History of the American GI in World War II*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2021; SUTTON M. *Double Crossed: The Missionaries Who Spied for the United States during the Second World War*. New York: Basic Books, 2019. То измерение большевистского проекта, которое условно можно назвать «теологическим», а также перво-степенность партийной работы в рядах Красной армии тоже исследуются довольно широко. Среди прочих см. следующие публикации: BERKHOFF K. *Motherland in Danger: Soviet Propaganda During World War II*.

В рядах вооруженных сил США состояли тогда около 16 миллионов солдат и офицеров, бок о бок с которыми служили почти девять тысяч капелланов. Красная армия мобилизовала около 34,5 миллиона человек, членами партии среди которых были от полумиллиона в начале войны до трех миллионов в конце. Эти подсчеты не учитывают многих членов партии, погибших в военные годы³. Наименования политработников и их компетенции в течение войны менялись. В ходе формирования Красной армии в 1918 году и потом в кризисных ситуациях 1937-го и 1941 годов им давали больше власти. По мере того, как уверенность в преданности солдат крепла, политработники теряли значительную долю своих полномочий, а основное бремя политической работы в войсках переходило от политработников к партийным и комсомольским организациям; состоявшие в них военнослужащие занимались ею помимо своих непосредственных воинских обязанностей⁴. Несмотря на эти существенные изменения, сами задачи политработы оставались неизменными.

Оба идеологических института, американский и советский, обретали разные формы и обладали различными прерогативами. Капелланам было запрещено носить оружие; считалось, что они одновременно служат как правительству США, так и своей вере. Среди них были католики, протестанты и иудеи, деятельность которых одобрялась их деноминациями. Политработники

Cambridge: Harvard University Press, 2012; HAGEN M. VON. *Soldiers in the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917–1930*. Ithaca: Cornell University Press, 1990; HALFIN I. *Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial*. Cambridge: Harvard University Press, 2003; HELLBECK J. *Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin*. Cambridge: Harvard University Press, 2006 [Хелльбек Й. *Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи*. М.: Новое литературное обозрение, 2020]; ИДЕМ. *Stalingrad: The City that Defeated the Third Reich*. New York: Public Affairs, 2015; REESE R. *Why Stalin's Soldiers Fought: The Red Army's Military Effectiveness in World War II*. Lawrence: University of Kansas Press, 2011; SLEZKINE Y. *The House of Government: A Saga of the Russian Revolution*. Princeton: Princeton University Press, 2017 [Слезкин Ю. *Дом правительства. Сага о русской революции*. М.: АСТ; Corpus, 2020]; WEINER A. *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton: Princeton University Press, 2001. Существует также том сравнительных исследований, освещающих деятельность капелланов и комиссаров различных радикальных движений в разные эпохи: HERSPRING D. *Soldiers, Commissars, and Chaplains: Civil-Military Relations Since Cromwell*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2001.

3 Рошин И., Марчук А. *Парторги военной поры*. М.: Политиздат, 1979. С. 20; HONEYWELL R. *Chaplains of the United States Army*. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1958. Р. 214, 217.

4 См.: Из положения о военных комиссарах и комиссариатах, принятого I Всероссийским съездом военных комиссаров. 7–11 июня 1918 г. // Из истории Гражданской войны в СССР. 1918–1922. Сборник документов и материалов: В 3 т. М.: Советская Россия, 1960. Т. 1 («Май 1918 – март 1919»). С. 130–132; Директива Наркома обороны СССР и Зам. Наркома обороны – начальника ГлавПУ РККА Военным советам фронтов, армий, округов, начальникам политорганов, военным комиссарам дивизий и полков о задачах военных комиссаров и политработников в Красной армии № 090, 20 июля 1941 г. // Русский архив: Великая Отечественная. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 17–6 (1–2) («Главные политические органы Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. Документы и материалы»). С. 48–49; Указ Президиума Верховного Совета СССР об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной армии. 9 октября 1942 г. // Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне (июнь 1941 г. – 1945 г.). Документы и материалы. М.: Политиздат, 1970. С. 85–86; Выступление тов. Щербакова на заседании Совета Военно-политической пропаганды при ГлавПУ РККА 1 сентября 1943 г. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 88. Оп. 1. Д. 973. Л. 1–9; Памятка парторгу. Л.: Воениздат, 1944.

же обслуживали единственную инстанцию в лице партии-государства и были такими же военнослужащими, как и все остальные; многие из них получили партийные или комсомольские билеты по результатам участия в боевых действиях. В итоге мы имеем дело с очень разными институциями, порожденными сильно отличавшимися друг от друга обществами, которым тем не менее приходилось решать похожие задачи.

Во многих отношениях в основе всей этой истории лежат эмоции. Джоанна Бурк пишет:

«Эмоции выполняют функцию медиатора между индивидуальным и социальным. Они напрямую связаны с властными отношениями. Эмоции лежат в основе установления границ между “я” и “другим” или между “своим” сообществом и “чужим” сообществом. Они вписывают индивидов в ряды коллективов»⁵.

Капелланам и политработникам вменялось управлять эмоциями солдат и моряков, стимулируя при этом чувства, необходимые для победы в войне. Работа с эмоциями связывала их с собственными воинскими частями, армией в целом, государством, а также теми, кто ждал их дома. Однако эмоции, которые надлежало поддерживать или, напротив, подавлять, для разных режимов и социумов оказывались различными. К примеру, если подавление страха было обязанностью и той и другой группы специалистов, то в отношении ярости, гнева и ненависти задачи политработников и капелланов заметно различались: первые должны были всецело поощрять подобные эмоции, а вторым надлежало сдерживать их и даже прививать определенную толику эмпатии к врагу.

Отношение капелланов и политработников к главной задаче армии – уничтожению противника – различалось, по-видимому, наиболее радикально. Солдаты обеих армий были призваны под ружье, чтобы убивать ради своего государства и его граждан. Однако способы обсуждения насилия в армии, практиковавшиеся идеологическими специалистами обоих режимов, серьезно различались. Капелланы в большинстве своем выполняли своего рода «болеутоляющую» функцию, стремясь возратить душевное спокойствие бойцам, столкнувшимся с ужасами войны, политработники же, напротив, всемерно разжигали ненависть к беспощадному и жестокому врагу.

БРЭНДОН ШЕХТЕР

НЕНАВИСТЬ – ТЛЕТВОРНАЯ
ИЛИ БЛАГОРОДНАЯ?..

5 См.: BOURKE J. *Fear and Anxiety: Writing about Emotion in Modern History* // The History Workshop Journal. 2003. № 55. P. 124. Бурк писала в то время, когда история эмоций была на подъеме; именно в тот период Уильям Редди выдвинул теорию «эмоциональных режимов», а Барбара Розенвейн предложила концепцию «эмоциональных сообществ»: REDDY W. *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001; ROSENWEIN B. *Worrying about Emotions in History* // American Historical Review. 2002. № 3. P. 821–845. Среди наиболее свежих обзоров истории эмоций см.: PLAMPER J. *The History of Emotions: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015; BODDICE R. *The History of Emotions*. Manchester: Manchester University Press, 2018.

Соединенные Штаты опасались возвращения привыкших к насилию военнослужащих домой; это заставило их разработать план демобилизации задолго до завершения войны⁶. Отношение к этому вопросу в Советском Союзе было иным, поскольку ненависть и насилие оставались сущностными политическими инструментами большевиков с самого прихода к власти. В ходе гражданской войны, коллективизации и «ежовщины» ненависть к белогвардейцам, кулакам, «вредителям» и «врагам народа» оставалась неотъемлемой частью того, что делало человека полноценным членом советского общества. Соответственно, эмоциональные «скрипты», прописываемые обоими режимами, заметно разнились. Американским военным вменялись хладнокровие и профессионализм: для них насилие выступало необходимым инструментом защиты государства и общества. Это была работа сродни труду полицейских, в которой превознесение насилия табуировалось. В советской же практике насилие обеспечивало эмоциональный катарсис и было прославляемой формой труда на благо коллектива. Причем в обоих случаях его применение расценивалось как социальная необходимость.

Отношение к ненависти у капелланов и политработников кардинально различалось. Институт капелланов официально и недвусмысленно настаивал на ущербности ненависти, считая ее тлетворной силой даже в тех случаях, когда ею оправдывают убийство ярого врага. Между тем для Красной армии ненависть была «священным чувством», а поощрение неистовой злобы в отношении немцев считалось ключевой задачей политработников. Как отмечал Михаил Калинин в 1945 году, эта разница в восприятии отражала, насколько по-разному советские и американские граждане понимали войну:

«Ненависть к фашистским извергам мы считаем священной. Но вот один американский журналист, отзываясь в общем положительно о книге Эренбурга “Война”, заметил, что она теряет свою ценность из-за того, что в ней много ненависти к немцам. Это не случайное мнение. В Америке, как и в Западной Европе, значительный слой людей избегает острых формулировок и не вносит большой страстности в борьбу с фашизмом. Дескать, умеренность более действительна и вообще ненависть чужда благородным человеческим чувствам. Это, конечно, совершенно не соответствует действительности»⁷.

Причина, по которой американцы стремились избегать крайних проявлений ненависти, заключалась, по мнению Калинина,

6 *An Act to Provide Federal Government Aid for the Readjustment in Civilian Life of Returning World War II Veterans*, June 22, 1944. National Archives and Records Administration (NARA). Enrolled Acts and Resolutions of Congress, 1789–1996. General Records of the United States Government. Record Group 11.

7 См.: Калинин М. *О моральном облике нашего народа* // Агитатор и пропагандист Красной армии. 1945. № 2. С. 32.

в фундаментальном непонимании ими реальности. Но как бы то ни было, американцы действительно считали ненависть разлагающей и опасной силой.

БРЭНДОН ШЕХТЕР

НЕНАВИСТЬ – ТЛЕТВОРНАЯ
ИЛИ БЛАГОРОДНАЯ?..

УБИЙСТВО КАК ГРЕХ И КАК ГРАЖДАНСКИЙ ДОЛГ

Тот факт, что базовое предназначение армии противоречит одной из десяти заповедей, во время войны не мог ускользнуть от внимания религиозных и политических руководителей. Преодоление этого противоречия составляло значительную часть работы капелланов. В этом плане показательна статья, опубликованная в журнале «The Army and Navy Chaplain» в 1942 году, в которой рассказывалось о набожной матери, отказавшейся поцеловать на прощание уходящего на фронт сына и объяснившей это тем, что ей «было бы лучше и вовсе не рожать мальчика, чем позволить ему идти убивать своих братьев». Вместо того, чтобы высмеять материнское поведение, автор статьи отнесся к нему с пониманием, написав, что «страдание этой женщины столь же реально, как и агония раненного в бою солдата»⁸. Эта статья стала одним из нескольких материалов военно-религиозной прессы, посвященных поискам библейского оправдания убийств, совершение которых ожидалось от американских военнослужащих.

Илл. 1. Капеллан Сидни Левкович проводит богослужение на оборонительной линии. Европейский театр военных действий, около 1945 года. Источник: Wikimedia Commons.

Логика подобных публикаций развивалась в нескольких направлениях. В одних указывалось, что сам Моисей предавал смерти тех, кто осмеливался отступить от заповедей Божиих,

8 BRENGLE S. *Killing in Battle: Is It Murder?* // The Army and Navy Chaplain. 1942. Vol. XII. № 4. P. 16–17.

и отмечалось, что Библия изобилует описаниями сражений⁹. В других, отталкиваясь от древнееврейской лексикографии, предпринимались попытки разграничить понятия «убийство, совершенное в бою» и «злонамеренное убийство»¹⁰. Наконец, в-третьих рекомендовалось следовать повелению Иисуса отдавать «кесарю кесарево, а Божие Богу» (Мф. 22, 21); в данном случае армейских священников вдохновляла предложенная апостолом Павлом трактовка государства и его служителей как исполнителей воли Господа – авторы руководствовались инструментальной целью превратить солдата, «карающего врага смертью», в «орудие Божье»¹¹. Подобные рассуждения иногда доходили до крайности: получалось, например, что легионеры, распявшие Христа, не несли личной ответственности, потому что исполняли волю государства, – более того, потенциально подобное прощение кто-то мог распространить и на нынешних врагов¹².

Нельзя быть христианином (или иудеем), не защищая своего сообщества¹³. В этой связи капеллан Уайет Уиллард открыто осуждал межвоенный пацифизм:

«[Это] вводящая в заблуждение пропаганда, безосновательно вызывающая к авторитету Святого Писания. [...] Да помилует Господь души тех, кто сейчас остается дома, предпочитая видеть гибель своей страны, нежели встать на защиту своих церквей, своих жилищ, своих свобод»¹⁴.

Для американских капелланов, которые избрали фронтовое служение по собственной воле, казалось очевидным, что наиболее тяжкий грех – *отнюдь не убийство*. Как отмечал в одной из своих военных проповедей капеллан (раввин) Дэвид Макс Айхорн, цена вопроса слишком высока:

«Сейчас, когда мы видим, как фанатик-шовинист рьяно пытается погубить все человечество ради процветания одной только Германии, а религия, справедливость и истина либо поработаются “третьим рейхом”, либо уничтожаются, [...] каждый должен осознать: если язычники попирают святые заповеди, то пора идти в бой за Господа... а святые заповеди ради этого на время можно отложить в сторону»¹⁵.

9 Ibid; см. также: CORPERLING A. *There Is No Such Commandment* // The Link. 1944. № 12. P. 19–20; GLASSER A. *And Some Believed: A Chaplain's Experiences with the Marines in the South Pacific*. Chicago: Moody Press, 1946. P. 148; WICKERSHAM G. *Marine Chaplain, 1943–1946*. Bennington: Merriam Press, 2013. P. 131.

10 LIVELY M. *The Sixth Commandment* // The Army and Navy Chaplain. 1942. Vol. XIII. № 1. P. 34–35.

11 BRENGLE S. *Op. cit.* P. 17.

12 *Killing in Battle – Is It Murder?* // The Link. 1944. № 4. P. 28–31.

13 GRAVES L. *Killing in Battle – Is It Murder?* // The Link. 1943. № 12. P. 34–35.

14 WILLARD W. *The Leathernecks Come Through*. New York: Fleming H. Reveil, 1944. P. 34; см. также: WICKERSHAM G. *Op. cit.* P. 130–132.

15 EICHORN D. *We Must Fight!* // *Sermons and Addresses by Jewish Chaplains in the Armed Forces of the United States*. New York: CANRA JWB, 1944. P. 10–11.

Подобная трактовка не всем казалась достаточно убедительной; скептиков тревожило, что армейская жизнь в целом и смертоубийства в частности могут подорвать нравственное здоровье военнослужащих¹⁶. Как не без иронии замечал один из капелланов-иудеев, солдатам фактически «предоставили освобождение от четвертой, шестой и восьмой заповедей, а иногда этот список дополняет и седьмая заповедь»¹⁷. Другой капеллан (протестант) вспоминал, как в своих проповедях внушал солдатам, будто убийство есть необходимый грех:

«Некоторые тогда говорили, что причинение смерти на войне не является преступлением и, следовательно, не нарушает шестой заповеди. Но я старался объяснить, что и такое убийство остается грехом, а мы призваны совершать его не только смело, но и с сожалением»¹⁸.

В таких трактовках солдаты – исходя из общественного блага – либо освобождались от определенных грехов, либо же сознательно принимали на себя грех лишения другого человека жизни.

Мысль, что любой немецкий солдат, оказывающий сопротивление, должен уничтожаться безо всякого сожаления, стала центральной для пропаганды военного времени и понимания красноармейцами своей миссии.

Убийство врага в Красной армии не вызывало подобных сантиментов, а шестая заповедь не имела силы. Безжалостность в бою считалась необходимым качеством, поскольку нацисты пришли не просто поработить советских людей, но полностью их уничтожить. Как заявил Сталин в своем выступлении 6 ноября 1941 года, «если немцы хотят иметь истребительную войну, они ее получают». При этом он добавил, что цель всего советского народа «будет состоять в том, чтобы истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей Родины в качестве ее оккупантов»¹⁹. Мысль, что любой немецкий солдат,

БРЭНДОН ШЕХТЕР

НЕНАВИСТЬ – ТЛЕТВОРНАЯ
ИЛИ БЛАГОРОДНАЯ?..

¹⁶ См., например: BRINK E. *And God Was There*. Philadelphia: Westminster Press, 1944. P. 73–75.

¹⁷ KERTZER M. *With an H on My Dog Tag*. New York: Behrman House, 1947. P. 22. (Четвертая заповедь – «Помни день субботний», шестая – «Не убивай», восьмая – «Не кради», седьмая – «Не прелюбодействуй». – Примеч. ред.)

¹⁸ ROOD W., ROOD A. *You Okay, Chappy? Memories of Infantry Field Chaplain WWII, and his Wife on the Home Front*. [s.l.]: Xlibris, 2002. P. 93.

¹⁹ Доклад Председателя Государственного Комитета Обороны товарища И.В. Сталина на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1941 года // Правда. 1941. 7 ноября. С. 1.

БРЭНДОН ШЕХТЕР

НЕНАВИСТЬ – ТЛЕТВОРНАЯ
ИЛИ БЛАГОРОДНАЯ?..

оказывающий сопротивление, должен уничтожаться безо всякого сожаления, стала центральной для пропаганды военного времени и понимания красноармейцами своей миссии. Как и американские капелланы, политработники Красной армии прилагали огромные усилия, убеждая солдат в необходимости насилия во благо сообщества; тем самым они спланировали красноармейцев со всех уголков СССР:

«И, как бы различны ни были интересы и устремления советских людей, у каждого из нас они сходятся теперь только к одной цели: бить немцев смертным боем, во что бы то ни стало разгромить орды немецко-фашистских захватчиков, поработителей родины!»²⁰

Илл. 2. Батальонный комиссар Владимир Веселов (справа) обучает бойцов. Апрель–май 1942 года. Источник: Wikimedia Commons.

Акты насилия в отношении врага, совершенные красноармейцами, поощрялись и служили предметом гордости; в частях велся «боевой счет», фиксировавший количество уничтоженных немцев, а в некоторых подразделениях даже организовывали социалистическое соревнование по истреблению неприятельских солдат²¹. Одна из ключевых задач политработника заключалась в том, чтобы воодушевлять военнослужащих на постоянное наращивание этого «счета». Иногда дело ограничивалось пропагандистскими усилиями, но бывали случаи, когда политработники лично шли в бой, чтобы поднимать «показатели» собственного подразделения по ликвидации врагов²². Уничтожение захватчиков стало чем-то вроде производствен-

²⁰ Вистин М. *Помни присягу!* М.: Воениздат, 1942. С. 28 (выделение в оригинале).

²¹ См.: SCHUCHTER B. *Stuff of Soldiers: A History of the Red Army in World War II through Objects*. Ithaca: Cornell University Press, 2019. Р. 152–154; ОРТЕНБЕРГ Д. *Сталин, Щербаков, Мехлис и другие*. М.: Кодекс, 1995. С. 77–78.

²² См.: Духин Я. *Дневник политрука* [записи от 20-го и 24 июня 1942 года]. Центр «Прожито» Европейского университета в Санкт-Петербурге (<https://corpus.prozhito.org/person/4253%20>).

ного ударничества, обязанностью бойца перед народом и государством, служением общему благу, в котором место вагонеток с углем или грузовиков с пшеницей занимали вражеские трупы²³. Комсорг Мансур Абдулин, описывающий себя как человека, «по натуре мягкого и впечатлительного», в своих мемуарах говорит: «Ни хулиганом не был, ни драчуном, а вот на войне я уничтожал и хотел уничтожать фашистов». Как политработник, он побуждал к этому и своих боевых товарищей: «Свою философию “убить хоть одного фашиста!” я, как комсорг батальона, распространял среди всех комсомольцев». Для Абдулина именно таков был тяжелый труд войны, а вероятность погибнуть в любой момент убеждала его в том, что уничтожение врага должно осуществляться неотложно и срочно²⁴.

Как и во многих других вещах, относительно истребления вражеских солдат советские политработники были более прямолинейны и категоричны, чем американские капелланы. Советское общество уже давно привыкло к насилию – как риторическому, так и практическому. Разумеется, это не могло не отражаться на эмоциях, которые испытывали солдаты, уничтожая врага.

НЕНАВИСТЬ КАК ЯД

В апреле 1943 года Уильям Арнольд, глава армейских капелланов, в письме одному из своих коллег высказал мнение о том, как американский Корпус капелланов должен относиться к ненависти. Арнольд, который откликнулся на опубликованную в «The New York Times» статью писателя Рекса Стаута под названием «Или мы научимся ненавидеть, или будем разгромлены», заметил:

«Весь вопрос о ненависти как о человеческой эмоции, нравственном факторе, неизменной составляющей любой человеческой ситуации, а следовательно, и предмете философской мысли и религиозной практики столь же взрывоопасен, как протекший контейнер с нитроглицерином. От него нельзя с легкостью отмахнуться или переложить на кого-то еще»²⁵.

Военно-религиозная пресса в те годы опубликовала множество статей, в которых ненависть изображалась как серьезная опасность. Автор материала «Когда убивают в бою – убийство

БРЭНДОН ШЕХТЕР

НЕНАВИСТЬ – ТЛЕТВОРНАЯ
ИЛИ БЛАГОРОДНАЯ?..

23 SCHECHTER B. *Op. cit.* P. 149, 154.

24 Абдулин М. 160 страниц из солдатского дневника. М.: Молодая гвардия, 1985. С. 99.

25 William R. Arnold to Madison Pearson, April 22, 1943. NARA. RG 247. Entry A1 1-A General Correspondence Box 12. Vol. X: Newspaper Publicity and Public Press; см. также: Stout R. *We Shall Hate, or We Shall Fail* // The New York Times. 1943. January 17. P. 6, 26.

ли это?» предупреждал, что солдат, который «таит ненависть в сердце своем», обязательно превратится в «убийцу»; ненависть именовалась здесь «смердным дыханием ада, которое иссушает и губит душу». Именно то, что происходило в конкретном человеческом сердце, обуславливало соблюдение или, напротив, нарушение шестой заповеди в военное время²⁶. В другой статье ненависть описывалась как «моральный яд», «вирусная инфекция» и даже болезнь сродни алкоголизму: «Люди, для которых ненависть ко всем немецким нацистам, будь то мужчины, женщины или дети, превращается в привычку, будут и дальше испытывать нужду в том, чтобы кого-то ненавидеть»²⁷. Если поддаться ненависти, то она, начав самовоспроизводиться, полностью вырвется из-под контроля. Солдатам предлагалось ненавидеть только конкретные поступки или абстрактные идеи – «ложь, жестокость, жадность, безжалостность, предательство, угнетение слабых, духовное или политическое подавление», – но ни в коем случае не людей: «Мы, как христиане, не можем ненавидеть людей, поскольку все люди – наши братья»²⁸. Враг же в упомянутых публикациях представлял обманутой демагогами душой человеческой. Прощая врагов и возвращая их на путь истинный, союзникам рекомендовалось следовать примеру Иисуса: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23, 34)²⁹.

Предписание избегать ненависти имело ряд объяснений, выходящих за рамки иудео-христианской этики армии США. Отчасти оно было обусловлено тем, что американцам не пришлось пережить жестокой оккупации или продолжительных бомбардировок своих городов. Кроме того, они не были свидетелями массовых зверств, совершаемых немцами или японцами вплоть до последних месяцев войны. И, наконец, армия США выступала хорошо обученной и механизированной силой, внутри которой религиозные мотивации комбинировались с иными побудительными факторами: высоким профессионализмом, социальной сплоченностью внутри подразделений, а также убежденностью, что военнослужащие не должны возвращаться домой, не одержав победу. Опросы военнослужащих показывали, что переносить стресс боевой обстановки им больше помогала молитва, а не разжигание ненависти к врагу³⁰. «Разве мастер-

26 BRENGLE S. *Op. cit.* P. 18.

27 BOWIE W. *Hate Is Moral Poison!* // The Link. 1943. № 5. P. 12. Эта статья также была ответом на публикацию Стаута: SPELLMAN F. *No Greater Love: The Story of Our Soldiers*. New York: Charles Scribner's Sons, 1945. P. 2.

28 DEVAN S. *What Shall We Hate?* // The Link. 1943. № 2. P. 8 (курсив автора). Стаут посвятил свою статью критике перечисленных им подобных абстракций.

29 LINTNER R. *Topic Talks: Should We Forgive Our Enemies?* // The Link. 1944. № 2. P. 62.

30 STOUFFER S., SUCHMAN E., DEVINNEY L., STAR S., WILLIAMS R. *Studies in Social Psychology in World War II: The American Soldier*. Princeton: Princeton University Press, 1949. Vol. II («Combat and Its Aftermath»). P. 156–160, 165–185; SPELLMAN F. *Op. cit.* P. 1.

ство и доблесть не сильнее злобы?»³¹ – вопрошал один из поведенников, явно апеллируя к романтической концепции войны, сочетавшей в себе как устаревшую идею доблести, так и необходимое для современной войны мастерство.

Установка на то, чтобы блокировать ненависть, проводилась в жизнь по крайней мере в Европе. В «Отчете о деятельности армейских капелланов на европейском театре военных действий» высоко оценивалась роль армейских священников «как сдерживающей моральной силы», способной гасить «искусственно раздуваемую ненависть к врагу»³². Капеллан, по мнению одного из военнослужащих – «человек, который учит солдата возлюбить врага своего, ибо тот есть вместилище драгоценной для Господа души, и одновременно презирать нетерпимость и политические системы, покушающиеся на нашу свободу»³³. Капеллан Исраэль Йост так вспоминал о проповеди, произнесенной им в июле 1943 года: «Я говорил об Отце Небесном как о примере милосердия: подобно Ему, нам не должно ненавидеть других за то, что они ненавидят нас. Я зывал не только к бойцам, но и к самому себе»³⁴. Призыв не поддаваться ненависти нашел определенный отклик – особенно среди христиан, сражавшихся на европейском континенте, – однако его воздействие было далеко не универсальным.

Не все капелланы одобряли запрет на ненависть, и не все солдаты следовали ему. Например, капеллана (раввина) Морриса Керцера беспокоила неспособность корпуса армейских священнослужителей внятно объяснить солдатам, почему им следует ненавидеть нацистов:

«Продолжая рассуждать о любви к врагам, наше вашингтонское начальство превозносит усилия капелланов, которые проповедают доктрину всеобщей любви. Но, на мой взгляд, нет ничего более аморального, чем убийство, совершаемое без ненависти. Я отвергаю нравственную акробатику, посредством которой стараются доказать, будто презирать нужно не врагов, а лишь идеи и принципы, ибо невозможно отторгнуть друг от друга человека и его убеждения»³⁵.

Согласно наблюдениям других капелланов, по мере того как ярость, вызванная гибелью товарищей, в сердцах бойцов начинала притупляться, последние, избавляясь от нее, сами испытывали облегчение: «она, как любое жаркое пламя, быстро

БРЭНДОН ШЕХТЕР

НЕНАВИСТЬ – ТЛЕТВОРНАЯ
ИЛИ БЛАГОРОДНАЯ?..

31 LINTNER R. *Op. cit.* P. 62.

32 THE GENERAL BOARD, UNITED STATES FORCES. *Report on the Army Chaplain in the European Theater*. Study № 68. P. 36.

33 NANCE E. (Ed.). *Faith of Our Fighters*. St. Louis: Bethany Press, 1944. P. 168.

34 YOST I. *Combat Chaplain: The Personal Story of the World War II Chaplain of the Japanese American 100th Battalion*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2006. P. 162.

35 KERTZER M. *Op. cit.* P. 44.

БРЭНДОН ШЕХТЕР

НЕНАВИСТЬ – ТЛЕТВОРНАЯ
ИЛИ БЛАГОРОДНАЯ?..

Илл. 3. Капитан Джозеф
Хэммонд причащает бой-
ца на острове Иводзима.
Февраль 1945 года.
Источник: *Wikimedia
Commons*.

гаснет». Иные капелланы вообще утверждали, что злоба в рядах военнослужащих – явление редкое³⁶. Тем не менее опросы выявляют несколько иную картину. Ненависть к врагу оказывалась для американских солдат третьим по значимости мотивом, побуждающим доблестно сражаться – ей предшествовали только молитва и нежелание подвести товарищей. Кроме того, из тех же опросов выяснялось, что «более озлобленные солдаты выказывают большее служебное рвение»³⁷.

В сражениях на Тихом океане ненависть к врагу приобрела более острые формы, поскольку здесь в войне видели экзистенциальную борьбу с чуждой расой, исповедующей чуждую религию³⁸. Как вспоминал морской пехотинец Юджин Следж, лично

36 NANCE E. (Ed.). *Op. cit.* P. 30, 35; см. также: STOUFFER S., SUCHMAN E., DEVINNEY L., STAR S., WILLIAMS R. *Op. cit.* Vol. VII. P. 157–160; ABBOTT H. *The Nazi "88" Made Believers*. Dayton: The Otterbein Press, 1946. P. 121.

37 STOUFFER S., SUCHMAN E., DEVINNEY L., STAR S., WILLIAMS R. *Op. cit.* Vol. VII. P. 165, 167.

38 См.: DOWER J. *War without Mercy: Race & Power in the Pacific War*. New York: Norton, 1986.

у него в пылу боя «ужас сменялся холодной яростью убийцы и мстительным желанием поквитаться»³⁹. Нарратив Следжа, подобно многим другим мемуарам и рассказам участников сражений в тихоокеанской зоне военных действий, как будто бы бросает вызов официальному «скрипту». Ведь в армии США ненависти предписывалось быть обезличенной и абстрактной, а убийство изображалось делом бесстрастных профессионалов.

БРЭНДОН ШЕХТЕР

НЕНАВИСТЬ – ТЛЕТВОРНАЯ
ИЛИ БЛАГОРОДНАЯ?..

УБИВАЯ С СОЖАЛЕНИЕМ

Солдаты армии США являлись высококвалифицированными профессионалами, призванными уничтожить противника хладнокровно, а механизация войны должна была способствовать этой миссии. В своих мемуарах капеллан Эббот отмечал, что «современная война отличается от предыдущих тем, что большая часть смертоубийств совершается с большого расстояния». Артиллеристы, танкисты и летчики, на долю которых приходилась основная масса загубленных жизней, редко своими глазами наблюдали масштабы творимых ими бедствий. Солдатам, по словам Генри Эббота, «хотелось бы, чтобы во всем этом не было необходимости... они получали удовлетворение от осознания того, что, помогая защитить друг друга, ускоряют завершение войны и тем самым спасают человеческие жизни с обеих сторон»⁴⁰. Капеллан Перси Хиккок высказался по этому поводу так:

«Отменная подготовка вселяла в бойцов уверенность в собственном оружии и в способности их подразделений сражаться и побеждать, но она никогда не подпитывала стремления броситься в битву ради самой битвы. Солдаты скорее просто чувствовали, что приводят скверную ситуацию в порядок»⁴¹.

Согласно капеллану Чейсу, артиллеристы, которые «участвовали во множестве сражений, [...] осознают, что ранили и убили многих врагов; по этому поводу они испытывают искреннее сожаление и горячо желают, чтобы им не приходилось делать ничего подобного». «Восторг» или «удовольствие», приходящие со смертью врага, подвергались табу; в то же время солдата побуждали «радоваться тому, что он сохраняет собственную жизнь и жизни своих товарищей». Убийство должно было превратиться в «механическое действие, избавленное от эмоций, а мысли о ненависти и мести изгонялись из головы»⁴². В отличие

39 SLEDGE E. *With the Old Breed at Peleliu and Okinawa*. New York: Oxford University Press, 1990. P. 115.

40 ABBOTT H. *Op. cit.* P. 121.

41 HICKCOX P. *Mine Eyes Have Seen*. Boston: Mosher Press, 1950. P. 62.

42 NANCE E. (Ed.). *Op. cit.* P. 35, 36.

от Красной армии, в войсках США это дело не превозносилося и не прославлялось. Эмоциональный «скрипт» американского солдата предполагал, что сильные мужчины выполняют эту тяжелую и неприятную работу, испытывая удовлетворение не от самого процесса, а от ее конечного результата.

Обычно капеллан утешал солдат, которым приходилось убивать, и благословлял причиняемое ими насилие, но временами ему приходилось вести и внутреннюю борьбу с собой, сопряженную с собственным участием. Один пехотинец пожаловался капеллану Исраэлю Йосту, что моральная тягота убийства для него невыносима. «Но это не ваша проблема, капеллан, – добавил он при этом. – Вам не приходится никого убивать». Йост возразил, что, помогая бойцам пережить насилие и благословляя его, военные священнослужители фактически позволяют им стать «более совершенными убийцами», а значит – опосредованно участвуют в насилии сами:

«Поднимая ваш боевой дух, я принимаю вину и за то, что вы делаете неправильно, поскольку я способствую максимально эффективному выполнению вашей боевой работы. Подумайте о старушке у нас дома, в Штатах, – она собирает пустые консервные банки и тем самым помогает фронту. Разве она не есть часть системы, поддерживающей наши военные усилия? Различие между ней и вами лишь в том, что вы молоды и физически способны сражаться, но при этом и она, и вы стремитесь к одной цели»⁴³.

Убийство оправдывалось тем, что оно предотвращало гораздо большее зло, заключавшееся в победе стран Оси, но его нельзя было славословить. Тем не менее современная тотальная война втягивала в машину насилия даже старушек, объединяя тем самым все общество. Солдаты просто оказывались теми, кого государство и общество уполномочили непосредственно совершать насилие в его крайних формах. (Эта потребность в смягчении и перераспределении вины была чужда советскому социуму, который не видел причин не ликовать по поводу уничтожения фашистов.)

Американцы – как военные, так и гражданские – не раз высказывали беспокойство по поводу того, что люди, охваченные ненавистью, впоследствии не смогут reintegrироваться в общество; об этом многократно говорилось в прессе и мемуарах. Размышляя о влиянии убийства на солдат-фронтовиков, Генри Эббот утверждал: «Нашим людям не нравится убивать в силу их образования, религиозной подготовки и высоких идеалов; да и вообще – ни один здравомыслящий человек не может получать от этого удовольствие»⁴⁴. По его наблюдениям,

⁴³ Yost I. *Op. cit.* P. 265–266.

⁴⁴ Авботт Н. *Op. cit.* P. 120–121, 138–139.

во многих случаях убийство – вместо того, чтобы «разрушить человеческую мораль», – приводило одних военнослужащих к более глубокой интроспекции, а на других и вовсе никак не сказывалось.

БРЭНДОН ШЕХТЕР
НЕНАВИСТЬ – ТЛЕТВОРНАЯ
ИЛИ БЛАГОРОДНАЯ?..

Американцы – как военные, так и гражданские – не раз высказывали беспокойство по поводу того, что люди, охваченные ненавистью, впоследствии не смогут реинтегрироваться в общество; об этом многократно говорилось в прессе и мемуарах.

Эббот сравнивал «праведное дело» солдата, убивающего обороняясь, с действиями правоохранителей, которые тоже могут лишиться кого-то жизни «ради защиты общества и граждан»⁴⁵. Это сопоставление получило широкое хождение в религиозной литературе и мемуарах военного времени, оправдывающих насилие. Хиккок рассказывал, как ему удалось убедить пацифиста взяться за оружие, спросив его: «Как вы поступите, если головорез ворвется в ваше жилище, схватит вашего ребенка и, несмотря на тщетные крики вашей жены, потащит его к подвальной лестнице, намереваясь швырнуть вниз?»⁴⁶. В одной из статей, посвященных шестой заповеди, говорилось: «Сегодня служитель закона, вынужденный ликвидировать опасного преступника, не привлекается к ответственности за убийство», поскольку он «пресекает злодеяние, направленное против всего общества»⁴⁷. Хиккок предлагает еще одну, хотя и менее распространенную, но яркую метафору, уподобляющую солдатское насилие работе «хирурга, обнаружившего опухоль, метастазы которой уже начали захватывать жизненно важные органы – в данном случае нашу родину и наших близких». Далее он приводит еще один аргумент в пользу фронтового насилия: «Это единственный надежный и верный путь домой»⁴⁸. Только успешное применение насилия в отношении врага способствует победе и возвращению под родной кров. Капеллан Джесси Йелвингтон писал:

«Войны выигрываются, когда погибает столько вражеских солдат, что противник не может не сдаться. Мы не должны уклоняться

⁴⁵ Ibid. P. 120–122.

⁴⁶ Никсох Р. *Op. cit.* P. 21; см. также: DEAN S. *Op. cit.* P. 9.

⁴⁷ Lively M. *Op. cit.* P. 34–35. Не все, однако, считали такую аргументацию убедительной. Некоторым военнослужащим казалось, что они казнят людей за преступления, которых те не совершали: ведь солдаты, воюющие на стороне противника, тоже, как и они сами, были призваны в строй своим государством (LINDERMAN G. *The World Within War: America's Combat Experience in World War II*. New York: Free Press, 1997. P. 63).

⁴⁸ Никсох Р. *Op. cit.* P. 62.

от несения этого тяжелого креста. Мы убиваем не из ненависти, а с сожалением по поводу того, что отдельные люди и целые нации иногда превращаются в преступников, которых нужно призывать к ответу»⁴⁹.

Такое представление о врагах как о преступниках, в отношении которых необходимо свершить правосудие, означало, что солдаты-фронтовики, подобно полицейским-гражданским, испытывали большее удовлетворение, когда противника удавалось не убить, а взять в плен⁵⁰. Присущий американской армии подход, предполагавший сдерживание ненависти и ориентацию на бесстрастный профессионализм, кардинально отличался от миссии Красной армии, предусматривавшей уничтожение всех захватчиков до единого.

НЕНАВИСТЬ СВЯЩЕННАЯ

В Красной армии чувство ненависти к врагу было гражданским долгом, сформировавшимся еще в довоенный период. Сталин заявлял, что «нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми силами души»⁵¹. Или, как говорилось в одной из агитационных статей, «в арсенале моральных средств борьбы советского народа всегда имелось такое мощное оружие, как священная ненависть к поработителям», культивируемая партией Ленина и Сталина. Разумеется, эта ненависть была «благородной» и «возвышенной»⁵². Особенно в 1942 году, который одновременно стал временем и отчаяния, и разоблачения нацистских зверств, разжигание ненависти интерпретировалось как центральная задача политической работы:

«Когда думаешь о том, что же является самой главной задачей политработников Красной армии, то неизменно приходишь к одной мысли: воспламенить эту ненависть в душе каждого бойца, зажечь его неугасимой яростью к немецким оккупантам, укрепить у него веру в наше оружие, в нашу победу»⁵³.

Политработники, которые сами были свидетелями нацистских жестокостей, опирались к тому же и на обширный набор текстов, где зверства немецких солдат были задокументированы

49 YELVINGTON J. *Bearing Our Cross* // The Army and Navy Chaplain. 1944. Vol. XV. № 1. P. 29–30.

50 LINDERMAN G. *Op. cit.* P. 95, 173; АБВОТТ Р. *Op. cit.* P. 64, 121.

51 Важнейшие вопросы содержания агитационно-пропагандистской работы // Агитатор и пропагандист Красной армии. 1942. № 9. С. 2.

52 Василенко В. *Священная ненависть к чужеземным угнетателям* // Агитатор и пропагандист Красной армии. 1942. № 13. С. 15–16.

53 Лестев Д. *Печатная пропаганда на фронте*. Шуя: Типография имени Фрунзе, 1942. С. 1.

ны. Подтверждение варварства, творимого немецко-фашистскими захватчиками, выступало, по-видимому, самой важной частью их работы⁵⁴. В пропагандистской брошюре 1944 года, адресованной агитаторам, разъяснялось:

«В сердцах воинов Красной армии кипит неутолимая ненависть к врагу и жажда мщения. Бойцы видят сожженные дотла родные деревни. Видят трупы советских людей, умерщвленных врагом. Долг агитатора разжигать пламя священной ненависти к врагу в сердцах бойцов»⁵⁵.

Фашисты давали советским людям бесконечные поводы, чтобы ненавидеть и мстить, и эти чувства следовало усиливать. Считалось, что любовь к родине и семье может быть должным образом выражена лишь через ненависть к врагу и готовность его уничтожить. Борис Комский – фронтовой парторг – записал в своем дневнике 24 февраля 1944 года:

«Двадцать лет, черт возьми! Пора самой горячей любви. Для нас война сделала этот возраст порой самой горячей ненависти. Но, возможно, эти ненависти и мучения сделают более дорогой и ценной будущей любовь»⁵⁶.

Комский, еще слишком молодой, чтобы иметь семью, представляет себе то (благотворное) воздействие, какое ненависть в будущем сможет оказать на его грядущую любовь. Он делает это, опираясь на пропагандистские тексты того времени, призывавшие солдат использовать любовь для разжигания ненависти. «Выверни наизнанку свою любовь», – призывал один из таких текстов⁵⁷. В обоих случаях к интимным чувствам применяется материалистическая диалектика. Параллели между любовью к семье и ненавистью к врагу было обычным делом в брошюрах военного времени:

«Воспитывая фанатическую ненависть к врагу, нужно уметь обращаться к чувству советского воина как отца, семьянина, напоминать ему о самобытной прелесть каждого уголка нашей великой Родины, о счастливой жизни, нарушенной гитлеровскими бандитами»⁵⁸.

Политработник Соломон Канцедикас явно принял этот посыл близко к сердцу, написав своей жене Шеве и сыну Александру в июле 1942 года:

«Для того, чтобы к милой Шеве пройти, нужно истребить немца автоматом ли, ПТР ли, все равно! Для того, чтобы любить, нужно

БРЭНДОН ШЕХТЕР

НЕНАВИСТЬ – ТЛЕТВОРНАЯ
ИЛИ БЛАГОРОДНАЯ?..

⁵⁴ См., например: Хирков С. *Из опыта работы ротной парторганизации*. Л.: Воениздат, 1943. С. 32–33.

⁵⁵ *Агитатор полка*. Л.: Воениздат, 1944. С. 36.

⁵⁶ *Boris Komsky Wartime Diary. Blavatnik Archive. UKR058.008* (www.blavatnikarchive.org/item/13357?page=1).

⁵⁷ *В записную книжку агитатора* // Агитатор и пропагандист Красной армии. 1942. № 13. С. 48.

⁵⁸ См.: Фомиченко И. *О ненависти к врагу* // Агитатор и пропагандист Красной армии. 1943. № 2. С. 20.

БРЭНДОН ШЕХТЕР

НЕНАВИСТЬ – ТЛЕТВОРНАЯ
ИЛИ БЛАГОРОДНАЯ?..

ненавидеть – такова логика вещей! Будь уверена – я умею ненавидеть так же, как и любить – всеми силами своей души»⁵⁹.

О взаимосвязи между любовью к тем, кто остался дома, и ненавистью к врагу размышлял и анонимный комсомолец из НКВД, ставший позже комсоргом: «Тоска хватает за сердце: омрачена наша дружба – разлукой. Есть еще живые фрицы. Пока они живы, нет для нас жизни»⁶⁰. Только после того, как мир удастся избавить от фашизма, любовь и счастье смогут восторжествовать; таким образом, с каждым убитым врагом родной дом и родные люди будут становиться все ближе.

Ненависть поддерживалась убийством врагов, и именно это уничтожение делало солдата-красноармейца полноценным членом общества. Политработники не только поощряли ненависть, но и побуждали подопечных демонстрировать свою любовь к отечеству, всеми силами и средствами истребляя противника. Чем больше убитых фашистов, тем крепче любовь к родине. Многие политработники были обязаны своим выдвижением на должность тому, что показали себя образцовыми солдатами: Мансур Абдулин, например, стал комсоргом своего полка, поскольку первым в подразделении убил немца⁶¹. Здесь отсутствовали как опасения относительно того, что из-за убийств, совершаемых на фронте, люди превратятся в монстров, так и желание утешать бойцов, бьющих противника, ибо ликвидация последнего считалось праведным делом.

Илл. 4. Комиссар Дмитрий Золкин зачитывает благодарность командования за отличную стрельбу артиллеристам эсминца «Фрунзе». Август 1941 года. Источник: Wikimedia Commons.

Предполагалось, что ненависть, как ни парадоксально это звучит, будет способствовать повышению профессионализма

⁵⁹ Kantsedikas Family Letters. Blavatnik Archive. MISC095.040 (www.blavatnikarchive.org/item/6720).

⁶⁰ Из дневника Ч***ва, 1940–1944 гг. // Ab Imperio. 2022. № 4. С. 234.

⁶¹ Абдулин М. Указ. соч. С. 4, 11–13.

и подогреет солдатский энтузиазм на поле боя. В армии, где многие военнослужащие имели лишь минимальную подготовку и учились уже на практике, ненависть служила стимулом, вдохновлявшим солдат на овладение боевой наукой. В агитационных материалах пояснялось:

«Иногда бывает, что агитатор говорит о ненависти к врагу, о любви к своему оружию, об овладении военными знаниями, а оружие у бойцов грязное, им владеют плохо, задач своих, обязанностей, определенных Боевым уставом пехоты, бойцы не знают. Какая же это ненависть к врагу?»⁶²

Все – от идеально начищенных сапог до хорошо смазанного оружия и тщательно оборудованных окопов – могло свидетельствовать о том, насколько истово и праведно солдат ненавидит врага.

В дополнение к ненависти, вдохновлявшей на оттачивание боевых навыков, эмоциональный «скрипт» сражения требовал от красноармейца, чтобы его воинское мастерство достигало пика в моменты, когда, согласно рефрену патриотического гимна военного времени, «ярость благородная / вскипает, как волна»⁶³. 8 июля 1944 года Соломон Канцедикас, описав в письме супруге смерть и разрушения, оставленные немцами, подытоживал:

«С таким удовлетворением смотришь на немецкие трупы, валяющиеся на нашем пути. Все до одного ответят эти мерзавцы за звериные свои дела. Поэтому мы, как лучшую музыку, встречаем залпы нашей артиллерии, катюш. Наши солдаты и офицеры горят чувством ненависти, мстят за погибших товарищей, за все»⁶⁴.

Мысль, что враг потерял человеческое лицо, в военные годы превратилась в главную составляющую советской пропаганды, поскольку гитлеровцы совершали абсолютно ужасные деяния, выходявшие далеко за рамки демонологии воображаемых врагов 1930-х. Фашисты были врагами, преступления которых лишали их принадлежности к роду человеческому. Советское государство и его граждане, наконец-то, нашли врага, на которого вполне заслуженно можно было обрушить их солидарную ненависть.

БРЭНДОН ШЕХТЕР

НЕНАВИСТЬ – ТЛЕТВОРНАЯ
ИЛИ БЛАГОРОДНАЯ?..

62 Шикин И. *Великая Отечественная война и задачи массовой политической агитации в Красной армии // Партийно-политическая работа в Красной армии. Вып. 3.* М.: Воениздат, 1943. С. 127.

63 SCHECHTER B. *Op. cit.* P. 154–155.

64 *Kantsedikas Family Letters*. Blavatnik Archive. MISC095.KANT.346 (www.blavatnikarchive.org/item/8136).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Капелланы могли поощрять среди солдат ненависть только к абстрактному злу, в то время как политработники взаимодействовали с населением, которое видело работу немыслимого зла своими глазами – и потому требовали ненависти к людям, совершающим подобные преступления. Обращаясь к руководителям Союза писателей СССР в 1943 году, Илья Эренбург – которого американцы упрекали в избыточной кровавости, – заявлял:

«У нас часто говорят, что нужно научить наш народ ненависти. Мне кажется, что научить ненависти невозможно, как невозможно научить любви. Ненависть родилась в нашем народе. Учили ненависти пепелища Истры, виселицы Волоколамска»⁶⁵.

И если для советских политработников центральной задачей было поддержание в сердцах военнослужащих этой «благородной ненависти», то для американских капелланов важно было утешать и успокаивать бойцов, шокированных тем, что они видели и делали. Столкновение США с невообразимым злом состоялось лишь в конце войны, а американским солдатам довелось наблюдать разорение лишь вражеских и союзнических, но не собственных городов⁶⁶. Армии США и СССР сражались с одним и тем же противником, но вели борьбу с совершенно разными ставками и мобилизовали совершенно разные общества; соответственно, эмоциональные «скрипты», которым следовали их солдаты и офицеры, не могли не отражать этого факта.

Авторизованный перевод с английского Софии Веретенниковой

65 Стенограмма творческого совещания Правления Союза советских писателей на тему «Сатира и юмор в дни Отечественной войны», 8 июля 1943 года. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 631. Оп. 15. Д. 626. Л. 41. С этим документом меня любезно ознакомил Чарльз Шоу.

66 Военнослужащие США редко выражали недовольство по поводу массированных бомбардировок вражеских городов и других гражданских объектов, которые были центральным элементом военной стратегии США и Великобритании. См.: РЕНЛЕР К. *Op. cit.* P. 117–122.

Холодное лето 1943-го: побеги советских военно- пленных из офицерского лагеря XIII D

ОЛЕГ
БЭЙДА,
ИГОРЬ
ПЕТРОВ

30 мая 1943 года неподалеку от деревни Бабиничи, что в 35 километрах к юго-западу от Полоцка, к командиру партизанского отряда имени Ф.Э. Дзержинского бригады имени С.М. Короткина привели на допрос двух офицеров: майоров Григория Агапова и Василия Никитина. Сам факт появления подобных визитеров вряд ли мог удивить партизан. После Сталинграда задействованные в антипартизанских операциях туземные немецкие части – так называемые «восточные батальоны», сформированные по большей части из бывших советских военнопленных, – становились все менее надежными. Соответственно, количество перебежчиков в списанной униформе, покидавших подобные воинские формирования, постоянно росло. Среди них нередко оказывались и старшие офицеры.

Но на этот раз два майора, представшие перед партизанским вожакom, всячески отрицали свою причастность к немецкой службе. Напротив, они, по их словам, были честными советскими горемыками-военнопленными, трудившимися в одной из рабочих команд и сбежавшими из своего лагеря. Партизан, однако, сильно смущало, то, что узилище беглецов, лагерь Хаммельбург, находилось в Северной Баварии, а до Белоруссии, как они утверждали, им удалось добраться на товарном поезде.

Перед нами лишь одна из десятков потрясающих, а подчас и попросту фантастических историй побегов советских военнопленных из офицерского лагеря (офлага) XIII D. В официальной советской историографии, разрабатывавшейся после войны, этим героическим людям места не нашлось. Даже недолгий период хрущевской оттепели не пролил света на их судьбы, хотя именно тогда рассказы об упорных и мужественных, бежавших из германской неволи, стали частью официального нарратива. Начало, стоит напомнить, было положено в 1957 году публикацией о побеге летчика Михаила Девятаева с товарищами с острова Узедом в феврале 1945 года¹.

Олег Игоревич Бэйда (р. 1990) – историк, преподаватель Университета Мельбурна (Австралия).

Игорь Романович Петров (р. 1969) – историк, независимый исследователь (Мюнхен, Германия).

1 Винецкий Я.Б. *Мужество* // Литературная газета. 1957. 26 марта. № 36. С. 2.

Те истории, о которых мы расскажем в настоящей статье, внимания не удостоились, несмотря на то, что сам Хаммельбург в советском историческом нарративе упоминался. В прошедших цензурную сортировку воспоминаниях о содержащихся в нем, а впоследствии героически принявших смерть генералах Григории Тхоре и Дмитриии Карбышеве речь шла только о *подготовке к побегу* (или побегам). Как правило, такого рода подпольная деятельность позднее раскрывалась и пресекалась лагерной администрацией, служа лишь поводом для арестов и наказаний². Тема сопротивления в лагерях военнопленных, равно как и участия беглецов оттуда в европейском сопротивлении продолжала разрабатываться и в конце 1960-х. Однако в классических монографиях Ефима Бродского и Михаила Семиряги лагерь Хаммельбург оставался вне основного фокуса повествования³.

А потому для начала расскажем о нем.

Илл. 1. Памятник узникам офицерского лагеря Хаммельбург, 2012 год. Источник: Wikimedia Commons.

- 2** См., например: *Воспоминания о генерал-майоре Г.И. Тхоре* / Публ. А.С. Юркова // Исторический архив. 1960. № 4. С. 178–188; Ужинский А.К. «Тайна» советского бетона // *Солдат, герой, ученый. Воспоминания о Д.М. Карбышеве*. М.: Воениздат, 1961. С. 161–168. Дополнительно стоит обратить внимание на недвусмысленное заявление, которое в мае 1964 года сделал председатель КГБ при Совете Министров СССР Владимир Семичастный: «В последнее время в печати, по радио и телевидению часто стали публиковаться материалы, рассказывающие о патриотической деятельности и героизме в период Великой Отечественной войны советских граждан, оказавшихся в то время по различным причинам за границей. При этом авторы таких публикаций [...] в ряде случаев, используя непроверенные материалы, воспевают их героизм, хотя заслуг перед Родиной они не имеют, ничего героического не совершили» (Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 55. Д. 239. Л. 70–72; цит. по: <https://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1027026> (*курсив наш*)). Подобные инвективы не способствовали исторической проработке темы, так как при наличии весьма скудной документальной базы, основанной по большей части на источниках мемуарного характера, любого энтузиаста можно было обвинить в «неправильном освещении» или «кнепозволительной вольности».
- 3** См.: Бродский Е.А. *Во имя победы над фашизмом: антифашистская борьба советских людей в гитлеровской Германии (1941–1945 гг.)*. М.: Наука, 1970; Семиряга М.И. *Советские люди в европейском сопротивлении*. М.: Наука, 1970. В книге Бродского основное внимание уделяется Братскому союзу военнопленных,

ХАММЕЛЬБУРГ: ЛАГЕРЬ-СИТО

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 1943-го...

По стечению обстоятельств офицерский лагерь 62 (XIII D), располагавшийся в нижнефранконском городке Хаммельбург, оказался в начале войны единственным, предназначенным для советского командного состава⁴. Правило это соблюдалось не слишком строго, то есть красные командиры попадали и в другие лагеря, однако именно в Хаммельбурге концентрировалась основная часть подобных пленных, включая старших офицеров и генералов.

С 19 июля по 3 августа 1941 года в лагерь тремя партиями были доставлены первые обитатели: около 4750 человек, попавших в плен по большей части в приграничных сражениях в Белоруссии и прибалтийских республиках. До марта 1942 года дальнейший приток пленных оставался незначительным, чего нельзя сказать об их убыли: уже в первые полгода существования лагеря в нем лишились жизни нескольких сотен человек. Виной тому были и недостаточное питание, и скверные условия содержания, и эпидемия тифа. Параллельно с этим в соответствии с инструкциями, подписанными лично главой РСХА Рейнхардом Гейдрихом, началась процедура «отбраковки» (*Aussonderung*) пленных, не отвечавших расовым и идеологическим критериям. Для проведения процедуры в лагерь прибыла специальная полицейская айнзацкоманда, занявшаяся допросами пленных⁵. Немцы никогда бы не смогли построить своей империи без стороннего пособничества тех, кого они покоряли. Вот и тут существенную помощь немецкой команде оказали добровольцы из числа самих пленных. Вскоре после начала процедуры «отбраковки» эти помощники, объединившиеся вокруг бывшего следователя военной прокуратуры 100-й стрелковой дивизии Семена Мальцева, образовали марионеточную Русскую трудовую народную партию (РТНП).

В то время, как пленных терзали вши и голодный понос, члены мальцевской группы оттачивали политическую бдительность и крепили партийные узы. Словно по известным лекалам, у РТНП появились свой ЦК, президиум ЦК, множество отделов, рукописная газета «Пути Родины» и даже официальное приветствие: «Слава России!» и отзыв «Слава сотруднику!». Идейной закладкой способствовало то, что для членов РТНП лагерной администрацией был установлен усиленный паек: так,

созданному в другом баварском офлаге (VII A). Это понятно, поскольку с идеологической точки зрения советским авторам было важно увязывать побег военнопленных с действующим подпольем; однако в подавляющем большинстве случаев такая связь не прослеживается.

⁴ Отто Р., Келлер Р. *Советские военнопленные в системе концлагерей Германии* / Под науч. ред. Е.Л. Киселевой. М.: Аспект Пресс, 2020. С. 35.

⁵ Подробнее об этом см.: HAMMERMANN G., RIELDE A. (Hrsg.). *Der Massenmord an den sowjetischen Kriegsgefangenen auf dem SS-Schießplatz Hebertshausen 1941–1942*. Göttingen: Wallstein Verlag, 2020.

ценным сотрудникам президиума ЦК в день полагалось ведро супа – немцы выдавали питание именно в такой таре⁶.

Совместные усилия немецких ищущих и мальцевских согластатев позволили выявить из массы пленных как минимум 79 евреев и 181 политрука. Другие категории, подлежащие обрекающей на уничтожение «отбраковке», определялись более размыто: в их ряду оказывались «фанатичные коммунисты», «смутьяны и подстрекатели», «интеллигенты». Такая туманность упрощала сведение личных счетов между пленными, а главное – позволяла получать больше пайков, выдаваемых за донос. Всего до мая 1942 года были «отбракованы» более 750 офицеров⁷, которых вывезли в Дахау и расстреляли на полигоне Хебертсхаузен. Лишь незначительной части повезло: они избежали расстрела и были отправлены в концлагерь Маттхаузен⁸.

С марта 1942 года лагерь стал быстро пополняться. Параллельно среди офицеров развернулась вербовка желающих сотрудничать с немцами. Набранные под рассказы о грядущей гибели большевизма (плюс новое обмундирование и достаточная кормежка) завербованные разъезжались по всем краям германской империи: в лагеря пропагандистов Вульхайде и Вустрау под Берлином; в разведшколы абвера; в учебки полка «Бранденбург», где их готовили для проведения разведывательно-диверсионных операций в советском тылу; в организуемые для защиты уже немецкого тыла антипартизанские формирования и даже в спецкоманду «Организации Тодт»⁹. Впрочем, общее число завербованных вряд ли превысило одну тысячу человек.

Оставшиеся в Хаммельбурге и не пошедшие к немцам офицеры тоже получили наряды и направления. Уже с декабря 1941 года их привлекали к труду во внешних рабочих командах – на заводах, фабриках, строительстве, прокладке дорог, расчистке территории. Количество таких рабочих команд быстро росло: в 1944-м их общее число было уже трехзначным, причем они располагались не только в Северной Баварии, но и на прилегающей к ней территории чешского Протектората. К концу войны лагерь зачастую выполнял лишь роль перева-

6 Подробнее об этой организации см.: БЕЙДА О., ПЕТРОВ И. *The Soviet Union // STANER D. (Ed.). Joining Hitler's Crusade: European Nations and the Invasion of the Soviet Union, 1941.* Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 385–389.

7 Такова наша консервативная оценка, сделанная на основе анализа доступных карт военнопленных. Всего на полигоне Хебертсхаузен были расстреляны более четырех тысяч советских военнопленных. См.: HAMMERMAN G., RIELDE A. (Hrsg.). *Op. cit.*

8 См. воспоминания выжившего: ТЕМКИН М.В. *Воспоминания узника нацистских концлагерей.* [Б.м.]: Военная литература, 2013 (https://militera.lib.ru/memo/russian/tyomkin_mv01/index.html).

9 Структура, функционировавшая при торфозаводе «Белое Болото» под Борисовом, призванная дать пример «правильного» использования военнопленных. Подробнее об этом см.: ПЕТРОВ И. *От звезды к свастике: история Карла Лева-Альбрехта // Неприкосновенный запас.* 2017. № 6(116). С. 235–238.

лочной станции, распределявшей военнопленных между рабочими командами. Такая распыленность, а также то, что с лета 1942 года военнопленные постоянно перемещались между различными лагерями в системе XIII военного округа (то есть из XIII D в XIII A, XIII B и XIII C), позволяет лишь грубо оценить общую численность военнопленных офицеров. По-видимому, на начало 1943 года она составляла от 15 до 20 тысяч человек в округе¹⁰.

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 1943-го...

ЦИФРЫ, РАССТОЯНИЯ И СУХАРИ

Лагерь Хаммельбург неплохо охранялся, а скудный паек не позволял набраться сил, так что о побеге оставалось только мечтать. Ситуация изменилась с учреждением рабочих команд и некоторым улучшением питания. Первый побег хаммельбуржцев – четверо офицеров бежали из барака рабочей команды 10025 в городке Вайден – попал на страницы специального выпуска бюллетеня немецкой криминальной полиции в середине июня 1942 года¹¹. Однако в ходе сплошного просмотра сохранившихся персональных карт военнопленных нам удалось найти и более ранние побеги. В ночь на 17 мая 1942 года старший лейтенант Степан Ощепков и лейтенант Павел Арбузов бежали из рабочей команды 15 в деревне Котмайслинг, неподалеку от чешской границы. К тому моменту, когда месяц спустя они были пойманы в окрестностях Брно, им удалось преодолеть пешком около 320 километров. Немцы дополнили их карточки и другими прегрешениями: среди них нелегальный переход границы, обмен формы на гражданскую одежду, попрошайничество. Оба получили по 21 дню карцера¹².

Летом–осенью 1942 года побеги участились, зимой по понятным причинам сократились, а весной–летом 1943-го стали чуть ли не обыденным явлением.

10 Статистика по военнопленным, сохранившаяся в Федеральном архиве во Фрайбурге (Bundesarchiv Freiburg. RW 6/450–453), дает лишь общее число пленных советских офицеров на территории рейха – на 1 января 1943 года оно составляло 33 195 человек (RW 6/454. Bl. 34) – и общее число советских военнопленных, как офицеров, так и солдат, в XIII округе – на 1 января 1943 года 42 639 человек (RW 6/451 Bl. 8).

11 Deutsches Kriminalpolizeiblatt (Sonderausgabe). 1942. 13 Juni. № 4302a. S. 1.

12 См. персональные карты Павла Арбузова (№ 2756) и Степана Ощепкова (№ 3974) в картотеке военнопленных офицеров Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) (здесь и далее – по базе данных портала «Память народа»). Укажем для полноты картины и более ранние победы: еще 19 сентября 1941 года из лагеря Хаммельбург пытался бежать младший лейтенант Иван Терещенко (№ 1166), а 13 мая 1942 года из рабочей команды 21 (Нюрнберг) бежали лейтенанты Александр Оспенников (№ 5705), Василий Губанов (№ 6171) и младший лейтенант Сергей Агеев (№ 6178). Все они были пойманы и казнены. Есть косвенные свидетельства, касающиеся других более ранних побегов. Так, капитан Константин Витковский на допросе утверждал: «25 декабря 1941 года я совершил побег из лагеря с целью пробраться в Советский Союз. Но я был пойман и водворен в тот же лагерь» (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10035. Оп. 1. Д. 25831. Л. 26). У нас не имеется независимого подтверждения этого рассказа. Авторы благодарят Павла Трибунского за возможность ознакомиться с источником.

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 1943-го...

*Побеги, совершенные
советскими офицерами
из лагерей XIII округа
весной–осенью
1943 года¹³.*

Месяц	Побегов	Бежавших	Поймано	Пропало без вести	Удачных побегов
Март	19	68	55	8	5
Апрель	11	33	28	3	2
Май	25	76	67	3	6
Июнь	15	71	63	6	2
Июль	28	79	68	10	1
Август	39	104	87	9	8
Сентябрь	31	95	89	6	
Октябрь	16	33	32	1	
Всего	184	559	489	46	24

В полицейских сводках и в персональных картах обычно указывались день и место поимки военнопленного, что позволяет определить среднюю скорость его передвижения. Как правило, она не превышала десяти–пятнадцати километров в день – точнее, в ночь, так как чаще всего беглецы шли по ночам, а днем отдыхали. Лишь в редких случаях скорость оказывалась существенно больше, когда, по-видимому, использовались попутные транспортные средства, чаще всего товарные поезда.

Поимка нередко становилась лишь прелюдией к следующей попытке. В сентябре 1943 года из штрафной команды 10001 под городком Фихтах бежали шесть «рецидивистов», сосланных в каменоломни за предыдущий побег. Большинство было поймано на территории чешского Протектората, двоим удалось добраться до польской территории; в итоге все были отправлены в концлагерь. Согласно персональной карте лейтенанта Григория Кожанова, он совершил четыре побега: во время первого он был пойман сразу, второй продолжался две недели, третий – неделю, при попытке четвертого в ноябре 1943 года Кожанов был застрелен.

С географической точки зрения Северная Бавария оказывалась крайне неудобной для побега территорией: из стран, нейтральных или враждебных по отношению к Германии, ближайшей была Швейцария, до которой нужно было преодолеть на юг более трехсот километров. В теории же именно альпийская конфедерация представлялась идеальной целью побега. Лейтенант Сергей Сверчков вспоминал:

- 13** Таблица составлена авторами на основе анализа полицейских бюллетеней и сплошного просмотра персональных карт военнопленных. Приведенные цифры следует трактовать как минимальные: не все карты военнопленных сохранились, и не все побеги попадали в полицейские бюллетени. Реальное число побегов было как минимум на несколько десятков больше. Удачными побегами нами сочтены лишь те, об исходе которых мы знаем наверняка. Некоторые бежавшие вполне могли добраться до партизанских отрядов в Чехии, Польше или Словакии, но впоследствии погибнуть в боях; сведения об этом могли либо не сохраниться, либо не ассоциироваться с личностями бежавших узников.

«Мы решили, что находимся где-то около швейцарской границы, и группа в шесть человек, с которой я вместе работал, сговорилась бежать. [...] Побег мы решили устроить поздно вечером, чтобы иметь время до утра, за которое мы сможем много пройти, а быть может, и достичь уже желанной швейцарской границы. Нам удалось спрятать одну лопату и кирку, и каждый вечер, когда все ложились спать, мы по два человека делали подкоп под проволоку в том углу лагеря, где дальше всего было от вышки часового и где кончались наши бараки. Когда больше половины работы было окончено, начались сильные дожди и наш подкоп размыло. [...] Мы были удручены, но впоследствии я узнал, что [...] если бы мы совершили побег, то до швейцарской границы нам пришлось бы пройти несколько сот километров и, конечно, мы были бы пойманы»¹⁴.

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 1943-го...

Предположение Сверчкова находит подтверждение в сухих строках полицейских отчетов. Той незначительной части беглецов, что направлялась не на восток, а на юг, удавалось пробывать на свободе лишь семь–десять дней; их ловили, как правило, когда до спасительной швейцарской границы оставалась еще пара сотен километров. Сказывались открытость местности и враждебность населения. В одном из мемуаров воспроизведена апокрифическая рекомендация генерала Карбышева:

«Через меня Карбышев получил записку с подробнейшим планом побега из IV-го блока группы военнопленных. [...] В плане предлагалось два варианта: швейцарский и германский, через Польшу.

Карбышев отверг их оба.

– Швейцария нейтральная только на бумаге, – сказал генерал, – хозяева там немцы, и беглецов сразу им выдадут. Двигаться же через густонаселенную Германию лишено всякого смысла.

Карбышев лично разработал и предложил другой план: выходить через безлюдный горный Тироль в Карпаты. Там живут славяне, они окажут поддержку»¹⁵.

Этот географически весьма экстравагантный план, сближающий Тироль с Карпатами, является, по-видимому, искаженным отражением в памяти мемуариста реально существовавших проектов, разрабатываемых подпольной группой, которая сложилась вокруг генерала Тхора (и с которой контактировал Карбышев):

14 Hoover Institution Archives. Boris I. Nicolaevsky Collection. Box 258. Folder 19. «1941–42 г. Плен». Речь идет о ранней осени 1941 года. Вскоре после этого Сверчков стал одним из руководителей упомянутой выше РТНП, а впоследствии работал на немецкой русскоязычной радиостанции, участвовал во власовском движении, после войны остался на Западе и до своей смерти в 1955 году был диктором радио «Освобождение».

15 Воронец И.И. *Притяжение памяти: документально-художественная повесть*. Фрунзе: Кыргызстан, 1985. С. 118.

«Было решено бежать из плена несколькими группами по три–четыре человека и в разных направлениях. Каждая группа разработала подробный план побега. [...] Тхор решил бежать в Чехословакию, а там перевалить Карпаты, где, по нашим сведениям, были партизаны; генерал Михайлов в Югославию и так далее».

Однако подпольщики были раскрыты и арестованы раньше, чем состоялись побеги¹⁶. На практике нам известен лишь один случай сравнительно длительного побега в юго-восточном направлении. Бежавшие 8 февраля 1943 года из Фойхта под Нюрнбергом батальонный комиссар Александр Грязнов (для него это был уже второй побег) и старший политрук Виктор Миронов были пойманы через семнадцать дней в окрестностях австрийского Граца (они преодолели около 380 километров). Грязнов был смертельно ранен при задержании, а Миронов отправлен в концлагерь Маутхаузен¹⁷. Отметим, что маршрут на северо-восток, то есть в Польшу, вовсе не обязательно должен был пролегать через Германию: беглецы уходили на восток в чешский Протекторат и уже оттуда добирались до территории польского генерал-губернаторства. Этот путь использовался чуть реже, чем маршрут на восток, но, как мы позже увидим, в нескольких случаях он привел беглецов к успеху.

Первым, наиболее важным условием для побега было состояние здоровья. Чудом пережившие голодную зиму и вспышку тифа военнопленные были крайне истощены и ослаблены. Смертность с весны 1942 года медленно пошла на убыль, но все же военнопленные продолжали умирать десятками, в том числе и новоприбывшие. Лейтенант Петр Новгородов вспоминал, как 1 мая 1942 года оказался в тифозной палате с температурой 39–40:

«В течение восьми–девяти дней аппетита не было. Но, видя, как каждый день выносят из палаты десятки трупов, невольно возникало в сознании: “Я должен жить, я должен выжить!”». Помог земляк-санитар, приносивший, когда кризис миновал и аппетит вернулся, дополнительную порцию хлеба и бруквенной баланды»¹⁸.

Повезло и лейтенанту Василию Абадашу (зарегистрированному в плену под фамилией Сабадаш). Он попал в сербский госпиталь при лагере, где его выходили те самые славяне, на

16 *Воспоминания о генерал-майоре Г.И. Тхоре*. С. 185. Согласно послевоенному свидетельству капитана Александра Поносова, существовала и третья группа под его началом, которая должна была продвигаться в сторону Швейцарии. См.: KALTENBRUNNER M. *Der Karabiner von Stalin: Ein sowjetisches Leben zwischen Bürgerkrieg, Konzentrationslager und Gulag*. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 2023. S. 192–193.

17 *Наградной лист В.А. Миронова*. ЦАМО РФ. Ф. 33. О. 737292с. Д. 131. Л. 177–178.

18 Материалы, касающиеся побегов лейтенанта Новгородова, здесь и далее цит. по: Новгородов П.Л. *На память послевоенному поколению от лейтенанта пограничных войск (в отставке)*. Тавда: Раритет, 2023. С. 9–22. Авторы благодарят Анатолия Воронина за возможность ознакомиться с источником.

которых надеялся Карбышев, – сербские врачи. Через тридцать лет после войны Абадаш даже пытался их разыскать, посылая запросы в западногерманский Красный Крест¹⁹.

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 1943-го...

DEUTSCHES + ROTES KREUZ
IN DER BUNDESREPUBLIK DEUTSCHLAND
SUCHDIENST HAMBURG

An den
Internationalen Suchdienst
3548 A r o l s e n /Waldeck

2 HAMBURG 53 - OSDORF, DEN 1.6.72
BLOMKAMP 51
FERNRUF: SAMMEL-NR. 80 10 31 - FERNSCHREIBER 211387
DRAHTANSCHRIFT: SUCHDIENST HAMBURG

Az.: I - A - 2 b /Pz

Bei Beantwortung bitte Az. angeben!

Betr.: A b a d a s c h /Ssabadasch , Wassilij, Vater: Ssemen,
geb.: 1919 in Pawlodarskaja Obl.,

Vom Sowjetische Rotes Kreuz erhielten wir ein Schreiben vom
24.3.1972-Nr.150 771/ 14, dessen Inhalt wie folgt lautet:

" An uns wandte sich A b a d a s c h , Wassilij, Vater: Ssemen,
geb.: 1919 in Pawlodarskaja Obl., mit der Bitte, ihm bei der
Beschaffung einer Bescheinigung behilflich zu sein, die
bestätigt, daß er sich während seiner Gefangenschaft in einem
Hospital befand.

Im Jahre 1941 wurde ABADASCH W.S. nach schwerer Kontusion
gefangengenommen und ins Oflag 13-D/möglich-B/ Hammelburg
gebracht, wo er unter dem Namen SSABADASCH registriert war.
Später wurde Oflag 13-D/B/ nach Nürnberg überführt.
Da sich seine Gesundheit zu verschlechtern begann, verlegten
ihn die Ärzte in das Serbische Hospital beim Lager, wo ihn
serbische Ärzte behandelten.

*Илл. 2. Фрагмент за-
проса Василия Абадаша
в Красный Крест о своем
пребывании в Хаммель-
бурге. 1970-е. Источник:
Arolsen Archives.*

Побегу, как правило, предшествовала тщательная подготовка. Лейтенант Сверчков вспоминал, что он и его товарищи, несмотря на крайнюю скудость пайка, откладывали сухари. Майор Агапов рассказывал:

«Все необходимое готовилось за время зимы [1942–1943 годов] – карта, компас, сухари, немолотая пшеница, два немецких рабочих костюма и ряд других необходимых предметов...

ВОПРОС: Где вы добыли себе пшеницы около семи–восьми килограмм?

ОТВЕТ: Рядом с санным складом были продсклады, и товарищи, которые там работали, по просьбе приносили нам в перерывах на обед, и мы там же прятали.

ВОПРОС: Вы говорили, что на складе [...] производились тщательные обыски. Как они смогли пронести зерно?

ОТВЕТ: Да, немцы обыскивали, но мы ухитрялись. Насыпали зерно в голенище сапог и так пронесли.

ВОПРОС: Когда накопилось у вас такое количество зерна, как потом они не обнаружили?

¹⁹ International Tracing Service (ITS) Digital Archive. Bad Arolsen. DocID: 83085006.

ОТВЕТ: Обнаружить они не смогли, так как пшеницу мы прятали глубоко в солому там же на складе. Обнаружить можно было только тогда, если выгрузить всю солому из склада»²⁰.

Лейтенант Новгородов с товарищами через знакомого, работавшего в пищевом блоке, достал «кожаную обувь, продовольствие, по паре чистого белья, компас и ножницы; все это было зарыто в каменном угле около кочегарки». Подпольная группа Тхора выменивала продукты у немецких солдат – на шахматы, домино, шкатулки, мундштуки, ножи для бумаги, изготавливавшиеся членами группы в лагерной мастерской. Иные подпольщики снимали по ночам копии с топографических карт и изготавливали компасы для каждого участника побега. Изучалось расписание смен часовых²¹.

Но, так как большинство групп беглецов были изолированными, а решения о побеге принимались порой спонтанно, нередко случалось и так, что у бежавших офицеров не было ни карт, ни гражданской одежды, ни запаса продуктов, а роль компаса играл намагниченный кусок проволоки.

СХРОН – КУСАЧКИ – ТОВАРНЯК: СЛУЧАИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Лейтенант Новгородов бежал из плена три раза. Первый раз – в августе 1942 года с нюрнбергского завода, спрятавшись на территории после завершения работы. Второй раз – в мае 1943 года похожим образом, укрывшись в сарае вне лагеря. Днем, зайдя в сарай, он оторвал нижние доски задней стенки от гвоздей, но затем вернул их в прежнее положение. Вечером товарищи по рабочей команде загородили вид на сарай от часового, а Новгородов отодвинул доски и спрятался внутри. Третий раз, в октябре 1943 года, оказавшись в штрафной команде в Амберге, Новгородов увидел, что в туалете есть открывающееся наружу окно, затянутое колючей проволокой. Он запрыгнул на одну из перегородок, кусачками перекусил проволоку, вылез на крышу, дождался товарищей (план был обговорен заранее) и вместе с ними перепрыгнул с крыши туалета через забор за территорию лагеря. Лейтенант Дмитрий Василенко тоже бежал трижды: первый раз из рабочей команды, занимавшейся строительством дороги; второй раз из лагеря «в заранее продуманное и подготовленное место в проволоке»; третий раз «во время выхода

20 Материалы, касающиеся побега майоров Агапова и Никитина, здесь и далее цит. по: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 751. Л. 236–273. Цитата: *Протокол допроса гр-на Агапова от 31 мая 1943 г.* Там же.

21 *Воспоминания о генерал-майоре Г.И. Тхоре.* С. 185; KALTENBRUNNER M. *Op. cit.* S. 192.

из ворот [по пути на завод] и поворота на дорогу мы побежали в лес, находившийся у дороги»²². Из штрафного лагеря в Вайдене были совершены два побега: один при выводе на работу, второй через канализационную трубу²³. Обстоятельства многих других побегов не слишком разнятся: «[пленные] обзавелись кусачками и, выставив в бараке окно, прорезав в проволоке лаз, бежали»; «в ночь в бараке была прорезана стена, порвана проволока»; «оставшись после работы на заводе и дождавшись до десяти часов вечера, мы вдвоем выбрались из завода»²⁴.

Схожим образом начался и побег майоров Агапова и Никитина, но у них был другой план:

«19 мая после поверки решили бежать. Гуляя за проволокой, отделившись от других, мы по очереди пробрались на склады сена здесь же во дворе, а после поверки – во двор. [...] Дождавшись темноты, вышли на близлежащую окраину города, добрались до складов, где работали, взяв, что было приготовлено, спрятались в соломе, этим самым мы отвлекали поиски нас, а накануне побега мы знали, что будут грузить сено. На второй день побега сено было погружено, мы сели в вагон с сеном и на пятые сутки эшелон пошел. До отхода проходившие наши рабочие вели разговор, что эшелон идет в Смоленск».

Товарный вагон пришел на помощь и лейтенанту Новгородову во время его третьего побега:

«С вокзала, который находился западнее, набирал скорость товарный эшелон в сторону востока. Когда эшелон поравнялся с нами, я ребятам скомандовал: “Прицепляйся, кто как может!”. И мы с этим эшелоном оторвались от города [Амберга]. Но вагоны были крытые, можно было ехать только в тамбуре, между вагонами. В восемь часов утра туман рассеялся, стало светло. Мы посмотрели по карте, скоро должны прибыть в промышленный город Хаш [Аш? – О.Б., И.П.]. Прибыть в таком обмундировании, как у нас, было нельзя. Мы приняли решение прыгнуть и уйти в лес».

Тем же способом воспользовался и лейтенант Абадаш, но в его случае поезд пошел не в том направлении, которое было нужно ему и его напарнику по побегу – лейтенанту Александру Елтанскому. Им пришлось выпрыгивать из вагона на полном ходу²⁵.

22 Материалы, касающиеся побега лейтенанта Василенко, здесь и далее цит. по его фильтрационному делу: Государственный архив Полтавской области (ГАПО). Ф. 9106. Оп. 1. Д. 13906 (материалы ГАПО оцифрованы в базе данных FamilySearch).

23 ГАПО. Ф. 9106. Оп. 2. Д. 4868.

24 Решетников В.В. *Что было – то было*. М.: Эксмо; Яуза, 2004. С. 259; ГАПО. Ф. 9106. Оп. 7. Д. 5072; Оп. 5. Д. 10319.

25 Материалы, касающиеся побега лейтенанта Абадаша, здесь и далее цит. по его письму от 19 июня 1944 года, хранящемуся в Федеральном архиве Швейцарии (Schweizerisches Bundesarchiv. E4320B#1975/40#758*), а также по наградному листу, находящемуся в Центральном архиве Министерства обороны в Подольске (ЦАМО РФ. Ф. 33. О. 737292с Д. 163. Л. 54).

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 1943-го...

ТЕ, КОМУ НЕ ПОВЕЗЛО

Отнюдь не всегда товарные поезда оказывались спасением для пленных. Во время своего первого побега лейтенант Василенко с товарищами после недели пути «сели на малой станции в товарный вагон с пустой тарой бочек». Однако вагон вскоре приехал в город Нюрнберг, где беглецов обнаружили железнодорожники. Действительно, наиболее сложным был первый отрезок пути, пролежавший через Германию. Расстояние от рабочих команд, размещенных на самом западе, до чешской границы составляло 150–200 километров, и в этом смысле бежать с территории Протектората или с самой границы было легче. Лейтенант Новгородов вспоминал:

«Пробыли в побеге четырнадцать дней. За это время мы сумели пройти значительное расстояние от города Нюрнберга на восток. Голод, незнание немецкого языка были главные враги нашего движения. Двигались ночами. 15 августа [1942 года] вечером мы решили зайти в населенный пункт и попросить что-нибудь поесть; хозяин, выслушав нас, вынес по куску хлеба. Не успели оторваться от населенного пункта и двух километров, как нас догнал отряд полиции, вооруженный автоматами. И слышим: “Хенде хох!”. Мы сначала хотели бежать, но бежать было некуда. Нас окружили, произвели обыск, надели наручники».

Местное население представляло фактор почти гарантированного риска. Как только поступал сигнал от немецких гражданских, полиция тотчас устраивала облавы, обычно с собаками. И здесь рассказы беглецов очень похожи:

«Группа охотников-немцев нас обнаружила, и при побеге меня ранило с дробовика в правую ногу».

«Шли мы вдоль реки Дуная. 10 мая [1943 года] в местечке [Оберштраублинг] во время облавы нас поймали».

«При отдыхе в одном из дачных домов, вероятно, по чьему-нибудь доносу я [...] был пойман немецкими солдатами».

«Ну, сколько мы там отбежали, слышим рокот мотоциклов, лай собак, [...] попали в руки полиции»²⁶.

Казалось бы, здесь мы имеем дело с объяснимой реакцией отравленных нацизмом немцев. Но что же «братья-славяне» на чешской или польской территории? Там, несмотря на большие лояльность и доброжелательность населения, беглецы тоже зачастую становились жертвами облав и попадали в немецкие силки. Во время своего второго побега лейтенант Новгородов

26 ГАПО. Ф. 9106. Оп. 1. Д. 13906; Оп. 5. Д. 10319; Оп. 3. Д. 1273; интервью Людмилы Кабановой с Аркадием Лукьяновичем от 15 сентября 2002 года, взятое для проекта «Майтхаузен» (<http://archive.tastorona.su/documents/5edaf9eb1a7c711e497c386ab125ab28#>).

добрался до Пльзена и обнаружил, что все выходы из города патрулируются отрядами полиции и жандармерии, с одним из которых он на третий день и столкнулся. Лейтенант Евгений Корнилич – чтобы скрыть свою службу в особом отделе, в плену он использовал фамилию Павлов – состоял в числе тех самых шести «рецидивистов», которые бежали в сентябре 1943 года из штрафной команды 10001. Через шесть дней пути они пересекли чешскую границу, затем еще за десять дней миновали Клатови и Пршибрам. Но, «не дойдя до Брно, [...] наткнулись на жандармский надзор [...] с собакой. [...] Арестовали нас и повели на деревню, однако по пути следования Коваленко сбегал, то есть сбросился куда-то в обрыв»²⁷.

Третий побег лейтенанта Новгородова продолжался 75 дней – точнее, ночей, так как передвигались беглецы в темное время суток:

«Прошли Германию, Чехию. [...] В Чехии народ нам помогал, как братьям, обеспечили нас одеждой, обувью, даже варежками. Обильно снабжали продовольствием. Нам один чех сказал, что вам, говорит, по Венгрии не пройти, вас венгры продадут, лучше возьмите курс на Польшу. [...] Вышли к реке Висле в районе местечка Сосновицы. Но форсировать Вислу не смогли, застал рассвет. Мы остановились на правом берегу, укрылись в кустарнике, с тем чтобы с наступлением темноты перебраться через Вислу и продолжить движение. Вечером, в шестнадцать часов, слышим лай собак, все ближе и ближе [...] Через некоторое время слышно стало немецкий разговор. Потом врываются в кустарник две огромные немецкие овчарки и начинают нас рвать. Вскоре появляется группа немцев в составе двадцати человек с автоматами и [с ними] один переводчик».

Там же в Польше был пойман и «рецидивист» Иван Коваленко, упоминавшийся Корниlichem. В целом же применительно лишь к короткому периоду, длившемуся с марта по октябрь 1943 года, нам известно более тридцати имен беглецов, чьи побег до момента их повторного пленения длились месяц и более, а пройденное расстояние превышало триста километров.

Пойманных военнопленных допрашивали, особо интересуясь причинами побега (ответы были достаточно шаблонны: плохое обращение, недостаточное питание, тяжелая работа), способом совершения побега, соучастниками по побегу, особенно если те еще оставались на свободе. «Рецидивисты», зная, что за повторный побег могут отправить в концлагерь, пытались запутать следователей. Например, они выдавали себя за других людей или – если к тому времени им посчастливилось разжиться гражданской одеждой – утверждали, что они остарбайтеры,

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 1943-го...

²⁷ Материалы, касающиеся побега Корнилича, здесь и далее цит. по его фильтрационному делу: ГАПО. Ф. 9106. Оп. 5. Д. 10319.

отставшие от поезда. Лейтенант Василенко пытался выдать себя за солдата, но был разоблачен «нетоварищем» – полицейским из бывших военнопленных, вспомнившим, что видел его в офицерском блоке. Лейтенант Иван Шкурапет, пойманный, подобно Корниличу, в районе Брно, назвался на допросе Иваном Федоренко. К сожалению, это не уберегло его от отправки в концлагерь, но в Аушвице он числился уже под новой фамилией²⁸.

Во второй половине 1942-го и в 1943 году наказания за побег в целом были мягче, чем до и после того. Если в 1941-м даже попытка побега или подготовка к нему влекли незамедлительное зачисление военнопленного в категорию смутьянов, подлежавших «отбраковке» (то есть отправке в могилу), то в следующие два года наказание обычно ограничивалось карцером, после чего беглецы порой даже возвращались в свою прежнюю рабочую команду. Майор Агапов приводит следующую градацию наказаний: «Первый побег – 7 суток, второй – 14 суток, третий – 21 сутки строгого ареста, если эти побег были без убийства стражи». Сплошной просмотр карточек военнопленных дает несколько иную картину: чаще всего беглецы получали десять, двенадцать или четырнадцать суток карцера, реже – пять или семь. Лейтенант Кожанов получил за первый побег пять суток карцера, за второй и третий – по 21. Однако нередко после поимки пленных отправляли в концлагерь. Такая судьба постигла лейтенантов Корнилича (после второго побега) и Новгородова (после третьего). Старших офицеров в основном отправляли в концлагерь после первого же побега.

Не стоит преуменьшать личного мужества беглецов в связи с несущественным смягчением наказаний в 1942–1943 годах. Бежать после 1941 года не стало «легче»; не «легче» было и наказание. На оголодавших людей охотились как на дичь. Для полиции они оставались «законной добычей» и могли быть убиты в любой момент. Вполне вероятно, что многие беглецы, официально «пропавшие без вести» и не отмеченные как пойманные в полицейских бюллетенях, были застрелены в ходе бегства и остаются неидентифицированными по сей день. Десятки персональных карточек несут на себе отметину судьбы хозяина: «расстрелян при попытке к бегству». Обращает на себя внимание и случай, когда беглец из рабочей команды был сначала в нее возвращен, а потом тут же расстрелян – по всей видимости, перед строем товарищей для острастки²⁹. В марте 1944 года с выходом так называемой «директивы “Пуля”» (*Kugel-Erlass*)³⁰,

28 ГАПО. Ф. 9106. Оп. 13. Д. 3297; ITS Digital Archive. Bad Arolsen. DocID: 5840778 (IWAN FEDORENKO).

29 Персональная карта С.Н. Кожемяко (№ 3898) в картотеке военнопленных офицеров ЦАМО РФ.

30 Название секретного приказа, подписанного шефом гестапо Генрихом Мюллером 2 марта 1944 года. Согласно этому документу, бежавшие или покушавшиеся на побег военнопленные-офицеры при поимке передавались службе безопасности (СД), которая должна была казнить их в концлагере Маутхаузен. – *Примеч. ред.*

которая фактически ввела для бежавших офицеров в качестве основного наказания смертную казнь, положение снова изменилось³¹. Примечательно, однако, что это не привело к заметному снижению числа побегов. Только в апреле и мае 1944 года из лагерей и рабочих команд XIII военного округа бежали более ста советских офицеров.

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 1943-го...

ТЕ, КОМУ ПОВЕЗЛО

Сорвиголовы-лейтенанты Абадаш и Елтанский, бежавшие из лагеря в августе 1943 года и на полном ходу сиганувшие с поезда, решили продвигаться на юг. Впоследствии Абадаш вспоминал, что первые дни побега были особенно тяжелы: «Трое суток мы абсолютно ничего не кушали, а на четвертые сутки утащили кролика и сырого скушали». Согласно швейцарской регистрационной карточке, 5 октября они пересекли швейцарскую границу³².

3 мая 1943 года с фабрики Йозефа Грюнбергера в Вайдене бежал младший лейтенант Алексей Белозеров. Три месяца спустя, в начале августа, он, преодолев около восьмисот километров, присоединился в Польше к одному из батальонов партизанской бригады генерала Алексея Федорова³³. Еще раньше, 8 марта, из Амберга вместе с семьей товарищами бежал лейтенант Александр Андросов. Одного из них поймали через неделю, других – через несколько месяцев, уже на территории Польши. Андросову нечеловеческим усилием удалось добраться до окрестностей

31 Подробнее об этом см.: Отто Р., Келлер Р. *Указ. соч.* С. 205–235.

32 15 апреля 1945 года в «Известиях» была напечатана большая статья корреспондента ТАСС в Каире под заголовком «Бежавшие из фашистского плена советские офицеры о своем пребывании в Швейцарии». В ней со слов старшего лейтенанта Д.И. Маркелова швейцарские власти обвинялись в том, что выдавали советских военнопленных немецкой стороне. В швейцарских дипломатических документах сохранились противоречивые сведения по этому поводу. Так, реагируя на переданную из Швеции информацию, согласно которой советское правительство не желает возобновлять дипломатических отношений с Швейцарией из-за фактов выдачи бежавших советских военнопленных немцам, министр юстиции Эдуард фон Штейгер в письме от 5 февраля 1945 года сообщает, что, хотя секретный приказ о такой выдаче от 4 сентября 1941 года действительно существовал, с августа 1942 года он фактически не действовал и, более того, по нему не было выдано ни единого человека. Однако после приезда советской военной делегации один из подчиненных сообщил фон Штейгеру следующие данные по выданным Германии советским пленным: четверо – в 1942 году, восемь – в 1943-м, пятьдесят – в 1944-м, двенадцать – в 1945-м, то есть в общей сложности 74 человека. Следует заметить, что цифры выдачи по 1942 году представляются заведомо неполными, так как в мемуарных источниках именно этот год упоминается в качестве пика выдачи. Кроме того, действовал приказ стрелять без предупреждения по советским пленным, пытающимся пересечься на швейцарскую территорию. Тем не менее с 1942-го по 1944 год около тысячи советских пленных нашли убежище в Швейцарии. Ближе к концу войны их число кратно выросло, но тогда существенную часть вновь прибывших составили остарбайтеры и дезертиры из туземных формирований.

33 Информация о побеге и дальнейшей судьбе капитана Белозерова здесь и далее излагается по его рапорту от 16 октября 1946 года: Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАООУ). Ф. 166. Оп. 1. Д. 13. Л. 18–19 об. (материалы ЦГАООУ оцифрованы на сайте «Бабий Яр» *babynyar.org*).

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ
ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 1943-го...

Nom: <i>Абадаш</i>		Prénom:		Grade:	
RUSSIE					
A B A D A S C H		Wassilj		Lt.	
Arme: <i>Infanterie</i>		Classe:		No matr.:	
Rgt: <i>533</i>		Bat: <i>2</i> Gr: <i>2</i>		Cp: <i>5</i> Batfr: <i>5</i>	
né le: <i>25.12.19</i>		à <i>Irtischesk</i>		Dép. <i>Pawlodoskaja</i>	
Profession: <i>Offizier</i>		Confession: <i>orthodox</i>			
Prénom du père: <i>Simon</i>		Nom de famille: <i>Panosikowa</i> de la mère:			
Etat civil: <i>ledig</i>		Enfants: <i>---</i>			
Adresse de la personne à prévenir		Nom: <i>Simon Aboda sch</i>			
Localité: <i>Irtischesk</i>		Dép.: <i>Pawlodoskaja</i>			
Rue: <i>Nabereschnaja</i>		No: <i>81</i>			
DÉTACHEMENT D'INTERNEMENT					
Date:	Dét. lieu:	Date:	Dét. lieu:		
<i>5.10.43</i>	<i>Passage de la frontière Gurtén-Kulm</i>	<i>Exeat</i>	<i>5.9.44</i>	<i>France</i>	
<i>17.12.43</i>	<i>Schwarzenburg</i>	<i>Ter. Kdo.</i>	<i>Jan</i>		
<i>8.6.44.</i>	<i>Bains de L'Alliaz</i>				
<i>27.6.44.</i>	<i>Arosa</i>				
<i>1.9.44.</i>	<i>Stalden</i>				
DIMINUTION DÉFINITIVE					

Илл. 3. Карточка интернированного Василия Абадаша. Источник: Schweizerisches Bundesarchiv.

Люблина – это почти девятьсот километров пути, – где он вступил в партизанский отряд Федько (Павла Ковалева)³⁴.

Уже знакомый нам старший лейтенант Ощепков (тот самый, который впервые бежал еще в мае 1942-го) при втором побеге провел в пути более двух месяцев и в августе 1943-го добрался до словацкого города Бардеёв. И вновь – почти девятьсот километров в дороге. В Словакии Ощепков присоединился к местным партизанам³⁵. Добравшиеся до партизан в лесах под Полоцком майоры Агапов и Никитин, с которых мы начали наш рассказ, преодолели на товарном поезде почти полторы тысячи километров за восемь дней (с учетом стоянок).

Но даже на этом фоне поразительных преодолений пространств Европы выделяется побег лейтенанта Василенко из рабочей команды 10089, трудившегося на заводе «MAN» в Нюрн-

34 Письмо начальника ОББ МВД ТАССР подполковника Опалева от 10 октября 1946 года. ЦГАГОУ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 19. Л. 162–162 об.

35 Материалы, касающиеся побега старшего лейтенанта Ощепкова, здесь и далее цит. по его наградному листу: ЦАМО РФ. Ф. 33. О. 737292с. Д. 82. Л. 43.

бере. Ранним утром 4 мая 1943 года он бежал с четырьмя товарищами, одного из которых они потеряли почти сразу «при добыче пищи».

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 1943-го...

«Шли по Германии только ночью. [...] Пройдя несколько дней, [...] мы решили, что нужно искать какой-либо транспорт. Решили, что можно ехать на велосипедах, так как их достать там легко. Достали два велосипеда. Мы ехали, чередуясь по два человека».

Через несколько дней вторая пара беглецов не прибыла к условленному месту встречи. Это были подполковник Петр Махура и лейтенант Яков Бандура³⁶. Согласно персональной карте второго, он был пойман почти через месяц после расставания с Василенко и водворен в шталаг 318 Ламсдорф в Силезии³⁷. Примерно тогда же был пойман и подполковник Махура – его ждал Аушвиц. Судя по месту поимки, оба двигались в северо-восточном направлении, в сторону Польши.

Василенко и его напарник – лейтенант Василий Меренков, – с которым он познакомился в карцере лагеря Хаммельбург, где отбывал наказание за прошлый побег, решили идти строго на восток, следуя в 70–80 километрах южнее Праги. Благодаря помощи местных жителей, им удалось обзавестись гражданской одеждой³⁸. Хотя Василенко упоминает, что они бросили велосипеды при переходе чешской границы, в Чехии, по всей видимости, им удалось раздобыть новые (по крайней мере в своем рассказе он пользуется глаголом «ехали»). Брно, который стал заколдованным конечным пунктом для многих других беглецов, они объехали в 25–30 километрах с севера и в гористой местности, в районе местечка Карловицы, перебрались на словацкую территорию.

«Шли по Словакии пешие. Шли возле мест [Битча], Жилина и, дойдя в район местечка Турчански-Свети-Мартин, в одном селе [...] мы поужинали у одного словака, и он нас в сарае уложил спать. Утром рано 11 июня 1943 года нас в этом сарае забрала словацкая жандармерия – их было три человека».

При допросе беглецы выдали себя за остарбайтеров, которых везли в Германию. Словацкие жандармы своей работой явно не

36 Интересно, что старшим группы, руководившим «в отношении питания и маршрута движения», был с общего согласия избран бежавший уже в третий раз Василенко. Впоследствии дознаватели СМЕРШа спрашивали, почему так получилось, если в побеге участвовал и старший по званию. Василенко ответил: «Подполковник бежал только первый раз и руководить не брался».

37 См. персональную карту Якова Бандуры (№ 15944) в картотеке военнопленных офицеров ЦАМО РФ. 22 июня Бандура был возвращен в Нюрнберг и 11 августа застрелен при попытке следующего побега.

38 Показания Василенко о том, как и где это случилось, разнятся. Сначала он рассказал, что одежду им принес встреченный в лесу старик, но позже уточнил, что произошло это на берегу реки Отавы, где беглецы натолкнулись на местных подпольщиков, выпускающих в землянке газету чехословацких коммунистов «Rudé právo». К сожалению, нам недоступны показания Василия Меренкова, которые могли бы помочь разрешить эту путаницу.

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ
ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 1943-го...

«горели» и очевидно примерялись к туманному будущему: их интересовало, «хорошо ли жилось в СССР» и «кто выиграет войну», а также они заявили задержанным, что «плохого русским не хотят». Через несколько дней паре краскомов удалось бежать. 4 июля они пересекли словацко-польскую границу в районе села Калинов, а у Дрогобыча Василенко и Меренков сели на товарный поезд и доехали на нем до Львова. Дальше продолжили путь пешком и 15 июля пересекли старую советскую границу (по реке Збруч южнее Волочиска).

«[Прошли] Смелу в пятидесяти километрах южнее в Кировоградской области. [...] В конце июля 1943 года нас ловили полиция и староста, и мы разошлись в разные стороны и пошли самостоятельно. Я шел до Днепра и переправился севернее Чигирина на тридцать километров, пошел по Полтавской области и пришел в Опшмянский район Полтавской области 7 августа 1943 года».

Удачные побеги советских офицеров из лагерей XIII округа весной–осенью 1943 года (предварительные данные).

За три месяца Василенко прошел и проехал почти 2500 километров и вернулся в свою родную деревню с западной стороны ровно в тот момент, когда к ней с восточной стороны приближалась Красная армия. Уже 19 августа он оказался в расположении 27-й армии.

ФИО	Год рождения	Звание	Когда и откуда бежал	Когда и куда прибыл
Груздев Александр Михайлович	1909	капитан	7 марта 1943 года, рабочая команда 10405 (Вайдэн)	май 1943 года, Чернигово-Волынское партизанское соединение
Маруда Федор Ефимович	1916	младший лейтенант	7 марта 1943 года, рабочая команда 10405 (Вайдэн)	19 июля 1943 года, партизанский отряд имени Жукова (Брест, Белоруссия)
Андросов Александр Леонтьевич	1916	лейтенант	10 марта 1943 года, рабочая команда 10196 (Амберг)	лето 1943 года, партизанский отряд Федько (Люблин, Польша)
Дранишников Борис Дмитриевич	1919	лейтенант	12 апреля 1943 года, рабочая команда 10093 (Шнайтенбах)	20 июля 1943 года, партизанский отряд «Борцы за Советы» (Польша)
Писаренко Никифор Никифорович	1915	младший воентехник	апрель 1943 года, Нюрнберг	лето 1943 года, партизанский отряд (Чехия)
Василенко Дмитрий Павлович	1913	старший лейтенант	4 мая 1943 года, рабочая команда 10089 (Нюрнберг)	август 1943 года, перешел линию фронта
Меренков Василий Павлович	1918	лейтенант	4 мая 1943 года, рабочая команда 10089 (Нюрнберг)	август 1943 года, перешел линию фронта
Белозеров Алексей Анисимович	1917	младший лейтенант	5 мая 1943 года, рабочая команда 10405 (Вайдэн)	1 августа 1943 года, партизанское соединение Федорова (Польша)

ФИО	Год рождения	Звание	Когда и откуда бежал	Когда и куда прибыл
Агапов Григорий Васильевич	1904	майор	20 мая 1943 года, рабочая команда 10099 (Вюрцбург)	30 мая 1943 года, партизанская бригада имени Короткина (Полоцк, Белоруссия)
Никитин Василий Родионович	1909	майор	20 мая 1943 года, рабочая команда 10099 (Вюрцбург)	30 мая 1943 года, партизанская бригада имени Короткина (Полоцк, Белоруссия)
Шепелев Владимир Михайлович	1917	лейтенант	27 мая 1943 года (?)	15 июня 1943 года, партизанская бригада имени Сталина (Барановичи, Белоруссия)
Ощепков Степан Александрович	1911	старший лейтенант	1 июня 1943 года, рабочая команда 10706 (Бамберг)	август 1943 года, партизанский отряд (Бардеёв, Словакия)
Быков Анатолий Николаевич	1906	майор	29 июля 1943 года, рабочая команда 10208 (Херсбрук)	точные обстоятельства неизвестны, в марте 1944 года вернулся в действующую армию
Горбатенко Алексей Григорьевич	1909	капитан	10 августа 1943 года, рабочая команда 10028 (Обертраублинг)	февраль 1944 года, перешел линию фронта
Абадаш Василий Семенович	1919	лейтенант	10 августа 1943 года (?)	5 октября 1943 года, Швейцария
Елтанский Александр Дмитриевич	1918	лейтенант	10 августа 1943 года (?)	5 октября 1943 года, Швейцария
Зубенко Николай Семенович	1921	лейтенант	16 августа 1943 года, рабочая команда 10479 (Тиршенройт)	точные обстоятельства неизвестны, в августе 1944 года вернулся в действующую армию
Иваненко Александр Артемьевич	1904	интендант 3-го ранга	22 августа 1943 года, рабочая команда 10099 (Вюрцбург)	в начале 1944 года вернулся в действующую армию

После плена

Старший лейтенант Ощепков тоже свел знакомство со словацкими жандармами, но их встреча закончилась не столь счастливо, как в случае Василенко. С ноября 1943-го по май 1944 года он командовал партизанским отрядом под словацким Врановом, однако затем был снова пленен, передан немецкой стороне и заключен в концлагерь Маутхаузен. К счастью, Ощепков остался жив, а после фильтрации даже успел поработать переводчиком в СМЕРШе. Вернулись домой лейтенанты Корнилич, прошедший полтора года в концлагере Флоссенбюрг, и Шкурапет, отбывший почти два года в Аушвице и Бухенвальде. В этих концлагерях активную роль в подпольной организации играл

подполковник Махура³⁹, однако ему советский патриотизм в зачет не пошел: по возвращении в Советский Союз он был приговорен к десяти годам исправительно-трудовых лагерей.

«Десятку» за измену Родине в 1949 году получил и лейтенант Елтанский, реабилитированный только в 1957-м⁴⁰, а до этого успевший побывать в швейцарской тюрьме, откуда его выручал верный товарищ – лейтенант Абадаш⁴¹. Они оба с первой партией советских военнопленных (около восьмисот человек) в октябре 1944 года были отправлены через Марсель и Неаполь в Советский Союз. В швейцарской прессе было помещено прощальное письмо Абадаша, выдержанное в лирически-метафорическом ключе:

«Жизнь солдата – это долгое странствие. Сегодня – здесь, завтра – далеко, совсем в другом месте. Солдат напоминает корабль в бескрайнем море, не знающий о том, куда ведет его капитан. Солдат, который оторван от своего отечества, похож на обломок погибшего корабля, который по капризу чужой воли заброшен в чужую страну. Сейчас мне снова приходится покидать это место и гостеприимных хозяев. От всего сердца благодарю за оказанный мне теплый прием. Уезжая, я сохранию наилучшие воспоминания. Надеюсь, что мы еще где-нибудь встретимся и поговорим, но при совершенно других обстоятельствах, вдалеке от войны и ее чудовищного воя, думая только о том, как можно все сделать лучше, чтобы все люди жили в достатке и могли радовать друг друга»⁴².

Пройдя фильтрацию, Василий Абадаш сам был назначен фильтрующим: он стал начальником штаба Харьковского военно-пересыльного пункта. Впрочем, уже в марте 1946 года он был уволен в запас и вернулся на родину, где работал техно-

39 См., в частности, письмо бывших фронтовиков, адресованное Илье Эренбургу: «Уважаемый товарищ Эренбург! После освобождения и приезда на Родину, оставшиеся в живых члены центра подпольной военно-политической организации концлагеря Освенцим (Аушвиц) – подполковник Петр Махура (командир 17-й гвардейской танковой дивизии), капитан, Герой Советского Союза Валентин Ситнов (командир 22-го гвардейского авиаполка АДД) и политрук Александр Лебедев решили вас скромно поблагодарить. В освенцимском и бухенвальдском подполье иногда приходилось при помощи наших немецких товарищей слушать радиопередачи из Москвы и Лондона. Несколько раз попадали отрывки ваших газетных статей. Как они помогли нам, поддерживали дух и совесть в самые тяжкие дни! В Бухенвальде ваша статья “Трепещи, Германия!” была переписана от руки и переведена на несколько языков. Она взбунтовала весь лагерь» (Из переписки И.Г. Эренбурга с фронтовиками-читателями // Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1966. Т. 78. Кн. 1. С. 615).

40 Книга Памяти жертв политических репрессий Воронежской области. Воронеж: Воронежская областная типография, 2022. Т. 5. С. 101. У нас нет сведений о том, что конкретно вменялось Махуре и Елтанскому.

41 См. его письмо от 19 июня 1944 года: «Перед самым отъездом нас из Шварценбурга Елтанский [...] напился и поскандалил с полицейским, который применил по отношению к нему силу, он погорячился, разложил перочинный нож и угрожал им полицейскому. Из этой истории получился большой скандал, о котором, я думаю, Вы уже знаете. Правда, поступок и сам факт безобразные, но здесь и страшного особенно ничего нет. Ведь с кем чего не может случиться, особенно в пьяном виде. [...] Елтанский довольно отсидел уже в тюрьме, [...] и я лично хочу просто взять его на свою ответственность и готов за все его поступки нести наказания сам».

42 *Die russischen Internierten in der Schweiz* // Der Bund. 1945. 13. Mai. № 219. S. 3. Перевод с немецкого наш.

логом в колхозе «Большевик» Иртышского района. Скончался в 1998 году.

Майоры Агапов и Никитин были переброшены из партизанского отряда в Москву, вернулись в действующую армию и воевали до конца войны, были награждены орденами и медалями⁴³. Лейтенант Белозеров остался в партизанском отряде, затем перешел к польским партизанам. Под именем Тадеуша Вишневого он принимал участие в арестах местного штаба «Армии Крайовой». Позже он рассказывал:

«В конце августа 1944 года ОКР СМЕРШ 5 гвардейской армии мне было приказано организовать органы госбезопасности в городе Кольбушев, в системе которых я проработал до 1 июня 1946 года. [...] Благодаря знанию польского языка никто не знал, что я русский».

Лейтенант Андросов в мае 1944 года перешел в отряд особого назначения Галицкого (Валентина Пелиха), выполнявший специальные задания Главного разведывательного управления Красной армии. В сентябре 1944-го, после соединения с регулярными частями отряд был расформирован, Андросов отправлен на фильтрацию в Подольск, а после ее прохождения – на японский фронт. Там отличился, за что был отмечен медалью «За боевые заслуги»:

«21 августа 1945 года на участке между городом Бейаньженем и Лунчженем с группой офицеров ликвидировал японскую террористическую группу (смертников), проявив при этом смелость, находчивость и отвагу. Лейтенант Андросов с пистолетом без патронов, забрасываемый гранатами, пленил двух японских офицеров из этой группы»⁴⁴.

Повторную проверку проходил в октябре 1946 году в Казани. В 1948-м был демобилизован; поселился сначала в Харькове, затем переехал в Уфу. В 1949-м поступил на уфимскую ТЭЦ инженером по оборудованию, а уже в 1952-м стал директором вновь образованного предприятия «Тепловые сети «Уфимэнерго»» (ныне ОАО «Башкирэнерго»), которым руководил четверть века⁴⁵. Умер Андросов в 2000 году.

Лейтенанта Василенко в декабре 1943 года доставили в спецлагерь № 174 НКВД в Подольске, где он встретился со своим товарищем по побегу Василием Меренковым, которому тоже

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

ХОЛОДНОЕ ЛЕТО 1943-го...

⁴³ Наградные списки см в: ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 276 «Г.В. Агапов»; ЦАМО РФ. Картотека награждений. Шкаф 62. Ящик 1 «В.Р. Никитин».

⁴⁴ Наградной лист А.Л. Андросова. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 2650. Л. 118.

⁴⁵ Энергия созидания. Очерки из истории энергетической системы Республики Башкортостан / Под ред. Н.А. Курапова. Уфа: Скиф, 2007. С. 153, 156. История пленения, побега, равно как и полутора лет партизанской войны, в этой биографии отсутствует.

удалось добраться до своих. Контрразведчики подвергли их подробным допросам и, судя по всему, оказались не до конца удовлетворены полученными ответами⁴⁶. С июня 1944 года Василенко снова в действующей армии, воевал на 3-м Украинском фронте, чему предшествовало направление в штурмовой батальон (в самом раннем наградном листе он числится старшим сержантом). Впрочем, вскоре офицерское звание было восстановлено, и до конца войны Василенко был еще дважды награжден («умело руководя боем, стреляя в упор по танкам, отбил контратаку противника, сжег два танка, одну бронемашину и уничтожил десятки немцев»). Войну героический беглец закончил старшим лейтенантом⁴⁷. После войны вернулся в родную деревню и, будучи по образованию лесотехником, устроился работать в местное лесничество. В 1952 году чекисты опять вспомнили о Василенко и попросили снова уточнить детали побега, особенно его чешского этапа⁴⁸. Имело ли это какие-то последствия, из фильтрационного дела неясно. Что ясно, так это, что Дмитрий Василенко точно дожил до 1985 года, когда был награжден юбилейной медалью «40 лет Победы в Великой Отечественной войне».

Заново расспросить его товарища по побегу у чекистов возможности не было. Лейтенант Василий Меренков скончался 22 марта 1945 года от смертельных ранений, полученных в бою за венгерскую деревню Надъигманд⁴⁹.

46 Отдельные свидетельства Василенко на этих допросах несколько сомнительны. Например, он утверждает, что ему удалось сохранить в сапоге свое удостоверение личности (которое было изъято у него лишь при первом допросе в органах контрразведки 17-й стрелковой дивизии 18 августа 1943 года) – с учетом пленения, двух побегов и обысков это выглядит странно, как и история с чешской подпольной типографией. Но и версия, согласно которой Василенко был заброшен в советский тыл германской разведкой, тоже не выдерживает критики из-за бессмысленности подобной акции. Абвер был организацией прагматичной и на тот момент располагал достаточным количеством агентов у линии фронта и в разведшколах. Если бы с помощью Василенко и Меренкова немецкая разведка хотела передать какую-то дезинформацию, это могло бы теоретически стать поводом для подобной комбинации, но ни в объяснительной Василенко, ни в его допросе нет ничего, хоть как-то эту дезинформацию напоминающего. Разумеется, история о побеге протяженностью в 2000 километров лишь усиливает подозрения любого контрразведчика и в плане сочинения легенды совершенно избыточна. Укажем также, что побег подтверждается записью в персональной карте лейтенанта Бандуры.

47 См. наградные листы: ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 5920. Л. 20; Оп. 690306. Д. 1441. Л. 170; Оп. 690306. Д. 3369. Л. 144.

48 См. заметку «Подробное объяснение по поводу следования меня с немецкого плена по территории Чехословакии», имеющуюся в фильтрационном деле.

49 См. посмертный наградной лист Василия Меренкова, а также приказ главного управления кадров Министерства обороны об исключении из списков: ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 244. Л. 242; ЦАМО РФ. Оп. 11458. Д. 659. Л. 112.

Деньги и война: экономика повседневности в период Великой Отечественной войны

МИХАИЛ
НИКОЛАЕВ

В России и СССР периоды финансовой стабильности, когда денежное обращение не испытывало серьезных проблем, сменялись полосами протяженных или краткосрочных кризисов, причинами которых становились революции, войны и вызванная ими разруха. Это проявлялось в трудностях, испытываемых не только государственным бюджетом, но и населением в повседневной жизни.

Нет ничего удивительного в том, что в годы Великой Отечественной войны в условиях товарного и прежде всего продовольственного дефицита, нормирования, административного регулирования цен произошла, как это неоднократно уже бывало в тех или иных масштабах, натурализация хозяйственной жизни, сопровождавшаяся снижением роли денег в качестве меры стоимости и средства расчетов, возродилось так называемое «мешочничество», повсеместно распространилась меновая торговля. И, чем тяжелее обстояло дело со снабжением жизненно важными товарами, тем явственнее это проявлялось – что и было повсеместно зафиксировано современниками: на фронте и в тылу, на подконтрольной Красной армии территории и на оккупированной. Большое количество свидетельств – по понятным причинам – оставлено ленинградцами. Иллюстрируемые в этой статье явления берутся прежде всего из дневников, писем и воспоминаний советских граждан. Сюжеты, относящиеся к сфере государственной экономики и финансов, будут затронуты лишь косвенно.

Прежде всего необходимо сказать, что деньги отнюдь не потеряли своего значения, но их роль заметно снизилась. Они продолжали использоваться при расчетах в сфере государственной торговли и услуг, на рынках, но на фронте их применение было весьма ограниченным. Типичными товарами, которые можно было приобрести в магазинах и автолавках «Военторга» были, как вспоминает начальник Управления продовольственного снабжения Красной армии (с 1942 года) Дмитрий Павлов, «лезвия для бритвы, расчески, карманные зеркальца, нитки, иголки, пуговицы, кисеты, трубки, мундштуки, бумага, карандаши,

*Михаил Николаев
(р. 1959) – историк,
специалист по российской
истории XX века.*

зажигалки, одеколон»¹. Также военные использовали деньги для расчетов с гражданским населением, а остальное, как правило, пересылали домой родным почтовыми переводами или посредством оформления денежного аттестата. Свидетельств от генералов, офицеров, сержантов и рядовых предостаточно:

«Я сейчас одет очень тепло и сшил себе полностью все, что у меня было во Львове. Вообще о мне не беспокойся. Нужно тебе сказать, что о нас заботится вся страна. Представь себе, я получаю со всех концов необъятного нашего дорогого отечества посылки на свое имя... Поэтому ничего мне не шли, все у меня есть. [...]

Я тебе вышлю на днях новый аттестат на 2500 рублей. Пиши, как его получишь, а то мне денег и этих хватает с излишком. У нас, кроме еды, их тратить некуда» (из писем генерал-лейтенанта Андрея Власова жене от 15 января и 6 февраля 1942 года)².

«Мамочка, ты меня прости, но я очень долго смеялся, когда прочел насчет денег. Во-первых, я их получаю (жалованье – 150 рублей), во-вторых, делать здесь с ними абсолютно нечего, поскольку все, что здесь есть, либо дается даром, либо не дается вообще, и ни за какие деньги этого не получишь. В-третьих, я сам недавно послал домой деньги, ты их, наверное, скоро получишь. Все это вместе очень смешно» (из письма военнослужащего Ю.И. Каминского матери от 7 апреля 1942 года)³.

«Вскоре после прибытия в БАО [батальон аэродромного обслуживания] командному составу начали выплачивать зарплату. Моя – равнялась тысяче рублей. Выдали еще “подъемные” в таком же количестве. Впрочем, “подъемные” тут же были перечислены в Фонд обороны. Деньги мне не были нужны вообще, и я отправил половину в Раненбург [родственникам], а половину домой. Так я продолжал поступать вплоть до того момента (кажется, это был октябрь месяц), когда удалось оформить “аттестат” на имя мамы. По этому аттестату она должна была получать 800 рублей, а мне выплачивались остальные 200» (из воспоминаний военврача Ф.И. Чумакова о своем назначении на должность летом 1941 года)⁴.

Военврач Мстислав Яковенко, воевавший в московской Рос-
токинской дивизии народного ополчения, вспоминает, что в 1941 году ему не на что было тратить свою зарплату и она почти целиком оставалась у него на руках, пока он не оформил аттестат на имя жены⁵. Командир взвода связи 2-й Ударной ар-

1 Павлов Д.В. *Стойкость*. М., 1983. С. 174–175.

2 Смыслов О.С. *Сталинские генералы в плену*. М., 2014. С. 9–10.

3 Цит по: СЕНЯВСКАЯ Е.С., СЕНЯВСКИЙ А.С., ЖУКОВА Л.В. *Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии*. М., 2017. С. 288. Отметим, что об отношении военнослужащих к денежному довольствию в тексте монографии говорится в объеме, не превышающем одну страницу. При этом авторы упоминают об обесценивании денег как на фронте, так и в тылу.

4 Чумаков Ф.И. *Мемуары. Ч. II. (Война и плен)*. Машинопись. 1994. Государственный исторический музей. ГИМ 108797/100. ОПИ. Ф. 426, Д. 547 н/о.

5 Яковенко М.В. *Воспоминания времен Отечественной войны* (<https://iremember.ru/memoirs/mediki/yakovenko-mstislav-vladimirovich/>).

мии П.П. Лопатин записывает в дневнике 7 марта 1942 года: «Принят в кандидаты ВКП(б). [...] Послал домой 600 рублей. Мне зачем деньги? 1000 рублей внес на укрепление оборонных»⁶. Вольнонаемной 804-го отдельного автотранспортного батальона И.С. Морозовой, успевшей вырваться из окружения, деньги пригодились позже. Муж-сослуживец перед отправкой, как она вспоминает, «насовал мне в карманы сторублевых бумажек – свои получки, которые в окружении не на что было тратить»⁷. Будущий академик, сержант Николай Иноземцев, пишет в дневнике о нахождении в тылу на переформировании в связи с ремонтом боевой техники (ноябрь 1942 года):

«Спим как убитые. Просыпаемся только в 11 часов. Прекрасно позавтракали. Деньги есть с фронта, до сих пор они нигде не представляли никакой ценности, и тратишь их с удовольствием, ведь через пару-тройку недель – опять на фронте... Ходим по городу, покупаем билеты в театр на вечер и на завтра»⁸.

У Иноземцева, помимо прочего, можно обнаружить весьма редкое свидетельство такой траты денег, о которой в отечественной литературе о войне говорить было не принято. Находясь на Орловском направлении 5 июля 1943 года, он оставляет краткую заметку: «Блиндажи разведчиков в овраге. “Сестра” из санбата. 100 рублей. Очередь четыре человека»⁹.

Деньги не потеряли своего значения, но их роль заметно снизилась. Они продолжали использоваться при расчетах в сфере государственной торговли и услуг, на рынках, но на фронте их применение было весьма ограниченным.

В условиях тяжелой боевой обстановки деньги представляли собой все меньшую ценность. Василий Решетников вспоминает, как, пробегая по улицам эвакуируемой Одессы, бойцы увидели разбитую машину с разбросанными вокруг тюками денег: «И ни один человек не мог даже наклониться собрать деньги или хотя бы взять себе. Все думали: “Война. Куда мы так спешим? А может быть, ближе к смерти?” Вот поэтому никто и не брал этих денег»¹⁰.

6 Лопатин П.П. *Из военного дневника* // Иванова И.А. *Трагедия Мясного Бора. Сборник воспоминаний участников и очевидцев Любанской операции*. СПб., 2005. С. 164.

7 Морозова И.С. *Кому – жить, кому – погибать...* // Там же. С. 327.

8 Иноземцев Н.Н. *Цена победы в той самой войне. Фронтовой дневник*. М., 1995. С. 79.

9 Там же. С. 98.

10 Решетников В. *Защитник своей Родины. Реальная история 20-летнего парня*. М., 2005. С. 47.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

ДЕНЬГИ И ВОЙНА: ЭКОНОМИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Дмитрий Небольсин, в мае 1942 года оказавшийся в составе десантной группы, брошенной на спасение командования Юго-Западного фронта, вспоминает: «Боеприпасов, воды, продуктов у нас хватало. Кое-что оставили штабисты, даже бросили, а может быть, забыли, целый мешок с деньгами. Кому они были нужны?»¹¹ Военврач Мстислав Яковенко, выходя из окружения под Вязьмой в октябре 1941 года, описывал однажды увиденное им: «Убитые лошади не были выпряжены из повозок, в одном месте около повозок было разбросано много бумажных денег, и мы прошли мимо них совершенно безразлично»¹².

Иногда могли действовать инерционные психологические механизмы. Политработник 2-й Ударной армии П.В. Рухленко описывает в своих воспоминаниях попытку выбраться из окружения:

«Голод сводил людей с ума. Когда транспортные самолеты еще сбрасывали нам мешки с сухарями, интенданты были вынуждены ставить охрану, чтобы мешки не растащили. [...] На двух бойцов и старшину напала группа людей, отняла у них часть туши убитой при бомбежке лошади и убежала в лес. Мы подошли ближе. У хозяев убитой лошади были порезаны руки – результат схватки с похитителями, а от лошади остались голова, ноги и потроха. Ребят было жалко, но мы все же осмелились попросить у хозяев ногу от лошади, пообещав 300–400 рублей. Деньги у меня были. Подумав, старшина велел: “Дайте старшему политруку часть ноги”. Я заплатил 300 рублей, и мы [...] были очень довольны»¹³.

Ограничивала сферу обращения наличных денег на фронте и практика перечисления денежного довольствия военнослужащих во вклады в полевых учреждениях Госбанка СССР. В приказе Наркомата обороны СССР № 151 от 31 марта 1943 года о привлечении вкладов военнослужащих в учреждения Госбанка и развитии безналичных расчетов, подписанном заместителем комиссара, генерал-полковником интендантской службы Андреем Хрулевым, констатировалось:

«Остатки вкладов в полевых учреждениях Государственного банка на 1 января 1943 г. превысили в 25 раз сумму остатков вкладов на 1 января 1942 года. Количество вкладчиков возросло за 1942 г. в 17 раз. Безналичные перечисления из денежного содержания военнослужащих к 1 января 1943 г. во вклады и на почтовые переводы достигли 70% к фонду зарплаты»¹⁴.

11 Небольсин Д.А. *Дважды младший лейтенант. Воспоминания, записки советского военнопленного*. М., 1998. С. 73–74.

12 Яковенко М.В. *Указ. соч.*

13 Рухленко П.В. *В окружении* // Иванова И. «Долина смерти». Трагедия 2-й ударной армии. М., 2011. С. 29–30.

14 *Русский архив: Великая Отечественная. Приказы Народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг.* Т. 13 (2–3). М., 1997. С. 91.

Трудно объяснить такие цифры роста одним только добровольным желанием вкладчиков. Косвенное свидетельство содержит и сам приказ, в котором упоминается, что «при проведении вкладных и безналичных операций в отдельных случаях делались попытки показного привлечения вкладов, при котором зачисленные во вклады суммы немедленно затем выби-
рались из банка»¹⁵. Если учесть, что уже в декабре 1941 года Управлением полевых учреждений Госбанка СССР впервые был установлен план по приросту вкладов¹⁶, а планы в СССР – начиная с первых пятилеток – носили директивный характер, то можно представить, каким путем достигались показатели семнадцатикратного роста!

По понятным причинам в тылу военнослужащим деньги оказывались нужнее. Практика выезда сотрудников полевых учреждений Госбанка в госпитали с целью привлечения вкладчиков оборачивалась тем, что во время таких визитов выплаты со вкладов превышали поступления новых взносов¹⁷.

Вступая в контакт с населением освобожденных советских территорий, военнослужащие также находили применение деньгам. Местные жители в первые недели испытывали в них особую потребность, что, кстати, вело к снижению цен на колхозных рынках. В отчетности одного из полевых отделений Госбанка отмечалось, что при освобождении Украины, когда имелась «возможность купить сельхозпродукты», выплаты наличных денег со вкладов поднялись до небывалых размеров:

«Если в прошлые месяцы полевое отделение Госбанка выплачивало наличными деньгами по вкладам 600–700 тыс. руб., то за ноябрь 1943 г. было выплачено 1000 тыс. руб., за декабрь – 2176 тыс. руб., за январь 1944 г. – 955 тыс. руб. В декабре 1943 г. через каждые 5 дней [...] приходилось выезжать за подкреплением резервных фондов и непрерывно запрашивать эмиссионные разрешения»¹⁸.

На последнем этапе войны бойцы и командиры получали денежное довольствие в местной иностранной валюте. В 1945 году полевые учреждения Госбанка СССР действовали на территории четырнадцати иностранных государств, а количество валют насчитывало 25 наименований¹⁹. В этих обстоятельствах в мемуарах можно встретить такие зарисовки из венгерского военного быта:

«В переулке, на солнышке, солдаты играют в карты, на деньги. Проходящий офицер делает им замечание. В ответ ему ленивое:

¹⁵ Там же.

¹⁶ Коречков Ю.В. *Полевые банки России*. Ярославль, 1996. С. 127.

¹⁷ Там же. С. 191.

¹⁸ Там же. С. 206.

¹⁹ *История Банка России 1860–2010: В 2 т. М., 2010. Т. 2. С. 281.*

“Пеньги не деньги”. “Пеньги” действительно не считались деньгами, солдату было почти невозможно купить на них что-нибудь – военторги не достигали передовой. Солдат не покупал, а брал: брал много, больше, чем это выходило по расчету на “пеньги”²⁰.

Конечно, деньгам знали счет – от выплат за полученные боевые награды и уничтоженную вражескую боевую технику никто не отказывался, и, больше того, иногда даже спорили с тем, на кого записали удачное боевое действие. Своеобразным свидетельством того, что деньгами отнюдь не пренебрегали, могут служить финансовые преступления и казнокрадство. Так, например, в приказе войскам Западного фронта № 018 от 22 января 1942 года сообщается:

«В 573 пушечном артполку начфинчасти техник интендант 1 ранга Белоусов растратил 36 821 руб. Завделопроизводством – казначей Управления 7-й гвардейской стр[елковой] дивизии, техник интендант 1 ранга Шубин, растратил 2161 руб. Казначей 175 гвардейского мотострелкового полка, техник интендант 1 ранга Петров растратил 2030 руб.»²¹.

В приказе о результатах проверки Наркоматом государственного контроля планирования, финансирования, расхода и учета денежных средств в частях и соединениях Красной армии № 0215 от 25 марта 1942 года констатированы «многочисленные случаи незаконного расходования и прямого хищения денежных средств», среди которых упомянуты незаконные расходы «на приготовление пищи для начсостава», «покупку продуктов, спирта и вина». В приказе фигурируют следующие примеры:

«В 123 сд (Ленинградский фронт) старший сержант Богачев украл 32 тысячи рублей. Начальник финансовой части штаба 38-й армии (Юго-Западный фронт) Ермоленко присвоил 75 тысяч рублей, а начальник финансовой части штаба 40-й армии (Юго-Западный фронт) Прокопчук – 5,9 тысячи рублей. Командир 15-го запасного кавалерийского полка (Северо-Кавказский военный округ) полковник Курсаков с 13 августа 1941 года по 1 января 1942 г. получал денежное содержание 1400 рублей, вместо причитающихся 1200 рублей, кроме того, получил 1400 рублей за август месяц 1941 года, тогда как на эту сумму был выдан аттестат его семье. Всего полковник Курсаков незаконно получил 2553 рубля. Бывший командир 4-го запасного кавалерийского полка, генерал-майор Рудчук, с октября 1941 г. по январь 1942 г. незаконно получал денежное содержание в 1600 рублей, вместо причитающихся 1200 рублей, переполучив таким образом 1600 рублей»²².

20 Слуцкий Б.А. *О других и о себе*. М., 2005. С. 18–19.

21 *Скрытая правда войны: 1941 год. Известные документы*. М., 1992. С. 292.

22 *Русский архив: Великая Отечественная. Приказы Народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2)*. М., 1997. С. 181–184.

Все эти явления, однако, можно отнести к «верхушечным», «тыловым», не окопным, где господствовала иная экономическая реальность. Трудно сказать, как обстояло дело в отношении к денежному содержанию командного состава, а вот офицерский дополнительный паек, по свидетельству поэта-фронтовика Бориса Слуцкого, «вызывал реальную зависть у солдат»²³. Если фронтовая мена по принципу «махнем не глядя», воспеваемая в песне (1967) на стихи военного корреспондента Михаила Матусовского, относилась скорее к разряду развлечений, то в других обстоятельствах она приобретала характер торговой сделки. Товарообмен проникал и на передовую. «В окопах шла оживленная меновая торговлишка! – вспоминает Борис Слуцкий. – Табак на сухари, порция водки на две порции сахара. Прокуратура тщетно боролась с меной»²⁴. Владимир Гельфанд в записи от 16 июня 1942 года описывает, как, лишившись чернил, пытался достать их путем обмена. Когда санинструктор предложил ему уступить пачку табака за сухари, сахар и прочее, он согласился только на чернила²⁵. Б.Г. Комский в дневниковой записи за 14 августа 1943 года упоминает, как переведенный в госпиталь для легкораненых с «неважной кормежкой» отдал старшей сестре часы за сало, консервы и хлеб²⁶.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

ДЕНЬГИ И ВОЙНА: ЭКОНОМИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

* * *

В жизни тыла деньги играли большую роль, чем на фронте, а военная обстановка самым прямым образом сказывалась как на ценах, так и на отношении к деньгам в целом. При приближении наступающего противника гражданское население понимало, что судьба денег весьма призрачна. Сержант Д. Левинский, отступавший в августе 1941 года со своей частью от Одессы к Южному Бугу, вспоминал, как в одном из сел он хотел купить у хозяйки продукты («деньги оставались почти у всех – тратить было не на что»), на что услышал: «На что они мне? Завтра здесь будут немцы»²⁷. А.С. Малофеев вспоминает, как, когда еще шли бои на острове Эзель 18 сентября 1941 года, в столовых города Куресааре советских денег уже не брали²⁸.

Недоверие к деньгам и снижению их значения вызывалось не только конъюнктурными обстоятельствами. Так, в глубоко-

23 Слуцкий Б.А. Указ. соч. С. 16.

24 Там же.

25 Гельфанд В.Н. *Дневник 1941–1946*. / Ответ. ред. и вступ. ст. О.В. Будницкий. М., 2016. С. 73.

26 Комский Б.Г. *Дневник 1943–1945 гг.* // *Архив еврейской истории*. М., 2011. Т. 6. С. 30.

27 Левинский Д. *Мы из сорок первого...* Воспоминания. М., 2005. С. 98.

28 Малофеев А.С. *Воспоминания морского артиллериста, узника концлагерей и французского партизана. Май 1941 г. – февраль 1945 г.* // *Беглецы из плена. Воспоминания танкиста и морского артиллериста*. М., 2010. С. 218.

ком тылу действовали долговременные факторы, укорененные в сложившейся неравной системе распределения. Историк Игорь Орлов приходит к следующим выводам:

«Если перед войной закрытыми видами распределения был охвачен самый верхний слой региональной номенклатуры, то начало войны поставило в чрезвычайно выгодные условия руководящих работников всех уровней. Ведь в это время реальный жизненный уровень определялся не размером зарплаты, а нормой снабжения по карточкам. Официально статус руководящих работников в распределительных отношениях был установлен постановлением СНК СССР 12 июля 1943 года. Но и до этого руководящие работники снабжались по особым нормам согласно решениям местных органов и ведомств: второе горячее питание, обеды для руководящих работников по постановлению СНК СССР от 17 сентября 1942 г., литературные обеды “А”, “Б” и “В”, сухие пайки по постановлению СНК СССР от 27 февраля 1943 г., усиленное диетическое питание, карточки на ужины и пр. Еще более привилегированным было снабжение руководящих работников промышленными товарами. [...]

Значительная часть нормированных товаров уходила в сферу теневого перераспределения. Анализ архивных материалов показывает, что теневое перераспределение играло даже большую роль, чем официальные льготы. Здесь в наиболее предпочтительном положении находились руководящие кадры торговли и общепита, руководители предприятий, имевших подсобные хозяйства, и те, кто имел отношение к остродефицитным товарам. Широкую практику получило прикрепление номенклатурных работников и членов их семей к столовым, предназначенным для других слоев населения, нередко сразу к нескольким одновременно. Был распространен также отпуск товаров и продуктов без карточек – по запискам»²⁹.

Британский политик и теоретик марксизма Тони Клифф пишет:

«Разделение русского общества на привилегированных и парий нашло яркое отражение в карточной системе, существовавшей в годы войны. Была введена дифференцированная карточная система, чего никто не осмелился бы предложить в демократических странах капиталистического Запада»³⁰.

Вот одна из иллюстраций сложившейся системы. В дневниковой записи инженера-теплотехника горьковского завода «Красная Этна» И.А. Харкевича от 15 апреля 1942 года читаем:

«Характерная особенность бросается в глаза на нашем совещании: за столом сидит замнаркома – тучный [обрюзгший], хотя и сравнительно молодой, с 2-мя орденами, рядом упитанный директор

29 Орлов И.Б. *Карточное снабжение в 1941–1943 гг.: расчеты и просчеты* // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 3. С. 40–41.

30 Клифф Т. *Государственный капитализм в России*. Л., 1991. С. 64.

завода (Романов), главный инженер неплохой упитанности, секретарь парткома (Новиков), розовый как поросенок, и совсем упитанный секретарь обкома по промышленности (Кочетков), а напротив, через стол – руководители цехов и отделов: бледные, с обтянутыми скулами и провалившимися глазами. Весь народ сильно сдал телом. Трудно и очень трудно, особенно для некоторых рабочих. Питание очень и очень слабое. Лапша “домашняя” с водой без признака жиров и овощей и хлеб. Но с тем, что творится в осажденном Ленинграде, находимся в лучших условиях. Конечно, из тех же продуктов с добавлением только лука можно значительно улучшить питание, но общественное питание и не работало хорошо, отвратительно работало и будет так же плохо работать и дальше. Все построено на отсутствии заботы, заинтересованности в том, чтоб улучшить, на самоснабжении... и вопиющем нарыве на теле СССР – “блате”. Слаба наша экономическая система была до войны, а к войне и вовсе не приспособлена. Старая [...] царская Россия четыре года воевала, а экономика в стране держалась сносно, в смысле обеспечения населения продовольствием, и условия тогда не идут ни в какое сравнение с тяжелыми теперешними, даже если для сравнения взять конец [19]16-го. В чем же дело? Где причины?»³¹

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

ДЕНЬГИ И ВОЙНА: ЭКОНОМИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В Ленинграде Ольга Фрейденберг обобщает свои блокадные впечатления:

«Появилось – что хуже всего в осажденном городе – неравенство в еде. Верхние ели прекрасно, без карточек (называлось “без выреза талонов”). Для них существовали особые закрытые столовые и магазины. Они не страдали ни истощением, ни цингой. Отлично ели чекисты»³².

Старший мастер ленинградского завода «Двигатель» В.В. Фокин 12 декабря 1942 года записывает:

«11-го числа с[его] м[есяца] на заводе был вечер, посвященный вручению орденов и медалей нашим работникам, куда был приглашен и я. Всего было приглашено человек 50. Но вот когда кончилась торжественная часть и время пришло садиться за стол, то нас попросили очистить помещение, а начальники, которые и так сыты, сели за стол обжираться»³³.

Сотрудница Госбанка СССР Н.Н. Шабанова отмечает:

«В правлении Госбанка на Неглинной, 12, на первом этаже была большая столовая, которая до войны делилась на три “класса”: 1-й – для высокого начальства, 2-й – для среднего и 3-й для всего рядового состава сотрудников. До войны там неплохо кормили,

31 «Весь народ сильно сдал телом»: война и советский тыл глазами инженера И.А. Харкевича // Российская история. 2009. № 6. С. 60.

32 ФРЕЙДЕНБЕРГ О.М. *Осада человека* // Минувшее: исторический альманах. Выпуск 3. М., 1991. С. 33–34.

33 Цит. по: <https://biography.wikireading.ru/hzve9Nb5Sr>; дневниковые записи Фокина вошли в издание: Лихачев Д.С. *В блокадном Ленинграде*. М., 2017.

был и хороший буфет. Теперь все было иначе. Высшее начальство кормилось совсем отдельно, мы их не видели»³⁴.

* * *

Денежные потоки, о чем говорилось выше, шли практически в одном направлении: от фронта в тыл. В свидетельствах современников-горожан фиксируются прежде всего продовольственные и промтоварные трудности, изнурительные очереди, рост цен на «вольном» рынке. Так, московский краевед П.Н. Миллер в дневниковой записи от 28 ноября 1941 года воспринимает рост цен на рынках как «показатель упадка веры в деньги»³⁵. «Кому сейчас нужны деньги? Что и где на них можно купить?» – задается 8 января 1942 года вопросом московский журналист Н.К. Вержбицкий³⁶. Схожим образом рассуждает и писатель Всеволод Иванов, упоминая в дневниковой записи от 14 декабря 1942 года, как пытался помочь бывшей супруге: «Я оставил денег побольше, да что купишь на эти деньги?!»³⁷.

Расцвела подпольная торговля. Столичный мемуарист рисует картину приезда спекулянтов, занимавшихся торговыми операциями вблизи Павелецкого вокзала осенью 1942 года:

«Против вокзала на пустырях группы людей, покупающих у приехавших с поездом спекулянтов. Идет продажа на деньги и в обмен на хлеб, вино, белье и т.п. [...] На бульварной скамье три человека типа “мешочников” ведут “деловой” разговор: оказывается, что в 25 км в сторону от Барыбина по Павелецкой ж.д. [один из них] обменял на детские соски по 3 кг пшеницы за штуку и сейчас едет опять, достал 40 штук еще. Далее, на ст. Михнево много махорки, луку и муки, а за Каширой спрашивают гвозди и дают за кило 4 кило ржи»³⁸.

Е.Г. Егорова, описывая начало войны в Сталинграде, отмечала:

«Магазины пустели ежеминутно... Довольствовались с базару кто как мог, меняли на продукты натурой, деньги обесценились, на базар надо было идти с отрезами, водкою, новой обувью, костюмом и пальто и т.д.»³⁹.

34 Шабанова Н.Н. *Воспоминания о себе, о времени, в котором жила*. СПб., 2009. С. 115.

35 Из дневника Ученого секретаря Комиссии по изучению истории Москвы П.Н. Миллера // *Москва при фронте. 1941–1942. Архивные документы и материалы*. М., 2001, 2006. С. 364.

36 Из дневниковых записей журналиста Н.К. Вержбицкого // *Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы*. М., 1995. С. 499.

37 Иванов В. *Дневники*. М., 2001. С. 220.

38 *Записки москвича. Осень 1942* // Исторический архив. 1993. № 2. С. 53, 55.

39 Егорова Е.Г. *Воспоминания об оккупации: Сталинград и Белая Калитва (1926–1946 гг.)* // «Нам запретили белый свет...». Альманах дневников и воспоминаний военных и послевоенных лет / Сост. П. Полян, Н. Поболь. М., 2006. С. 127.

Кажется, даже Сталин за годы войны осознал проблему. Замнаркома внутренних дел СССР Иван Серов описывает организацию поездок Сталина в прифронтовую полосу 2–4 августа 1943 года, где тот провел встречу с командованием Западного и Калининского фронтов. Для него в поселке Хорошево под Ржевом была освобождена одна из крестьянских изб. Перед отъездом Сталин поинтересовался, как Серов отблагодарит хозяйку за постой. Тот ответил, что даст 100 рублей. «Мало этого», – возразил Сталин, и попросил оставить ей продукты, мясо и фрукты. Несмотря на свидетельство Серова о том, что хозяйка не хотела никого пускать в избу, не зная, естественно, для кого она предназначалась, Сталин, как сообщает мемуарист, щедро попросил одарить ее и вином, если осталось⁴⁰.

Городское население, как и в годы гражданской войны, вынуждено было прибегать к поездкам в сельские районы для обмена носильных вещей на продукты. Наталья Этингоф, эвакуированная в июле 1941 года вместе с другими членами семей преподавателей Военно-воздушной академии имени Жуковского в Свердловск, вспоминала, как «уже к началу зимы исчезли в магазинах продукты, по карточкам стали выдавать один яичный порошок, и то не каждый месяц, на рынке за деньги никто не желал продавать товар – только в обмен на хлеб или водку». Так обстоятельства подтолкнули к занятию «торговым промыслом». В одном из рассказов она описала свою поездку в глубинку, в ходе которой женскую одежду и комсоставское белье им с напарницей удалось поменять на картошку и горох. Ночлег же в ожидании ближайшего поезда обошелся им в два куска мыла⁴¹. «Когда я выезжала в командировки в районы, – вспоминает эвакуированная в Уфу сотрудница Госбанка СССР Н.Н. Шабанова, – то удавалось менять носильные вещи на продукты питания»⁴². Ада Сванидзе вспоминает о походах с матерью по окрестным мордовским деревням Челябинской области, продолжавшихся до тех пор, пока у эвакуированных не иссякли вещи, годные для обмена, а у селян не осталось лишь необходимых им самим запасов:

«Не забуду, как молодуха в одной избе, высунув из погребца румяное, круглое лицо, сказала, что у них теперь все есть и она бы купила только шелковую белую шаль, большую, с кистями, “как у бабынь”, и “пианину”. Мы поняли, что дальнейшие походы уже не состоятся»⁴³.

40 Серов И. А. *Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти*. М., 2016. С. 180.

41 Этингоф Н. Б. *Портреты сухой кистью*. Иерусалим, 2000. С. 229–238.

42 ШАБАНОВА Н. Н. *Указ. соч.* С. 125.

43 СВАНИДЗЕ А. А. *Мои коммунальные квартиры и не только*. М., 2019. С. 123.

Ленинградский художник Иван Владимиров, очевидно, со слов дочери и невестки, отправившихся 28 ноября 1941 года в пригородные села для товарообмена, пишет, что они «всюду натыкались на грубый ответ: “Проходите дальше, надоели!” На многих дверях висели бумажки с безграмотной надписью: “Здесь никаких обменов не производятся!”»⁴⁴.

Наряду с импровизированными торговыми площадками традиционным местом купли-продажи оставались городские рынки. Вернувшаяся из эвакуации в Москву мать Ады Сванидзе, понимая бессмысленность пересылки оставшимся в Челябинске членам семьи денег, использовала возможность покупки без карточек в магазине «Военторга» дефицитных и малогабаритных товаров, посылая их с оказией. Это были кремни для зажигалок, швейные иголки, крем для лица и сумки-«авоськи»⁴⁵. Поставки составляли обменный фонд.

Торговыми площадками становились и железнодорожные станции, что нашло отражение в художественной литературе. Например, в рассказе Александра Солженицына «Случай на станции Кочетовка» одна из героинь так характеризовала эвакуированных, эшелон с которыми остановился на железнодорожных путях (пассажиры, пользуясь остановкой, пытались обменять носильные вещи на еду):

«Они отрезывают, кустомы везут, мыло везут – прям как на ярмарку и снаряжались. Там такие мордатые еду-у-уть! [...] У кого даже, люди видели, сотенные прямо пачками перевязаны, и пачек полон чемодан. Банк, что ль, забрали? Только деньги нам не нужны, везите дальше»⁴⁶.

Возрождение известного еще со времен гражданской войны «мешочничества» весьма показательно. Историк-краевед Михаил Смирнов, с августа живший в подмосковной Малаховке, записывает 17 марта 1942 года: «В полном разгаре мешочничество, как это мы переживали в 1918–19 гг. Но тогда было легче: у нас были вещи и в деревне были зажиточные»⁴⁷. «Возродились 1918–1919 годы с их спекулянтами и черными биржами», – записывает другой летописец военной Москвы⁴⁸.

Характерно, что на сторону спекулянтов против представителей власти часто становилось население, очевидно, понимая, что государство способно только запрещать, а государственная торговля с ее очередями, отсутствием товаров даже по карточ-

⁴⁴ Владимиров И.А. *«Памятка о Великой Отечественной войне». Блокадные заметки 1941–1944 гг.* СПб., 2009. С. 65.

⁴⁵ Сванидзе А.А. *Указ. соч.* С. 136.

⁴⁶ Солженицын А. *Один день Ивана Денисовича: рассказы.* СПб., 2016. С. 207.

⁴⁷ Смирнов Я.Е. *Московский дневник М.И. Смирнова периода Великой Отечественной войны // Археографический ежегодник за 1997 год.* М., 1997. С. 329.

⁴⁸ *Записки москвича. Осень 1942.* С. 53.

кам, не говоря уже о качестве продукции, большой приязни к себе не испытывала.

В сводке донесений местных органов НКВД о преступлениях, совершенных военнослужащими за июнь–июль 1944 года, направленной министром внутренних дел СССР Лаврентием Берия руководству страны с грифом «совершенно секретно», в большом количестве фигурируют случаи, когда бойцы и командиры вставали на защиту «мешочников» и спекулянтов от действий милиции:

«12 июля на ст. Христиновка Одесской железной дороги на милиционера Овсянникова, снимавшего с поезда “мешочников”, напали 5 военнослужащих и избили его. Оборонись, Овсянников убил одного из нападавших, а остальные четверо были арестованы.

7 июля на ст. Дарница Юго-Западной железной дороги прибыл воинский эшелон № 42759. Толпа пьяных офицеров из эшелона напала на милиционеров, сопровождавших снятых с поездов “мешочников”, и распустила задержанных.

29 июня на ст. Славянск Южно-Донецкой железной дороги к работникам милиции, снимавшим с поезда “мешочников”, подошли 13 краснофлотцев, избили работников милиции и, угрожая оружием, стали возвращать “мешочникам” изъятые продукты. Один из краснофлотцев – Мельник – выстрелами из револьвера тяжело ранил в голову милиционера и ранил сержанта войск НКВД. Участники бесчинств задержаны. Мельник при задержании оказал вооруженное сопротивление и был убит работником военной комендатуры.

29 июня на ст. Красноармейская Южно-Донецкой железной дороги прибыл товарный поезд, в котором находились до 200 “мешочников”, [который] был обстрелян из автоматов группой краснофлотцев, ехавших в том же поезде. По прибытии поезда на ст. Авдеевка состав был оцеплен работниками оперативной группы. “Мешочники” и краснофлотцы оказали сопротивление, избили двух работников опергруппы. Бойцы войск НКВД и работники милиции были вынуждены применить оружие, в результате чего убито 3 и ранен 1 “мешочник”. Арестовано 6 “мешочников” и зачинщики бесчинств – краснофлотцы Косинов, Коршунов и Бондарев. Следствием установлено, что в пути краснофлотцы занимались грабежами, брали у “мешочников” деньги, продукты и самогон, обещая защищать их в пути от милиции.

15 июня через ст. Муратовка Московско-Киевской железной дороги следовало 60 “мешочников”, снятых с поездов на ст. Сухиничи. Группу сопровождал милиционер Рожкевич. К задержанным подошла группа военнослужащих из эшелонов №№ 42528 и 35326 и потребовала освободить “мешочников”, а взысканный с них штраф – вернуть. Получив отказ, военнослужащие избили Рожкевича, отняли у него документы и личные деньги.

14 июня на ст. Шевченко Одесской железной дороги милицией была снята с поезда группа “мешочников”, везших зернопродук-

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

ДЕНЬГИ И ВОЙНА: ЭКОНОМИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ты и 11 голов скота на порожних платформах воинского эшелона № 101436, следовавшего с оборудованием, принадлежавшим 36 железнодорожной бригаде. Следовавший с эшелоном генерал-майор Павлов приказал подчиненным ему военнослужащим погрузить “мешочников” обратно, а работников милиции принудил возвратить отобранные документы.

11 июня на ст. Барвенково Южно-Донецкой железной дороги группа офицеров 1254 запасного артполка – нач. штаба майор Довгаль, лейтенанты Стариков, Болякишев, ст. сержант Курганов – подошли к милиционеру, охранявшему снятых с поездов “мешочников”, и потребовали освободить их. Получив отказ, офицеры пытались избить милиционера. Прибывший на место начальник оперпункта под угрозой оружия был вынужден освободить “мешочников”. Эта же группа офицеров, узнав, что на 8 мешков зерна, принадлежавшего спекулянтам, наложен арест, избила милиционера и, угрожая расстрелом, принудила вернуть зерно»⁴⁹.

Помимо денег, ценность представляли не только продуктовые и промтоварные карточки и их отдельные привилегированные категории, но и сама возможность отоваривания, в том числе и с минимальной тратой времени. Стояние в бесконечных очередях не осталось не отмеченным современниками:

«С 4 час. ночи стоял за хлебом. Получил его в 9 час... Очереди, очереди без конца, без края: крикливые, нервные, драчливые, мучительные... В очередях драки, душат старух, давят в магазинах, бандитствует молодежь, а милиционеры по 2–4 слоняются по тротуарам и покуривают. “Нет инструкций”. [...] Около магазинов “Вина, коньяки, ликеры” – давка. Здесь продают различное вино. Дрянь. В Черкизове в “Главспирте” продавали водку. Задавили на смерть двух стариков» (18 октября 1941 года)⁵⁰.

«Начали продавать водку. Сегодня около нашего магазина стояла за водкой очередь в 500 человек. Стояла 8 часов. Привезли. Из очереди получили 40 человек. Остальное расхватили военные без очереди» (11 января 1942 года)⁵¹.

«Безобразная постановка с получением продуктов вошла в быт задолго до войны. Госторговля удобна для фиска, слов нет. Безо всякого согласия законодательных органов кто-то повышает цены, т.е. взимаются дополнительные налоги. С этим люди мирятся. Но необычайно удручает всех безалаберщина и недисциплинированность постановки дела. Население измучено, страдает из-за его чудовищно дикой постановки. Все время уходит на стояние в очередях и рыскание по магазинам. Сколько непроизводительной затраты сил на самое элементарное дело» (18 декабря 1941 года)⁵².

49 Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945 / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 2003. С. 384–387.

50 Из дневниковых записей журналиста Н.К. Вержбицкого. С. 478.

51 Там же. С. 499.

52 Смирнов Я.Е. Указ. соч. С. 329.

«У меня цифры, сделанные чернильным карандашом на ладонях, на запястьях, на тыловой стороне ладони: 31, 62, 341, 5004... Это места, которые я занимал в разных очередях. Посмотришь, и у всех такие же “знаки антихриста”» (22 октября 1941 года)⁵³.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

ДЕНЬГИ И ВОЙНА: ЭКОНОМИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

М.И. Смирнов в связи с продовольственными трудностями – и особым положением работников торговли – вспоминает поговорку «Не ищи брата, а ищи брата» (27 декабря 1941 года)⁵⁴. В целом, карточная система снабжения неизбежно ослабляла роль денег, а карточки превращались в товар и средство расчета, их стали подделывать, как раньше денежные знаки. Очевидцы указывали, что осенью 1942 года на Минаевском рынке «много продается промтоварных, хлебных и продовольственных карточек от 50 до 300 руб. в зависимости от количества талонов»⁵⁵. О покупке «чистых» продовольственных карточек на рынке Челябинска вспоминает и Ада Сванидзе. «Чистые» карточки потом вместе с «законными» пытались подсунуть работнику ЖЭКа, где на них ставились печати. По ее впечатлениям, «жульничали практически все, у кого в семье было четверо или более едоков и мало рабочих карточек»⁵⁶. Будущий востоковед Георгий Мирский вспоминает, как они с матерью, подобно многим москвичам, страдая от холодов, сначала обзавелись «буржуйкой», а потом решили поставить настоящую печь. Печнику пришлось платить продовольственными карточками и две недели жить, «не получая ни хлеба, ни сахара, ни “жиров”»⁵⁷. Рабочий Пермского авиационного завода А.И. Дмитриев описывает в дневнике от 4 мая 1944 года свои коммерческие операции: «“Толкучий рынок” перевели к нам на площадь, и я сейчас частенько там отираюсь. Комбинирую с хлебом. Беру талончики, а продаю хлеб. Кое-что от этого мне остается. А иначе сейчас не проживешь». В записи от 14 апреля изложены подробности: знакомая официантка из столовой помогала Дмитриеву отоваривать карточки, полученный хлеб продавался и на деньги приобретались новые карточки, при этом продавец оставался с прибылью, заработав около 170 рублей за полтора часа»⁵⁸.

Средством расчетов, как это случалось и в более поздние, благополучные времена, нередко являлась водка. Дочь репрессированного писателя Артема Веселого – Гайра, студентка истфака МГУ – вспоминала:

53 Из дневниковых записей журналиста Н.К. Вержбицкого. С. 481.

54 Смирнов Я.Е. Указ. соч. С. 329.

55 Записки москвича. Осень 1942. С. 56.

56 Сванидзе А.А. Указ. соч. С. 132.

57 Мирский Г.И. Жизнь в трех эпохах. М.; СПб., 2001. С. 36.

58 КАБАЦКОВ А.Н. Образы войны по дневникам А.И. Дмитриева 1942–1944 годов // Вестник Пермского университета. История. 2016. № 3(34). С. 123.

«Самыми голодными за всю войну были 1943-й и 1944 годы. Иногда по карточкам, кроме хлеба, сахара и немного жиров, месяцами ничего не выдавали. Отovarить карточки, то есть оплатив талоны, получить на них продукты, было не так просто. Очередь нужно было занимать часа за два до открытия магазина. Потом еще долго ждать, пока директор примет товар. Крик из мясного отдела: “Мяса привезли мало, отсчитайте человек сто, остальным не хватит”. [...] Большим подспорьем нашему бюджету были месяцы, когда объявлялась продажа водки на особый номерной талон в продовольственных карточках».

На Арбатском рынке талон на водку можно было обменять на буханку черного хлеба. Однажды, замешкавшись с операцией «талон–деньги–хлеб», Гайра с сестрой пошли продавать не талон, а саму водку, переуступив ее молодому лейтенанту, для совершения сделки с которым пришлось предусмотрительно зайти в подъезд дома⁵⁹. В воспоминаниях Н.Н. Шабановой, оказавшейся в эвакуации в Уфе, есть похожие наблюдения:

«Важным средством платежа в годы войны служила бутылка водки. За водку можно было достать дрова, картошку, расплатиться за какую-нибудь работу или услугу. Водку давали по карточкам раз в месяц, но далеко не всем. [...]

Продавала водку на рынке обычно я. Однажды произошла у меня при этом большая неприятность. Когда я вытащила из сумки пол-литровую бутылку, меня окружили несколько мужчин. Один из них стал кричать на меня, что водка у меня фальшивая, другие ему поддакивали, возник шум, скандал, который закончился тем, что бутылку вырвали у меня из рук и больно пнули кулаком в спину с криком: “Уходи, покуда цела!”. Никто не заступился, милиции не было».

После этого случая муж Шабановой – крупный научный работник, который, собственно, и получал карточку на водку, – одну продавать ее уже не отпускал⁶⁰.

Ада Сванидзе, чей отец имел доступ к питьевому спирту, предназначенному для протирки станков, вспоминает, как тот, угощаясь им на работе, дважды приносил драгоценный продукт в дом в двухлитровых бидонах. В семье разводили спирт до 38–40 градусов, разливали в стеклянную тару и «раз в неделю (чтобы не мозолить глаза милиции) утилизировали каждую бутылочку на рынке»⁶¹. Писатель Всеволод Иванов пишет о своей бывшей жене в дневниковой записи от 23 января 1943 года: «она существовала на водку, которую выдавали в Союзе [писателей], – уж чего эфемерней! – а теперь водки не выдают и она

⁵⁹ Веселая Г.А. *По бездорожью XX века. Семейные истории*. М., 2017. С. 363–365.

⁶⁰ Шабанова Н.Н. *Указ. соч.* С. 125–126.

⁶¹ Сванидзе А.А. *Указ. соч.* С. 131.

бедствует»⁶². Врач московской скорой помощи Н.К. Веселовская – племянница историка Степана Веселовского, – вспоминая о жизни в квартире без отопления, пишет о приобретении печки-буржуйки и обмене водки на дрова для нее. «На следующий год пригнали уже целый грузовик бревен – опять же за водку и табак»⁶³. Иван Владимиров упоминает о периоде после 17 октября 1941 года:

«На базарах и рынках нет никакой продажи – колхозники приносят мешочки с картошкой, с морковью, капустой, но они свой “товар” не продают ни за какие деньги, а только предлагают менять на хлеб, сахар, селедки, постное масло и самое желательное и выгодное – на водку... а добыть водку очень трудно – купить дорого – сто рублей за пол-литра»⁶⁴.

Драматург Александр Гладков в дневниковой записи от 26 января 1943 года упоминает починку пишущей машинки за водку⁶⁵, а в записях от 21-го и 22 марта 1942 года описывает, как ему удалось попасть в поезд, следующий из Казани в Свердловск (купленные накануне билеты ничего не гарантировали):

«Сели мы еле-еле. Придя на вокзал к 7 часам, ждали поезда до 11 часов. Мороз. Почти замерзли. При посадке драка. Меня осеняет. Идем к запертой двери, и стучу. За стеклом чье-то лицо. Я вытаскиваю из кармана заранее приготовленную бутылку водки и приближаю ее к стеклу. И – о чудо! – нам отпирают дверь. Дверь нам указал носильщик, тоже за порядочную мзду. Вагон уже набит командировочными, эвакуированными, мешочниками, но для двух человек место находится»⁶⁶.

Спустя десятилетия писатель Вячеслав Кондратьев, описавший в своей повести «Отпуск по ранению» (1980) военную Москву, рисует сцену, в которой главный герой вступает в диалог с женщинами, стоящими в очереди за водкой, «выброшенной» в продажу без талонов: «Мы стоим-то, думаете, чтоб выпить? Нет. Ну, мужики, те, конечно, в себя вольют, а мы, женщины, только посмотрим – и на рынок». Инвалид, отстоявший в той же очереди, где действовала норма не более двух бутылок в одни руки, поделился своим способом выживания:

«Бутылку одну я, конечно, употребляю, а вторую – на базар, как те бабоньки, что в очереди стояли. За пятьсот, может, и не продам, долго стоять надо, а за четыреста верняком... Вот на них-то тебе

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

ДЕНЬГИ И ВОЙНА: ЭКОНОМИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

62 ИВАНОВ В. Указ. соч. С. 248.

63 ВЕСЕЛОВСКАЯ Н.К. *Записки выездного врача скорой помощи (1940–1953)*. М., 2016. С. 105–107.

64 ВЛАДИМИРОВ И.А. Указ. соч. С. 49–50; см. также записи от 8 ноября и 22 декабря 1941 года: С. 58, 79–80.

65 ГЛАДКОВ А.К. *Из дневниковых записей. 1941–1945 гг.* // *Музы в шинелях: советская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны. Документы, тексты, воспоминания*. М., 2006. С. 229.

66 Там же. С. 212–213.

и килограмм картошечки, вот тебе немного маслица или сальца... Вот так, браток. Понял? Гадство – верно. А что делать? Водку без талонов, поди, каждый день где-нибудь, да дают. Я вот сейчас до Колхозной пешочком пройду, авось еще где дают, может, еще пару бутылок приобрету. Вот так, брат, пока и кручусь. Жрать-то надо»⁶⁷.

Фронтовой переводчик Ирина Дунаевская в дневниковой записи от 8 февраля 1943 года фиксирует: «Пока заняться нечем, разведчики дуются “в очко” на водку. К ним примкнули и свободные саперы»⁶⁸. Техник-лейтенант А. Ковалевский в дневниковой записи от 23 апреля 1944 года упоминает, как из-за нехватки денег пришлось добывать спиртное без их помощи: «Начали изыскивать другие средства, ну и, конечно, как всегда, нашли. Насажали в свою машину баб штук шесть. Провезти их нужно было километров 60–80. За эту услугу получаем с них контрибуцию – по пол-литра самогона с каждой»⁶⁹. Николай Иноземцев, не упускающий случая записать пикантные подробности фронтового быта, конспектирует в дневнике:

«9 февраля [1944] Малый Стайки. [...] Встреча с Ридным. Его разговор с регулировщицей в Краснопольске:

– Какого х... пришел – увещания о совести и солдатской, в частности, и эпилог:

– Скажи своим солдатам, что у меня спи... шинель. Кто найдет – получит пол-литра и 8 раз. Нравы военного времени»⁷⁰.

Денежным эквивалентом, помимо водки, хлеба, табака, могла служить и картошка. 26 марта 1942 года Н.К. Вержбицкий записывает:

«Ездил в Малаховку. Картошка у колхозников 50 руб. кг. – хорошая... и 20–25 руб. – мороженная, то есть слизь... Продается барахло, и все цены припоровлены к картошке. 1 кусок хозяйственного мыла – 2 кило, пара ботинок – 8 кило, штаны – 10 кило, пила – 5 кило, носовой платок – кило. За колхозными санями с картошкой очередь вьется змеей»⁷¹.

* * *

Большое количество свидетельств о меновой торговле и сопутствующих ей явлениях содержали дневники и воспоми-

⁶⁷ Кондратьев В.Л. *Отпуск по ранению: повести*. М., 2011. С. 173, 176–177.

⁶⁸ Дунаевская И. *Дневник военной переводчицы. Фрагменты* // Звезда. 2010. № 5 (<https://magazines.gorky.media/zvezda/2010/5/dnevnik-voennoj-perevodchicy.html>).

⁶⁹ Ковалевский А. «Нынче у нас передышка...». *Фронтовой дневник* // Нева. 1995. № 5. С. 75.

⁷⁰ Иноземцев Н.Н. *Указ. соч.* С. 140.

⁷¹ Из дневниковых записей журналиста Н.К. Вержбицкого. С. 502.

нения ленинградцев. Все, о чем было упомянуто выше, в блокадных условиях проявлялось еще явственнее, масштабнее и трагичнее. Петербургский исследователь Сергей Яров пишет:

«Говоря о денежном эквиваленте рыночных цен, надо обязательно отметить, что он во многом являлся условным. Главной расчетной единицей служила стограммовая порция хлеба – применительно к ней и “выстраивались” цены на все продукты и товары»⁷².

Свидетельства очевидцев это подтверждают:

«Деньги не имели... никакой стоимости. Раз на деньги нельзя было ничего купить, раз нигде не было решительно никакого товара, денег никто не хотел брать. Нельзя было купить никакой услуги, ни дров, ни керосина» (записки Ольги Фрейденберг, сделанные на основе дневниковых текстов зимы 1941–1942 годов)⁷³.

«Что же стоят наши деньги? Никто не хочет работать за деньги. Работают только за хлеб, за продукты» (из дневника директора архива Академии наук СССР в Ленинграде Георгия Князева от 5 декабря 1941 года)⁷⁴.

«Необыкновенно удачный день. Проходя мимо рынка, встретил какого-то военного со свертком, которому понравилась моя шапка. “Не хотите ли обменять на хлеб Вашу шапку, мне как раз нужна такая, как у Вас?” – обратился он ко мне. Я охотно согласился, и шапка была продана за буханку хлеба, весящую 1600 гр. В придачу я получил еще хороший завтрак, состоящий из тарелки кислой капусты, грамм 50-ти сливочного масла, граммов 500 хлеба и нескольких стаканов чая со сгущенным молоком. Домой возвратился в прекрасном настроении, хотя на мне вместо каракулевой шапки была одета потрепанная военная фуражка, которую я получил, чтобы дойти до дому не с голой головой» (из записей учителя А.И. Винокурова от 23 ноября 1942 года)⁷⁵.

«На улицах вывешено много объявлений, извещающих о продаже или обмене на продовольствие мебели, одежды, обуви и различных хозяйственных вещей. Некоторые объявления всех привели бы в изумление, если бы появились несколько месяцев тому назад. Наиболее интересные мною записаны:

- Меняю на хлеб пол-литра крепкого портвейна.
- Меняю хлебную иждивенческую карточку на дуранду.
- Делаю гробы из материала заказчика.
- Куплю дрова. Могу рассчитаться изготовлением искусственных зубов.
- Меняю на дрова тес, годный для гроба.
- Доставляю воду с соблюдением правил гигиены за умеренную плату хлебом или табаком.
- Меняю книги на дрова. [...]

72 Яров С.В. *Повседневная жизнь блокадного Ленинграда*. М., 2013. С. 49.

73 ФРЕЙДЕНБЕРГ О.М. Указ. соч. С. 14.

74 Князев Г.А. *Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945*. СПб.: Наука, 2009. С. 338.

75 *Блокадный дневник учителя Винокурова А.И. // Блокадные дневники и документы*. СПб., 2004. С. 289.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

ДЕНЬГИ И ВОЙНА: ЭКОНОМИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Характер многочисленных объявлений, вывешенных желающими продать или обменять свои вещи на продовольствие, почти не изменился, только большинство объявлений теперь начинаются словами “срочно”, “экстренно” или “дешево”» (из записей учителя А.И. Винокурова от 10-го и 15 января 1942 года)⁷⁶.

В.В. Кузнецов упоминает об объявлении, увиденном его знакомой в январе 1942 года на Среднем проспекте Васильевского острова: «Меняю на продукты сосновый гроб, не бывший в употреблении»⁷⁷. Е.Г. Городецкий 18 июня 1943 года записывает текст виденного им объявления о натуральной оплате услуг: «Бесплатно отдам пианино тому, кто поможет перенести домашние вещи с ул[ицы] 25 октября на Литейную»⁷⁸.

Предельно выразительны факсимильно воспроизведенные страницы из тетради, изъятой при аресте в марте 1942 года у А.А. Никитина, который собирал материалы, чтобы потом написать книгу о пережитом. Записи рубрицированы и содержат информацию с точной датировкой: «рыночные цены», «обмен вещей и продуктов», «моя продажа и обмен с 15.2.42 по 1.03.42»⁷⁹.

В семье будущего академика Дмитрия Лихачева правильно восприняли мудрый совет: прежде всего нести на продажу женские вещи. «Модные женские вещи, – вспоминает Лихачев, – единственное, что можно было обменять: продукты, были только у подавальщиц, продавщиц, поварих»⁸⁰. Об этой привилегированной категории другим наблюдателем замечено: «Какая-нибудь судомойка живет лучше инженера. Мало того, что она сама сыта, она еще скупает одежду и вещи. Сейчас поварской колпак имеет такое же магическое действие, как корона во время царизма»⁸¹. А.И. Винокурову, посетившему театральный спектакль, бросилось в глаза, что среди публики «военные, официантки из столовых, продавщицы продовольственных магазинов и т.п. люд, обеспеченный в эти ужасные дни не только куском хлеба, а и весьма многим»⁸². Наглядное социальное расслоение, обнаружившееся в театральном зале,

⁷⁶ Там же. С. 241, 248.

⁷⁷ Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда. СПб., 2014 (<https://corpus.prozhito.org/notes?date=%221943-01-01%22&diaries=%5B1432%5D>).

⁷⁸ Тихонов В.В., Климова Л.В., Городецкий Е.Н. *Записи фронтовых впечатлений о Ленинграде (июнь 1942, август 1943 гг.), Сталинграде (1943 г.) и Киеве (ноябрь 1943 г.)* // История и историки: историографический вестник. М., 2024. С. 377.

⁷⁹ Блокадные дневники и документы. СПб., 2004. С. 460–461.

⁸⁰ Лихачев Д.С. *Указ. соч.* С. 98–99.

⁸¹ Пянкевич В.Л. «Одни умирают с голоду, другие наживаются, отнимая у первых последние крохи»: участники рыночной торговли в блокадном Ленинграде // Социально-культурные аспекты истории экономики России XIX–XX вв. СПб., 2012. С. 161.

⁸² Блокадный дневник учителя Винокурова А.И. С. 231.

напомнило другой блокаднице времена НЭПа⁸³. Недовольство граждан злоупотреблениями в сфере продовольственного распределения отразили и сообщения Управления НКВД по Ленинградской области и Ленинграду⁸⁴. Меновой торговле также способствовали проявления административного усердия властей:

«Деньги в большой мере потеряли свойство универсального товара вследствие боязни торгующих оказаться “спекулянтами”. Дело в том, что меновая торговля не преследуется, а продажа по высоким ценам влечет большие неприятности. [...]»

Опубликовано постановление Горсовета о запрещении обмена продовольствия на рынках и улицах. Виновные в нарушении этого постановления будут привлекаться к ответственности и подвергаться тюремному заключению на несколько лет с конфискацией принадлежащего им имущества» (из записей учителя А.И. Винокурова от 4 января и 22 мая 1942 года)⁸⁵.

Гонения привели к тому, что к старым торговым точкам добавились новые – территории возле булочных. Впрочем, запреты сменялись послаблениями. Петербургский исследователь Сергей Яров приводит подборку воспоминаний горожан, свидетельствующих о вытеснении денежных расчетов меновой торговлей:

«Рынки обмена появились почти на каждой улице. По дороге встретил два».

«Город охватила меновая лихорадка: на первом месте водка, потом – хлеб, папиросы, масло, сахар».

«В “смертное время” признавались в качестве “валюты” только хлеб и папиросы».

«Сам я никогда не видел, чтобы продавали хлеб или вообще что-нибудь съестное. Только меняют».

«Ничего за деньги. Деньги совершенно не ценят».

«Это на деньги... такие бешеные, почти не достать, меняют только на хлеб».

83 Пянкевич В.Л. *«Одни умирают с голоду...»*. С. 160.

84 Там же. С. 162–163.

85 *Блокадный дневник учителя Винокурова А.И.* С. 239, 240. О запрете именно продавать, а не обмениваться упоминает 15 января 1942 года и музейный работник А.А. Черновский: Пянкевич В.Л. *Власть и рынок в блокадном Ленинграде* // Российская история. 2017. № 6. С. 58. Несколько свидетельств о разгоне городских властями рынков в период конца зимы – весны 1942 года см.: Там же. С. 58–59. Петербургский историк Владимир Пянкевич многие из своих публикаций посвятил рыночным отношениям в блокадном городе, отметим лишь основные: Он же. *Рынок блокадного Ленинграда* // *Жизнь и быт блокированного Ленинграда: сборник научных статей*. СПб., 2010. С. 122–163; Он же. *«Одни умирают с голоду, другие наживаются, отнимая у первых последние крохи»: участники рыночной торговли в блокадном Ленинграде* // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. 2012. № 9. С. 155–183; Он же. *Власть и рынок в блокадном Ленинграде*. С. 52–66; Он же. *Выбор блокадного человека* // *Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Книга шестая*. СПб., 2019. С. 7–22; Он же. *По разные стороны прилавка. Продавцы и покупатели блокадного Ленинграда* // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 1(64). С. 148–157.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

ДЕНЬГИ И ВОЙНА: ЭКОНОМИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

«На деньги продают мало».

«Знаю только один случай, когда продукты были проданы за деньги».

«На деньги на рынке ничего не купить»⁸⁶.

Касаясь утверждений о высоких ценах, Яров пишет:

«Наиболее жестко по этому поводу высказался Владимир Григорьевич Даев... Легенды о баснословных ценах на ленинградских блокадных рынках – вымысел беллетристов или факты, относящиеся к последующим периодам войны. А до того денег не было видно на рынках вообще, менялся товар на товар»⁸⁷.

Правда, Яров упоминает и об имевших место денежных и «смешанных» сделках:

«Продукты и товары обменивались “в придачу” с определенной (чаще всего небольшой) денежной суммой. Деньгами, как правило, расплачивались лишь при мелких покупках – спичек (7–12 рублей за коробок), открыток (несколько рублей), а в 1942–1943 годах за мизерные порции овощей – пучков редиски, 100–200 граммов салата»⁸⁸.

Характерный факт для понимания соотношения ценностных категорий приводит будущий академик Исаак Минц в своей дневниковой записи от 3 января 1942 года, передавая слышанное им от писателя Берштадского:

«На один из ленинградских аэродромов прибыл грузовой самолет. Быстро вытащили мешки с мукой. Моментально у мешков стал караул. Через полчаса прибыл другой самолет. С него стали сбрасывать какие-то бумаги. Никакого караула у выброшенных вещей не поставили. Летчика спросили, что за вещи. Он пренебрежительно махнул рукой: это – деньги»⁸⁹.

Но, выявляя господствующую тенденцию, следует избегать излишней категоричности. Упоминания о ценах в рублях и покупках за деньги наряду с меновой торговлей можно встретить в дневниках А.И. Винокурова, В.В. Фокина, И.А. Владимирова, В.П. Розина и многих других. Последний в записи от 1 января 1942 года после перечисления цен на хлеб и папиросы в рублях пишет о своего рода дифференциации доступности товаров: «Сахар, конфеты, масло – меняются только на хлеб»⁹⁰. В ходе проведенного в 1998–2000 годах анкетирова-

⁸⁶ Яров С.В. Указ. соч. С. 49, 52.

⁸⁷ Там же. С. 49.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ «Из памяти выплыли воспоминания...». Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И.И. Минца. М., 2007. С. 51.

⁹⁰ Цит. по: <https://biography.wikireading.ru/hzve9NbS5r>; дневниковые записи Розина опубликованы в: Лихачев Д.С. Указ. соч.

ния блокадников 61,4% респондентов сообщили, что их семьи меняли вещи на еду⁹¹.

Не будем забывать и про систему карточного распределения. Ценой продуктовых карточек в осажденном городе была человеческая жизнь. Ради получения очередных карточек близкие могли какое-то время хранить в тайне смерть своих родных и держать их трупы дома, не регистрируя и не захоранивая. Голод убивал привычную мораль. Г.А. Князев отмечает в дневниковой записи от 16 января 1942 года:

«Иногда еще человек не умер, но уже поджидают и рассчитывают, долго ли можно пользоваться будет его карточками. Очень невыгодно, если родственник или свойственник умрет в конце месяца. И как хорошо, если в самом начале!»⁹²

Городские власти осознавали масштабы проблемы. Дмитрий Павлов – уполномоченный ГКО по обеспечению продовольствием Ленинграда и Ленинградского фронта – приводит в своих воспоминаниях подробности, связанные с принятием Ленгорисполкомом 10 октября 1941 года решения провести перерегистрацию выданных карточек на текущий месяц «в целях пресечения злоупотреблений... и недопущения получения продовольственных товаров по возможным фальшивым карточкам»⁹³. В декабре последовали новые жесткие меры. По поручению Жданова районные карточные бюро предоставили информацию о количестве обращений по поводу утери карточек: «Выяснилось, что в октябре было выдано 4800, в ноябре – 13 тыс., а в декабре – 24 тыс. карточек взамен утерянных. Расход продовольствия на какое-то время был двойной»⁹⁴. Карточки не только «теряли», но и подделывали, в том числе и рабочие типографии, где они изготавливались⁹⁵.

* * *

Похожие явления наблюдались и на оккупированной территории. Александр Даллин в работе «German Rule in Russia, 1941–1945: A Study of Occupation Policies» (1957) отмечал:

«За исключением Прибалтики, наличные деньги не имели в жизни людей большого значения. Опасаясь обесценивания новых оккупационных денежных знаков, население предпочитало деньгам

91 Пянкевич В.Л. *Власть и рынок в блокадном Ленинграде*. С. 55.

92 Князев Г.А. *Указ. соч.* С. 405.

93 Павлов Д.В. *Стойкость*. М., 1983. С. 76–78.

94 Там же. С. 113–114.

95 Гаврилова О.А., Ходяков М.В. *Изготовление продовольственных карточек в блокадном Ленинграде. 1941–1943 гг.* // Новейшая история России. 2016. № 2(16). С. 58.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

ДЕНЬГИ И ВОЙНА: ЭКОНОМИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

осязаемые товары. Из-за низкой покупательной способности и ограниченного предложения товаров большинство торговых сделок заключалось в форме бартера»⁹⁶.

С ним солидаризировался и российский исследователь Борис Ковалев, когда писал о «самом широком размахе», который приобрел на оккупированных территориях бартер: «натуральный обмен продуктов и предметов первой необходимости»⁹⁷. А вот свидетельства очевидцев. А.П. Яворский вспоминал, как десятилетним мальчиком зимой 1942 года сопровождал из Таганрога в одно из окрестных сел мать, скопившую «обменный фонд» из отреза ситца, бус, мази для рук, спичек, гвоздей, ниток. Однако почти все из полученного в обмен (ведро картошки, пшено, кусок сала) было конфисковано у них румынскими солдатами⁹⁸. Киевлянка Нина Герасимова 22 октября 1941 года записывает: «Жизнь в городе не налажена, продуктов нет никаких, на базаре за деньги ничего нельзя достать, все на обмен». Немецкое командование и местная власть пытались с этим явлением бороться: другая киевлянка, И.А. Хорошунова, записывает 25 июня 1942 года в дневнике:

«На обмен ходить в села теперь нельзя. Если раньше украинская полиция трясла мешочников, то теперь немцы расправляются своими методами с обменщиками. Останавливают идущих в село и из села. В первом случае на кострах сжигают вещи, которые несут на обмен. Во втором случае забирают все дочиста, все продукты, арестовывают, избивают людей, разбивают в щепки самодельные тачки»⁹⁹.

Олимпиада Полякова в «Дневнике коллаборантки», вышедшем после войны на Западе под псевдонимом Лидия Осипова, в записи от 12 ноября 1941 года так говорит о продовольственной ситуации в оккупированном Пушкине:

«Голод принял уже размеры настоящего бедствия. На весь город имеются только два спекулянта, которым разрешено ездить в тыл за продуктами. Они потом эти продукты меняют на вещи. За деньги ничего купить нельзя. Да и деньги все исчезли. Цены соответственные: хлеб расценивается по 800–1000 р. за килограмм, меховое новое пальто 4000–5000 рублей. Каракулевого или котикового. Совершенно сказочные богатства наживают себе повара при немецких частях»¹⁰⁰.

96 Цит. по: Даллин А. *Захваченные территории СССР под контролем нацистов. Оккупационная политика Третьего рейха 1941–1945*. М., 2019. С. 227–229.

97 Ковалев Б.Н. *Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944*. М., 2004. С. 131.

98 Яворский А. *Оккупация Таганрога – глазами мальчишки (письмо в «Известия») // «Нам запретили белый свет...»*. С. 120.

99 Цит. по: www.judaica.kiev.ua/old/Egupez.htm.

100 Осипова Л.Т. *Дневник коллаборантки // «Свершилось. Пришли немцы!» Идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны* / Сост. и отв.ред. О.В. Будницкий. М., 2014. С. 94.

Про «подпольный» товарообмен в оккупированном Полоцке пишет П.Д. Ильинский:

«Продукция местной промышленности для русского, то есть гражданского, населения, главным образом для рабочих и служащих, отпускалась по очень низким, “твердым” ценам в незначительном, строго регламентированном количестве. Но за взятки или при содействии подарков – кур, масла или яиц – каждый мог получить почти все и в достаточном количестве. Лица, работавшие на тех или иных предприятиях местной промышленности, а таких в городе было чуть ли не большинство, имели возможность нелегально или полулегально получать очень многое с других каких-либо предприятий местной промышленности, так сказать, “в порядке обмена” или, вернее, незаконной взаимной любезности. Всякое начальство смотрело на это сквозь пальцы»¹⁰¹.

Подробные свидетельства о периоде немецкой оккупации Таганрога оставил Николай Саенко, также отметивший попытку регулирования цен. В его записях по дням прослежен переход к денежной торговле, которой предшествовал товарообмен. С 25-го по 29 октября он последовательно отмечает:

«На базаре начинают появляться продукты, но на обмен вещей. [...] Воскресенье, на базаре люди толпятся, происходит обмен товара на продукты, за деньги ничего не продается. [...] На базаре начинается торговля на деньги, но многие делают товарообмен. [...] На базаре началась торговля за деньги, но цены невероятные»¹⁰².

Однако денежные расчеты товарообмен окончательно не вытесняют, и в записи от 18 января 1942 года можно прочитать: «Ходил на базар, выменял за 5 штук селедок пачку махорки, а за пачку махорки выменял 2 кг мяса конины. Купил два кормовых бурака за 30 рублей, мерзлые»¹⁰³.

Вспомним и о сельских жителях. Один из ярких примеров связан с поощрением служебного рвения старосты деревни Туховежи Лужского района Ленинградской области, задержавшего и выдавшего генерал-лейтенанта Андрея Власова немецким властям 12 июля 1942 года, за что был премирован отнюдь не деньгами, а коровой, водкой и табаком¹⁰⁴. Процессы, порожденные драматическими событиями 1941–1945 годов, были похожи и распространены по обе стороны фронта.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВ

ДЕНЬГИ И ВОЙНА: ЭКОНОМИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

101 Ильинский П.Д. *Три года под немецкой оккупацией в Белоруссии (жизнь Полоцкого округа 1941–1944 годов) // Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник / Сост. К.М. Александров. СПб., 2011. С. 57.*

102 Саенко Н. *Таганрогский дневник (2 октября 1941 г. – 1 сентября 1943 г.) // «Нам запретили белый свет...»... С. 30–31.*

103 Там же. С. 54.

104 «Премирован коровой, водкой и табаком». Показания зондерфюрера Клауса Пельхау об обстоятельствах пленения командующего 2-й ударной армии 12 июля 1942 года // Военно-исторический архив (Москва). 2012. № 9(153). С. 178.

Закончилась война. Подведены были и ее финансовые итоги: согласно подсчетам, приведенным в одном из аналитических обзоров, количество денег в обращении на 22 июня 1941 года составляло 19,4 миллиарда рублей. К концу 1945-го оно увеличилось в 3,8 раза до 73,9 миллиарда. В обращение за военный период были выпущены 54,5 миллиарда рублей¹⁰⁵. Страна постепенно переходила к мирной жизни. По мере насыщения товарного рынка деньги вновь стали возвращать себе законные права: служить полноценным средством расчета и мерой стоимости. Важной вехой на этом пути стала отмена карточной системы в декабре 1947 года. Она проходила одновременно с денежной реформой, идеологи которой, предоставляя людям возможности гораздо свободнее использовать свои денежные средства, предварительно позаботились о том, как их жестко урезать.

105 Денежное обращение в 1941–1950 годах (аналитический обзор) // По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 5: Денежное обращение в СССР периода Великой Отечественной войны в документах (1941–1945 годы). М., 2008. С. 84.

Память о войне в китайско-японских отношениях: забвение, актуализация, политизация

Кирилл
Кузьмин

Современные отношения между Китаем и Японией сложны и противоречивы. С одной стороны, эти государства имеют многовековую историю взаимодействия; культуры этих стран теснейшим образом переплетены: японская долгое время формировалась под сильным влиянием китайской. Экономики стран также зависят друг от друга: даже в первые, самые сложные годы «холодной войны» коммунистическое китайское руководство избрало в отношении капиталистической и проамериканской Японии стратегию «холодная политика – горячая экономика». Вместе с тем между КНР и Японией сохраняется множество проблем и споров, одной из причин которых являются отношения с США: для Китая это стратегический соперник, а для Японии – ключевой союзник. Кроме этого, оба игрока борются за лидерство в регионе и периодически признают друг друга угрозой собственной безопасности. Есть в наборе взаимных претензий и давний территориальный спор: речь идет об островах Сэнкаку (или Дяоюйдао в китайском языке), которые, в частности, стали причиной кризиса двусторонних отношений 2010–2012 годов¹.

С 1980-х список проблем, мешающих двум странам полноценно взаимодействовать, пополнился историческими претензиями со стороны Китая, проистекающими из трагических событий 1931–1945 годов. Речь идет о вторжении Японии в северный Китай и оккупации Маньчжурии с последующим образованием марионеточного государства Маньчжоу-го – и, далее, о японо-китайской войне 1937–1945 годов, сопровождавшейся захватом территорий, гибелью миллионов китайских и японских солдат и офицеров, а также мирных граждан (только со стороны Китая погибли, по разным подсчетам, от 18 до 35 миллионов человек).

Кроме того, японская армия при прямом содействии, руководстве и попустительстве командования совершала военные преступления, наиболее известным из которых является Нан-

Кирилл Кузьмин
(р. 1997) – доцент
кафедры истории и
философии Иркутского
национального исследо-
вательского техничес-
кого университета,
исследователь проблем
памяти и исторической
политики.

¹ Подробнее об истории спора см.: КИРЕЕВА А.А. *Японо-китайский спор: Сэнкаку или Дяоюйдао?* // Азия и Африка сегодня. 2013. № 10. С. 2–9; ОНА ЖЕ. *Японо-китайский спор: Сэнкаку или Дяоюйдао?* // Там же. 2013. № 11. С. 18–26.

кинская резня 1937 года, когда погибло, по разным подсчетам, до нескольких сотен тысяч китайцев (исследователи в КНР и других странах говорят о 300 000 жертв). Также это и создание японским командованием на оккупированных территориях так называемых «станций для утешения», то есть легальных солдатских и офицерских публичных домов, где использовались «женщины для утешения» – корейки, китайки, филиппинки и представительницы других национальностей, подавляющее большинство из которых похитили и принудили к секс-работе. Многие из этих женщин погибли или пропали без вести. Наконец, это создание Японией печально известных «отрядов 731» и «100» Императорской армии, которые занимались бесчеловечными опытами над живыми людьми (пленными солдатами и мирными жителями, причем не только китайцами), а также испытанием над ними химического и биологического оружия. В ряду преступлений японских военных также «рисовые наступления» (изъятие на оккупированных территориях у крестьян запасов продовольствия), бомбардировки мирных населенных пунктов, массовые изнасилования.

Перечисленные трагедии стали темами и сюжетами, определившими коллективную память китайцев о войне и повлиявшими на конструирование послевоенной идентичности, развитие исторической памяти и отношение к Японии и японцам. В то же самое время в послевоенной Японии отношение к событиям 1931–1945 годов стало основой обновленной идентичности и сформировало повестку будущих противоречий, разделивших японское общество. Соответственно, память о войне, ставшая в обеих странах определяющим смысловым конструктом коллективной памяти с совершенно разным содержанием мемориального нарратива, не могла не повлиять на китайско-японские отношения. Об этой памяти, как о факторе двустороннего взаимодействия в 1945–2018 годах, и пойдет речь в данной статье.

В восприятии населения Китая война с Японией стала прежде всего трагедией огромного масштаба, учитывая, что, согласно последним официальным китайским подсчетам, ее жертвами оказались более 35 миллионов человек. Кроме того, Китай был жертвой агрессии, вышедшим победителем в войне. Витимный характер памяти во многом обусловил сакрализацию сюжетов официозного повествования о войне. Скажем, в Китае считается недопустимым подвергать сомнению государственные данные о количестве жертв; самым неприкасаемым символом является число погибших в Нанкинской резне (300 000) – это уже нечто большее, чем просто статистика². Память Китая о Второй мировой – это память жертвы, в основе которой – кол-

2 В частности, число 300 000 вместе с известными именами погибших высечено на мемориальной стене в Музее Нанкинской резни в Нанкине.

лективная травма. С 1980-х партийное и государственное руководство стало активно использовать память о войне с Японией в качестве одного из нарративов, призванных сплотить китайское общество в духе патриотизма и незабвенности «столетия унижений»³.

Что касается японского общества, то оно оказалось в двойственном положении. С одной стороны, Япония признана виновницей войны в Азии, агрессором, совершившим тяжелейшие военные преступления. С другой стороны, память японцев также – во многом – приобрела виктимный характер, поскольку наземные боевые действия в конце концов перенеслись на территорию самой страны (битва за Окинаву, в которой погибло несколько сотен тысяч человек), но главная причина – атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, не говоря уже об «обычных» массированных бомбардировках американских ВВС, снесших с лица земли многие городские кварталы Токио и других японских городов вместе с десятками тысяч их жителей⁴. В итоге память японского общества и государства о войне замешана на основе как вины, так и жертвенности.

КИРИЛЛ КУЗЬМИН

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ
В КИТАЙСКО-ЯПОНСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ...

Память о войне, ставшая в обеих странах определяющим смысловым конструктом коллективной памяти с совершенно разным содержанием мемориального нарратива, не могла не повлиять на китайско-японские отношения.

Нельзя также забывать о влиянии синтоизма и сложившегося на его основе и культе императора государственного милитаризма и ультра национализма, имеющих глубокие исторические корни. Все это не могло не стать важнейшим фактором, который стал определять память о войне в Японии. Именно здесь причины современной разобщенности японского общества в отношении к агрессивному прошлому. Одна часть японцев призывает помнить о виновности руководства страны и армии в развязывании войны и не допускать реставрации милитаризма. Другая часть, более консервативная и «правая», требует не ворошить прошлое, жить настоящим и будущим, а не «заниматься мазохизмом», по выражению представляющих этот сектор японских политиков. Еще есть правые радикалы и националисты, которые призывают к ревизии истории, отрицают

3 Подробнее о концепции «столетия унижений» в китайской политике см.: ZHENG W. *Never Forget National Humiliation. Historical Memory in Chinese Politics and Foreign Relations*. New York, 2012. P. 47–49.

4 БУКН А. *Japan's History Textbooks Debate: National Identity in Narratives of Victimhood and Victimization* // Asian Survey. 2007. Vol. 47. № 5. P. 683–704.

виновность Японии в военной агрессии и преступлениях, которые ей, как они считают, несправедливо приписывают.

ОТНОШЕНИЯ СТРАН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х – 1970-Е: ВЗАИМОВЫГОДНОЕ ЗАБВЕНИЕ

В политике обеих стран вплоть до 1970-х определяющей была тенденция забвения войны. И если в Китае она навязывалась государством, то в Японии сложилась спонтанно в результате взаимодействия разнообразных факторов, причем здесь скорее следует говорить не столько о забвении, сколько о стандартном действии коллективной (культурной) памяти, которая начинает воспроизводиться в обществе, актуализироваться, по мнению Яна Ассмана, приблизительно через сорок лет⁵. Так или иначе, но вплоть до рубежа 1970–1980-х историческая память практически не влияла на двусторонние отношения.

В период с 1945-го по 1972-й тема памяти о войне и японской агрессии почти не поднималась в отношениях Китая и Японии. До победы коммунистов в гражданской войне гоминьдановское руководство Китая во главе с Чан Кайши, заинтересованное в установлении дружественных отношений с японским правительством, старалось не упоминать о трагедиях недавнего прошлого. В разгар гражданской и начинавшейся «холодной» войны Чан Кайши пытался снискать поддержку новой японской власти, которую установили и поддерживали США. В отношении Токио был провозглашен «подход “воздавать добром за обиду”», то есть не акцентировать внимания на японских преступлениях⁶. Подобная тенденция, как ни странно, сохранилась и после прихода к власти коммунистов во главе с Мао Цзэдуном. Память о войне не была актуализирована и практически никак не влияла на отношения с Японией. Коммунистическое руководство КНР провозгласило принцип, согласно которому виновными считались японские милитаристы, а рядовые японцы и общественность не имели отношения к их преступлениям. Китаю в ситуации дипломатической изоляции, противостояния с США и ухудшения отношений с СССР во второй половине 1950-х необходимо было сохранить экономические и культурные связи, сложившиеся с Японией на тот момент. Этим объясняется тот факт, что в 1962 году китайское правительство не допустило к публикации книгу о Нанкинской резне⁷.

5 АССМАН Я. *Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 53.

6 ПЕРМИНОВА В.А. *Память о войне в Китае и ее влияние на японо-китайские отношения в 50-х – начале 80-х годов XX века* // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2021. Т. 20. № 4. С. 82.

7 LI H., HUANG SH. (Eds.). *The Nanjing Massacre and the Making of Mediated Trauma*. London, 2021. P. 21.

В 1972 году произошла нормализация китайско-японских отношений. Было подписано Совместное коммюнике, в котором Япония выражала глубокое сожаление по поводу агрессии в прошлом, а КНР отказалась требовать от японского правительства репарации за войну⁸. При этом в самом китайском обществе память о войне никуда не ушла – как и острое неприятие всего, что связано с Японией. Подтверждением служит тот факт, что в сентябре 1972 года китайским партийным и государственным чиновникам пришлось проводить разъяснительную работу с населением, которое подозрительно относилось к японцам, посещавшим страну в рамках подготовки и подписания коммюнике. Российская исследовательница Вера Перминова отмечает:

«Китайцы все еще продолжали воспринимать японцев как врагов. Несмотря на искренне дружественный настрой японских делегатов, посещавших послевоенный Китай с целью развития двустороннего торгового сотрудничества, местное население всегда с настороженностью, а порой и с явным недовольством относилось к подобным визитам»⁹.

В китайском обществе к тому моменту уже сформировалось противоречивое отношение к памяти о войне¹⁰. С одной стороны, травмы были серьезными и определяющими отношение к Японии, а с другой, память о войне подвергалась официальному – что очень важно для Китая – забвению и не имела актуализации. Скажем, в Договоре о мире и дружбе 1978 года, который восстановил дипломатические отношения двух стран, тема исторической памяти о войне вообще не поднималась¹¹.

Память в 1980–1990-е: политизация прошлого

Проблемой для китайско-японских отношений память о событиях 1931–1945 годов стала только в 1980-е, в разгар масштабных реформ в КНР, начатых после смерти Мао Цзэдуна. Триггером стало изменение нарратива о войне, которое собирались внести в японские учебники истории. Это вызвало мгновенную критику со стороны КНР. Данный инцидент оказался первым известным случаем, когда историческая память о войне и

КИРИЛЛ КУЗЬМИН

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ
В КИТАЙСКО-ЯПОНСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ...

8 *Joint Communique of the Government of Japan and the Government of the People's Republic of China* (www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/joint72.html).

9 ПЕРМИНОВА В.А. Указ. соч. С. 86.

10 Там же; YOSHIDA T. *The Making of the «Rape of Nanking»: History and Memory in Japan, China, and the United States*. London, 2006. P. 203–204.

11 *Treaty of Peace and Friendship between Japan and the People's Republic of China* (www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/treaty78.html).

отличия в ее восприятии в Китае и Японии стали международной проблемой. В сентябре 1982 года генеральный секретарь Центрального комитета компартии Китая Ху Яобан, выступая на XII съезде КПК, сказал:

«Некоторые силы в Японии обеляют японскую агрессию против Китая и других стран Восточной Азии в прошлом и проводят мероприятия по возрождению японского милитаризма. Эти опасные события не могут не насторожить народы Китая, Японии и других стран»¹².

Еще более серьезным конфликтом между КНР и Японией на почве памяти о войне стало дипломатическое противостояние 1985 года, вызванное посещением храма Ясукуни – места поминаения погибших во Второй мировой войне – премьер-министром Японии Ясухиро Накасонэ¹³. Визит главы правительства воспринимался как политический жест в отношении военного прошлого, как попытка оправдать военные преступления. Посещение храма Ясукуни вызвало волну протестов в азиатских государствах. В КНР на демонстрации вышли студенты, а в прессе было опубликовано множество осуждающих статей. С официальными протестами выступили и представители китайской власти: вице-премьер Госсовета Яо Илин публично раскритиковал Накасонэ за его визит, а генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан сказал, что Накасонэ «задел чувства народа Китая»¹⁴. После этого на протяжении нескольких лет премьер-министры Японии официально не посещали храма Ясукуни. Тем не менее событий 1985 года стало достаточно, чтобы «проблема Ясукуни» стала международной и политической, а тема войны превратилось в камень преткновения в двустороннем взаимодействии.

1990-е стали временем формирования и институционализации противостояния китайского и японского повествований о войне в политическом и культурном пространстве. В эти годы на отношение китайского руководства и общества к Японии влияло усиление консервативного подхода в японской исторической политике, что подталкивало китайскую общественность и политические силы к усиленному продвижению собственного нарратива о войне. В это десятилетие в китайских СМИ нередко критиковались подходы консерваторов в Японии к памяти о войне и агрессии. Кроме того, в китайском обществе –

¹² *The 12th National Congress* (www.bjreview.com.cn/90th/2011-04/12/content_357550_11.htm).

¹³ Храм Ясукуни в Токио – синтоистское святилище, посвященное японским военным, погибшим в войнах XIX–XX веков, которые вела их страна. Там поминаются и военные, погибшие в годы Второй мировой войны, в том числе генералы и адмиралы Императорской армии Японии, признанные международными трибуналами военными преступниками по классам А, В, С, виновные в преступлениях против мирного населения.

¹⁴ Smith S. A. *Intimate Rivals: Japanese Domestic Politics and a Rising China*. New York, 2015. P. 79.

не без влияния власти – появилась еще одна тенденция, в последующие годы влиявшая на отношения двух стран. Речь идет о требовании Китая извинений от японской стороны за агрессию прошлого. Так, газета «The New York Times» писала во время визита в КНР императора Акихито в октябре 1992 года: «От 80% до 90% респондентов считают, что императору нужно посетить Китай, но при этом ему следует извиниться и предложить компенсацию»¹⁵.

На политическом уровне конфликты происходили в основном на фоне общего ухудшения отношений – как, например, в 1996 году во время тайваньского кризиса, обострения ситуации вокруг спорных островов Сэнкаку (Дяоюйдао) и посещения в конце июля премьер-министром Японии Рютаро Хасимото храма Ясукуни. Визит вызвал протест китайских властей: официальный представитель Министерства иностранных дел КНР выступил с осуждающим заявлением, в котором было отмечено, что Хасимото задел чувства азиатских народов, а японское правительство призывалось к «правильному отношению» к своему прошлому ради восстановления доверия с их стороны. Тогда же вышла статья в «Жэньминь жибао» – главной газете китайских коммунистов – с критикой этого визита, а сам этот политический жест главы правительства Японии объяснялся ростом правых настроений в японском обществе и запросом на пересмотр исторической памяти о войне.

Впрочем, вскоре отношения были нормализованы, а влияние на них памяти о войне несколько ослабло. Однако в это десятилетие сложилась практика, когда официальные представители КНР либо устно на встречах с японскими политиками или чиновниками, либо в двусторонних политических документах стали регулярно упоминать о необходимости трезвой оценки Японией своего прошлого. В частности, в 1997 году во время визита Рютаро Хасимото в Китай председатель КНР Цзян Цзэминь на двусторонней встрече подчеркнул важность «правильного взгляда Японии на прошлое», который должен заключаться, по всей видимости, в признании вины за военные преступления. В следующем году во время посещения Японии китайским руководителем, несмотря на извинения японского премьер-министра, китайская сторона осталась не удовлетворена позицией Японии¹⁶.

Стоит отметить, что в 1990-е высшие лица японского правительства, несмотря на мощное сопротивление консерваторов из Либерально-демократической партии Японии, сделали не-

КИРИЛЛ КУЗЬМИН

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ
В КИТАЙСКО-ЯПОНСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ...

15 WUDUNN S. *Akihito Visit Stirring Bitterness among Chinese* (www.nytimes.com/1992/10/23/world/akihito-visit-stirring-bitterness-among-chinese.html).

16 KRISTOF N.D. *China Gets an Apology from Japan* // New York Times. 1998. November 27 (www.nytimes.com/1998/11/27/world/china-gets-an-apology-from-japan.html).

сколько важных шагов к урегулированию исторических споров. Так, в 1993 году после нескольких лет отрицания причастности японского военного командования к организации «станций для утешения» и использованию «женщин для утешения» генеральный секретарь правительства Японии Ёхэй Коно в официальном заявлении от лица кабинета признал, что военные участвовали в вербовке девушек, которые принуждались к работе на «станциях». Кроме того, правительство приносило извинения и выражало раскаяние перед «женщинами для утешения». В частности, в заявлении было сказано:

«Мы должны прямо смотреть в лицо историческим фактам, описанным выше, вместо того, чтобы уклоняться от них, и принимать их близко к сердцу как уроки истории. Настоящим мы подтверждаем нашу твердую решимость никогда не повторять той же ошибки, навсегда запечатлевая подобные вопросы в нашей памяти посредством изучения и преподавания истории»¹⁷.

Также одним из важнейших шагов в двусторонних отношениях стало заявление премьер-министра Томиити Мураямы от 15 августа 1995 года, опубликованное, несмотря на волну критики правых в парламенте и медиа. В нем говорилось:

«В надежде, что подобная ошибка не повторится в будущем, я со смирением отношусь к этим неопровержимым фактам истории и здесь еще раз выражаю свои чувства глубокого раскаяния и приношу свои искренние извинения»¹⁸.

Важно отметить, что вплоть до этого момента ни один японский политический лидер не приносил от имени правительства официальных извинений за агрессию 1931–1945 годов. Чаще всего использовались слова «сожаление» и «раскаяние». Эти формы были употреблены, в частности, в Совместном коммюнике 1972 года, а также в заявлении императора Акихито во время его визита в Китай в 1992 году.

2000-Е: МЕЖДУ КОНФРОНТАЦИЕЙ И НОРМАЛИЗАЦИЕЙ

Эскалация конфликта по поводу отношения к исторической памяти о войне началась в 2001 году, когда премьер-министром Японии стал Дзюнъитиро Коидзуми, взявший курс на проведение более решительной внешней политики. Он стремился ограничить китайское влияние на отношение японского общества

¹⁷ Statement by the Chief Cabinet Secretary (www.mofa.go.jp/a_o/rp/page25e_000343.html).

¹⁸ Statement by Prime Minister Tomiichi Murayama «On the Occasion of the 50th Anniversary of the War's End» (15 August 1995) (www.mofa.go.jp/announce/press/pm/murayama/9508.html).

и государства к истории и проводить самостоятельную историческую политику. В частности, он регулярно посещал храм Ясукуни, что вызывало протесты КНР и даже стало причиной ухудшения двусторонних отношений. Еще в 2001 году Китай обозначила свою позицию по вопросу посещения Ясукуни: для КНР это чествование военных преступников и возвращение к милитаризму. Однако Коидзуми не отказался от регулярных визитов туда, а в 2006 году посетил храм 15 августа¹⁹. Также стоит отметить, что на эти годы пришлось изменение нарратива о войне в японских учебниках: само повествование было серьезно «сглажено», а многие факты и события исключены. Это также вызывало протесты китайской стороны. Например, в 2005 году на встрече глав МИД двух стран китайский министр Ли Чжаосин заявил:

«Китай надеется, что японская сторона предпримет конкретные действия, чтобы выполнить свое обещание посмотреть правде в глаза, провести самостоятельный анализ истории своего вторжения и прекратить делать то, что могло бы нанести ущерб чувствам китайского народа, чтобы тщательно разрешить соответствующие проблемы»²⁰.

Пик конфронтации пришелся на 2004–2005 годы. В 2004-м японская команда по футболу во время проведения Кубка Азии в Китае подверглась нападкам со стороны китайских болельщиков. В 2005-м разгорелся конфликт из-за инициативы нескольких стран включить в состав постоянных членов Совета безопасности ООН Японию. Против этого резко выступил Китай, аргументировавший свое решение тем, что постоянным членом Совбеза не может быть страна, отрицающая свою агрессию в прошлом. Тогда же произошел скандал, связанный с публикацией в Японии учебников истории с обновленным повествованием о японо-китайской войне и преступлениях японской армии. Эти события вызвали в Китае масштабные антияпонские протесты, во время которых в крупнейших городах демонстранты громили офисы японских компаний и здания дипломатических представительств. Китайское правительство не принесло за погромы извинений и не оплатило ущерб.

С уходом в отставку правительства Дзюньитиро Коидзуми китайско-японские отношения вновь нормализовались, что способствовало временному затуханию конфликтов вокруг па-

КИРИЛЛ КУЗЬМИН

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ
В КИТАЙСКО-ЯПОНСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ...

19 15 августа 1945 года началась объявленная ранее императором Хирохито капитуляция японских вооруженных сил, официально завершившаяся 2 сентября. В странах северо-восточной Азии 15 августа считается неофициальным днем завершения войны, а в КНР и Республике Корея – это государственный праздник, День освобождения.

20 *China Tells Japan: Take «Concrete Actions» on History* // China Daily. 2005. April 18 (www.chinadaily.com.cn/english/doc/2005-04/18/content_434996.htm).

мости о прошлом. До 2010 года сотрудничество в целом развивалось конструктивно и продуктивно, а японские премьер-министры воздерживались как от визитов в храм Ясукуни, так и от заявлений на исторические темы. Тем не менее внутри Японии периодически звучали радикальные мнения политиков и общественных деятелей, которые подвергались критике китайских СМИ.

Однако уже в 2010–2012 годах произошло резкое ухудшение отношений между Китаем и Японией, связанное с проблемой спорных островов и приведшее к новой актуализации исторических вопросов. В 2012 году в КНР прошла очередная волна антияпонских демонстраций и погромов: демонстранты крушили японские рестораны, поджигали автомобили японского производства, нападали на офисы японских компаний.

Особую роль в усугублении ситуации вокруг исторических вопросов сыграла смена власти в обеих странах. В 2012 году руководителем Китая стал Си Цзиньпин, вскоре начавший курс на «пересборку» и укрепление национальной идентичности, в частности, посредством активизации повсеместного идеологического воспитания и трансформации исторической политики. В Японии премьер-министром стал Синдзо Абэ – консерватор, критик «политики извинений», «мазохистского» взгляда японского общества на собственную историю. В декабре 2013 года он впервые (с 2006-го) посетил Ясукуни, чем вызвал мощную критику в свой адрес со стороны китайских официальных представителей и СМИ, – этот визит назвали «поклонением призракам». Весной следующего года, когда некоторые японские чиновники вновь посетили святилище, в «Жэньминь жибао» назвали это «поклонением чертям»²¹, а о самом премьер-министре Японии писали так:

«Фарсовый сценарий выявил коварные замыслы. Чтобы опровергнуть историю агрессии, изменить международный порядок после Второй мировой войны, осуществить “безумные устремления”, представители правых сил под руководством Синдзо Абэ прикладывают усилия для создания нездоровой атмосферы на политической арене, они подрывают репутацию страны, препятствуют перспективам Японии»²².

В 2012–2018 годах китайско-японские отношения вновь вернулись от серьезной эскалации к нормализации, однако тема исторической памяти гораздо чаще стала использоваться как инструмент давления китайского руководства на японское правительство в вопросах, касающихся безопасности Японии

21 *Посещение Синдзо Абэ храма Ясукуни подает опасные сигналы* (<http://russian.people.com.cn/95181/8607046.html>).

22 Там же.

и также составляющих предмет беспокойства КНР. Например, в марте 2018 года, после предложений Абэ о внесении в Конституцию Японии изменений, касающихся девятой статьи²³, представитель МИД Китая Лу Кан от имени КНР выразил надежду, что «Япония вынесет уроки из истории и будет следовать пути мирного развития»²⁴. Он также отметил, что в силу исторических причин намерения Японии провести реформу Конституции привлекли большое внимание стран – жертв японской агрессии времен Второй мировой войны (прежде всего Китая и Южной Кореи). Летом 2017 года агентство «Синьхуа» выпустило критическую по отношению к японскому премьер-министру статью, в которой, в частности, говорилось:

«После прихода к власти Синдзо Абэ жестко продвинул закон о безопасности; он отказывается от признания ошибок Японии во время Второй мировой войны и в исторических вопросах. Напротив, он вновь и вновь оскорбляет чувства китайского народа, посещая храм Ясукуни, высказывая свои ошибочные мнения по вопросам Южно-Китайского моря, островов Дяоюйдао и “женщин для утешения”, что вызывает у Китая лишь сожаление»²⁵.

Помимо официальных СМИ, на тему общего прошлого двух стран высказывались и китайские руководители. Например, в октябре 2018 года, во время двусторонней встречи председателя КНР Си Цзиньпина и премьер-министра Японии Синдзо Абэ по случаю 40-летия подписания Договора о мире и дружбе, китайский лидер отметил, что документ «послужил прочной гарантией для взаимовыгодного сотрудничества, совместного развития и принятия надлежащих мер для решения чувствительных вопросов, связанных с историей»²⁶. Тогда же в подобном духе выступил и премьер Госсовета КНР Ли Кэцян.

Вопрос о нынешнем отношении китайского и японского обществ к событиям войны требует отдельного исследования. Здесь же в качестве иллюстрации ограничимся ссылкой на статью Полины Кульневой, где приводятся данные социологического опроса, проведенного японской некоммерческой организацией «Genron NPO» в 2018 году, согласно которым, положительно к КНР относятся лишь 13,1% японцев. В Китае ситуация несколько иная – 42,2%, а среди проблем, требующих решения, самыми популярными у китайских респонден-

КИРИЛЛ КУЗЬМИН

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ
В КИТАЙСКО-ЯПОНСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ...

23 Девятая статья Конституции Японии 1947 года провозглашает отказ государства от войны как способа разрешения международных конфликтов и от создания собственных вооруженных сил, кроме Сил самообороны Японии.

24 *Китай призвал Японию извлечь уроки из истории и следовать мирному пути развития* (http://russian.news.cn/2018-03/29/c_137074257.htm).

25 *Комментарий: Для улучшения отношений с КНР Японии следует выполнять обещания и держать слово* (http://russian.news.cn/2017-08/12/c_136521014.htm).

26 См.: www.mfa.gov.cn/web/zyxw/201810/t20181026_345171.shtml.

тов оказались именно вопросы истории: отношение Японии к агрессивной войне (62,2%) и Нанкинской резне (52,2%), тема японских репараций, извинений, проблемы «женщин для утешения», принуждения китайцев к труду на оккупированных японцами территориях и прочее (44,3%), японские учебники истории (40,9%). Что касается японцев, то самыми популярными были такие ответы: антияпонский характер китайского образования и школьных учебников (64,6%), публикации китайских СМИ о Японии (38,8%), отношение Японии к агрессивной войне (36,6%), тема японских репараций, извинений, проблемы «женщин для утешения», принуждения к труду и прочее (32%), отношение Китая к Нанкинской резне (30,9%)²⁷.

Данные опроса показали, что и для китайского, и для японского общества проблемы истории являются болезненными и требующими решения, однако для китайцев гораздо важнее нынешнее отношение Японии к вопросам прошлого, а для японцев на первых позициях стоят проблемы современного отношения Китая к их стране. Тем не менее все эти векторы исходят из одних и тех же исторических точек.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историческая память о войне 1931–1945 годов является важнейшей составляющей как китайской, так и японской идентичностей. Историческая политика обеих стран сосредоточена вокруг нее. События этих полутора десятилетий сформировали культурную травму и для китайского, и для японского обществ, став ключевым «местом памяти» в обеих странах. В двусторонних отношениях историческая память о событиях 1931–1945 годов по-прежнему является ключевой проблемой и причиной разногласий. КНР активно использует тему войны для укрепления собственного международного статуса и сдерживания Японии. В Японии существует противоречивое отношение политиков и общества, стремящихся признавать ответственность за военную агрессию в прошлом и – одновременно – избегать ее официального признания и активного обсуждения, в частности, в системе образования и исторического воспитания. Это влияет на отношения с Китаем, а также определяет негативный образ японцев и их страны в китайском обществе.

По всей видимости, историческая память о событиях 1931–1945 годов в обозримом будущем останется одной из ключевых проблем китайско-японских отношений, во многом определяя политику двух стран по отношению друг к другу.

27 Кульнева П.В. *Место исторической памяти в восприятии Китая японским обществом* // Японские исследования. 2019. № 4. С. 113.

Хроника Варшавского гетто. Записи 1940–1942 годов

ЭММАНУЭЛЬ
РИНГЕЛЬБЛЮМ

До войны Эммануэль Рингельблюм занимался изучением истории евреев в Польше в Средние века, защитил диссертацию на тему «Евреи в Варшаве с древнейших времен до 1527 года» (1927). Неутомимый исследователь, он был одним из создателей Комиссии по истории польских евреев (1929) и автором более 120 научных статей. Принимал активное участие в еврейской общественной жизни, был сторонником социалистическо-сионистской партии «Поалей Цион» («Рабочие Сиона») и выступал против идей ассимиляции. В качестве сотрудника «Джойнта»¹ помогал насильственно выселенным из Германии евреям-гражданам Польши, содержащимся в ужасных условиях в приграничном лагере для беженцев в городе Збоншине (1938). Польша отказалась принять беженцев, и те оказались в изоляции, страдая от голода и холода. Опыт, полученный в Збоншине, вскоре пригодился Рингельблюму в Варшаве.

После оккупации Варшавы немцами (сентябрь 1939 года) многие еврейские общественные деятели покинули Варшаву, но Рингельблюм решил остаться. После официального создания гетто (октябрь 1940-го) Рингельблюма вместе с семьей пере-

Эммануэль Рингельблюм (1900–1944) – польско-еврейский историк, педагог, создатель архива Варшавского гетто и организатор подпольной группы по сбору свидетельств «Онег Шабат».

1 «Джойнт» (англ. «American Jewish Joint Distribution Committee») – крупнейшая еврейская благотворительная организация с центром в Нью-Йорке. Оказывает поддержку евреям, находящимся в нужде и опасности за пределами США.

АРХИВ «НЗ»

селили туда. В Варшавском гетто он участвовал в различных благотворительных инициативах: был руководителем социального отдела «Еврейской самопомощи»², координируя помощь беженцам и раздачу бесплатной еды; участвовал в создании общества распространения культуры на идиш в гетто³, а также – в Еврейской боевой организации⁴.

Однако наиболее значимой инициативой Рингельблюма является создание организации «Онег Шабат»⁵, которая занималась сбором информации, свидетельствующих о преступлениях нацистов в гетто. Параллельно сбору документов Рингельблюм вел собственную хронику, целью которой было как можно более полно запечатлеть жизнь евреев в Варшавском гетто. Записи представляют собой краткие заметки автора о виденном или слышанном. Большая часть записей была написана от руки на бумаге плохого качества, что создает технические трудности для их прочтения. Рингельблюм почти не делится своим внутренним состоянием: важно понимать, что он писал не личный дневник, а летопись Варшавского гетто, предназначенную для широкого чтения. Внимательный читатель, однако, прочтает между строк, что за человек был автор хроники Варшавского гетто.

Рингельблюму с семьей удалось сбежать из гетто и укрыться на арийской стороне Варшавы (февраль 1943 года). Однако накануне восстания в гетто⁶ (апрель 1943-го) он решил вернуться, чтобы провести там Песах и спрятать последнюю часть архива «Онег Шабат». В гетто Рингельблюма схватили и отправили в концентрационный лагерь Травники, однако ему помогли бежать оттуда и спрятаться в Варшаве. Все это время Рингельблюм продолжал работу над своими записями, пока на укрытие не донесли. Рингельблюм с семьей и остальные прятавшиеся в бункере были доставлены в тюрьму Павяк и вскоре расстреляны на руинах Варшавского гетто (март 1944 года).

Записки Рингельблюма дошли до нас чудом: когда стало ясно, что уничтожение гетто неизбежно, организаторы «Онег

2 «Еврейская самопомощь» (ид. «Di yidishe aleynhilf») – подпольная организация, координирующая благотворительные инициативы в Варшавском гетто (1939–1943).

3 Еврейская культурная организация (ид. «Yidishe Kultur organizatsye») – подпольная организация, целью которой было распространение идиш и культуры на идиш.

4 Еврейская боевая организация (пол. «Żydowska Organizacja Bojowa») – подпольная вооруженная организация польских евреев во время Второй мировой войны (1942–1943), самая известная еврейская военизированная организация еврейского Сопротивления, которая действовала в основном на территории Варшавского гетто.

5 «Онег Шабат» (ивр. «Радость субботы») – еврейская подпольная организация (1940–1943), целью которой был сбор письменных свидетельств о преступлениях нацистов в Варшавском гетто. Архив собирался из различных письменных свидетельств: писем, отчетов, личных дневников, литературных произведений, детских работ, официальных документов (немецких и юденрата), листовок, подпольных газет, плакатов. Члены организации – раввины, писатели, историки и общественные деятели – также занимались интервьюированием и сбором сообщений об уничтожении евреев в концентрационных лагерях.

6 Восстание было начато 19 апреля 1943 года в ответ на попытки немецких властей ликвидировать остатки Варшавского гетто. Жестоко подавлено нацистами к 16 мая того же года.

Шабат» решили спрятать собранные свидетельства о преступлениях нацистов. Архив, содержащий десятки тысяч страниц, был разделен на три части. Первая часть архива была закопана в десяти железных контейнерах (август 1942 года) и случайно обнаружена во время строительных работ в конце 1950-го. Вторую часть спрятали в два молочных бидона и закопали в подвале здания на улице Новолипки (февраль 1943-го). Ее нашли в 1946-м. Третья часть архива погребена где-то под отстроеной из руин Варшавой. Почти все члены «Онег Шабат» погибли во время ликвидации Варшавского гетто в мае 1943 года.

ЭММАНУЭЛЬ
РИНГЕЛЬБЛЮМ

ХРОНИКА ВАРШАВСКОГО
ГЕТТО. ЗАПИСИ 1940–
1942 ГОДОВ

Илл. 1. Извлечение первой части архива «Онег Шабат», хранившейся в железных контейнерах.

Илл. 2. Молочные бидоны и контейнеры, в которых хранились две части архива «Онег Шабат».

Архив Варшавского гетто, собранный «Онег Шабат», представляет собой корпус бесценных по значимости документов; общий объем сохранившейся части – 35 тысяч страниц. В настоящее время он хранится в Еврейском историческом институте, названном в честь Эммануэля Рингельблюма (Варшава), где ведутся работы по его переводу, систематизации и научной публикации. Архив был включен ЮНЕСКО в список важнейших письменных документов человечества – «Память мира». Данная публикация представляет собой первый перевод отрывков из записок Рингельблюма на русский язык. **[Ася Лейдерман]**

23–24 октября 1940 года⁷

Сегодня, 23 октября, по мегафону снова объявили, что улицы Волицув и Цегальная больше не входят в состав гетто и что разрешение на вход в гетто продлят до 15 ноября. Сбитые с толку люди слоняются по городу, потому что непонятно, куда им идти. Ни одна улица уже не надежна, каждая так или иначе находится под угрозой исключения из гетто. На Цегальной находится фабрика Ульриха, которая решила, что улица выйдет из гетто. Говорят, что глава отдела по переселению – часовщик, который известен как организатор Лодзинского гетто. Люди боятся, как бы он не повторил это в Варшаве.

Сегодня сиротский дом на улице Вольской отослал своих детей, голых и босых, на Тломацкую 5. Должна была состояться демонстрация против управления, но ее разогнали.

Всех охватила ужасная тревога. Никто не знает, что принесет завтрашний день. Несколько дней назад хулиганы ворвались в дом на Железной 93 (43?) и насильно отобрали еврейские квартиры. Они повесили крест и сказали: «Только попробуйте убрать».

Когда несколько дней назад стало известно, что Железную и соседние улицы (Луцка, Вроня, конец Слисской, Паньска и другие) исключили из гетто, отчаяние было безмерно. Евреи говорили, что лучше бы нас отравили газом, чем так мучить. На некоторые улицы стянулись по семь тысяч человек из прилежащих улиц и с Праги⁸. Там были маленькие комнатки, которые выменяли жители Праги. Христиане, которые въехали в еврейское жилье, обменяли свои квартиры на большие, тогда как евреи, напротив, на меньшие. На Варецкой 9 немец проверял, что евреи вывозят с собой. Каждую вещь по отдельности. Один еврей, который работает в общине, получил обратно свою квартиру за то, что указал, где находятся 40 меблированных еврейских квартир, и вдобавок его мебель перевезли на телеге.

Часть богатых евреев потеряла все свои деньги. Так, раньше бриллианты покупали по цене в сто тысяч злотых, а сейчас за пять тысяч. Доллары были по 250, а стали по 30.

Говорят, пивоварня «Габербуш»⁹ получила цветы за спасение для христиан части улиц. Вероятно, она вмешалась от их имени и в Берлине.

Несколько дней назад появился проект провести захват улицы Мыльной и через нее получить доступ к Евангелистскому госпиталю. Спешно провели пересчет улиц.

⁷ RINGELBLUM E. *Notitsn fun Varshaver geto*. Varshe: Yidish bukh, 1952. Z. 63–65.

⁸ Прага – район Варшавы, расположенный на правом берегу Вислы. До Второй мировой войны там проживала значительная часть варшавских евреев; после создания гетто их переселили туда.

⁹ «Габербуш и Шиле» – крупнейшая варшавская пивоварня. Продолжила свою работу после оккупации Варшавы немцами.

Электоральная 1 и 3 выписаны из гетто. Был замурован проход через Электоральную и открыт через Пшеходнюю, которая не входит в гетто. [...]

В еврейских трамваях ужасная теснота и грязь. Ездить в них очень неприятно.

На каждой улице священники собирают подписи за то, чтобы убрать смешанные улицы, где проживают и евреи, и поляки, из состава гетто. Даже чисто еврейскую улицу Новолипки требуют отдать, потому что там есть монастырь.

Сегодня, 24 октября¹⁰, Цегальную снова вернули в состав гетто. Танцы туда-сюда продолжают, и никто не знает, когда это закончится.

Произошел следующий случай: один человек обменял свою квартиру на Маршалковской¹¹ на квартиру на улице Вроня. И вдруг стало известно, что Вроня и соседние улицы исключаются из гетто. В итоге он остался на улице, а вещи у него украли.

Христиане во многих случаях требуют и получают деньги на переезд.

Еврейская больница пока еще остается вне гетто. Поначалу хотели, чтобы больница оставила свое дорогое оборудование и вывезла только больных. Боятся, что, если разразится сыпной тиф – а он в данных условиях непременно разразится, – гетто закроют.

Общинное управление обвиняют в бездействии. Оно абсолютно не информировано о том, что происходит. Об исключении из гетто Железной руководство узнало из объявления по мегафону.

Крещеные евреи, которые должны переехать в гетто, находятся в отчаянном положении¹².

19–20 ноября 1940 года¹³

[...] Закрытие границ гетто 16 ноября было ужасным. Никто не знал, что это произойдет, запрет на выход из гетто прозвучал как гром среди ясного неба. На всех перекрестках поставили охрану из немцев, поляков и евреев, которые проверяли, у кого есть право на выход. Еврейские женщины обнаружили, что торговые ряды теперь для них закрыты. Сразу же начался дефицит хлеба и других продуктов. С того момента с ценами началась настоящая вакханалия. У всех лавок стоят огромные очереди, люди скупают все. Многие продукты просто исчезли из магазинов.

10 RINGELBLUM E. *Op. cit.* Z. 66–67.

11 Маршалковская – самая фешенебельная и дорогая улица Варшавы. Не входила в состав гетто.

12 В гетто проживали не только иудеи. По данным за январь 1940 года, в гетто находились 1540 евреев-католиков, 148 протестантов, 30 православных. В гетто велись службы в костеле. См.: ENGELKING B., LEOSIAK J. *Getto warszawskie: przewodnik po nieistniejącym mieście*. Warszawa, 2001. S. 620–624.

13 RINGELBLUM E. *Op. cit.* Z. 70–74.

ЭММАНУЭЛЬ
РИНГЕЛЬБЛУМ

ХРОНИКА ВАРШАВСКОГО
ГЕТТО. ЗАПИСИ 1940–
1942 ГОДОВ

Между Твардой и Лешно нет прохода. Нужно идти через Желязную.

Еврейские магазины, расположенные в арийской части города, запечатали, чтобы их не разграбили.

Еврейские врачи ни в субботу, ни в воскресенье не получили пропуска на выход из гетто, за которые община заплатила взнос по пять злотых.

Еврейских рабочих в субботу не выпустили на работу, если она находится вне города.

В первый день закрытия гетто множество христиан принесли хлеб для своих еврейских друзей и знакомых, это было массовое явление. Пока что проносят продукты с помощью знакомых из христиан.

На углу Хлодной и Желязной¹⁴ проходят гимнастические тренировки с камнями и кирпичами для тех, кто не успел снять головного убора¹⁵. Пожилых евреев заставляют делать приседания. Бумагу рвут в клочья и бросают в грязь, чтобы пнуть ногой наклонившегося. На польских улицах евреям приказывают лечь на землю и через них перешагивают. На Лешно солдат на мопеде принялся бить проходящего мимо еврея. Приказал ему лечь в грязь и целовать землю.

Волна ненависти захлестнула город. Вместе с тем еще существуют оптимисты, которые считают, что гетто не закроют.

Еврейскому ответственному за порядок (появился 16 ноября) приказали танцевать на одной ноге рядом с группой евреев, занимающихся гимнастикой. Говорят, что в юденрате готовят план.

Из-за закрытия гетто и лихорадочной закупки продуктов на всех еврейских улицах ужасная суматоха. Невозможно даже перейти улицу. Прохожие затопили тротуары и проезжую часть.

В пятницу вечером евреев с Праги схватили и на автомобилях перевезли в Муранув. Они ночевали на лестницах и во дворах. У них с собой нет ничего, кроме ручной поклажи.

В субботу продолжали привозить группы евреев с Праги. Для них оборудовали школы, танцевальные залы и другие помещения. Община реквизирует комнаты у евреев с большими квартирами¹⁶.

Зарисовка: угол Хлодной и Желязной. Еврейская семья прощается с польской. Люди целуются,жимают друг другу руки, говорят: «Заходите на следующей неделе».

14 В этом месте был единственный проход из малого гетто в большое. Впоследствии здесь построили мост, с которого можно было увидеть жизнь на арийской стороне. За проход по мосту взималась плата. Прохожим было запрещено останавливаться и смотреть на арийскую сторону.

15 Имеется в виду наказание за не снятый перед немцем головной убор. Согласно еврейскому религиозному закону, мужчинам-евреям запрещено быть без головного убора, так что снимать его перед немцем означало дополнительное унижение.

16 В гетто было очень тесно. На участке размером около 5% площади Варшавы к октябрю 1940 года проживали около 440 тысяч евреев (37% населения города).

На пересечении Тломацкой и Бемянской стоит большая вереница трамваев¹⁷: проверяют, нет ли там евреев. Всем приказывают выйти из трамвая, их обыскивают до папирос. Выглядит как пограничный пункт. Трамвай может так стоять 10–15 минут. [...]

Рассказывают о группе из рабочих лагерей. Тени людей. Без обуви, ноги обмотаны кусками ткани.

Мебель, которую реквизируют из еврейских квартир, свозят в кинотеатр «Сплendir» («Сфинкс») на продажу. Наши братья из народа Израиля в этом помогают. Гадкий донос¹⁸. Одно из трагичных последствий массовых переселений – массовое появление попрошаек (евреев из пригородов)¹⁹.

Группу еврейских рабочих на углу Лешно и Желязной заставили делать «гимнастику».

Врачей, которые в воскресенье ездили работать в больницу на улице Чисте, высадили из трамвая и заставили делать «упражнения» в течение часа.

Пожилой еврей проходил мимо евреев-полицейских на улице Тварда, не сняв головного убора, за это его долгое время мучили и измывались, после чего приказали лечь в землю.

Многие евреи оказались отрезаны от источников заработка, поскольку те находятся вне гетто. Говорят, что многие фирмы, еще остававшиеся в гетто, обяжут переехать, это значит, что и те немногие, кто имел небольшой заработок, его потеряют. [...]

Сегодня, 19 ноября, был убит христианин, который перебрасывал через стену гетто мешки с хлебом.

Многие зажиточные евреи, которые ранее ничего не жертвовали, внезапно начали давать большие деньги на закупку продуктов на зиму для бедных.

Игра вокруг гетто продолжается. Говорят, что Лодзинское гетто отключили от электричества. Евреи должны сидеть в темноте. Распространяется слух, что электричество для евреев будет стоить в четыре раза дороже, чем для христиан. Хорошая же идея!

Сегодня, 20 ноября, слух о том, что гетто откроют на пять дней, а затем (после 25-го) герметично закроют. Слух о том, что они будут снабжать гетто продуктами, если евреи заплатят золотом и валютой.

Говорят, что Лодзинское гетто открыли. [...]

ЭММАНУЭЛЬ
РИНГЕЛЬБЛЮМ

ХРОНИКА ВАРШАВСКОГО
ГЕТТО. ЗАПИСИ 1940–
1942 ГОДОВ

17 В этом месте был пограничный пункт между гетто и арийской стороной. На следующей улице – Налевки – ходили арийские трамваи.

18 Рингельблюма оповестили, что на него был написан донос, из-за чего он был вынужден скрываться некоторое время.

19 Евреи, высланные в Варшавское гетто из других городов или районов Варшавы, не имели своего жилья на территории гетто и с первых дней оказывались без средств к существованию. Они умирали первыми.

17 апреля 1941 года²⁰

[...] Праздничным вечером [имеется в виду еврейский праздник Песах. – А.Л.] разыгрались ужасные сцены в организации, помогающей беженцам²¹. В очереди за мацой и хоть какой-то едой собралась толпа из семи–восемь тысяч беженцев. Вечером Песаха стал понятен весь ужас этого положения. Туда явились люди, считавшиеся зажиточными и сами еще недавно оказывавшие помощь. Безмерно отчаяние тех, кто ничего не получил.

Дороговизна товаров (хлеб по 13 злотых за килограмм, картофель около 3 злотых, маца по 16–18 злотых), политические события (падение Югославии) и рабочие лагеря – эти три события характеризует положение в гетто. Голод усилился, поскольку люди не получили хлеба и картофеля, которые должны были привезти на поездах. Знакомый, которому я пожелал спокойного Песаха (это было основное пожелание на этот Песах [обычно желают счастливого Песаха. – А.Л.]), ответил: «Пожелайте мне лучше легкого поста».

Захват людей для рабочих лагерей начался с того, что община не поставила нужного числа работников. Тогда еврейским и польским полицаям пришлось самим хватать людей. Те, кого признали годным и кто получил повестки, однако не явились. Разумеется, они не ночевали дома, тогда начали хватать даже людей старше пятидесяти. Еврейские и польские полицая использовали эту возможность, чтобы поживиться. С ни в чем не повинных людей брали сотни злотых, откупались целые дворы. Творилась настоящая вакханалия. Юноши взбирались на крыши, прятались по подвалам, общественным кухням и другим доступным местам.

Известия из рабочих лагерей не радуют. Без сомнения, это будет только усиливаться, если евреи пойдут туда добровольно. Пункты беженцев опустели. Еврейская полиция ужасно коррумпирована. На 1700 полицейских 700 дисциплинарных процессов. Причина в том, что главный по набору в полицию требовал взятку за вход. Так в полицию проходили очень плохие элементы.

Один из охранников зовет еврейского полицая. Стоит от него за 50 метров. Евреи – это гангрена. Место, куда ступает еврей, следует сжечь.

Неделю назад (примерно 10 апреля) от одного полицая я узнал ужасную новость – в Варшаву едут новые охранники. [...] На Сольной охранник отобрал у еврейки шесть картофелин.

²⁰ RINGELBLUM E. *Op. cit.* Z. 114–118.

²¹ Центральная комиссия беженцев (пол. Centralna komisja uchdzców) – организация, занимающаяся помощью депортированным в Варшавское гетто.

Еврейский полицай Гинсбург из Лодзи попросил его вернуть их бедной женщине. В качестве наказания за наглость охранник повалил его на землю, проткнул штыком и выстрелил в него. Ослабший от голода Гинсбург умер в больнице. Вторым полицай, стоявший на том же посту, был ранен пулей охранника. Тем же вечером после девяти стреляли по опоздавшим людям. Двое ранены. В пунктах для беженцев организовали праздничные трапезы с мясом, вином и шариками из мацы. На короткое время беженцы забыли о своей горькой доле. Трапезы укрепили силы истощенных бездомных.

13 апреля на улицах хватали людей для рабочих лагерей. Многие не убегали, а охотно шли работать за 3,2 злотых в день. В эти дни приехал Мойше Мерин²². Его приняли как царя. Театральные артисты приветствовали его со сцены. Менахем-Мендл Киршенбойм также представил его публике. Новый избавитель еврейского народа! Благодаря его стараниям, удалось избежать образования гетто в Бендине и Сосновце. Смертность там ниже, чем до войны. Нет попрошаек на улицах. В короткое время Мерин организовал переселение шести тысяч евреев Освенцима и окрестностей. Евреям разрешили взять с собой все, включая мебель. Жилищный вопрос был решен таким образом, что в каждый дом подселяли беженцев. Если семья не хотела принимать их добровольно, ее обязывали. [...]

10 июня 1942 года²³

[...] Постоянно появляются новые известия об акциях уничтожения еврейских стариков и детей. То, что случилось в Побянце, происходит сейчас в городе Бяла Подляске, где загрузили шестьдесят вагонов с детьми младше десяти лет и стариками старше шестидесяти. Ясно, что не для перевозки в лагерь, а для уничтожения. Немцам не нужны евреи, которые не работают для их целей. От них следует избавиться в первую очередь. В еврейской истории не было подобных прецедентов, кроме фараона, приказавшего кидать в воду новорожденных, нам не известен другой такой пример. Напротив, детей всегда оставляли в живых, чтобы обратить их в христианскую веру. Даже в самые жестокие времена в сердцах самых свирепых варваров тлела искра человечности, так что детей обычно щадили. Однако это не распространяется на гитлеровских тварей. Они отбирают самое ценное – безвинных детей.

Историкам будущего придется уделить много места роли женщины в годы войны. Женщина имеет огромное значение

ЭММАНУЭЛЬ
РИНГЕЛЬБЛУМ

ХРОНИКА ВАРШАВСКОГО
ГЕТТО. ЗАПИСИ 1940–
1942 ГОДОВ

²² Мойше Мерин (1906–1943) – председатель юденрата в городе Сосновце. Помогал нацистам в организации переправки евреев в рабочие лагеря и в лагерь смерти Аушвиц.

²³ RINGELBLUM E. *Op. cit.* Z. 237–240.

в еврейской истории, благодаря ее мужеству и выдержке тысячи семей смогли продержаться в тяжелые времена. В последнее время происходит интересное явление. В некоторых домовых комитетах женщины выдвигаются на места мужчин, измученных непосильной работой. Существует комитет, где все руководящие роли взяли на себя женщины. Для социальной помощи, которая сейчас остро необходима, важно иметь резервуар с новыми силами. [...]

Врачи и профессора – даже им не удалось избежать гетто – проводят здесь научные эксперименты. Одной из изучаемых тем является голод, самая распространенная болезнь в гетто, для лечения которой существует способ: немцы должны уйти из Польши. В Лодзи известный еврейский профессор из Праги сделал открытие, что лучшим средством против голодных отеков является картофель, раздобыть который сейчас непросто.

Недавно во время съемки гетто произошел такой случай. Женщина, которую схватили на улице Павяк, громко кричала и ни за что не давала себя раздеть. Солдат избил ее и приказал убираться вон. В соседней комнате сидел еврейский полицейский, который потребовал за освобождение 50 злотых, несмотря на то, что солдат уже разрешил ей идти. Однако у женщины было не больше 30 злотых. Это породило спор между ними, который из соседней комнаты услышал солдат. Он открыл дверь и снова увидел ту женщину. Солдат вновь избил ее и прогнал. Эта история – ужасающая иллюстрация того произвола и коррупции, которые царят в гетто. Вновь повторяется ситуация, которую мы не раз встречали в еврейской истории: руководство еврейской общины эксплуатирует еврейские массы всегда сильнее, чем христианский магистрат своих подданных. Причина этого весьма проста: кагал безраздельно властвовал над общиной. Он платил откуп помещикам, и те позволяли ему творить с евреями все что угодно. Это повторяется и сейчас в более отчетливой форме. Среди учреждений, где работают еврейские рабочие, стоит упомянуть место на Повонзкой, где семьсот еврейских рабочих заняты на кладбище и среди прочего хоронят умерших в госпиталях немцев. К этой работе привлекли много евреев, и мне даже кажется, что им переплачивают.

Пятница 26 июня была для «Онег Шабат» днем больших событий. Сегодня во второй половине дня по радио звучала специальная английская передача для польских евреев. Было рассказано все то, что нам давно известно: Слоним и Вильно, Лемберг и Хелмно... Месяцами мы страдали от того, что мир остается глух к нашей трагедии, равной которой не было в истории. У нас были претензии к польской общественности, к тем, кто имеет связь с польским правительством: почему не рассказывают о резне польских евреев, почему мир об этом не

знает? Мы обвиняли польскую общественность в том, что они намеренно молчат про нашу трагедию, чтобы она не заслонила их собственной.

В последние недели английское радио постоянно передавало известия о зверствах над польскими евреями: Хелмно, Вильно, Бельжец и другие. Сегодня передавали сводку о положении польских евреев и была упомянута цифра в семьсот тысяч убитых евреев. Одновременно с этим было провозглашено возмездие за совершенное насилие. Группа «Онег Шабат» выполнила при этом огромную историческую миссию, она рассказала миру о нашей судьбе и, возможно, спасла этим сотни тысяч польских евреев от уничтожения. Последнее, разумеется, нам станет известно в ближайшем будущем. Я не знаю, кто из нашей группы останется в живых – кому из нас выпадет счастливый жребий обработать собранные материалы. Но для всех нас ясно одно: наша изнурительная работа, наша самоотверженность и жизнь в постоянном страхе не напрасны. Мы нанесли врагу удар. Не важно, окажет ли обнаружение материалов о невиданных зверствах над евреями нужный эффект – остановит ли это дальнейшее уничтожение еврейского народа, – одно мы знаем точно: свой долг мы выполнили. Мы преодолели все препятствия и достигли своего. Даже наша смерть не будет напрасной, как смерть бесчисленных тысяч евреев. Мы нанесли врагу сильный удар. Мы раскрыли его дьявольский план уничтожить польское еврейство, который он хотел тайком осуществить. Мы подвели черту под его расчетами и раскрыли его карты. И, если Англия только сдержит свое слово и воплотит в жизнь свои угрозы уже сейчас, тогда, возможно, мы будем спасены.

ЭММАНУЭЛЬ
РИНГЕЛЬБЛЮМ

ХРОНИКА ВАРШАВСКОГО
ГЕТТО. ЗАПИСИ 1940–
1942 ГОДОВ

Вступление и перевод с идиш Аси Лейдерман

Как вел себя рейтинг Владимира Путина в течение трех лет до начала СВО? В марте 2019 года он был на высоте 64%, поднимался до 69% в феврале 2020-го и опускался до 59% в апреле–мае 2020-го. К концу 2021 года рейтинг был на уровне 69%, в январе 2022-го вырос до 71%. В целом можно сказать, что две трети респондентов устойчиво поддерживали президента или, как мы полагаем, выражали одобрение существующей ситуации.

В первой статье¹, посвященной этой проблематике, отмечалось, что какую бы политику ни вел Путин, две трети взрослого населения страны на протяжении всего времени его пребывания во главе государства в ежемесячных опросах «Левада-центра»² отвечали «одобряю»

1 Подробнее об этом см. в: Левинсон А. *Несостоявшаяся Россия* // Неприкосновенный запас. 2025. № 2(160). С. 99–102. – *Примеч. ред.*

2 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА

на вопрос «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность В. Путина на посту президента РФ?» (в том числе в период президентства Дмитрия Медведева). Дружба ли со странами Запада, вражда ли с ними, но рейтинг был не ниже 60%, а в основном находился около отметки 65%. Мы объясняли это тем, что значительная часть общества, пережив сложные процессы 1980–1990-х, к началу нового века испытывала стремление объединиться и укрыться от мира в символическом убежище под названием «держава»³, воплощением которого стала фигура нового президента.

О чем мы не говорили, это о той примерно трети опрошенных, которые занимали позицию более или менее решительного *неодобрения* деятельности Путина на посту президента. Завороженные упомянутыми выше показателями рейтинга наблюдатели мало обращали внимания на эту группу «неодобрителей», хотя по численности она больше населения Австралии и значительно отличается от неподвижных 65% в определенные моменты нашей истории. В ней можно выделить два подмножества: треть и две трети.

Поговорим сначала про треть от трети, то есть примерно про 10% населения. Эти люди похожи на большинство в том, что не меняют своей позиции – только здесь позиции неодобрения деятельности президента, – что бы ни происходило. Они оппозиционно настроены, но никак не организованы, меж собой никак не объединены и, как правило, не знают о существовании друг друга. Ожидать от них скоординированных действий не приходится.

Среди них есть те, кто – случись выборы в Думу – был бы избирателем

КПРФ и ЛДПР, а есть те, кто составил бы электорат «Яблока». Основная же часть этого подмножества вообще не будет ни за кого голосовать, а свою политическую позицию высказывает ответом «не одобряю» на вопрос интервьюера. Однако лежащие в основании этого мотивы у них различны и частью политически противоположны: например, одни осуждают введение войск на территорию Украины, а другие считают, что войска действуют там недостаточно решительно.

В целом надо по достоинству оценить тот факт, что в нынешних политических условиях находятся люди, которые готовы заявить о своем отрицательном отношении к деятельности первого лица не друзьям за бутылкой и не домашним на ушко, а незнакомому человеку с электронным планшетом в руках, записывающим их беседу. Они не могут не знать, что своим ответом заявляют о нелояльности тому порядку вещей, который государством объявляется единственно правильным и возможным в нашей стране. Их ответ – это поступок.

Наш опыт показывает, что нередко такие люди – одиночки, не находящие единомышленников в своем окружении. Им некому поведать о своих чувствах и взглядах, а интервьюер – чужой для них человек – более желанный собеседник, чем те, кто живет рядом. Найти этих людей и уговорить на разговор, групповую дискуссию очень и очень нелегко. Но если они приходят, то часто удивляются, что нашли другие люди с такой же, как у них, позицией.

Есть среди таких людей и те, кто, напротив, окружен – в семье, на работе, в компании – единомышленниками, что создает у них ощущение многочислен-

3 Предложенное объяснение нуждается в дальнейшей проверке, поскольку не дает ответа на вопрос: почему доля постоянно лояльного большинства не падает ниже 60%, хотя состав его участников за 25 лет не мог не измениться.

ности тех, кто не одобряет курс руководства. Иногда они характеризуют эту ситуацию словами: «Да все так думают, просто вслух не говорят».

Второе подмножество – две трети от трети, или примерно 20–25% населения, – отличается от *неизменно* одобряющих или не одобряющих тем, что их точка зрения *переменна*, они примыкают то к одним то к другим, *меняя* в определенных ситуациях свою позицию на одобрение деятельности Путина на посту президента России.

Такое «примыкание» не означает, что эти люди совершают какие-либо конкретные действия – речь лишь о «переходе» ответов, которые дают респонденты, из одной группы в другую, выделенную по признаку поддержки президента в сконструированном социологами пространстве общественного сознания. Но это не говорит и о незначимости данного феномена, поскольку, помимо созданной исследователями мысленной реальности массового сознания, есть формируемая политиками реальность государства и его действий. А тут уже настоящие живые люди: одни командуют, другие подчиняются.

Здесь возникают два важных вопроса. Первый: зависит ли – и если да, то в какой степени – поведение политиков от того, одобряют их политику или нет те, кому отведена роль лишь зрителей, кто только отвечает на вопросы интервьюеров? И второй: зачем нужны опросы в политических режимах, где отношения населения и десятилетиями не сменяющегося лидера устроены явно не так, как в странах, где за тот же срок эти смены проходят часто и регулярно?

Для ответа воспользуемся образом зеркала. В описываемых ситуациях между лидером и публикой складываются отношения примерно того же рода, что возникают меж тем, кто смотрит в зер-

кало, и его отражением. Отражение таково, каков смотрящий в зеркало, но то, что он видит, влияет на него, образует пусть единственный, но контур обратной связи.

«Фоновые» 60–65% постоянно одобряющих деятельность главы государства – это результат, который порадовал бы руководителей многих иных стран, для них это потолок популярности. Но для путинской России это рутина, ставшая своего рода «точкой отсчета», «нулевым» уровнем. Наблюдения показывают, что в ряде случаев после того, как рейтинг опускался к этим значениям, принимались такие политические решения, которые дружно поддерживались теми самыми 20–25%, способными и готовыми менять свое мнение, переходить от неодобрения к одобрению деятельности президента.

История путинского правления знает по меньшей мере несколько примеров, когда одобрение его деятельности достигало феноменальных 85–88%. Первый раз – в 2008 году после быстрой военной победы над Грузией, в результате которой отдельные территории, скажем так, «перешли на нашу сторону». Второй раз – в 2014 году, когда «Крым наш!». Или, если в августе 2021-го доля неодобряющих деятельность Путина достигала 37%, а в декабре – 34%, то после 24 февраля она сократилась более, чем вдвое: до 15% – и в течение следующего года была такой же, за счет чего уровень одобрения деятельности президента держался на субрекордных уровнях свыше 80%. Это рейтинг если не победы, то ее ожидания.

Вот, оказывается, что нужно этим 20–25% россиян – военная победа, удостоверенная отвоеванием каких-то земель. Немало данных указывает на то, что символическое значение этих приобретений гораздо важнее практического.

Не в обширности или плодородии этих земель дело, не в их недрах – они имеют значение трофея, знака превосходства над побежденным врагом. И кто же этот враг? Массовое сознание с готовностью принимает версию, что Россия продолжает свою вековую борьбу/войну с Западом. Грузинские ли, украинские ли земли, это – как ни удивительно – символы нашей победы над Западом.

В феврале 2025-го, в третью годовщину начала СВО, российское общественное мнение оценило достигнутый военный результат так же высоко, как победу над Грузией и «взятие Крыма»: 88% одобрили деятельность Путина на посту президента (и верховного главнокомандующего). Доля неодобряющих опустилась до неснижаемого минимума в 10%. В мае картина была почти такой же: одобрение – 86%, неодобрение – 11%. Эти уровни обеспечиваются той частью российской общественности, которая склонна поддерживать политику президента лишь постольку, поскольку она ведет к победам над Западом, удостоверяемым территориальными приобретениями.

Кто они, эти люди войны? Это не партия, не движение, не организованная кем-то сила – это общность, возникшая в результате процессов, происходящих в массовом *сознании*, а не в *поведении*. Мы имеем дело непосредственно с материей массового *сознания*, причины описываемых процессов находятся там. Это значит, что мы отвергаем объяснения происходящего такими факторами, как влияние пропаганды или харизматичного лидера. В последнем случае само поведение лидера надо объяснять харизмой, каковая принадлежит не ему, а социуму, сконструировавшему себе такой контур, который управляет его, социума, поведением.

Завершая, надо отметить важный в теоретическом и практическом отношении вопрос, который требует дальнейшего исследования. Почему доли описанных категорий – постоянно лояльного большинства, постоянно несогласного меньшинства и меньшинства с переменной позицией – не меняются начиная с 2000 года при том, что состав входящих в них респондентов за эти четверть века не мог не измениться?

Н ижеследующая подборка посвящена зарождению и развитию британского социализма в XIX веке и призвана показать явление не с самой привычной стороны: не как причуду радикалов, но как естественную потребность в справедливости, ставшую логическим итогом эстетических изысканий ряда деятелей, которые обычно ассоциируются с совсем другими вещами.

В центре подборки – впервые переведенное на русский язык выступление художника, писателя и поэта Уильяма Морриса «Как мы будем жить – тогда?» (1889), которое предваряет объемное предисловие, поясняющее контекст возникновения этого текста, его неочевидные связи и место в эволюции взглядов автора. Текст Морриса сопровождают две работы его предшественников, также переведенных впервые специально для «НЗ». Это открытое письмо Джона Рёскина «Цветущий белый боярышник» (1871), обращенное к трудящимся и землевладельцам Англии, и историческое выступление Роберта Оуэна перед ирландцами (1823), следствием которого стало возникновение первого в стране (а возможно, и в мире) экспериментального коммунистического поселения.

Для удобства чтения все материалы снабжены примечаниями и комментариями переводчика. [НЗ]

ОУЭН, РЁСКИН, МОРРИС: НЕВИДИМАЯ ИСТОРИЯ БРИТАНСКОГО СОЦИАЛИЗМА

К аристократии, землевладельцам, духовенству и народу Ирландии

РОБЕРТ
ОУЭН

Роберт Оуэн был невероятным человеком, перечислить все достижения которого в небольшом тексте нет никакой возможности. Визионер, гениальный просветитель (который сам не окончил даже школу, отправившись работать в десять лет), философ и атеист, капиталист и *одновременно* социалист, социальный экспериментатор и реформатор условий труда, международная звезда всевозможных конгрессов, один из самых влиятельных мыслителей Англии (при том, что родился и умер в родном Уэльсе), предшественник мысли Джона Рёскина и Уильяма Морриса.

В СССР к Оуэну, в отличие от этих двоих, относились весьма благосклонно (вероятно, по причине его большей хронологической отдаленности от XX века, а также сочувственных характеристик от знакомых с ним лично Маркса и Энгельса – последний даже некоторое время работал для газеты Оуэна «New Moral World» колумнистом), – на курсах «научного коммунизма» его перечисляли в ряду «предшественников», а в 1960 году (крохотным, правда, тиражом) даже вышло двухтомное собрание его сочинений¹.

Идеи Оуэна были для своего времени весьма экзотичны, зато вполне созвучны масштабным социальным экспериментам ранней советской власти. Самый известный из них такой: Оуэн владел несколькими бумагопрядильными фабриками – и превратил одну из них, в шотландском Нью-Ланарке, в поле для многолетнего социального проекта, в ходе которого хотел доказать, что среда первична для формирования человека и если улучшить среду, то улучшится и человек.

Рабочих (в количестве 2000 человек) воспитывали и просвещали: в частности, учили «направлять свои силы на законные и полезные занятия, которыми они без опасности и бесчестия могли заработать больше, чем прежними некрасивыми способами», а их детям в эксперименте Оуэна уделялось еще более пристальное внимание:

Роберт Оуэн (1771–1858) – английский философ, педагог, один из первых социальных реформаторов.

¹ Оуэн Р. *Избранные сочинения: В 2 т.* М.; Л.: Издательство АН СССР, 1950.

РОБЕРТ ОУЭН

К АРИСТОКРАТИИ,
ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦАМ,
ДУХОВЕНСТВУ И НАРОДУ
ИРЛАНДИИ

«По мнению Оуэна, правильное воспитание и мирное устранение главных социальных зол капиталистического общества – частной собственности, буржуазного брака и религии – могут привести к установлению социалистического общественного порядка.

Оуэн очень высоко ценил роль воспитания, считал, что оно должно быть всесторонним, связанным с участием детей в производительном труде. Образовательная же работа в школе должна строиться на основе наук.

Будучи совладельцем фабрики, Оуэн впервые создал для своих рабочих и их детей целую систему воспитательно-образовательных учреждений: детский сад, начальную школу, школу для работающих подростков, клуб для взрослых («Новый институт для формирования характера»).

Педагогические опыты были продолжены Оуэном в организованной им [в 1825 году] в Северной Америке коммунистической общине «Новая Гармония», где были созданы школы для воспитания и образования детей в духе его идей»².

Не Нью-Ланарком единым: в 1820-х уже 50-летний Оуэн развил невиданную активность, носясь по всему земному шару. Перед тем, как отправиться покорять идеями социализма Америку, он заехал весной 1823 года в Ирландию, где прочитал серию лекций – даже не лекций, а полноценных презентаций, с расчетами и сметами, – как можно организовать народный кооператив и изменить общество к лучшему (при поддержке на первых порах меценатов, в числе которых Оуэн предлагал и себя). Эти ирландские гастроли имели весьма далеко идущие последствия, которые Оуэн едва ли мог предвидеть – но, возможно, приветствовал бы.

Предлагаемый вниманию читателей «НЗ» текст³ – удивительный исторический документ, который фиксирует попытку реального создания на территории Ирландии независимого самоуправляемого кооператива как раз того образца – в очень грубом, конечно, варианте, – ставшего затем предметом грез Уильяма Морриса (который родится только через одиннадцать лет) и Джона Рёскина (которому на момент речи Оуэна было четыре года).

Среди слушателей лекций Оуэна весной 1823 года был землевладелец из графства Клэр, Джон Скотт Ванделер, который через несколько лет, в 1830-м, решил воплотить идеи заез-

2 *Педагогические идеи Роберта Оуэна: избранные отрывки из сочинений Р. Оуэна.* М.: Учпедгиз, 1940. С. 169.

3 Перевод сделан по оцифрованному «Google Books» оригиналу, который, по-видимому, не переиздавался: OWEN R. *Report of the Proceedings at the Several Public Meetings held in Dublin.* Dublin: J. Carrick & Son, 1823. Р. 1–5. Данный текст расположен сразу после предисловия, представляющего собой компиляцию цитат из других трактатов Оуэна – преимущественно из «Образования характера» – и перед сотней страниц с подробными выкладками, иллюстрациями и чертежами, как должны выглядеть все аспекты планируемой коммуны.

жего социалиста в жизнь. Его поместье Ралахин стало первым в Ирландии образцом экспериментальной коммуны, состоявшей из семи семейных пар, 27 одиноких мужчин и женщин и одиннадцати детей. Управлял коммуной комитет из девяти человек, выбираемых всеобщим голосованием раз в полгода.

Финансировал коммуну сам Ванделер, который при этом составил для жителей Ралахина ряд правил проживания, в том числе запрет на алкоголь, табак и азартные игры. Самим обитателям коммуны деньги не выдавались, в качестве оплаты труда рабочие получали «трудовые билеты», которые они могли потратить в магазине кооператива.

Некоторое время Ралахин процветал, и казалось, что воплощение идей Оуэна удалось: из Манчестера был выписан адепт Оуэна, Эдвард Томас Крейг, который помогал управлять делами, к коммуне присоединились несколько десятков новых участников, и именно в рамках Ралахина Ванделер приобрел первые в Ирландии механические косилки для усовершенствования сбора урожая.

Закончили все, увы, довольно быстро: вечером 23 апреля 1831 года неизвестные расстреляли в упор Дэниела Гастингса – управляющего поместьем Ванделера, – после чего устроили в коммуне погром. Позднее в связи с этими событиями упоминали полумифические криминальные группировки «Terry Alts» и «Lady Clare's Boys», состоявшие из ветеранов наполеоновских войн и орудовавшие как раз в то время.

Убийство Гастингса и погром подорвали моральный дух коммуны, как и известия о том, что сам Ванделер начал страдать от жестоких приступов игромании (при запрете на азартные игры в Ралахине) и проигрывал целые состояния. Еще год кооператив пребывал в состоянии сумбура, кульминацией которой стал один вечер 1832 года, когда Ванделер просто проиграл Ралахин в карты, после чего (от стыда?) бежал из страны – коммунаров же новые владельцы попросту выселили. Интересно, что уже после этого бесславного финала, 23 ноября 1833 года, члены коммуны встретились с Ванделером и официально договорились об окончании эксперимента, подчеркнув, что не имеют друг к другу претензий и испытывали в эти годы только «покой, мир и счастье».

На этом история идей Оуэна в Ирландии, однако, не закончилась. Проживший очень долгую жизнь Эдвард Томас Крейг (он умер в 1894 году) не только оставил подробные мемуары о Ралахине, но и продолжал пропагандировать оуэновские тезисы, легшие в основу коммуны, а также поддерживать другие аналогичные начинания.

Остается открытым вопрос, насколько опыт Ралахина и сам Роберт Оуэн в конечном счете повлияли на идеи, что легли

РОБЕРТ ОУЭН

К АРИСТОКРАТИИ,
ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦАМ,
ДУХОВЕНСТВУ И НАРОДУ
ИРЛАНДИИ

РОБЕРТ ОУЭН

К АРИСТОКРАТИИ,
ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦАМ,
ДУХОВЕНСТВУ И НАРОДУ
ИРЛАНДИИ

в основу ирландского национального возрождения. Косвенное влияние тут несомненно: через вдохновленных мемуарами Крейга⁴ националистов Хораса Планкета⁵ и Джорджа Уильяма Расселла⁶, которые создали в 1890-е в Ирландии ассоциацию фермерских кооперативов (не говоря уже об остальных их заслугах) – однако выявление более прямой связи еще ждет своего исследователя⁷. [Андрей Гелианов]

К АРИСТОКРАТИИ, ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦАМ, ДУХОВЕНСТВУ И НАРОДУ ИРЛАНДИИ

Из заслуживающих доверия документов я знаю, что Ирландию в настоящее время терзают бедность, разобщенность и прочие бедствия. На мой взгляд, все эти злключения сегодня немыслимы для земли, входящей в состав Британской империи – учитывая, какой мощью она располагает, – если только фундаментальная ошибка не закралась в самую *основу* общественного устройства.

Я прибыл⁸ к вам с единственной целью – определить причины этого зла и, если это возможно, отыскать средства к их устранению.

Уже успев осмотреть большую часть острова при помощи любезных и разумных помощников, я приобрел достаточные знания о местных обычаях и населении, чтобы как распознать болезнь, так и подобрать лекарство от нее. Теперь мой долг сообщить вам, что из себя представляют оба этих явления.

Пока я исследовал ваш край, мне попадались люди, живущие за чертой такой чудовищной бедности, что если бы я не видел их нужду собственными глазами, то никогда не поверил бы, что человеческое существо может выжить в условиях таких жесточайших лишений.

⁴ См., например, предисловие Расселла к их переизданию тридцать лет спустя: CRAIG E.T. *An Irish Commune: The History of Ralahine*: Dublin, 1920.

⁵ Сэр Хорас Курзон Планкет (1854–1932) – христианский социалист, сенатор, активный лоббист широкой ирландской автономии, а также дядя Эдварда Джона Мортон Дракса Планкета, более известного как Лорд Дансени, одного из создателей литературного жанра фэнтези.

⁶ Джордж Уильям Расселл (1867–1935), подписывавшийся как Æ – одна из ключевых фигур ирландского возрождения, совершил значительный вклад одновременно в ирландское националистическое движение, социализм, литературу, мистицизм и изобразительное искусство. Расселл был первым, кто опубликовал прозу молодого Джеймса Джойса: три рассказа, впоследствии вошедшие в сборник «Дублинцы», в 1904 году появились на страницах «Irish Homestead», газеты ассоциации фермерских кооперативов.

⁷ См. по теме: BREEN C. *Social Archaeologies of “Utopian” Settlements in Ireland* // International Journal of Historical Archaeology. 2006. Vol. 10. № 1. P. 35–48; DOYLE P. *The Ralahine Experiment and the Politics of Land in Late-Nineteenth Century Ireland* // Journal of Co-operative Studies. 2023. Vol. 56. № 3. P. 63–70.

⁸ Под текстом стоит дата – 1 марта 1823 года, – по-видимому, это день *написания* речи; само выступление Оуэна в Дублине состоялось, как и указано в конце текста, 18 марта и повторялось еще трижды – 12-го, 19 апреля и 3 мая.

Я видел, что большая часть крестьян обретаётся вообще без капитала или средств к расширению производства для любого сколько-нибудь полезного дела.

Я видел города с голодными толпами, нужда которых возрастает от часа к часу, которые обитают среди грязи и болезней и претерпевают все мыслимые неудобства, хоть производя, хоть потребляя. И я знал, что любые шансы на облегчение, к которым они обращают свои надежды, оставят их разочарованными, если вообще не сокрушат.

Я видел землевладельцев и арендодателей, старательных и деловитых, которые сумели сколотить капитал ценой тревог и лишений для себя и своей семьи, и я слышал, как они говорят между собой: вот-вот придет час расплаты, и жильцам нашим нечем будет нам заплатить.

Я слышал, как духовенство там и здесь сокрушается, мол, крестьяне нищают так быстро, что чего доброго завтра они не смогут нам отдать десятину.

Я видел многих благородных женщин из высшего сословия, которые посвящали все свое свободное время и весь свой доход сверх необходимого на облегчение условий жизни для тех, кто страдает, – и я видел их отчаяние, ведь нужда только продолжала расти, несмотря на всех их усилия, а словно бы даже и вопреки им.

Я видел тысячи взрослых женщин, которые не могут найти работу – а если находят, то за целый день каторжного труда получают *два пенса*⁹, – и дюжих мужчин, жаждущих смены пусть даже в четырнадцать часов на бесполезной, тяжелой и нездоровой работе – и получающих за это *восемь пенсов*!¹⁰ И я видел множество людей обоего пола, которые не смогли добиться даже такого заработка.

Я видел, как местная знать и состоятельные люди не в силах вынести зрелища от уровня жизни тех, кто их окружает, жертвовали и временем, и деньгами¹¹, чтобы удовлетворить людские потребности; но столь бесполезными показали себя эти усилия, что теперь благородные люди предпочитают запирались в своих домах, словно их осаждает злоеший враг-тать, что придет в ночи.

Если подытожить, я видел все стороны человеческой натуры, перевернутой, ошеломленной, лишенной опоры, понимающей лишь, что во всем этом есть какая-то ужасная ошибка – но не способной выяснить, в чем она состоит и как ее можно исправить и обрести покой.

РОБЕРТ ОУЭН

К АРИСТОКРАТИИ,
ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦАМ,
ДУХОВЕНСТВУ И НАРОДУ
ИРЛАНДИИ

⁹ На сегодняшние деньги примерно пятьдесят пенсов (или 53 рубля по курсу на момент написания этого текста).

¹⁰ Соответственно, около двух нынешних британских фунтов (или 200 рублей).

¹¹ Интересно, что Оуэн отдельно перечисляет благотворительность со стороны благородных женщин и благородных мужчин – впрочем, вполне в духе времени.

Таковы были те бедствия, что бросились мне в глаза, пока я исследовал вашу землю.

И каким контрастом по сравнению с ними выглядит сама земля, столь плодородная, что я подобного не мог себе и вообразить, и климат, что так идеально подходит ей: реки, гавани, линия побережья – столько природных возможностей; в общем, ваш край обладает такими ресурсами, что, если бы только их можно было использовать надлежащим образом, этого хватило бы для счастливой и состоятельной жизни *пятидесяти миллионов* человек – а ведь сейчас на острове проживают только семь миллионов¹². Но даже эти семь миллионов, если бы их производство было верно организовано, могли бы вести удобную, роскошную и изобильную жизнь, без проблем увеличив свое количество по меньшей мере в четыре раза.

Я видел все стороны человеческой натуры, перевернутой, ошеломленной, лишенной опоры, понимающей лишь, что во всем этом есть какая-то ужасная ошибка – но не способной выяснить, в чем она состоит и как ее можно исправить и обрести покой.

Таковы удивительные контрасты, которые я наблюдаю на острове в настоящее время. Почему же бесценные богатства этого края не используются для того, чтобы улучшить жизнь его обитателей? Почему вместо этого ирландцев поощряют искать свое счастье¹³ в других странах, на других континентах, а если они остаются – то вынуждены созерцать нужду и апатию, без надежды на завтрашний день? Кто в этом виноват? Кто наложил проклятие несчастья на все население Ирландии?

Что ж, я отвечу – со всею возможной честностью.

Никто.

Страдания и шок, которые вы наблюдаете, – естественные и неизбежные спутники новинок технического прогресса, которые пытаются использовать в рамках сложившейся системы [общественных отношений], на это не рассчитанную и к этому не готовую, неспособную извлечь из современной техники пользу, несовместимую со всеобщим благополучием.

Как итог – Ирландия страдает ровно в той же мере, в которой могла бы наслаждаться своим изобилием. Излишков про-

12 Население Ирландии на тот момент составляло 6,8 миллиона человек. После Великого голода 1845–1852 годов оно сократилось вдвое и так никогда и не восстановилось до уровня начала XIX века (по данным переписи 2023 года, в Ирландии проживают пять миллионов человек).

13 Массовая эмиграция из Ирландии в США из-за тяжелой экономической ситуации началась уже при Оуэне – только в 1820-х остров покинули более 60 тысяч человек. После Великого голода этот процесс усилился, и к началу XX века число ирландских эмигрантов в США исчислялось уже миллионами.

изводства так много – с которыми непонятно, что делать, – что ваш остров переживает бедствия, свойственные *бедности* с той же легкостью, с которой способен творить *богатства*.

Правда и то, что все стороны¹⁴ в Ирландии обвиняют друг друга в сложившейся ситуации. Но эти обвинения происходят из-за ошибки – ибо ни одна из сторон не понимает истинных причин бедствий и потому не может увидеть единственного способа¹⁵ с ними совладать.

Первый шаг к разрешению трудностей – терпимость, требуемая от всех сторон; я бы даже сказал, их искреннее воссоединение [в единое тело социума] после осознания, что все одинаково ошибаются, будучи вовлеченными в сложившуюся на основе ошибки систему. Воссоединение ко взаимной выгоде – в интересах каждого. Для будущего мира и благополучия общества совершенно необходимо, чтобы высшие и низшие классы как можно скорее объединились – дабы предотвратить куда худшее зло. Это нужно для обеспечения выгоды каждого представителя каждого класса – куда большей выгоды, чем та, на которую они могли бы надеяться при сложившемся порядке вещей.

Мои тезисы могут звучать, я признаю, достаточно странно – но я объясню, что имею в виду, и после этого объяснения все полностью поймут, оценят и признают истинность того, о чем я веду речь.

Чтобы каждый имел возможность это понять, я приглашаю всех представителей знати, ремесленников, промышленников и торговцев 18 марта на встречу в Ротунду¹⁶: я объясню, каким образом можно провести воссоединение всех сторон, чтобы никто не понес ущерба; каким образом мы можем быстро избавить остров от голода и нищеты и что это за религия¹⁷, приняв которую каждый станет свободен и защищен.

Все стороны [ирландского общества] приглашаются к диалогу, в ходе которого будут объявлены важные сведения [о дальнейших действиях]. Мое намерение состоит в том, чтобы обла-

РОБЕРТ ОУЭН

К АРИСТОКРАТИИ,
ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦАМ,
ДУХОВЕНСТВУ И НАРОДУ
ИРЛАНДИИ

14 Оуэн в оригинале использует слово *parties*, но имеются в виду разные слои общества. Никаких политических партий в Ирландии в 1823 году уже не существовало после Акта об унии 1800 года, окончательно включившего Ирландию в состав Великобритании и создавшего Соединенное Королевство Великобритании и Ирландии.

15 Под этим путем Оуэн понимает создание децентрализованных самостоятельных коммун (по типу Ралахи-на), членам которых придется адаптировать свой стиль жизни под коллективное бытование и принять использование новейших на тот момент технических изобретений – детальному описанию того, как должна быть устроена такая коммуна, посвящен весь остаток 160-страничной книги.

16 Историческое здание XVIII века на Parnell Square (ранее Rutland Square) в северной части Дублина, сыгравшее значимую роль в общественной и политической жизни Ирландии. По основному назначению Ротунда была (и остается до сих пор) старейшим в Европе роддомом – но там также имелся зал для лекций и собраний «Rotunda Assembly Rooms», где и выступал Оуэн.

17 Под «религией» подразумевается коммунизм или социализм, сам Оуэн был атеистом (хотя в поздние годы жизни и увлекся спиритическими идеями).

РОБЕРТ ОУЭН

К АРИСТОКРАТИИ,
ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦАМ,
ДУХОВЕНСТВУ И НАРОДУ
ИРЛАНДИИ

годетельствовать Ирландию – а через нее Великобританию¹⁸ и все остальные страны.

Мои взгляды, разумеется, могут быть ошибочны. Если это так, то надеюсь, что самые светлые и могучие умы Ирландии помогут мне, выйдя на поединок в споре – ибо я не потерплю присутствия никаких ошибок на задворках моего разума; и уж точно не желаю стать проводником ложных суждений в мир.

Но, если я сумею продемонстрировать непротиворечивость принципов, которые сейчас выглядят для меня истинными и сообразными природным явлениям – и если деяния, что будет способно совершить общество, познавшее эти принципы, принесут неизмеримую и бесценную пользу всему человечеству, – в таком случае я ожидаю, что каждое ирландское сердце и разум поистине пребудут со мной.

Пусть 18 марта будут потом вспоминать как начало новой эпохи, когда смутное время Ирландии преобразилось в гармонию, а жители этого острова обрели радость от неисчислимых богатств родной земли.

Дублин, 1 марта 1823 года

*Перевод с английского, предисловие, комментарии
Андрея Гелианова*

18 Здесь видно четкое отличие от «скромного предложения» Уильяма Морриса, который в анархистском духе склонялся к демонтажу государственного института в принципе. Оуэн более осторожен (или безразличен) к государственному устройству в целом, сосредоточиваясь на «теории малых дел» – например, как здесь, возможности ликвидировать бедность в конкретном регионе.

Цветущий белый боярышник

Джон
Рёскин

Эстетические трактаты Джона Рёскина сильнее-
шим образом повлияли на становление мысли
Уильяма Морриса. В последние годы Рёскин из-
дается в России довольно обширно, но за одним
значимым исключением (первый русский пере-
вод сборника из четырех эссе о политэкономии
«Unto This Last» (1860), вышедший в 2018 году¹) все эти книги
посвящены как раз *эстетической* стороне его деятельности.

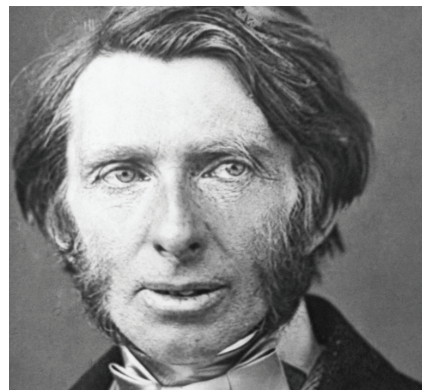
Однако Рёскина всерьез заботили и другие вопросы: эконо-
мика, положение трудящихся, перспективы преобразования об-
щества в более справедливую сторону, положение женщин.
Главным результатом этих направлений его мысли стала книга
«Fors Clavigera» (1884) – собрание написанных на протяжении
тринадцати лет риторических писем-памфлетов, обращенных
не к университетской публике, политикам или представите-
лям духовенства, а к рабочим и ремесленникам Англии.

Название «Fors Clavigera» отсылает к латинскому слову *fors*
(случай, судьба) и включает троякую игру слов: ключ (*clavis*),
гвоздь (*clavus*) и булава власти (*clava*). Эти три «оружия судь-
бы», по мысли Рёскина, могут быть направлены на добро или на
разрушение – в зависимости от нравственного выбора каждого.

Насколько нам удалось установить, единственный русский
перевод «Fors Clavigera» – частичный, первых 24 писем – вы-
шел в 1905 году в издательстве «Книжное дело» и с тех пор не
переиздавался, всплывая лишь на букинистических аукцио-
нах. Таким образом, вашему вниманию предлагается первый
за 120 лет перевод² фрагмента из этой книги.

Письмо V, выбранное для перевода в настоящей публикации,
написано 1 мая 1871 года, в день труда, совпавший с апогеем
Парижской коммуны – и оно особенно значимо как манифест
социальной программы Рёскина.

Текст в книжном издании снабжен заголовком «Цветущий бе-
лый боярышник» («The White-Thorn Blossom»), причем в самом
письме этот образ не упоминается, что позволяет воспринимать
послание как аллереорию в целом – как символ живой, справед-
ливой Англии, которая *могла бы быть*, если народ перестанет
быть рабом технологий и капитала. [Андрей Гелианов]

Джон Рёскин (1819–
1900) – английский
писатель, художник
и теоретик искусства.

1 Рёскин Д. *Последнему, что и первому: четыре очерка основных принципов политической экономии*. М.: Рипол-Классик, 2018.

2 Перевод выполнен по оцифрованной версии оригинального издания из «Project Gutenberg»: RUSKIN J. *Fors Clavigera. Letters to the Workmen and Labourers of Great Britain*. Orpington: George Allen, 1871 (www.gutenberg.org/files/59456/59456-h/59456-h.htm).

Письмо V: Цветущий белый боярышник

Вот, зима уже прошла;
дождь миновал, перестал;
цветы показались на земле;
время пения настало,
и голос горлицы слышен в стране нашей;
смоковницы распустили свои почки,
и виноградные лозы, расцветая, издают благовоние.
Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!

Песнь песней Соломона. 2:11-13 (синодальный перевод)

Друзья мои,

Меня справедливо спрашивают, почему я до сих пор³ писал вам о вещах, которые вам, вероятно, не особенно интересны, да еще и словами, которые вам трудно понять.

Я не боюсь, что вы никогда не поймете моих неумелых слов: увы, однажды вы поймете их слишком хорошо, особенно самые печальные из них. Но я сильно опасаясь другого – что вы никогда не постигнете слов, приведенных выше [в эпиграфе], куплета из любовной песни царя, спетой в одну дивную майскую пору – о сколько их миновало с тех пор!

Я боюсь, что ледяной дождь дикой зимы для вас никогда не пройдет, что цветы так и не расцветут на земле, что птицы никогда не запоют для вас – и совершенная Любовь не восстанет, дабы наполнить вашу жизнь покоем.

– Почему же не для нас – а для кого? – так вы, быть может, мне возразите, приняв мою тревогу за вас как попытку вас оскорбить.

Но, нет, это не оскорбление – и я не счастливее вас. Для меня птицы не поют и никогда не будут⁴. Но для вас они могли бы запеть, если б вы захотели. Когда я говорю, что вы никогда не поймете той песни любви, я лишь имею в виду, что вы не захотите ее понять.

Вы снова сердитесь на меня? Думаете, что даже если вам придется тяжело трудиться, скорбеть и быть угнетаемыми и униженными всю жизнь, то вам всегда по крайней мере останется единственное утешение – Любовь и один оплот чести – Дом? Соглашусь, если б вы действительно их сохранили, то сохранили бы все. Но еще не было в истории человечества

³ То есть в предыдущих письмах «Fors Clavigera» и других публичных посланиях Рёскина.

⁴ Не вполне ясно, почему 52-летний Рёскин здесь высказывается о себе в таком ключе. Возможно, чисто риторическая фигура.

народа, утратившего [подобно вам] эти блага столь прискорбным образом.

Поистине, во многих странах и во многие века женщины трудились ради богатства или хлеба своих мужей. Но никогда еще они не были столь бездомны [как сейчас], чтобы, как та бедная самаритянка, сказать: «У меня нет мужа»⁵. Женщины всех народов терпеливо несли труд ради соучастия. Но только для женщин нашего времени в Англии история берегла такой удел, чтобы они сами стали требовать права на изоляцию⁶.

Таков, выходит, итог вашего всеобщего образования, вашей цивилизации, вашего презрения к невежеству Средневековья и к его рыцарству. Вы [мужчины] не только объявили себя слишком ленивыми, чтобы трудиться ради дочерей и жен, и слишком бедными, чтобы их содержать, – но еще и заставили этих брошенных и растерянных созданий считать «независимость» от вас за честь – и кричать о праве на мотыгу для самих себя. Верите вы в это или нет, но столь низкого уровня мышления не достигала ни одна раса с тех пор, как она произошла на свет от морской звезды, мокрицы или чего бы то ни было еще по воле естественного отбора – согласно новейшей науке⁷.

Та самая «новейшая наука», экономическая и прочая, наконец, достигла своей кульминации. Похоже, предназначение XIX века – явить во всем изысканный образец Совершенной Глупости, дабы предостеречь грядущие века.

К примеру, то утверждение, которое я приводил вам в прошлом письме из циркуляра Общества эмиграции⁸ – будто бы «перепроизводство есть причина бедствий», – есть буквально самая глупая из всех когда-либо произнесенных людьми фраз и, быть может, самая глупая из возможных в принципе. Это как бы противоположный полюс (или отрицательная акме до-

ДЖОН РЁСКИН

ЦВЕТУЩИЙ БЕЛЫЙ
БОЯРЫШНИК

⁵ Евангелие от Иоанна. 4:16–18.

⁶ Рёскин имеет в виду «доктрину отдельных сфер», социальную практику фактической сегрегации повседневной жизни мужчин и женщин в постдарвиновской Англии, которая объяснялась «природным предназначением». Юридически это началось еще раньше – с запрета голосовать женщинам на выборах в 1832 году и объединения жены с мужем в один субъект права («мистер и миссис Джон Смит»). К середине правления королевы Виктории «особый женский удел» стал общественным консенсусом по умолчанию и был интериоризован самими женщинами, которым при этом также приходилось постоянно работать вне дома (более половины из шести миллионов по состоянию на 1851 год).

⁷ Рёскин был публичным противником теории Дарвина, даже не столько по религиозным, сколько по этическим соображениям (в естественном отборе он подозревал логику индустриального капитализма, собственные же теории эволюции Рёскина были, по-видимому, близки ко взглядам князя Петра Кропоткина о всеобщей взаимопомощи). При этом, что любопытно, при встречах Рёскин и Дарвин, познакомившиеся еще в 1837 году, общались исключительно вежливо и доброжелательно, см.: WILMER C. *No Such Thing as a Flower... No Such Thing as a Man: John Ruskin's Response to Darwin // Darwin, Tennyson and Their Readers: Explorations in Victorian Literature and Science*. London: Anthem Press, 2013. P. 97–108.

⁸ По-видимому, речь про «Women's Emigration Society» – организацию XIX века, помогавшую нуждающимся молодым женщинам эмигрировать из Англии в колонии Британской империи. Найти конкретный текст, с которым полемизирует Рёскин, не удалось, но схожие идеи и формулировки звучали в то время часто, см., например, стенограмму заседания Палаты Общин от 1 марта 1870 года: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1870/mar/01/emigration-resolution>.

ступной смертным тупости) по отношению к открытию гравитации Ньютоном, как акме доступной смертным мудрости: как никто из мудрых существ на Земле никогда не совершит столь же мудрого открытия, так и ни одно глупое существо никогда не сможет произнести ничего столь же глупого во веки веков.

Во многих странах и во многие века женщины трудились ради богатства или хлеба своих мужей. Женщины всех народов терпеливо несли труд ради соучастия. Но только для женщин нашего времени в Англии история берегла такой удел, чтобы они сами стали требовать права на изоляцию.

Тот же кризис постиг и наши естественные науки, и наше искусство. С тех пор, как я начал эти записки, несколько раз случались удивительные совпадения: мне показывали или приносили именно то, что я хотел для иллюстрации [моих тезисов], и всегда вовремя – так и теперь, в тот самый день, когда я опубликовал свое последнее письмо⁹, мне случилось пойти в Кенсингтонский музей; и там я увидел самый совершенный в своей чудовищности предмет искусства, который встречал когда-либо в жизни. Перед ним находилась табличка со следующей надписью:

«Статуя из черного и белого мрамора, собака породы ньюфаундленд, стоящая на змее, которая покоится на мраморной подушке, пьедестал украшен рельефными плодами в технике *pietra dura*¹⁰. – Англия. Текущий век. Номер I».

Надпись ощущалась так правильно и точно, жители Кенсингтона были столь любезны, что обозначили *это* номером «I», и правда – штука была почти невероятной в своей единственности; и, действительно, такой пунктуальный акцент на йоте Плохотворения¹¹, – настолько абсолютно и изысканно плохотворенного, что я сам не способен представить себе подобное под номером два, или три, или как вообще можно с этим соревноваться или как-то соотноситься. Крайняя недобродетель этого пса была достигнута, что важно, главным образом благодаря количеству образованности – которой явно злоупотребляли. Было очевидно, что создатели этого шедевра видели все и применяли в работе все; и неправильно понимали все, что они

⁹ То есть четвертое письмо «Fors Clavigera» от 1 апреля 1871 года.

¹⁰ Также *parchinkari* – происходящая из Индии техника резного орнамента с использованием полудрагоценных камней.

¹¹ В оригинале *Miscreation*.

видели, и неправильно применяли все, что они делали. Они видели и римские образцы искусства, и флорентийские, и византийские, и готические – и непонимание всего этого прошло через них, как грязь проходит через земляных червей, и вот, наконец, результат – червеобразный слепок Произведения.

Второй шанс [на понимание], который мне представился в тот же день, был еще более примечательным. Из Кенсингтонского музея я отправился на дневное чаепитие в дом, где, как был уверен, встречу несколько приятных людей. Среди них была и моя старая подруга, которая слушала лекции по ботанике в Кенсингтонском музее и была от них в восторге. Она из тех людей, которые извлекают пользу из всего, и восторг ее был по праву; кроме того, как я понял из ее рассказа, лекции были действительно интересными и приятно преподаваемыми. Она ожидала, что ботаника будет скучной, но опыт превзошел ее ожидания, и она «узнала так много».

Услышав это, я, естественно, стал задавать вопросы, что именно; насколько я знал эту женщину, еще до всяких лекций она уже знала о ботанике больше, чем, по моему мнению, могла бы узнать от просветителей. Подруга сообщила мне, что прежде всего она узнала, что «существует семь видов листьев». Надо сказать, что у меня в целом есть большое подозрение относительно числа семь; так, когда я писал «Семь светочей архитектуры»¹², мне потребовалась вся изобретательность, которой я владел, чтобы они не разрослись до восьми или даже девяти.

Так что я подумал: «Здорово, если бы было только семь видов листьев; но, возможно, если внимательно осмотреть рощи и леса мира, то мы наверняка нашли бы и восьмой вид» – и чего бы тогда стоили новые ботанические знания моей подруги? Поэтому я сказал: «Прекрасно – но что еще?». Моя подруга сказала, что до лекций она не имела понятия, что лепестки – это тоже листья. Тут я подумал, что не было бы большого вреда, если бы она осталась под своим старым впечатлением, что лепестки – это лепестки. Я сказал: «Прекрасно – что еще?». И тогда она сообщила мне слова лектора: «Цель лекций была бы полностью достигнута, если бы он смог убедить своих слушателей, что нет такой вещи, как цветок».

Итак, в этом предложении вы можете видеть самое совершенное и достойное восхищения резюме об общем характере и целях современной науки. Ученый дает лекции по Ботанике, чтобы показать, что нет такой вещи, как цветок; по Человечеству, чтобы показать, что нет такой вещи, как Человек; по Теологии, чтобы показать, что нет такой вещи, как Бог. Нет такой вещи, как Человек – а есть только Механизм; нет такой вещи,

ДЖОН РЕ́СКИН

ЦВЕТУЩИЙ БЕЛЫЙ
БОЯРЫШНИК

12 «The Seven Lamps of Architecture» (1849), рус. перев.: Рёскин Д. *Семь светочей архитектуры. Лекции об искусстве*. СПб.: Азбука-классика, 2007.

как Бог – а есть только ряд сил. Две веры, по сути, являются одной: если вы чувствуете себя всего лишь машиной, сконструированной, чтобы быть Регулятором машин второго порядка, вы поставите статую такой науки на своем Холборнском Виадуке¹³ и постановите, что только главные машины – ваши регулировщики.

Я должен объяснить вам истинное значение приведенного выше высказывания лектора по ботанике, поскольку оно гораздо серьезней, чем кажется. Около пятидесяти лет назад поэт Гёте сообщил¹⁴, что все части растений имеют некую общую природу и могут переходить друг в друга. Это было настоящее открытие, и весьма примечательное; вы можете видеть, что в основе все растения состоят из двух частей – листа и корня: одна любит свет, другая – тьму; одна любит быть чистой, другая – грязной; одна любит расти большей частью вверх, другая – вниз, и каждая имеет собственные способности и цели.

Но чистая, которая любит свет, имеет прежде всего цель быть замужем за другим листом и иметь детей-листья и внуков-листья, чтобы сделать землю прекрасной навсегда. Когда листья женятся, они надевают брачные одежды и становятся более славными, чем Соломон во всей его славе, и у них есть пиры из меда, и мы зовем их «цветами».

В определенном смысле, следовательно, лектор по ботанике был совершенно прав. Нет таких вещей, как Цветы, – есть только Листья. Более того, может быть достоинство в менее счастливом, но неувядающем листе, который в некотором роде лучше, чем недолговечная лилия в своем цветении; и великие поэты знали это всегда – как минимум Чосер, до Гёте; и автор первого Псалма, до Чосера. Лектор по ботанике был прав – в более глубоком смысле, чем он мог заподозрить.

Но вот в самом глубоком смысле из всех, что могут быть, лектор по ботанике был совершенно неправ. Неправ, ибо лист, и корень, и плод – все они существуют только для того, чтобы могли быть цветы. Он пренебрег жизнью и страстью живого существа, которые были его сущностью. Если бы лектор искал их, то он признал бы, что в мыслях самой Природы в растении нет ничего, кроме его цветов.

Теперь в том же смысле, в котором современная наука заявляет, что нет такого явления, как Цветок, она заявила, что нет такого явления, как Человек, а есть лишь переходная форма от асцидий¹⁵ и обезьян. Это может быть правдой, а может и нет –

13 Мост в Лондоне, на момент написания письма – новострой, открывшийся в ноябре 1869 года, который Рёскин, по-видимому, приводит как символ безвкусицы.

14 «Опыт о метаморфозе растений» («Versuch die Metamorphose der Pflanzen zu erklären», 1790).

15 Асцидии – парафилетический класс хордовых из подтипа оболочников, или личиночнохордовых, обитают в океанах. Рёскин мог познакомиться с ними по работам Эрнста Геккеля – например популярной в то время «Generelle Morphologie der Organismen» (1866).

в данном случае этот факт не имеет ни малейшего значения. Реальный факт в том, что, если смотреть человеческими глазами, нет ничего, кроме человека; все животные и существа, кроме него, созданы только для того, чтобы они могли преобразиться в него; мир действительно существует только в присутствии Человека, действует только в страсти Человека. Сущность света находится в его глазах, средоточие Силы – в его душе, целесообразность действия – в его деяниях.

И вся истинная наука, за незнание которой мой савойский проводник¹⁶ справедливо меня презирал, все то, что есть истинная наука, – это «умение жить». Но вся ваша современная наука противоположна этому. Это «умение умирать». И из своих открытий, какими бы они ни были, она не сможет извлечь никакой пользы.

ДЖОН РЁСКИН

ЦВЕТУЩИЙ БЕЛЫЙ
БОЯРЫШНИК

**Если смотреть человеческими глазами, нет
ничего, кроме человека; мир существует только
в присутствии Человека, действует только в страсти
Человека. Сущность света находится в его глазах,
средоточие Силы – в его душе, целесообразность
действия – в его деяниях.**

Телеграфная связь была важным открытием; и, возможно, когда-нибудь оно станет полезным. Можно понять и простить вашу гордость, когда шестого апреля [1870 года] (день смерти Ричарда Львиное Сердце и Альбрехта Дюрера), вы провели медную проволоку до самого Бомбея и пустили по ней сообщение – туда и обратно. Но что же было в этом сообщении и каков был ответ? Стала ли Индия лучше от того, что вы ей сказали? Стали ли вы лучше от того, что она вам ответила?

Если нет, то вы просто потратили впустую медную проволоку длиной в земной шар – и это, по сути, и есть весь итог ваших действий. Если бы у вас, к примеру, нашлись два слова здравого смысла, то пусть бы вам пришлось потратить уйму времени и усилий, чтобы их передать – пусть бы вы писали их медленно золотыми буквами, запечатали сотней печатей и отправили эскадру линейных кораблей, чтобы доставить свиток;

16 Отсылка к эпизоду из четвертого письма «Fors Clavigera»: «Одним из самых приятных товарищей, что у меня когда-либо были, стал савойский гид, который с трудом мог читать и писать. Он не знал никакого языка, кроме собственного, никакой науки, кроме основ сельского хозяйства. Но он был, без сомнения, одним из самых счастливых людей, которых я когда-либо знал: после обеда, когда он выпивал свою половину бутылки вина, мы часто гуляли по какой-нибудь тихой долине в полуденном свете, и савоец читал мне небольшую самодельную философскую лекцию; а после того, как я утомлял его своими пессимистичными возражениями, он отступал к моему слуге позади, пожимал плечами и шептал: “Le pauvre enfant, il ne sait pas vivre!” (“Бедный ребенок, он не умеет жить!”)».

и, если бы эскадра пробивалась вокруг мыса Доброй Надежды сквозь год бурь и потеряла все корабли, кроме одного [со свитком], эти два слова здравого смысла стоили бы таких усилий – и даже большего.

Но у вас нет и близко никаких слов подобной важности, вам нечего сообщить – ни Индии, ни какому-либо иному месту.

Вы считаете великим достижением то, что Солнце теперь рисует для вас коричневые пейзажи¹⁷. Это тоже было важным открытием, и, возможно, когда-нибудь оно станет полезным. Но ведь Солнце уже рисовало для вас пейзажи – не коричневые, а зеленые, синие и всех мыслимых цветов¹⁸ – здесь, в Англии. Никто из вас тогда на них не смотрел, и никто не жалеет об их утрате теперь, когда вы окутали Солнце [фабричным] дымом, так что теперь оно может лишь рисовать коричневые пятна в ящике.

Вопрос не в том, сможет ли благодаря машинам выжить больше людей. Ни одна машина не увеличит возможностей жизни. Они лишь увеличивают возможности праздности.

Когда-то между Бакстоном и Бейквеллом лежала скалистая долина, прекрасная, как [греческая] долина Темби; вы могли бы увидеть там богов – утром и вечером, – Аполлона и всех сладкозвучных муз света, шествующих в дивной процессии по лугам и между вершинами скал. Но вы не заботились ни о богах, ни о траве – только о деньгах (и то не знали, как их зарабатывать); вы решили, что заработаете их через то, что «Таймс» называет «предпринимательством железных дорог»¹⁹.

Вы предприняли железную дорогу через долину – взорвали скалы, насыпали тысячи тонн сланца в ее прелестный поток. Долина исчезла – и боги с ней; и вот теперь всякий кретин из Бакстона может доехать до Бейквелла за полчаса, а каждый кретин из Бейквелла – в Бакстон; и вы считаете это выгодной сделкой – вы, Кретины Повсюду.

Говорить через расстояния, не имея ничего сказать; быстро перемещаться с места на место, не имея дел ни в одном из этих мест, – это, без сомнения, *силы*. Сила такого рода, которая увеличила бы Производство – какой был бы повод для гордости собой, если бы вы правда ее обрели! Но уверены ли вы до кон-

¹⁷ Речь о стремительно развивавшейся в то время технологии фотографии, во многом обязанной открытиям сэра Джона Гершеля (1792–1871), исследовавшего ультрафиолетовое излучение.

¹⁸ Здесь Рёскин, по-видимому, отсылает к картинам своего любимого художника Уильяма Тёрнера (1775–1851), душеприказчиком которого он в итоге стал – впрочем, история их взаимоотношений заслуживает отдельной статьи.

¹⁹ В оригинале Рёскин играет с буквальными значениями слов *Railroad Enterprise*.

ца, что действительно ею обладаете [теперь с технологией]? Что единственное, чего вам теперь стоит бояться, – это смертельная болезнь изобилия и обременяющий избыток благ?

ДЖОН РЁСКИН
ЦВЕТУЩИЙ БЕЛЫЙ
БОЯРЫШНИК

Вглядитесь. Мужчина и женщина с детьми, которые были воспитаны правильно, могут без труда сами возделывать столько земли, сколько нужно для их пропитания; построить столько стен и крыши, сколько нужно для жилья; изготовить и соткать столько ткани, сколько нужно для одежды. И они могут быть совершенно счастливы и здоровы, занимаясь всем этим. Предположим, что эта семья изобретет машины, которые будут за них строить, пахать, молотить, готовить и ткать, а им самим больше ничего этого делать не нужно и они могут весь день читать или играть в крокет или крикет. Я лично верю, что они не станут от этого ни лучше, ни счастливее. Но пока оставим мою веру в стороне. Предположим [ради эксперимента], что они станут более утонченными и нравственными людьми и что их праздность впредь будет матерью всех добродетелей.

Но взгляните, повторяю: сила вашей машины заключается только в том, чтобы позволить им быть праздными. Она не сделает их жизнь лучше, чем раньше, и не позволит им умножаться. Вглядитесь как следует. С определенного количества земли можно получить лишь определенное количество жизни – с машинами или без. Вы можете поставить миллион паровых плугов работать на одном акре, если хотите, – но с этого акра вырастет лишь ограниченное число зерен, хоть исчеркай его, хоть выжги.

Следовательно, вопрос совсем не в том, сможет ли благодаря машинам выжить больше людей. Ни одна машина не увеличивает возможностей жизни. Они лишь увеличивают *возможности праздности*. Допустим, к примеру, вы заставили бы быков в вашем плуге работать под управлением гоблина, который не просит платы, даже чашки сливок (в сущности, вы почти и сделали это, заменив их железным гоблином); в этом случае ваша борозда не примет больше семян, чем если бы вы сами держали ручки плуга. Но теперь вы, по всей вероятности, сидите на краю поля под кустом шиповника и смотрите, как за вас работает гоблин, а сами читаете стихи. Тем временем дома у вашей жены также имеется гоблин, который ткёт и стирает за нее. И она тоже лежит на диване, читая стихи.

И вот, как я уже говорил, я лично не верю, что вы стали бы от этого счастливее, но я готов в это поверить; вот только покажите мне, будучи столь искусными механиками, хотя бы одно-два места, где вы, именно вы, действительно стали счастливее. Покажите мне хотя бы один маленький пример приближения к этому серафическому состоянию. Я вот могу показать вам миллионы примеров счастливых людей, счастье

которых – плод их собственного труда. Ферма за фермой я могу показать вам их в Баварии, Швейцарии, Тироле и других местах, где мужчины и женщины абсолютно счастливы и добры, не имея ни одного железного слуги.

Покажите мне теперь хоть одну английскую семью с ее огненным фамильяром, которые более счастливы. Или приведите мне – убедите меня свидетельством – показания одной-двух английских семей об их возросшем блаженстве. Или, если вы не способны привести такого свидетельства, может быть, сможете убедить в этом хотя бы их самих? Быть может, они счастливы – но просто не знают, как на самом деле велико их счастье; так Вергилий когда-то думал о простых земледельцах. Но мы слышим сейчас, как ваши *паровые крестьяне* вопят, что они все что угодно, только не счастливы и что весь этот хваленый «прогресс» они воспринимают «как чудовищное надувательство».

И все же я должен рассказать вам одну вещь, которая сильно мешает моему воображаемому образу освобожденного пахаря, читающего стихи в своей розовой беседке. [...] Дело было недавно, кажется, на первомой: в Камберленде состоялось великое торжество и выражение удовлетворения новым порядком вещей – народный праздник вроде тех, что устраивали старые язычники, у которых не было железных слуг, с играми и танцами. И я подумал, что теперь, когда деревенские люди освобождены от труда – за них ведь все делают гоблины, – мы увидим поразительные танцы и веселье.

Но танцев не было вовсе, и они даже не могли сами себе сыграть. Им пришлось поручить музыку гоблину. Они шли в процессии за своим паровым плугом, и плуг изредка посвистывал им как мог – весьма мелодично. Что, как мне показалось, в каком-то смысле и впрямь было возвращением к простоте, даже более древней, чем аркадийская: ведь в старой Аркадии пахари насвистывали себе под нос от скуки, а сейчас перед нами толпа, лишенная не только всякой мысли, но уже и способности свистеть самостоятельно.

Теперь – что касается внутреннего устройства дома. До появления ваших механических ткацких станков женщина всегда могла сама сшить себе и сорочку, и юбку – яркие и красивые. Я видел крестьянку из Баварии в церкви в Мюнхене, и выглядела она куда величественнее и наряднее, чем все крестчатые и расшитые ангелы в высокохудожественных фресках Хесса²⁰, что как раз находились над ней, так что я мог сравнивать. И вот теперь в Англии в вашем услужении домовые демоны с пятью сотнями пальцев – по меньшей мере на одного

20 У Рёскина ошибочно «Хессе», имеется в виду Генрих Мария фон Хесс (1798–1863) – немецкий живописец академического направления. Речь скорее всего о расписанной им церкви всех святых в Мюнхене (разрушена во время Второй мировой).

человека, где раньше был один ткач во времена Минервы. Значит, вы должны были бы показать мне пятьсот платьев вместо одного. Уборка должна была стать в пятьсот раз тщательнее. Гобелен должен был превратиться в иризирующую феерию уровня чинквеченто²¹. Не только крестьянская девушка должна бы [вместо работы] лежать на диване, читая стихи, но в ее гардеробе должно было бы быть пятьсот юбок вместо одной.

Таковы ли в действительности ваши достижения? Или вы лишь только пока движетесь к ним – по довольно кривой и странной тропе?

Может ли быть дело в том, что *вам самим* не позволено воспользоваться трудом гоблина: кто-то другой использует его вместо вас, а вы – нет; возможно, вы не сумели призвать гоблинов для собственного служения, а лишь взяли их взаймы у капиталиста и теперь платите проценты – находясь в «положении Уильяма»²² на призрачных, самодвижущихся станках. Но допустим, что вы скопили достаточно капитала, чтобы нанять всех демонов в мире – не только в нем, но и внутри него, – уверены ли вы, что знаете, *чем именно* вы хотели бы их занять? Какие «полезные вещи» вы велели бы им изготовить?

Я говорил вам в прошлом письме: ни один экономист, едущий хоть на пару, хоть на призраке, не знает, что есть полезные вещи, а что – нет. И очень немногие из вас знают это сами – разве что через горький опыт их нехватки. А никакие демоны – ни железные, ни духовные – создать этих полезных вещей не смогут.

Итак, существуют три материальные вещи, не только полезные, но и необходимые для жизни. Никто не знает, как жить, пока не имеет их.

Это чистый воздух, вода и земля.

Существуют три нематериальные вещи, не только полезные, но и необходимые для жизни. Никто не знает, как жить, пока не имеет их.

Это восхищение, надежда и любовь.

Восхищение – это способность различать и получать удовольствие от того, что прекрасно в видимой форме и прекрасно в человеческом нраве, и, как следствие, стремление создавать прекрасное во внешнем и становиться прекрасным в нравственном.

Надежда – это узнавание через истинное предвидение лучших вещей, которых можно достичь в будущем усилием, соб-

21 Период в развитии итальянского искусства эпохи Возрождения в XVI веке («1500-е годы»).

22 Речь про аллегорическую историю о том, что такое капитал и проценты, от французского экономиста Фредерика Бастия (1801–1850), с которым Рёскин полемизировал: плотник Джеймс сделал рубанок, чтобы увеличить свою производительную силу, но, сделав его, был склонен коллегой-плотником Уильямом одолжить его ему на год в обмен на получение новой доски в конце этого срока, помимо доски за использование. Выполнив эти условия в конце первого года, Уильям снова одалживает рубанок на тех же условиях в начале второго, и так эта сделка повторяется для каждого следующего поколения.

ственным или приложенным другими, и, как следствие, прямое и неустанное усилие способствовать достижению этих вещей в меру своих сил.

Любовь – и семейная, и к ближнему, преданная и полная собой.

Вот шесть наиболее полезных вещей, которых должна достичь политическая экономия, когда она *станет* наукой. Далее я вкратце скажу вам, что делает с ними современная политическая экономия – великая наука «умения умирать».

Первые три, как я сказал, это чистый воздух, вода и земля. Небо дает вам основные элементы этих благ. Вы можете уничтожить их по своему желанию – или почти безгранично увеличить их полезные качества.

Вы можете испортить воздух образом вашей жизни и вашей смерти – в любой степени. Вы легко могли бы загрязнить его до такой степени, что по всей земле начался бы мор и все человечество исчезло бы. Вы – или ваши собратья, немцы и французы, – в данный момент заняты тем, чтобы загрязнять воздух изо всех сил – в основном трупами и разрушением животного и растительного мира в войне²³, превращая людей, лошадей и овощи в ядовитый газ. Но [и без войны] везде и непрестанно вы отравляете его зловонными химическими испарениями; а ужасные гнезда, что вы называете городами, не более чем лаборатории по возгонке в небеса ядовитых дымов и смрадов, смешанных с испарениями гниющего мяса и заразными миазмами гнойных болезней.

Но и ваша способность очищать воздух – если бы вы должным образом и своевременно утилизировали все гниющие вещества, если бы категорически запретили вредные производства и высаживали в почву деревья, очищающие и укрепляющие землю и атмосферу – [также] буквально бесконечна. Вы могли бы сделать так, чтобы каждый вдох становился пищей.

Второе: ваша власть над дождевой и речной водой земли безгранична. Вы можете вызвать дождь, где пожелаете, посадив разумно и ухаживая тщательно; и вызвать засуху, где пожелаете, истребляя леса и пренебрегая почвой. Реки Англии могли бы быть чисты как горный хрусталь; прекрасны в водопадах, озерах и живых заводях; полны рыбы настолько, что вы могли бы брать ее руками, а не сетями. Или вы можете продолжать, как и делали до сих пор, превращать каждую реку Англии в общий сточный канал, так что нельзя будет даже окрестить английского младенца иначе как в грязи, если только не подставите его лицо под дождь – и *даже он* теперь падает мутным.

23 Речь о франко-прусской войне (1870–1871), которая закончилась через девять дней после написания Рёскиным этого письма.

Теперь о третьем – о земле, что должна быть для вас питательной и цветущей. Вы узнали [от лекторов], что цветов не существует вовсе; и, насколько позволяют ваши научные руки и научные умы, изобретающие пыль – взрывную и смертоносную, вместо цветущей и животворящей, – вы превратили Землю-Матерь, Деметру, в Землю-Мстительницу, Тисифону²⁴ – с голосом крови брата вашего, взывающего из нее в едином диком хоре по всей ее смертоносной сфере.

Вот что вы сделали с тремя материальными полезными вещами.

Что же насчет трех нематериальных?

Вместо восхищения, вы научились презрению и самодовольству. Нет ни одной прекрасной вещи, когда-либо созданной человеком, которую вы оценили бы или поняли – но вы убеждены, будто способны создать нечто несравненно лучшее. Вы собираете и выставляете вместе – будто бы равно поучительно – то, что бесконечно дурно, и то, что бесконечно прекрасно. Вы не знаете, где одно, а где другое; инстинктивно предпочитаете дурное – и производите его больше. Инстинктивно ненавидите доброе – и уничтожаете его.

Во-вторых, надежда. В вас нет даже столько духа, чтобы начать какое-либо дело, которое не окупится за десять лет; ни столько разума (ни у политиков, ни у рабочих), чтобы представить себе хоть одну ясную картину того, чем бы вы хотели видеть свою страну.

В-третьих – любовь. Основатель вашей религии велел вам любить ближнего, как самих себя. А вы построили целую науку политической экономии на утверждении, будто основным инстинктом человека является стремление обмануть ближнего. И вы довели ваших женщин до безумия, так что они больше не просят ни любви, ни единства с вами, но восстают против вас и требуют «справедливости».

Есть ли среди вас те, кому все это надоело? Кто-нибудь из землевладельцев или арендаторов? Работодателей или рабочих?

Есть ли такие хозяева – такие господа, – которые предпочли бы, чтобы им служили люди, а не железные дьяволы?

Есть ли такие арендаторы, такие рабочие, которые смогут быть верны своим вождям и друг другу? Которые смогут поклясться трудиться и жить честно – ради радости своего дома?

Готов ли кто-нибудь из таких отдать десятую часть того, что имеет и зарабатывает – не для того, чтобы уехать, но чтобы *остаться* в Англии, – и сделать все, что в его силах и сердце, чтобы она стала счастливой Англией?

24 Одна из эриний, которая родилась от капель крови, хлынувших при оскоплении Урана. По описанию Вергилия, Тисифона сидит в Царстве Аида на *железной башне* – каковой образ, вероятно, и привлек Рёскина для иллюстрации пагубности технологий (Энеида. VI: 555).

Я небогат (по нынешним меркам), и бо́льшая часть того, что у меня есть, уже отдана на содержание ремесленников-художников или на иные дела, более или менее общественной пользы. Десятую часть всего, что у меня остается, насколько могу точно рассчитать (вы увидите отчеты), я передам вам в вечное пользование с лучшими гарантиями, какие может дать английское право, в день Рождества этого года, с обязательством добавлять десятую часть от всего, что заработаю после. Кто еще поможет, мало или много?

Основатель вашей религии велел вам любить ближнего, как самих себя. А вы построили целую науку политической экономии на утверждении, будто основным инстинктом человека является стремление обмануть ближнего.

Цель такого фонда – начать и постепенно – не важно, как медленно, – расширять выкуп и закрепление земли в Англии, которая не будет застроена, а будет возделываться англичанами собственными руками и с той помощью, какую можно найти в ветре и волне.

Мне все равно, сколькими или сколь немногими это начнется и в каком ничтожном масштабе – пусть даже в огородах двух или трех бедняков. Столько по крайней мере я могу купить сам и подарить им. Если не придет никакой помощи, я сделал и сказал все что мог – и на том конец. Если помощь придет, она будет на следующих условиях²⁵.

Мы постараемся взять небольшой участок английской земли – прекрасной, мирной и плодородной. Там не будет паровых машин и железных дорог; не будет брошенных и забытых существ; не будет страдающих – кроме больных; не будет праздных – кроме мертвых. Там не будет свободы; но – немедленное повиновение известному закону и назначенным людям. Не будет равенства; но – признание всякого превосходства, какое мы сможем найти, и осуждение всякой недостойности.

Если нам нужно будет куда-то отправиться, мы пойдем спокойно и безопасно, а не на сорока милях в час с риском для жизни. Если нужно будет что-то куда-то перевезти, повезем это на спинах животных или собственных, или в повозках, или на лодках. В наших садах будет много цветов и овощей, на полях – много хлеба и травы, и мало кирпичей. У нас будут музы-

25 Здесь и далее ср. с тезисами Уильяма Морриса в конце лекции «Как мы будем жить – тогда?», явно вдохновленными этим письмом.

ка и поэзия; дети научатся плясать под нее и петь ее – а может, и кое-кто из стариков со временем тоже.

У нас будет и немного искусства; мы хотя бы попробуем, сможем ли, как греки, делать горшки. Греки рисовали на своих горшках богов; мы, вероятно, не сможем так, но, может быть, изобразим на них насекомых и пресмыкающихся – бабочек и лягушек, если нечто лучшее не удастся. Один отличный старый гончар во Франции изображал на своих блюдах лягушек и гадюк – к восторгу публики; уж мы-то сообразим по крайней мере что-нибудь поприятнее.

Постепенно, возможно, у нас дадут ростки и более высокое искусство, и воображение; и робкие лучи науки забрезжат для нас. [У нас будет] Ботаника – слишком скучная, чтобы отрицать существование цветов; и История – слишком простая, чтобы ставить под сомнение рождение людей; а быть может, даже нерасчетливая и бескорыстная мудрость, как у грубых волхвов, приносящих к такому рождению дары – золото и ладан.

Искренне ваш,
Джон Рёскин
1 мая 1871 года

*Перевод с английского, предисловие, комментарии
Андрея Гелианова*

ДЖОН РЁСКИН
ЦВЕТУЩИЙ БЕЛЫЙ
БОЯРЫШНИК

Возрождение искусства возрождения: Уильям Моррис 136 лет спустя

Помимо желания создавать красивые вещи, основной страстью моей жизни была и есть ненависть к современной цивилизации.

Уильям Моррис. *Как я стал социалистом*

Часто ли вы вглядываетесь в обои? О чем вы думаете в этот момент? Конечно, нынешние обои (если в вашей квартире они вообще есть) с цветочками, птичками, веточками – только грустное подобие того, что когда-то придумал великий английский художник, дизайнер и мыслитель Уильям Моррис (1834–1896), первый русский перевод ключевой лекции которого о социализме публикуется в этом номере «НЗ».

Андрей Гелианов
(р. 1987) – писатель,
исследователь культуры.

Но все же и в нынешних обоях в цветочек до сих пор в каком-то смысле живет искра его гения, хотя давно и утеряна связь с теми эстетическими и философскими побуждениями, которые сподвигли Морриса в далеком 1864 году разработать, к примеру, дизайн обоев «Trellis». Рисунок был вдохновлен розами на шпалерах в его резиденции, известной как Красный дом – и в широком смысле Красным домом вообще, утопическим жилищем, в котором, по мысли Морриса, должны были впервые за долгое время соединиться практичность, функциональность и эстетизм.

Эти три термина, нагруженные деловитым современным смыслом, не те, конечно, слова, что нужны. Вообще сложно теперь подобрать слова, которые не звучали бы казенно или не были бы скомпрометированы за прошедшие полтора века (включая «искусство», «коммунизм» и «социализм»), чтобы описать, что это вообще было – про Морриса – и почему это должно быть кому-то интересно сегодня.

Но все же попытаемся.

Красный дом имени Энгельса

Любимое детище Морриса, Красный дом, «самое красивое место на Земле» (Эдвард Бёрн-Джонс), пришлось довольно быстро

продать из-за нерентабельности и неудобства и переехать в индустриальное здание на Квин-сквер в Блумсбери – сейчас там, кажется, один из корпусов Национального госпиталя неврологии и нейрохирургии. Можно сказать, что практическая реализация идеального жилища Морриса потерпела поражение.

Еще одно поражение или то, что поначалу видится таковым: в «Википедии» на разных языках особо отмечается, что после смерти Морриса в возрасте 62 лет в некрологах о нем писали почти исключительно как про поэта – и как про дизайнера обоев.

Так он и вошел в историю как дизайнер обоев, при том, что самая глубокая и полноводная часть жизни Морриса, его основная страсть – приближение социализма на земле – была не то чтобы неизвестна при жизни публике, но ее как будто предпочли замять, замести под ковер, списать на причуды художника.

Но были ведь и другие некрологи, например, от Бернарда Шоу, целиком посвященный именно Моррису-социалисту:

«Его последним важным деянием в социалистическом движении была попытка объединить все социалистические общества в единую партию. Моррис не был инициатором этого плана, но он сделал все возможное, чтобы осуществить его; и, безусловно, был лучшим человеком для этой цели, ведь так вышло, что единственное, в чем эти [социалистические] общества были согласны, – это в глубоком уважении и почтении к его фигуре»¹.

Или вот, допустим, некролог от князя Петра Кропоткина:

«Уильям Моррис был столь выдающейся фигурой в социалистическом движении и занимал в нем настолько уникальное положение, что я боюсь, не смогу в полной мере воздать должное его памяти в тех немногих строках, которые способен написать сейчас»².

Хорош «изобретатель обоев в цветочек»! Были, безусловно, перегибы и в противоположную сторону, например, в первом в мире социалистическом государстве Морриса, наоборот, знали³ в первую очередь как слабенького, витавшего в облаках, немного подозрительного – но все же предтечу социалистической революции (при этом, наоборот, полностью игнорируя Морриса как художника – кажется, за семьдесят лет в СССР не было издано ни одного альбома его репродукций):

«В 1861–1862 гг. организовал совместно с П. Маршаллом и Ч. Фолкнером художественно-промышленную компанию (кустарные мас-

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСКУССТВА
ВОЗРОЖДЕНИЯ: УИЛЬЯМ
МОРРИС 136 ЛЕТ СПУСТЯ

1 SHAW G. *William Morris as a Socialist* // The Clarion. 1896. October 10. Здесь и далее, если не указано иное, перевод мой.

2 КРОПОТКИН П. *William Morris Obituary* // Freedom Journal. 1896. November. Vol. X. № 110.

3 Большая советская энциклопедия: В 30 т. М.: Советская энциклопедия, 1974. Т. 17. С. 240.

терские декоративной росписи, мебели, тканей, обоев, металлических изделий, витражей, шпалер, вышивок). Эстетические взгляды М. формировались под влиянием учения Т. Карлейля, лекций Дж. Рёскина, а также идей движения прерафаэлитов. Начиная с 1860-х гг. он выступал с романтической критикой буржуазной действительности, видя в искусстве главное средство ее преобразования и ставя своей целью эстетическое воспитание масс.

Сотрудничая с Ф.М. Брауном, Д.Г. Россетти, Э. Бёрн-Джонсом, У. Крейном и архитектором Ф. Уэббом, М. стремился противопоставить обезличенному капиталистическому машинному производству индивидуальное творчество (вместе с тем он был уверен в безграничности эстетических возможностей машинного производства при социализме), возродить вытесненные капиталистической индустрией народные ремесла и т.о. решить проблемы, стоящие перед современным декоративно-прикладным искусством. [...]

Деятельность мастерских во многом способствовала возрождению англ. декоративно-прикладного искусства; однако на практике, сводясь к новому оформлению буржуазного быта, оно входило в неизбежное противоречие с эстетической программой М. [...] Изучал труды К. Маркса, но не понял сущности его учения, оставаясь, по характеристике Ф. Энгельса, “социалистом эмоциональной окраски”».

Эта критическая (и вырванная из контекста) фраза Энгельса часто встречается в советских публикациях о Моррисе. Немного проясняет, что вообще имелось в виду, советский литературный критик, англофил (и вице-президент Международного Уэллсовского общества) Юрий Кагарлицкий в своем строгом, партийно-выдержанном предисловии⁴ к первому оттепельно-му изданию романа-утопии Морриса «Вести ниоткуда»:

«Моррис – этот, по характеристике Энгельса, “социалист чувства” – не сумел противопоставить анархистам достаточно разработанной и последовательной системы взглядов. В нескольких пунктах он сам сближался с анархо-коммунизмом, и тем труднее ему было бороться с ними по другим вопросам теории и тактики. Уже в середине 1886 года Моррис, по словам Энгельса, был целиком в руках у анархистов. Его самостоятельная роль в организации была фактически сведена на нет. К концу 1880-х Моррис отходит от активного участия в делах Лиги. Он теперь снова посвящает большую часть времени литературной работе и участию в различных обществах любителей старины. [...]

Если Моррис и чувствовал в эти годы горечь своей неудачи в роли политического деятеля – неудачи, которую предчувствовал Энгельс, назвав Морриса еще в период формирования Лиги, в числе других ее руководителей, человеком честным, но таким непрacticным, что подобных днем с огнем не сыщешь, – то с тем большей

4 Моррис У. *Вести ниоткуда, или Эпоха спокойствия*. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962 (перевод Н.И. Соколовой).

страстностью он отдается теперь созданию литературных произведений, в которых формулирует свои социалистические идеалы».

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСКУССТВА
ВОЗРОЖДЕНИЯ: УИЛЬЯМ
МОРРИС 136 ЛЕТ СПУСТЯ

В картине, которую рисует Кагарлицкий (прикрываясь Энгельсом), Моррис – сознательный, совестливый обыватель, который, конечно, желал всего хорошего для пролетариев всех стран и даже дошел до практического участия в социалистических кружках, но из-за изнеженности, буржуазного происхождения и мечтательности не смог вынести бремени и борьбы прямого действия, по причине чего убежал от реальности в свои «общества любителей старины» и утопическую словесность.

Все это абсолютно неверно, в том числе чисто фактологически: к концу 1880-х (а представленный далее перевод лекции «Как мы будем жить – тогда?» относится к 1889 году) Моррис никуда не отходит и не убегает, а наоборот, только разгорается, входит в раж, радикализуется «влево» все больше. Поздние исследователи Морриса указывают⁵, что его позиция на тот момент отличалась значительным радикализмом по сравнению с прославленными предшественниками и современниками – Томасом Карлейлем, Джоном Рёскиным и Робертом Оуэном.

Достаточно указать, что в качестве объекта для сочувствия в своем рассказе «Сон Джона Болла»⁶ (1888) Моррис выбирает одного из лидеров крестьянского восстания⁷ 1381 года, автора лозунга «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто тогда был джентльменом?», казненного за госизмену (а в то время это каралось повешением, потрошением и четвертованием; отменена эта мера была только в 1870 году, уже при жизни Морриса!) священника Джона Болла.

Моррису было недостаточно значительных изменений в сложившемся социальном порядке или создания отдельных «пузырей»-сообществ внутри социума, которые жили бы согласно иным ценностям. Он хотел – ни много ни мало – полного уничтожения индустриального капитализма, а в перспективе и государственных границ вообще, то есть уничтожения цивилизации, которая, по его мнению, с XIX века явно пошла по какому-то неверному пути.

5 См., например: SALMON N. *Reclaiming William Morris* // Worker's Liberty. 2010. June 17 (<https://workersliberty.org/story/2010/06/17/reclaiming-william-morris>).

6 На русском языке публиковалось как приложение под одной обложкой с новыми изданиями «Вестей ниоткуда».

7 Эти события дошли до довольно серьезной точки: 13 июня 1381 года повстанцы ворвались в Лондон, разрушили Савойский дворец и Судебные палаты, захватили Тауэр, убили лорд-канцлера и лорд-казначея, а также множество других чиновников. 14 июня король Ричард II (которому было только 14 лет) капитулировал и согласился отменить крепостное право. 15 июня – во время переговоров с королем о деталях отмены – лидера восстания Уота Тайлера убил кинжалом в спину лондонский мэр Уильям Уолуэрт, поставив точку в восстании. Чисто теоретически можно представить, как и делает Моррис, что восстание 1381 года могло бы стать поворотной точкой английской истории.

Кто знает, какие слова Моррис написал бы и перед кем выступил, если бы отличался здоровьем покрепче (как его друзья-долгожители Джон Рёскин и Бернارد Шоу) и дотянул до социалистической революции в России? Представьте, 85-летний Моррис выступает перед работниками искусства в Петроградской академии художеств. Не такая уж фантастическая картина, как кажется.

В постсталинском СССР к Моррису относились, мягко говоря, осторожно. Появления его текстов на русском языке были очень редки, в основном стихи в коллективных сборниках – «Антология новой английской поэзии» (1937), «Европейская поэзия XIX века» (1977), «Поэзия народов мира» (1986), – по которым решительно невозможно было понять, что это вообще за автор и зачем его нужно читать.

Вероятно, самым крупным успехом Морриса в советской печати – мертвого на тот момент уже почти восемьдесят лет – стал сборник эссе «Искусство и жизнь» (1973), из которого русскоязычный читатель впервые узнал, что этот странный поэт и «сентиментальный социалист» был еще и мыслителем, эссеистом и публицистом, причем довольно бескомпромиссным. Этот вышедший полвека назад сборник (еще и небольшим для СССР тиражом в 15 тысяч экземпляров) до сих пор остается единственным изданием Морриса-эссеиста на русском языке. Но даже тут есть подвох: как можно понять из названия, составители книги в основном сконцентрировались на его эстетических теориях (во многом представлявших собой развитие взглядов Джона Рёскина) и воздержались – за одним значимым исключением – от включения собственно социалистических выступлений Морриса.

Неужели за одиннадцать лет, прошедших с первого советского издания «Вестей ниоткуда», стрелка повернулась настолько резко, что радикальный социализм – вроде того, что вдохновлял будущих строителей СССР, – в эпоху мраморного брежневского застоя стал *неудобен*? Словом, с изданиями в стране победившего социализма его викторианскому пророку решительно не повезло.

Теперь к значимому исключению. Сборник открывается программным выступлением Морриса под названием «Как я стал социалистом»⁸:

«Прежде всего я хочу уточнить, что, по-моему, значит быть социалистом, так как мне говорят, что это слово больше не означает того, что определенно и точно означало десятилетие назад. Так вот, с моей точки зрения, социализм – это такой общественный строй, при котором не должно быть ни бедных ни богатых, ни хозяев ни

8 Моррис У. *Искусство и жизнь. Избранные статьи, лекции, речи, письма*. М., 1973, С. 53–58 (перевод Р. Усмановой).

подвластных им слуг, ни бездельников, ни неврастеников-интеллигентов, ни удрученных рабочих – одним словом, такой строй, при котором условия жизни будут равны для всех и каждый сможет плодотворно заниматься своими делами, глубоко сознавая, что ущерб для одного означает ущерб для всех; в конечном счете, социализм – это воплощение мечты о “всеобщем благосостоянии”».

Вроде бы все согласно «линии партии». По некоторым пассажирам дальше, впрочем, становится яснее, почему в стране, где в вузах преподавали «научный коммунизм» и «политэкономия социализма», с Моррисом предпочитали лишний раз не рисковать (но теперь их по крайней мере можно было напечатать):

«Я попытался серьезно вникнуть в экономическое учение социализма, даже принимался за Маркса, хотя и должен признаться, что, получив громадное удовольствие от исторической части “Капитала”, я был близок к умопомешательству [*suffered agonies of confusion of the brain*], знакомясь с экономическими концепциями этого великого труда. [...]

До возникновения современного социализма почти все мыслящие люди либо были удовлетворены, либо мнили себя удовлетворенными цивилизацией нашего столетия. Почти все они и на самом деле были удовлетворены и считали, что нужно только совершенствовать эту самую цивилизацию путем уничтожения многих смехотворных пережитков варварства. [...]

Что сказать мне о владычестве этой цивилизации над механической мощностью и о бесплодной растрате этой мощи, о столь низком уровне благосостояния, о столь богатых врагах этого благосостояния, о ее громоздкой организации – как оправдать мне убожество этой жизни? Что сказать о презрении этой цивилизации к простым радостям, которым, если б не ее глупость, мог предаваться каждый? О ее слепой вульгарности, которая уничтожила искусство – это единственное надежное утешение труда? Все это я ощущал и тогда, как теперь, но не понимал причин этого. Надежда былых времен исчезла, многовековые усилия человечества не принесли иных плодов, кроме жалкой, бессмысленной и безобразной анархии. [...]

Итак, я неизбежно должен был бы стать пессимистом, если бы каким-то образом меня не осенило, что среди этой грязи начинают появляться зародыши той великой силы, которую мы зовем социальной революцией. Благодаря этому открытию я увидел мир в ином свете, и, чтобы стать социалистом, мне оставалось лишь одно – окончательно связать себя с практическим движением, что, как я сказал раньше, я и постарался сделать в меру своих сил. [...]

Нужно помнить, что цивилизация обрекла труженика на такое жалкое и худосочное существование, что он едва может представить себе жизнь⁹, лучшую, чем та, которую он вынужден теперь вести. Искусство должно нарисовать для него правдивый идеал

9 Ср. тезис Фредрика Джеймисона / Марка Фишера: «[В наше время] легче представить себе конец света, чем конец капитализма».

полнокровной и разумной жизни, жизни, в которой восприятие и создание красоты – иными словами, подлинные наслаждения и радость – будут для человека такой же потребностью, как и хлеб насущный. И ни один человек, ни одна группа людей не могут быть лишены этих радостей иначе, как путем насилия, против которого необходимо всеми силами бороться».

Индивидуализм и малопродуктивность

На русском языке эссе «Как я стал социалистом» впервые было напечатано в 1906 году, всего через десять лет после смерти автора, в подпольном петербургском (насколько можно понять) издательстве «Друг народа». Скорость распространения идей в то доинтернетное революционное время обращает на себя внимание. Почти одновременно, в 1907-м, в московском издательстве «Дилетант» выходит перевод эссе Оскара Уайльда «Душа человека при социализме» (1891, название скорее всего обыгрывает афоризм Тертуллиана «душа по природе христианка»), в котором присутствует пассаж, где автор, вероятно, полемизирует с Моррисом¹⁰ или по крайней мере стремится дополнить его видение социализма будущего:

«Истинная цель – попытаться преобразовать общество на новой основе, при которой нищета сделалась бы невозможной. Но благородные порывы альтруизма¹¹ до сих пор всерьез препятствуют осуществлению этой цели. Равно как самым вредоносным оказывается тот рабовладелец, кто мягок к своим рабам и потому мешает угнетаемым ощутить порочность системы, а тем, кто настроен критически, осознать суть порока... Безнравственно использовать частную собственность, дабы залечивать злостные язвы общества, основанного на частной собственности. Не только безнравственно, но и несправедливо. При социализме, разумеется, все будет иначе. Исчезнут нищие в вонючих лохмотьях, обитающие в вонючих хибарах и производящие на свет среди гадких, совершенно омерзительных трущоб золотушных и голодающих детей. [...]

С другой стороны: сам по себе Социализм будет ценен исключительно потому, что он приведет к Индивидуализму. Социализм,

10 Моррис и Уайльд познакомились в 1881 году, и первый оказал на второго серьезное влияние (при том, что Моррис изначально отнесся к Уайльду, мягко говоря, скептически). В 1891-м эссе Морриса «Социалистический идеал» было напечатано под одной обложкой с «Душой человека при социализме». См. также: WILLIAMS K. *Resist Everything Except Temptation: The Anarchist Philosophy of Oscar Wilde*. London: AK Press, 2020; FAULKNER P. *William Morris and Oscar Wilde* // The Journal of William Morris Studies. 2002. Vol. 14. № 4. P. 25–40.

11 Уайльд имеет в виду практику благотворительности – индустриальный капитализм уже тогда начал использовать ее в качестве локального «пластыря», на который всегда можно указать в ответ на критику системы в целом. В этом плане британский денди следует радикализму Морриса: нужно не кормить бедных и угнетенных горячим супом (от чего они не перестанут быть бедными и угнетенными), а объяснить им, что их жизненные проблемы – это не «закон рынка» и не «природное следствие», а итог вполне конкретной политики со стороны власть имущих, против которых нужно восстать.

Коммунизм – называйте как угодно – благодаря превращению частной собственности в общественное достояние и выдвиганию кооперации взамен конкуренции возвращает общество к нормальному виду, преобразуя во вполне здоровый организм и гарантируя материальное благополучие каждого. По сути говоря, он создает нормальную основу и нормальную среду для Жизни.

Однако для наиболее полного развития Жизни на пути к наивысшему совершенству необходимо нечто большее. И это – Индивидуализм. Если социализм станет авторитарен, если будущие Правления вооружатся экономической властью, как ныне они вооружены властью политической, словом, если нам грозит Индустриальное Самовластье – то будущее человечества страшней, чем настоящее. Сегодня в условиях частной собственности весьма многим дано право развить в себе некую очень ограниченную долю «Индивидуализма»¹².

Индивидуализм. Именно то, исчезновением чего так пугают сегодня (и пугали всегда) колеблющиеся души, неудовлетворенные *status quo*, противники социализма, в том числе моррисовского, и с ними защитники прекрасного мира капитализма, прелесть проявлений которого мы все имеем удовольствие наблюдать. Уайльд и его вдохновитель Моррис настаивают, что, нет, реальный практический социализм (а не то имперское «индустриальное самовластье», которое в итоге получилось в СССР) не будет всеобщей уравниловкой и опрощением, деградацией достигнутых цивилизационных достижений. Он будет намного сложнее¹³ и позволит каждому раскрыть свою истинную индивидуальность, подлинные желания и потребности, которые сегодня полностью невидимы и неочевидны из-за того, что их заместило мельтешащее месиво маркетинга.

Интересно, что сказали бы Уайльд и Моррис про наш мир таргетированной рекламы, написанных машинами (или измученными прекариатными копирайтерами) текстов для поисковой оптимизации, смартфонов, к которым мы вечно приклеены и в силу этого бомбардируемы ненужными новостями и бесконечной рекламой, – мир окончательного отоваривания обра-

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСКУССТВА
ВОЗРОЖДЕНИЯ: УИЛЬЯМ
МОРРИС 136 ЛЕТ СПУСТЯ

12 Цит. по новому (первому за 106 лет!) переводу, сделанному Оксаной Кириченко в 2013 году для проекта «АлтЛефт»; текст размещен в сети для свободного использования по принципу *copyleft*: <https://levoradikal.ru/archives/8830>.

13 Ср. пассаж в одной из последних глав готовящейся к выходу в издательстве «Ad Marginem» книги Фредрика Джеймисона «Годы теории»: «Социализм будет не проще капитализма, а напротив, намного сложнее; более того, представить себе повседневную жизнь и организацию общества, в котором люди впервые в человеческой истории полностью контролируют собственную судьбу, – задача, для сознания настолько сложная, что субъектам сегодняшнего “управляемого мира” она представляется непомерной и, как легко понять, зачастую пугающей» (JAMESON F. *The Years of Theory. Postwar French Thought to the Presents*. London; New York: Verso. P. 649). См. также нашу статью об этой книге: ГЕЛИАНОВ А. *Перекодировать горизонт: о финальной работе Фредрика Джеймисона* // Неприкосновенный запас. 2024. № 6(158). С. 35–58; и перевод одной из глав этой книги: ДЖЕЙМИСОН Ф. *Постмодернистский театр философии* // Там же. С. 3–22.

зования и искусств и, конечно, полностью неироничной уже оценки успешности контента его «кассовыми сборами». Да, наверное, все то же самое и сказали бы – Моррис уж точно, и выглядел бы даже большим неолуддитом, чем в свое время. Во всех своих ключевых текстах, включая опубликованный в этом номере, он ясен и непреклонен: без остановки технического прогресса, без отказа от его удобств и искушений, без некоторого временного ухудшения – от непривычки – качества жизни никакая революция невозможна.

Для Морриса – человека викторианской эпохи, который много работал руками, жил в реальном мире, никогда не видел ни радио, ни телевизора и застал только первые электрические фонари, – такой «уход в лес» представлялся сложной, но вполне реализуемой задачей. Сегодня, наверное, для среднестатистического человека, особенно молодого, это выглядит как что-то абсолютно немыслимое: выбросить телефон, отключить интернет, потрогать траву, сделать что-то руками, отказаться от доставки прекариатным курьером-пролетарием фабрично произведенных низкооплачиваемыми прекариатными пролетариями продуктов. Остановить АЭС, прекратить вырубать леса, начать практиковать отдельный сбор мусора, оставить, в конце концов, без работы десятки миллионов паразитов в сфере греберовских *bullshit jobs*... – нет, абсолютно невозможно.

Моррис во всех своих ключевых текстах ясен и непреклонен: без остановки технического прогресса, без отказа от его удобств и искушений, без некоторого временного ухудшения – от непривычки – качества жизни никакая революция невозможна.

Примерно в том же духе Морриса критиковали еще шестьдесят лет назад и культурные работники «индустриального самовластья». Так, основные упреки к непрактичной для большого индустриального государства утопичности социализма Морриса сформулировал тот же Кагарлицкий (не преминув уколоть того относительно его собственного опыта ведения бизнеса в викторианской Англии):

«Для Морриса вполне естественным оказывается приход к анархо-коммунистическому идеалу федерации небольших независимых общин. Свободным ремесленникам, каждый из которых в основном обеспечивает себя и своих соседей всем необходимым, не приходится, разумеется, заботиться о том, чтобы вся страна была подчинена единому экономическому руководству. Не нужны им и развитая система сообщений, и современные средства связи. Об-

мениваться научным и техническим опытом героям романа Морриса тоже, как легко догадаться, не нужно.

Моррис не намеревался отступать ни от одной из верных своих установок, которые неизмеримо подняли его книгу над уровнем буржуазных утопий, но всякий раз, когда он позволял себе пренебречь законами экономики ради своих пристрастий, он лишал свою книгу доказательности и сам себе начинал противоречить. [...] Ведь ручной труд малопроизводителен. Для того чтобы убедиться в этом, Моррису не требовалось читать труды по политэкономии или изучать статистические таблицы. Его собственное предприятие, в котором господствовал принцип ручного труда, могло оставаться рентабельным лишь при условии исключительно высоких цен на большинство изделий. И Моррис не может отделаться от мысли, что изображенное им общество будет далеко от изобилия материальных благ. Поэтому Моррису приходится так часто подчеркивать, что потребности людей в его утопии невелики.

Моррис считает целью коммунизма расцвет человеческой личности. Однако вместе с исчезновением развитых экономических связей, средств сообщения и т.п. должен исчезнуть и развитой духовный обмен между людьми. Так, собственно говоря, и случается в мире утопии Морриса. Книги здесь издаются лишь в очень небольшом количестве экземпляров. Интересы утопийцев весьма ограничены, знания их невелики».

Но если мы вчитаемся в текст ключевой для выражения взглядов Морриса лекции «Как мы будем жить – тогда?», перевод которой помещен далее, то найдем там ответ на этот вопрос – ответ, который, несомненно, не по душе строителям и обитателям исторически победившего «социализма» имперского образца. Совершенно верно: социалистическое общество Морриса «малопроизводительно» и «далеко от изобилия материальных благ» (СССР времен Кагарлицкого тоже не был товарным раем) – потому что его целью *не являются материальные блага*, под которыми зачастую понимается, не всеобщие доступные медицина и образование (как с этим дела, кстати, во многих капиталистических обществах, которые так заботятся о материальных благах?), а некий «уровень жизни среднего класса», уже сам по себе избыточный.

Цель утопии Морриса – освобождение человека от рабства корпораций, рынка и государства, от современного «прогрессивного мира» в целом, а также обеспечение этому человеку базовых потребностей и гармонизация его души и тела путем не расчеловечивающего, а вдохновляющего труда на благо себя и ближнего (а не королевской семьи, ЦК КПСС или компании «Apple»). Не нужно никакой «многопроизводительности», говорит Моррис, товаров уже слишком много, гораздо больше, чем нужно (напоминаем, что все это сказано полтора века назад!), их перепроизводство создает избыток и роскошь,

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСКУССТВА

ВОЗРОЖДЕНИЯ: УИЛЬЯМ

МОРРИС 136 ЛЕТ СПУСТЯ

развращает, разнеживает, создает зависимость и усиливает социальное неравенство – в то же время капитализм откровенно лжет, и гиперпроизводительность индустрии никак ощутимо не улучшает жизнь неимущих (зачем нужны 50 сортов хлеба или конфет, если пролетарий в любом случае может позволить себе один-два самых дешевых?).

«Да, я понимаю, что трудно – а для кого-то и невозможно – представить себе в полной мере те перемены, которые последуют за упразднением великой центральной силы нашего времени, – мирового рынка, каким мы его знаем, всей этой крайне изощренной и запутанной системы, выстроенной ради, вокруг и посредством охоты за прибылью.

И все же рано или поздно текущий порядок должен будет развиться во что-то иное. Это “иное” едва ли окажется усовершенствованием системы как она есть. Скорее развитие станет переходом в ее противоположность – то есть в сознательный и взаимный обмен услугами между равными. [...]

Мы видим, что еще до того, как централизация [государств] полностью завершилась, уже началось движение в обратную сторону. А раз оно началось, оно будет продолжаться, пока не достигнет необходимой степени практической децентрализации. Поняв, глядя из сегодняшнего положения вещей, что такая децентрализация необходима – чтобы дать каждому право участвовать в управлении делами, – которая, как я надеюсь, заменит управление людьми [правительством]. [...]

Что касается огромных промышленных районов, то, по-моему, и они могут исчезнуть [без серьезных последствий]. Допустим, товары и правда можно производить дешевле, если максимально сконцентрировать труд и материалы. Но, когда “меч дешевизны” больше не будет нужен как [торговое] оружие против других наций, мы, я уверен, осознаем, что дешевизна бывает слишком дорогой: ад – это слишком высокая цена. И лучше уж поработать подольше, но жить в более приятном месте»¹⁴.

На изложение этого видения можно возразить еще так: допустим конкретно в Англии удалось бы каким-то чудом сместить правительство и устроить федерацию свободных коммун тружеников под руководством некоего нового Джона Болла (можно даже представить в качестве его светской версии прожившего чуть подольше Морриса).

А дальше что? Государства же существуют не в вакууме: если на территорию бывшей Англии, ныне Разъединенного Королевства Утопии, вторгнется Франция или Германия, то как без централизованной армии и госаппарата труженики планируют себя защищать? Если никак, тогда, видимо, надо, чтобы утопический социализм каким-то образом наступил и во всех

14 Моррис У. *Как мы будем жить – тогда?* // Неприкосновенный запас. 2025. № 3(161). С. 176–179.

окружающих странах – а без помощи / агитации / финансовой поддержки уже победивших по соседству товарищей он не факт, что наступит, и мы снова приходим к теории перманентной революции и оправданию имперской экспансии СССР – и этот разговор уходит в (дурную) бесконечность.

Постараемся помнить, что перед нами все-таки утопия – утопия, в которую Уильям Моррис искренне верил и которую считал возможной даже не в самом далеком будущем, – но никаких конкретных шагов по ее достижению за пределами одного государства он так и не предложил.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСКУССТВА
ВОЗРОЖДЕНИЯ: УИЛЬЯМ
МОРРИС 136 ЛЕТ СПУСЯ

Вести из Голгонузы

Я намерен сейчас пойти немного дальше, чем осмелилось классическое и современное литературоведение (предыдущих исследований на эту тему обнаружить не удалось), и для прояснения предмета этой статьи напрямую связать фигуры Уильяма Морриса и английского поэта, визионера и художника Уильяма Блейка (1757–1827).

Предположу: рядом их имена впервые появились в печати¹⁵ только в 1957 году, в 20-страничной статье к двухсотлетию Блейка, которая появилась в недолго прожившем британском коммунистическом листке «The New Reasoner». Авторы, в частности, утверждали, что «видение Блейка в сочетании с теорией Маркса – единственная сила, которая может сдерживать бомбардировщики¹⁶ и превратить плоды человеческой изобретательности в источники обогащения человечества»¹⁷.

Более прямых связей между Моррисом и Блейком обычно проводить не принято, кроме признания смутной причастности взглядов обоих к первичным социалистическим настроениям, склонности к ручному труду (оба сами печатали и оформляли свои книги) и общего отвращения к убивающему душу индустриальному прогрессу, механизму и социальному неравенству¹⁸.

И правда, на первый взгляд более различных фигур не найти: затворник Блейк был мистиком, совершенно одержимым (вплоть до психиатрических состояний) религиозным преоб-

15 Некоторые намеки на общность взглядов Блейка и Морриса см. также в: THOMPSON E.P. *William Morris: Romantic to Revolutionary*. London: Lawrence & Wishart Ltd, 1955; но мысль автора не идет дальше поверхностных сравнений.

16 Апокалиптическая образность статьи, судя по всему, связана с общей международной обстановкой в 1956 году (Суэцкий кризис, подавление Венгерского восстания).

17 Цит. по: MURPHY J.P. *Art against Alienation: William Blake, William Morris, and the British New Left* // *The Journal of William Morris Studies*. 2020. Vol. 23. № 4. P. 10–29.

18 Ср. «Для всей страны равно тлетворны публичный дом и дом игорный. Крик проститутки в час ночной висит проклятием над страной» (перевод С.Я. Маршака).

ражением мира, для которого он изобрел новую мифологию с элементами христианства, гностицизма, а также рядом собственных существ, персонажей, миров и явлений. Блейковский космос – очень сложное для рационального понимания явление, которое не слишком помогают прояснить существующие научные комментарии¹⁹.

Уильям Моррис же – сторонник сугубо рационального и последовательного построения на земле социалистической утопии, который был даже не просто атеистом (как в постдарвиновской Англии было модно в определенных кругах), но, кажется, в своих публицистических текстах *вообще ни разу не упоминает религию*. Словно этого вопроса, этой фундаментальной проблемы любого общества для Морриса вообще не существует как чего-то серьезного, что не рассосется само по себе при правильном переустройстве социума. Религия в его утопии исчезает, потому что люди, ведя правильный образ жизни, *научились быть нравственными без нее* – ведь с исчезновением частной собственности, эксплуатации и власти исчезли и условия, которые требовали «высшего» оправдания социальной несправедливости.

Не будем выносить оценочных суждений о том, насколько такая модель действительно сработала бы в реальности²⁰, но отметим ее определенную мягкость по сравнению с тем, как относились к религии советские власти в разные периоды существования СССР. Догадки об отношении Морриса к религии подтверждаются некоторыми цитатами из «Вестей ниоткуда»:

«Ближе к нашим [нынешним] взглядам был дух средних веков: рай в небесах и загробная жизнь казались настолько реальными, что стали для людей как бы частью их повседневной жизни на земле, которую они любили и украшали, несмотря на аскетическую доктрину их религии, предписывавшую им презирать все земное. Но и это мировоззрение, с его несокрушимой верой в рай и ад как в две страны, в одной из которых предстоит жить, также исчезло. Теперь мы словом и делом утверждаем веру в вечную жизнь человечества и каждый день этой жизни прибавляем к малому запасу дней, подаренных нам нашим индивидуальным опытом. Следовательно, мы счастливы!

Вы удивлены? В прошлое время людям твердили, что надо любить ближнего, исповедовать религию человечества и так далее. Но, видите ли, человека утонченного и возвышенного ума, способного оценить эти идеи, отталкивали от себя индивидуумы, составлявшие ту самую массу, которой его призывали поклоняться. И он мог избавиться от отвращения к ней, только создав условную

19 См., например, вступительную статью и комментарии Гарольда Блума ко второму изданию «The Complete Poetry & Prose of William Blake» (1982).

20 См. по теме, например: Гелианов А. *Кислотный социализм, или Утопия возможности пересборки* // Неприкосновенный запас. 2024. № 4(156). С. 124–140.

абстракцию “человечества”, имевшую мало исторического и реального отношения к роду человеческому. В его глазах он делился на ослепленных тиранов, с одной стороны, и безвольных, униженных рабов – с другой.

А теперь – разве трудно принять религию преклонения перед человечеством, когда мужчины и женщины, которые составляют его, свободны, счастливы, деятельны и в большинстве случаев отличаются физической красотой?»²¹

У нас нет прямых свидетельств, что Моррис читал произведения Уильяма Блейка (а тем более его поздние эзотерические гигантские поэмы вроде «Иерусалима», 1820). Он ни разу, кажется, даже не упоминает его имени. И вместе с тем ближайшим другом и коллегой Морриса был лидер прерафаэлитов Данте Габриэль Россетти (1828–1882), который стал одним из первых поклонников и последователей визионера-затворника (а также издал в 1863-м его первую биографию, «Pictor Ignotus»). Приобретенная Россетти в 1847 году рукопись Блейка, содержащая 170 стихотворений (в том числе нигде более не появлявшихся) и более 90 рисунков, сегодня называется «Манускрипт Россетти» и является одним из важнейших столпов блейковедения. Не говоря уже о том, как идеи Блейка повлияли на самого Россетти.

Взглянем теперь на центральное для космоса Блейка явление, загадочный Голгонузу, *город искусств и ремесел* (!), который то ли уже находится в центре Вселенной и просто должен быть *проявлен*, то ли будет построен в конце времен. Вот как описываются его обитатели:

Лос видит сыновей своих, прекрасных видит дочерей,
Прозрачных и вобравших всю Вселенную в себя,
Растущую вовнутрь, в длину, и вширь, и в высоту.
Как звезды, светятся они, а в чреслах их лучатся
Ворота золотые, что раскрыты в тварный мир.
В прозрачных их сердцах ворота из рубина и других
Сияющих камней раскрыты в тварный мир.

[...]

Четырехмерны сыновья Лоса по своему строению, и четырехмерен
Великий город Голгонуза: четырехмерный по направлению к северу,
И по направлению к югу четырехмерный, и четырехмерный
к востоку и западу²².

Если соскоблить эзотерическую позолоту, мы увидим следующее: обитатели «города искусств и ремесел», «дети Лоса» (у Блейка – дух поэзии и воображения, великого кузнеца, отца

21 Моррис У. *Вести ниоткуда...* Гл. XVII (цит. по: https://royallib.com/read/morris_uilyam/vesti_niotkuda_ili_epoha_spokoystviya.html#446794).

22 Блейк У. *Иерусалим*. Л. 12–14 (цит. по: wikilivres.ru) (перевод Д. Смирнова-Садовского).

труда и так далее), абсолютно наполнены, удовлетворены и совершенны в своих занятиях, они содержат в себе весь мир, и весь мир содержится в их деяниях. Им больше ничего не нужно, потому что вовне ничего больше нет – призраков больше нет.

Но разве это не та самая утопия, о которой грезил Уильям Моррис, – с той любопытной разницей, что у Блейка труд и искусство растворяются в религии, которой становится все, а у Морриса, наоборот – религия исчезает, как ночной призрак с рассветом всеобщего труда и искусства в социалистическом будущем. Более того, Моррис в «Как мы будем жить – тогда?» вообще отказывается называть труд трудом и именует каждую из его разновидностей *искусством* (мусорщики и шахтеры, например, занимаются «неприятным искусством»).

У Морриса Голгонуза становится «материалистическим» и, вместо бога-кузнеца, его возводит коллектив свободных тружеников на вполне реальной земле. Религия становится, если можно так выразиться, трудовой метафизикой²³. Лос теперь – каждый, кто строит дом, шьет рубашу, переплетает книги или печет хлеб. Мистический акт творчества у Блейка превращается у Морриса в повседневную практику труда, и именно труд – не каторжный и подневольно-индустриальный, а свободный, радостный, ручной – становится носителем тех смыслов, на которые ранее имела эксклюзивные права обслуживающая интересы господствующего класса религия: очищение, реализация, связь общества, трансценденция за пределы себя. От самого чувства религии Моррис, таким образом, не отказывается, но ее институты естественно демонтируются после того, как устранена первопричина, по которой вообще был необходим «опиум для народа».

В обеих концепциях (чтоб не сказать видениях) происходит абсолютно аналогичное преобразование мира по новому принципу – но взгляды архитекторов этого преобразования как бы расположены с противоположных сторон одного и того же шара утопии.

ТЫСЯЧА ВИТРАЖЕЙ

Критики Морриса в XX веке (в особенности советские) явно и неявно упрекали его в буржуазности и непонимании устройства справедливого общества, логично следующего из незнания потребностей простого люда. У такого взгляда, безусловно, есть основания: в своей жизни Моррис не знал ни дня бедности, ни даже просто нужды. Его отец владел солидной долей

23 Моррис подробно разворачивает свое видение такого труда в эссе «Useful Work versus Useless Toil» (1884).

в крупнейшем тогда в мире медном руднике в Девон-Грейт-Консолс – дивидендов хватало на весьма респектабельное существование всей семьи Морриса всю его жизнь. Сам Уильям был весьма успешным бизнесменом, владельцем достаточно популярного текстильного предприятия. Ему не на что было жаловаться в жизни – более того, в случае реальной социалистической революции Моррис стал бы одним из тех, кто был бы подвергнут «тотальной конфискации излишков» и потерял бы свои привилегии. Именно это не оставляет сомнений в искренности его намерений как социалистического деятеля.

Более того, ближе к концу жизни слава Морриса как поэта росла, и в 1892 году, после смерти лорда Альфреда Теннисона, ему официально предложили высочайшую британскую награду для литераторов – звание придворного Поэта-Лауреата. Моррис отказался²⁴, как социалист не желая иметь дела с монархией и государством, и лауреатом стал его политический противник – консерватор и редактор «The National Review» Альфред Остин.

Понять поистине возрожденческий масштаб личности Морриса можно, если просто перечислить все, чем он занимался, что успел осуществить. Итак, кем же был этот «создатель красивых обоев» и «член обществ любителей старины», который мог изготовить руками буквально все – от печатной книги до художественного витража? Он был, например, яростным критиком колониализма: в ноябре 1876 года Моррис вступил в либеральную «Ассоциацию восточных вопросов» и был назначен казначеем группы. В 1881-м вышел из ее состава. В 1879-м вступил в Национальную либеральную лигу, вышел в 1881-м из-за позиции Лиги по ирландскому вопросу. В том же 1881-м он ключевая фигура в создании Радикального союза, объединения радикальных групп рабочего класса – Социал-демократической федерации, первой социалистической партии в Великобритании, и лично пишет ее манифест.

С начала 1880-х (когда, по мнению советской критики, он отходит от дел) Моррис развивает невиданную активность: читает лекции, пишет статьи, издает и распространяет брошюры; колесит, посещая собрания и митинги, по всей Британии; финансирует партийный журнал «Justice»; бьется за улучшение жилищных условий для рабочих, бесплатное обязательное образование для всех детей, сокращение рабочего дня, национализацию земли и предприятий; участвует в забастовках рабочих (например в феврале 1884 года во время хлопкового бунта); в марте 1884-го участвует в демонстрации в центре Лондона, посвященной первой годовщине смерти Маркса и тринадцатой годовщине Парижской коммуны.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСКУССТВА
ВОЗРОЖДЕНИЯ: УИЛЬЯМ
МОРРИС 136 ЛЕТ СПУСТЯ

24 См.: MACCARTHY F. *William Morris: A Life for Our Time*. London: Faber & Faber, 1994. P. 631–633.

Моррис посещает Ирландию, где предлагает свою поддержку националистам; Исландию, где делает то же самое (плюс изучает местную культуру и делает заметки). Он слишком активен, чтобы долго оставаться на одном месте – в 1884-м покидает им же созданную Социал-демократическую федерацию и вместе с дочерью Маркса, Элеонорой, создает Социалистическую лигу, становится редактором ее печатного органа – еженедельной газеты «Commonwealth»; – дружит с анархистами; помогает левым активистам, находящимся под судом; в качестве представителя Англии отправляется в Париж на Международный социалистический рабочий конгресс; читает лекции на похоронах известных представителей движения.

В 1890-х Моррис начинает одним из первых (если вообще не первым) использовать в прикладном смысле слово «коммунизм», заявив, что тот «является завершением социализма: когда он перестанет быть воинственным и станет победителем, это и будет коммунизм»²⁵.

Как активист, Моррис умер практически на посту: в январе 1896 года он читает свою последнюю лекцию на тему необходимости всеобщего объединения левых – «Единая социалистическая партия». Затем ему некоторое время нездоровится, в июле он едет на курорт в Норвегию, где испытывает острый кризис (с галлюцинациями и параличом), впадает в кататонию и 4 октября умирает.

Во всех официальных биографиях в качестве причины смерти почему-то фигурирует туберкулез, хотя ни один из симптомов не совпадает – заочные исторические диагнозы, конечно, штука, сомнительная, но современные исследователи склоняются²⁶ к тому, что это скорее был недиагностированный агрессивный рак. Врач Морриса, по легенде, заявил родственникам, что тот «умер просто потому, что он был Уильямом Моррисом и работал за десятерых».

Он действительно работал за десятерых: параллельно со всей политической деятельностью, которая могла бы занимать все время любого другого человека, Моррис еще умудрялся энергично функционировать как просветитель, переводчик, издатель. Между 1870-м и 1875 годами он переводит и печатает прозаические переводы исландских саг и восемнадцать каллиграфических книг нордических сказок и стихов; в 1876-м переводит и печатает «Энеиду» Вергилия; в 1887-м переводит «Одиссею» Гомера; основывает издательство «Келмскотт-пресс», которое на средневековый лад полностью вручную (начиная с изготовления бумаги!) печатало малыми тиражами очень красивые книги.

25 MORRIS W. *Communism* // Freedom Journal. 1893. May (www.marxists.org/archive/morris/works/1893/commune.htm).

26 <https://profadamroberts.medium.com/what-killed-william-morris-cf48b6666b4b>.

Моррис сам верстает все книги, рисует инициалы и миниатюры, разрабатывает новые типографские шрифты, сам печатает – а ведь все это время, особенно последнее десятилетие жизни он сочиняет и выпускает еще и бесчисленные собственные книги, стихи, прозу, занимает посты в различных обществах и гильдиях, занимается проблемой охраны и реставрации памятников архитектуры.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСКУССТВА
ВОЗРОЖДЕНИЯ: УИЛЬЯМ
МОРРИС 136 ЛЕТ СПУСТЯ

Мистический акт творчества у Блейка превращается у Морриса в повседневную практику труда, и именно труд – не каторжный и подневольно-индустриальный, а свободный, радостный, ручной – становится носителем тех смыслов, на которые ранее имела эксклюзивные права обслуживающая интересы господствующего класса религия.

КАК МЫ БУДЕМ ЖИТЬ – ТЕПЕРЬ?

Размах деятельности Морриса, широту его представлений о том, каким должен быть новый, лучший мир и сам человек, трудно переоценить. Моррис был фигурой масштаба «Речи о человеческом достоинстве» Пико делла Мирандолы, «Доверия к себе» Р.У. Эмерсона, «Листьев травы» Уолта Уитмена. Он хотел сделать – и успел – очень многое, а потому практически полное забвение Морриса сегодня за пределами родины (кроме как автора «обоев в цветочек») представляется совершенно несправедливым.

Надеемся, что перевод ключевой для позднего Морриса социалиста лекции «Как мы будем жить – тогда?» станет хотя бы первым шагом к переоткрытию наследия этого удивительного мыслителя и общественного деятеля. В этой лекции Моррис проявляет себя даже не столько как проповедник, сколько как тонкий аналитик уже сложившегося положения вещей. И когда он рисует картину нового общества, то на самом деле показывает по крайней мере версию того, как этот ужасный порядок (мизогиния, рабство, класс господ) сложился исторически:

«Организация жилища во всех аспектах: закупка продуктов, уборка, готовка, выпечка и прочее. Шитье – с его неизбежным сопровождением в виде вышивки и тому подобного. И снова подчеркну: если человек не способен участвовать или вообще заинтересоваться никаким из этих занятий, он болен, и если таких людей

будет много, это неизбежно повлечет за собой подчинение слабого пола – женщин – и их повторное закрепощение».

Насколько нам известно, это первая публикация лекции Морриса на русском языке. Никаких сокращений или иных изменений в текст не вносилось (кое-где для удобства добавлена разбивка на абзацы и пропущенные по смыслу слова – это все). Надеемся, что многочисленные примечания для разъяснения реалий – равно как и опубликованные выше переводы небольших фрагментов произведений Джона Рёскина и Роберта Оуэна (также звучащих на русском впервые, один – вообще, а другой – за сто с лишним лет), – помогут лучше его понять.

Многие мыслители того времени (к которым стоило бы добавить Томаса де Квинси) получили впоследствии историческую известность в первую очередь за счет своих художественных произведений и эстетических трактатов. Настало время показать, что за ними все это время стояло горячее желание действительной, практической трансформации общества к лучшему, и эта тема актуальна сегодня, как никогда. Куда завел нас за прошедшие два века технокapитализм, мы уже ощутили.

Как мы будем жить – тогда?

Уильям
МОРРИС

То, о чем я хочу сегодня с вами поговорить¹, нередко можно услышать в обсуждениях среди социалистов, будь то в компании с их оппонентами или без – и вместе с тем внутри самих социалистов этот предмет не должен вызывать разногласий².

Я хочу изложить вам свое личное представление о Земле Обетованной социализма – и надеюсь услышать, как ее представляют себе некоторые из вас. Не думаю, что час или полтора, проведенные таким образом, будут потрачены впустую – конечно, если мы в меру своих сил, честно и ясно расскажем друг другу о собственных идеалах – если они у нас есть или, что тоже возможно, признаемся в их отсутствии.

В настоящий момент мы участвуем в общем деле³ – в борьбе за уничтожение индивидуального владения, оно же монополия на средства производства. Когда мы достигнем цели, переход этого рубежа должен вызвать лавину таких грандиозных и необратимых перемен в обществе, что любой, у кого есть хоть крупица воображения, не может уже сейчас не задуматься: *а как мы будем жить тогда?*

Давайте же проговорим эти размышления, надежды и страхи. Так мы дадим друзьям и товарищам глубже понять наш характер и темперамент, узнаем друг друга лучше – чтобы сгладить углы, сэкономить время, да и просто стать немного ближе.

Иногда полезно выйти из-за живой изгороди партийных формул и показать друг другу свои настоящие желания и чаяния – осуществить своего рода прививку от доктринерства⁴, угрожающего интеллектуальной стороне социалистического движения, и от политических машин⁵, к которым опасно клонятся его практика и повседневность.

Возможно, кто-то из вас уже догадался, что в таких условиях мой доклад неизбежно приобретет личный характер и бу-

Уильям Моррис (1834–1896) – английский художник, писатель и поэт.

- 1 Эту лекцию Моррис прочел не менее пяти раз начиная с 1 марта 1889 года, что свидетельствует об определенном успехе у публики. Рукопись текста была впервые опубликована только в 1971-м (в сети также есть альтернативная версия с незначительными пометками и исправлениями Морриса). Настоящий перевод осуществлен по: MORRIS W. *William Morris on Socialism. Uncollected Essays*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2023.
- 2 В предисловии к публикации 1971 года отмечается, что структура эссе обусловлена особенностями первой аудитории Морриса – лондонского Фабианского общества. С его членами – «социалистами-постепеновцами» – у Морриса были разногласия по поводу тактики и целей.
- 3 Букв. «в общем приключении». Здесь и далее все примечания, кроме специально указанных, переводчика.
- 4 Букв. «от педантизма».
- 5 *Machine politics* – специфический для американской политики XIX–XX веков способ привлечения и концентрации голосов городской бедноты (и некоторых этнических групп) в руках той или иной политической партии. Для таких «машин» были характерны коррупция, а организованы они нередко были по мафиозному принципу, см. общество «Таммани-холл» (1789–1967).

дет немного эгоистичен. Я не стану за это извиняться – но попытаюсь объясниться. У меня за плечами около 55 лет⁶ – я не скажу «жизни в мире», но скорее жизни внутри себя. И с высоты этого опыта я могу сказать, что не совсем уверен в существовании *индивидуального* человека вообще.

Я обнаружил, что под моей родной кожей, образно говоря, обитают дюжина разных личностей, которые – несмотря на давний союз – время от времени удивляют друг друга самыми странными и необъяснимыми выходками: то глубокой мудростью, то безмерной глупостью, то небесной возвышенностью, то откровенной низостью.

Хотя, возможно, это сложносоставное животное, которое сейчас имеет удовольствие выступать перед вами, и не похоже ни на что на свете – хотя с этим я поспорил бы, – те, кто скрыты под моей кожей и составляют мою сложность, скорее всего лишь типы, аналоги множества других людей в мире, вероятно, некоторых из них я даже прямо сейчас вижу в этой комнате.

Мы участвуем в общем деле – в борьбе за уничтожение индивидуального владения, оно же монополия на средства производства. Переход этого рубежа должен вызвать лавину таких грандиозных и необратимых перемен в обществе, что любой, у кого есть хоть крупинка воображения, не может уже сейчас не задуматься: а как мы будем жить тогда?

Поэтому, когда я говорю вам о своих личных надеждах и желаниях по поводу будущего, – этот голос мой, но сами надежды и желания, смею надеяться, не только мои. И, если вы действительно настолько практичные люди, какими я вас считаю, вы не можете себе позволить их игнорировать.

Итак, я спрошу: что побуждает человека примкнуть к социалистам именно на этом этапе движения? Я, конечно, хочу на самом деле спросить: что делает человека *настоящим* социалистом? Не думаю, что надежда на личную выгоду, – такие ожидания слишком фантастичны для любого, кто достаточно разумен, чтобы донести вилку до рта. Даже самые оптимистичные из нас понимают: прежде, чем будет нанесен хоть один серьезный удар по монополистам, нам предстоит столкнуться с множеством трудностей – и неприятности неизбежно будут

6 Моррису исполнилось 55 через три недели после этой речи.

нашей наградой за дерзость надеяться, что общество можно изменить к лучшему.

УИЛЬЯМ МОРРИС

КАК МЫ БУДЕМ
ЖИТЬ – ТОГДА?

Может быть, кого-то приводит к социализму интеллектуальная убежденность, рожденная в результате изучения философии, политики или азов экономики? Да, наверное, есть многие, кто уверен: именно так они и стали социалистами. Но если эти люди задумаются, то обнаружат: это был лишь второй этап.

А первый? Первый – всегда наблюдение: в мире полно страдания, которое вполне можно было бы устранить. Именно это, как мне кажется, впервые и привлекает человека к социалистам – независимо от того, чувствует ли он страдание на собственной шкуре и осознает ли несправедливость, совершенную по отношению лично к нему обществом, – еще раз подчеркну, что несправедливость не случайную, а как результат вполне определенных процессов, которые можно исправить. А может быть, он сам – неосознанно – один из тех, кто творит эту несправедливость, но при этом имеет в себе простое, добронравное желание, присущее всякому, кто не законченный мерзавец: желание видеть, как другие люди становятся – насколько это возможно – счастливыми.

Не то чтобы та компания⁷, которую я называю «Я», тут чем-то особенно отличалась. С тех самых пор, как я впервые – насколько себя помню – начал размышлять⁸ (какового занятия, как известно, здоровая и счастливая молодежь избегает), – мне регулярно приходила одна и та же мысль: большинство людей плохо едят, плохо одеваются, плохо живут, перерабатывают и, как следствие, становятся злыми и неприятными.

Подобные размышления меня расстраивали, обескураживали, отбивали вкус и к развлечениям, и к труду (между тем и другим, признаться, разницы было немного). Конечно, я пытался как мог от них отмахнуться, тем не менее чувствуя себя малодушным. Я никогда не был настолько глуп, чтобы не осознавать: «униженные фигуры», вставшие между мной и моими радостями, не сами себя унизили – а значит, существует причина такого положения дел, с которой человек, сильный и честный, мог бы и должен был бороться.

Во всем этом, на мой взгляд, не было ничего особенного: просто во мне начал пускаться ростки естественный протест против несправедливости общества, что, несомненно, происходит также внутри многих других людей моего положения и происхождения.

Особенным – до некоторой степени – было то, что случилось со мной впоследствии. Я был по-своему честен – но уж точно

⁷ В оригинале Моррис играет с буквальным значением слова *corporation* как «объединения тел», *corpora*.

⁸ В редакторском предисловии к «William Morris on Socialism» отмечается, что это едва ли не единственный раз, когда Моррис публично вспоминал о собственных чувствах в молодости.

не был силен. Один из тех, кто живет в моей коже, исключительный миролюбец, а другой – самый большой лентяй, каких можно себе представить. Полагаю, в этом я тоже не оригинален. Вполне вероятно, что начавшее крепнуть во мне чувство несправедливости со временем утихло бы – я постарел бы и отрастил настолько толстую кожу, чтоб выносить его без труда. Но со мною произошло кое-что, не позволившее утихнуть этому чувству

Хотя, как я уже сказал выше, моя работа⁹ всегда была для меня в то же время и развлечением¹⁰, я, разумеется, относился к ней со всей серьезностью. Я даже предположил бы, что некоторых из вас могло бы удивить, если бы вы ощутили, какое наслаждение она мне приносила. Но, в конце концов, эта же работа принесла мне и столь же острую боль. Я взялся тогда за масштабное дело – ни больше и ни меньше, чем возрождение народного искусства, как мы тогда это называли. Долгое время я не до конца осознавал, насколько велика эта задача, хотя вполне ясно понимал, насколько глубоко деградировало искусство вообще.

В один прекрасный момент я понял: те самые тягостные мысли о бедственном положении большинства людей глубоко связаны с самой сутью работы. И далее: что я взялся за предприятие, которое невозможно осуществить при нынешних условиях жизни. Конечно, к такому выводу я пришел не сразу, а наоборот, долго и отчаянно пытался извернуться и избежать этой истины – пока меня в буквальном смысле не прижало к стенке.

Теперь для меня померкла почти полностью радость от моего занятия – и это было в высшей степени серьезно, ведь я всей душой любил то, что делаю. Не могу сейчас вспомнить, узнал ли я именно тогда о социализме как о конкретном политическом движении, но я точно помню, что мои взгляды сформировались благодаря чтению трудов¹¹ Джона Рёскина. Можно сказать, что я использовал его взгляды как оптику, применив их как к своему ремеслу, так и к тому самому нарастающему

9 Моррис имеет в виду свою деятельность в качестве руководителя «Morris & Co.», основанной им совместно с несколькими прерафаэлитам в 1861 году, как сказали бы сейчас, дизайн-студии. В 1875-м Моррис стал единоличным владельцем компании – спроектированные им дизайны интерьера, от обоев до мебели, во многом определили знакомый нам сегодня облик викторианских домов. Практически в это же время, с 1876 года, политические взгляды Морриса начинают все больше двигаться в сторону социализма.

10 Моррис использует слово *amusement*, а не *entertainment*. В викторианскую эпоху у него, по-видимому, был более широкий спектр значений, чем сейчас, нечто среднее между «забавляет» и «впечатляет», как в приписываемой самой королеве Виктории фразе «We are not amused».

11 По-видимому, речь прежде всего о книге «Камни Венеции» («The Stones of Venice», 1853). Социализм Рёскин более подробно обсуждает в поздних работах вроде «Unto This Last» (1860) и «Fors Clavigera» (1871), причем по версии их автора распределением при социализме будут управлять некие патерналистские «хозяева».

чувству внутренней несправедливости. Возможно, он сам не ожидал такого развития своих взглядов¹².

УИЛЬЯМ МОРРИС

КАК МЫ БУДЕМ
ЖИТЬ – ТОГДА?

Итог был таков: я оказался вполне готов к социализму, когда он предстал передо мной как политическая партия с ясной целью – революционным преобразованием общества. Я находился на тот момент в состоянии – несомненно, знакомом многим из вас – глубокого недовольства всем укладом современной жизни, я чувствовал, что цивилизованный мир смертельно болен. Если б я тогда не нашел отдушину, то, вероятно, впал бы в состояние безысходного пессимизма – чем для многих подобные размышления и заканчиваются.

Эту отдушину, как вы знаете, я нашел – и так уберегся от скоропалительных выводов вроде того, что искусство, которому я себя посвящал, лишь пустая забава и занимаюсь я ею лишь потому, что не умею зарабатывать на жизнь чем-то другим, да и вообще в любой ситуации лучше всего заниматься чем-то тебе приятным. Мой социализм, таким образом, начался там, где у многих он, наоборот, заканчивается: с неутолимого желания достичь полного равенства возможностей для всех людей, ибо я увидел тогда и все еще вижу сейчас: без этого равенства – независимо от дальнейшего прогресса для человечества – его отказ от искусства и литературы воображения¹³. Для моей собственной натуры именно это и будет подлинной, второй смертью¹⁴ человечества.

Разумеется, вслед за стремлением к равенству ко мне пришло понимание, что частную собственность необходимо отменить. Так я стал коммунистом еще до того, как вообще узнал что-либо об истории социализма или его ближайших целях. Дальше мне пришлось читать решительно неприятные книги, заниматься делами, к которым я считал себя совершенно неспособным, влезать в дурацкие ситуации и ссориться, как школьнику, с людьми, которых я до этого уважал, – чтобы сформироваться как социалист-практик (уверен, некоторые из вас считают, что я все еще не заслужил этого звания).

Впрочем, все это уже не имело большого значения, ибо я вновь обрел надежду, связанную с моей работой, и смог вновь получить от нее удовольствие, причем большее, чем когда-либо прежде, печали мои ушли – словом, я родился заново.

12 Хотя между консервативным Рёскиным и все больше радикализировавшимся Моррисом действительно были разногласия на этой почве, их личные отношения, начавшиеся еще в 1860-е, оставались теплыми. В 1883 году Моррис прочел лекцию о социализме в зале Университетского колледжа Оксфорда, и находившийся в зале Рёскин поднялся, чтобы сказать речь, в которой назвал Морриса «великим мыслителем и деятелем, человеком, одновременно поэтом, художником и рабочим, а также своим старым и дорогим другом» (цит. по: EAGLES S. *The Cambridge Companion to William Morris*. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. P. 259–270).

13 Использованный здесь Моррисом термин *imaginative literature* сегодня примерно соответствует «художественной литературе».

14 «И смерть и ад повержены в озеро огненное. Это смерть вторая. И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное» (Откровение 20:14–15. Синодальный перевод).

Повторюсь: я не стал бы всего этого говорить, если б не знал, что со мной произошло то, что происходит и с другими людьми – пусть и немного иначе. Мы (да, теперь я осмелюсь сказать «мы») живы – и мы не пессимисты. Вместе с тем, да, мы глубоко недовольны текущим положением дел – кроме, пожалуй, самых простых составляющих жизни и кроме той надежды на будущее, которая так или иначе засела у нас в голове.

Мы живы – и способны получать самое интенсивное удовольствие от тех основ жизни, которые варвар имеет в полном объеме, но которых цивилизация нас во многом лишила. Чувственные удовольствия жизни, как это порой определяют, или, если угодно, невинные чувственные удовольствия. К примеру, у нас в голове есть глаза, и через них мы можем впитывать впечатления, в то время как цивилизация велит нам засунуть очи в карман – и ее в основном слушаются.

Мой социализм начался там, где у многих он, наоборот, заканчивается: с неутолимого желания достичь полного равенства возможностей для всех людей, ибо я увидел: без этого равенства – независимо от дальнейшего прогресса для человечества – его отказ от искусства и литературы воображения.

В этом, конечно, есть свой резон: цивилизация – неопрятная шлюха¹⁵ и везде, где только может, старается сделать так, чтобы нам просто *не на что* было приятно смотреть. Так что нам остается, подобно моему другу [Бернарду] Шоу¹⁶, благодарить ее хотя бы за клубы пара, поднимающиеся из паровозной трубы¹⁷, – по крайней мере если они не смешаны с дымом от угля, который, строго говоря, Компания¹⁸ не имеет права сжигать, что не мешает ей продолжать это делать.

И все же именно из [наших] впечатлений мы извлекаем как удовольствие, так и боль; но боли в них так много, что в итоге они лишь наращивают наше недовольство: ведь практически все, что мы видим, всегда несет на себе след той самой болезни [несправедливости общества] – и мы жаждем и желаем исправить положение дел. Мы не в силах просто рассматри-

¹⁵ В оригинале – *foul slut*.

¹⁶ Дружба Бернарда Шоу с Моррисом продлилась двенадцать лет до самой смерти последнего. Шоу опубликовал некролог другу – под заголовком, что характерно, «Уильям Моррис как социалист» (www.marxists.org/archive/morris/obits/shaw.htm).

¹⁷ Возможно, референс к эпизоду из романа Шоу «Несоциальный социалист» (1887).

¹⁸ Вероятно, имеется в виду «Robert Stephenson and Company» – первая в мире компания по производству локомотивов, существовавшая с 1823-го по 1937 годы.

вать мир как картину импрессиониста или довольствоваться какой-нибудь руиной живописности¹⁹, которая на деле есть лишь внешняя оболочка, под которой таятся скука и голод.

И все же именно здесь снова вспыхивает наша надежда: ибо, хотя в настоящем времени мы живем лишь на те крохи, что можем подобрать среди всеобщей разрухи и разорения, в будущем мы живем щедро. И одна из сторон удовольствия [которое мы испытываем] от сегодняшней обыденной жизни – от жизни телесной, я имею в виду, от движения в поле, на воде, в небе и подобного – в том, что мы видим в этих явлениях строительные элементы, из которых будет возведена жизнь будущего куда в большей степени, чем из сегодняшних теорий, литературы, так называемого искусства и так называемой науки.

Обобщим так: в нашей надежде столь много щедрости, что [мы верим] – все то, что сегодня видится как черты болезни цивилизации, исчезнет в свете нашей вновь возвращенной свободы. То, к чему мы стремимся – то, ради чего мы хотим использовать инструмент перехода (который некоторые и называют социализмом), – не просто исправить общество, которое существует, но построить *новое* общество, где мы будем почитать то, что прежде сжигали, и сжигать то, что прежде почитали.

Как же мы будем жить – тогда? К какой бы системе производства и обмена в итоге мы ни пришли, насколько справедливыми бы ни сделали отношения между людьми, счастья мы не найдем, пока не станем жить, как добрые животные, радуясь самым обычным проявлениям жизни – еде, сну, любви, ходьбе, бегу, плаванию, верховой езде, парусному спорту. Мы должны свободно наслаждаться всеми этими телесными упражнениями – без стыда и без фантазий, что наши умственные способности настолько уж божественны и уникальны, что мы якобы выше таких «банальных» вещей.

И я скажу – вопреки естественному отвращению, которое вызывает у нас физический труд в нынешних условиях²⁰, – что мы должны быть достаточно сильны и здоровы, чтобы труд доставлял нам радость, радость от доброй, крепкой схватки с силами природы, схватки, в которой мы может ощутить нашу силу. Я, к примеру, искренне надеюсь, что в будущем мы не окажемся настолько одержимы производством пищи, чтобы отказывать себе в удовольствии вручную убирать урожай или самим растить зелень²¹ на огороде, разумеется, с должными

УИЛЬЯМ МОРРИС

КАК МЫ БУДЕМ
ЖИТЬ – ТОГДА?

¹⁹ В оригинале – *some ruinous piece of picturesque*.

²⁰ В данном случае Моррис имеет в виду тяжелый фабричный труд на «темных мельницах сатаны», как в начале XIX века Уильям Блейк назвал разрастающийся индустриальный сектор Британии и конкретно первую паровую мельницу «Альбион» в лондонском Саутуарке.

²¹ Слово *potherbs*, как ни странно, не имеет устоявшегося русского перевода – примерно соответствует кулинарным травам и пряностям.

знаниями и навыками. (Надеюсь также, что нам не придется – как это происходит ныне – укорачивать себе жизнь, играя значительную ее часть в роли посылок, пересылаемых из пункта в пункт. Я настаиваю, что перемещение *по поверхности* земли вовсе не обязано быть тратой времени – если, конечно, вы не едете, как посылка, и особенно если вам посчастливилось иметь способность ни о чем не думать в дороге. Хотя признаюсь, даже когда меня все-таки отправляют, как сверток, я стараюсь хотя бы периодически выглядывать из упаковки).

Все это [вышесказанное], разумеется, потребует пересмотра взглядов на образование. Подготовка к жизни на новых основаниях не может быть такой же, как и при старых. Да, возможно, умения, касающиеся телесной стороны жизни, приобрести будет несложно. Но все же, насколько мне известно, везде и всегда (кроме, может быть, [привычных с детства обитателям] островов южных морей и пампасов), чтобы приобрести способность плавать и ездить верхом, этому нужно сначала учиться. И я слабо себе представляю юношу, умеющего копать, пахать, жать и сеять, который этому не учился.

Вместе с тем такая учеба, разумеется, происходила бы не как в ремесленном училище²², а так, как подмастерья учатся у мастера²³, которому не все равно. Я также думаю, что большинству людей было бы интересно освоить два–три простых ремесла, даже если они не собираются делать их своей основной профессией: речь про кузнечное дело, плотничество (не столярничество), работу каменщика или кирпичника. Для этого потребуется определенное длительное обучение. В то же время разнообразные «мелкие искусства» – вроде готовки и шитья – дети легко могут усвоить в самом раннем возрасте, и для них это станет всего лишь привычкой, приобретаемой без усилий.

Чтобы такое [новое] образование окрепло и встало на ноги, нам следует развернуть масштабную сферу деятельности на открытом воздухе, что и необходимо, и полезно для сильных и здоровых людей и будет доставлять удовольствие само по себе при правильном выполнении. Часть таких практик можно выполнять индивидуально, но большая их часть требует коллективных усилий. Те же элементы [упражнений], в которых невозможно быстро достичь мастерства, должны войти в привычку к регулярному выполнению. Добавим ко всему этому то, что я ради краткости назову домашними занятиями, и мы получим (важнейшее дополнение) то, что мы зовем искусс-

22 *Vocational school* сегодня в России соответствует среднему профессиональному образованию (ПТУ, техникум, колледж).

23 В этом пассаже Моррис осуществляет не привычное противопоставление теории практике, но разделяет два типа практики – массово-безличную и более интерперсональную, которая отсылает к опыту мастерских исторических живописцев. Из той же оптики, по-видимому, дальше в абзаце проводится и черта между плотниками и столярами.

вом. Сюда мы включаем не только пластическое и декоративное [искусства], но и литературу: как практическую²⁴, так и литературу воображения, а также процесс поиска знания ради него самого. Полагаю, описанные практики дадут нам почти весь спектр занятий, *необходимых* для счастливого сообщества. И, ей-богу, я не вижу никакого смысла в том, чтобы грузить себя занятиями, которые нам *не нужны*.

Позвольте мне попробовать немного более систематично сгруппировать те виды деятельности, о которых я уже сказал, и добавить к ним некоторые, возможно, не столь очевидные.

Первое. Искусства на открытом воздухе. Сразу объясню, почему предпочитаю называть эти виды деятельности «искусствами»: по моему убеждению, всякий труд, который человек совершает, должным образом проявляя свои способности и получая от этого удовольствие, является искусством. [Сюда мы отнесем, например,] сельское хозяйство и родственные ему искусства – садоводство, рыболовство, забой и разделка скота, управление кораблями и лодками. Вождение повозок, поездов, omnibusов и тому подобное (тут происходит пересечение с искусством распределения). Привычки к плаванию, спортивной ходьбе, бегу и верховой езде естественным образом будут вплетены в этот список, как и навык знать обычаи и повадки животных. И вот – при том, как мы будем жить тогда, – я утверждаю: всякий, кто не испытывает живого интереса ни к одной из этих сфер деятельности и неспособен участвовать в них, должен будет рассматриваться как больной, как что-то меньше, чем человек, как обуза для общества. Если таких людей будет много, это неизбежно породит класс рабов – тех, кто будет делать самую грубую работу в мире²⁵.

Второе. Домашние искусства. Организация жилища во всех аспектах: закупка продуктов, уборка, готовка, выпечка и прочее. Шитье – с его неизбежным сопровождением в виде вышивки и тому подобного. И снова подчеркну: если человек неспособен участвовать или вообще заинтересоваться никаким из этих занятий, он болен, и, если таких людей будет много, это неизбежно повлечет за собой подчинение слабого пола – женщин – и их повторное закрепощение.

Третье. Строительные искусства. Каменщики, кирпичники, кузнецы, плотники и так далее – включая проектировщиков зданий, инженеров и прочих. Здесь находит себе место то, что мы чаще всего и называем *искусством*, – то есть декорация,

УИЛЬЯМ MORRIS

КАК МЫ БУДЕМ
ЖИТЬ – ТОГДА?

²⁴ Здесь не вполне ясно, что Моррис имеет в виду под *measured literature*. Исходя из противопоставления *imaginative literature* (см. сн. 13) можно предположить, что речь идет про *non-fiction* или более-менее формально определенные литературные жанры.

²⁵ Это предложение отсутствует в онлайн-версиях текста лекции и есть только в версии, опубликованной в 1971 году.

которая воздействует на разум через зрение. Так как [такая декорация] – неотъемлемая часть названных мною профессий, возможности для мастерства здесь особенно высоки, и принимать участие в работах такого типа будут только обладатели творческого дарования – а я полагаю, что у большинства свободных людей оно имеется. Однако, конечно, будут и те, у кого способности к этим искусствам отсутствуют или слабо развиты. Они предпочтут более грубые занятия, перечисленные ранее, но, поскольку их труд будет и необходим, и приятен, они не нанесут никому вреда и не будут больны. Очевидно и то, что эти [строительные] искусства в наивысшей степени требуют кооперации: труд одного человека не может быть по настоящему отделен от общего дела.

Четвертое. Мастерские искусства. Ткачество, гончарное, красильное и печатное дело (в том числе текстиль и книги) и прочее. Во многих из этих занятий также присутствует искусство в прямом смысле слова, и о них в целом можно сказать все то же самое, что и о предыдущей группе. Там, где искусство не может быть органической частью труда, но сам этот труд все же необходим, он должен будет выполняться машинами, так механизированно, как возможно. Однако я считаю само собой разумеющимся, что люди, обслуживающие эти машины, также будут заняты и другими, более приятными и ответственными делами. А все монотонное и бессмысленное, от чего можно отказаться, нам следует немедленно устранить.

Пятое. Неприятные искусства. Предположим – хотя я не уверен, что это необходимо, – что [в новом обществе] будут существовать неизбежно неприятные виды деятельности. Я разделяю их на: (а) однозначно неприятные, (б) относительно неприятные. К первым отнесем такие занятия, как шахтерство, выделка шкур, работа мусорщика и тому подобное. Ко вторым – ну, скажем, бумажную работу в ее наименее увлекательной форме, то есть бюрократию, канцелярщину, административную тягомотину. Для обеих этих групп я посоветую следующее: заменить работников машинами там, где возможно, а где нет, у этих трудящихся должна быть обязательно и другая занятость. Но прежде необходимо строго расследовать, действительно ли нам необходимы те или иные виды неприятного труда. Если нет, мы их упраздняем.

Шестое. Искусства распределения. Перевозка товаров, торговля, организация рынков – и тому подобное. Я полагаю, что найдутся те, кому такая работа по душе, и пусть тогда делают ее хорошо. Но мне кажется, даже они [со временем] придут к выводу, что копанье и жатва, а возможно, и выделка кожи – более успокаивающие занятия. В таком случае они должны будут непременно иметь к ним доступ как к форме отдыха.

Седьмое. Изящные и интеллектуальные искусства. Живопись, скульптура, малые (воспроизводящие) искусства – наподобие гравюры. А также литература воображения, изучение истории и природы. На некоторых из этих занятий, где требуется изрядный ручной труд, можно будет сосредоточиться полностью. На остальных – нет. При этом даже в искусствах, требующих ручной работы, дополнительный физический труд [как альтернативная форма деятельности] необходим, если только он не будет слишком уж огрублять руки, требующие точной и тонкой моторики (в реальности каковой проблемы я лично сомневаюсь). В любом случае моя мысль такова: человек не должен полностью отдаваться только изящным искусствам. Это приведет к болезни и антисоциальным привычкам, обременит общество новым классом тунеядцев, а в долгосрочной перспективе (если остальные будут достаточно глупы [чтобы ими очароваться]) – и новым классом господ.

УИЛЬЯМ МОРРИС

КАК МЫ БУДЕМ
ЖИТЬ – ТОГДА?

К какой бы системе производства и обмена в итоге мы ни пришли, насколько справедливыми бы ни сделали отношения между людьми, счастья мы не найдем, пока не станем жить, как добрые животные, радуясь самым обычным проявлениям жизни – еде, сну, любви, ходьбе, бегу, плаванию, верховой езде, парусному спорту.

Прежде, чем я продолжу, хочу подчеркнуть: я не сомневаюсь, что в различных профессиональных отраслях потребуются определенная степень организации и руководства. Я также весьма далек от мысли, что необходимо или хотя бы желательно предписывать людям, какую профессию им следует выбрать; я лишь предполагаю, что людям должна быть предоставлена возможность делать то, что они умеют делать хорошо, и что эта работа будет добровольной (в плане отношений между людьми²⁶); [пусть] природа будет естественным стимулом, в некотором смысле единственным врагом – однако врагом, который сам просит, чтобы его победили.

Теперь, когда я изложил вам мой идеал, чем будут заняты люди в свободном обществе, остается лишь добавить свои соображения о возможности того, будет ли этот идеал рано или поздно реализован. Можно назвать это политической стороной вопроса.

26 Здесь Моррис, по-видимому, понимает, насколько идеи разделения труда в его новом обществе на первый взгляд похожи на «Государство» Платона, и подчеркнуто отвергает идею рабства и принуждения, заранее возражая тем, кто мог бы ему указать на сходство.

Децентрализация и равенство условий [для всех] – необходимые спутники того идеала труда, о котором я говорю. Но, если честно, мне все еще не вполне ясно, должны ли мы их рассматривать как причину или как следствие того состояния дел, которое этот идеал предвосхищает. Все же я думаю, что если мы примем второе [идеал труда], то первое [децентрализация и равенство] станет естественным следствием. Да, я понимаю, что трудно – а для кого-то и невозможно – представить себе в полной мере те перемены, которые последуют за упразднением великой центральной силы нашего времени – мирового рынка, каким мы его знаем, всей этой крайне изощренной и запутанной системы, выстроенной ради, вокруг и посредством охоты за прибылью.

И все же рано или поздно текущий порядок должен будет развиваться во что-то иное. Это «иное» едва ли окажется усовершенствованием²⁷ системы, как она есть. Скорее развитие станет переходом в ее противоположность – то есть в сознательный и взаимный обмен услугами между равными. Скажите, если происходящее сегодня [в политике] вообще можно разумно осмыслить, разве мы не увидим уже сейчас знаки, что перемены грядут? Республика – единая и неделимая – Франции столетней давности переживает ныне фазу буржуазного разложения²⁸. И единственная надежда Франции выйти из этого состояния – в качестве Федерации свободных коммун. И, хотя объединение Германии произошло совсем недавно²⁹, мы уже ждем одного-единственного события, а именно – поражения немецкой армии³⁰, чтобы это «единство» вновь разложилось на федерацию, но на этот раз с социалистическим прицелом. Да и у нас дома [в Англии] [необходимость] федеративного принципа в ирландском вопросе признана всеми³¹, кроме самых упрямых

27 Букв. «усовершенствованием того, что уже совершенно» – здесь тон Морриса, естественно, саркастический.

28 Моррис, вероятно, имеет в виду череду политических и экономических кризисов, которые сотрясали Францию на тот момент в президентство Сади Карно (с 1887 года). На парламентских выборах 1889 года, через полгода после этого выступления Морриса, во Франции победил левый блок Жана Казимира-Перье – впрочем, достаточно быстро мутировавший в правополитический. После убийства Карно анархистами в 1894-м Перье сам стал президентом – всего на 200 дней, во время которых был, в частности, осужден Альфред Дрейфус.

29 18 января 1871 года в результате франко-прусской войны, то есть за 18 лет до произнесения Моррисом речи.

30 На момент выступления Германия не вела никаких войн, однако надежды Морриса на ее скорый развал по «социалистическому» сценарию могли подпитываться хаосом на престоле: годом ранее, в 1888-м, умер старый кайзер, а затем, через 99 дней, внезапно скончался и его наследник Фридрих III, после чего на трон возшел 29-летний Вильгельм II, начавший свое правление с милитаристской речи.

31 Здесь Моррис выдает желаемое за действительное: билль о гомруле (то есть самоуправлении Ирландии в составе Британской империи), который продвигал лидер Либеральной партии Уильям Юарт Гладстон, был дважды отклонен парламентом – в 1886-м и 1893 годах. Закон о самоуправлении Ирландии был принят уже после смерти Морриса, в 1914 году, но не вступил в силу из-за начала Первой мировой войны. В 1916-м ирландские националисты подняли так называемое Пасхальное восстание, и после его разгрома движение за независимость только усилилось. Ирландия (за исключением Ольстера) получила фактическую независимость в результате гражданской войны согласно мирному договору 1921 года с Великобританией.

реакционеров. А сами тори – как я думаю, движимые не осознаваемой ими судьбой, – дали нам в виде советов графств³² зачатки революционного местного сопротивления центристской реакции.

Мы видим, что еще до того, как централизация [государств] полностью завершилась, уже началось движение в обратную сторону. А раз оно началось, оно будет продолжаться, пока не достигнет необходимой степени практической децентрализации. Поняв, глядя из сегодняшнего положения вещей, что такая децентрализация необходима – чтобы дать каждому право участвовать в управлении делами, – которая, как я надеюсь, заменит управление людьми [правительством], вы увидите, что я признаю возможность некоторого механического централизованного управления, скажем, железными дорогами в пределах определенного географического района, а ведь это, в сущности, будет уже не централизация, а прямое следствие федерации³³.

Я также признаю, что форма, которую в итоге примет децентрализация (или федерация), определится в ходе развития эксперимента. Какой будет единица органов управления, как будут выглядеть субъекты федерации, будут ли возможны перекрестные федерации – скажем, ремесленные гильдии или кооперативные общества, существующие наряду с географическим делением на приходы, коммуны и так далее, – все это на текущий момент предмет чистой спекуляции, а я не приписываю на дар пророка.

Замечу, однако, что темперамент склоняет меня верить: мы точно сумеем избавиться от самого наглядного внешнего символа коммерческой и официальной централизации – наших гигантских городов и перенаселенных промзон.

Что касается больших центров, таких как Лондон, Париж или Берлин, то они, без сомнения, порождены отчаянной борьбой за существование, неизбежно следующей из конкуренции при монополии – и со стороны монополистов, и со стороны их рабов.

Эти города – конторы коммерции и чиновничества, логова хищников, больших и малых, что питаются глупостью и нуждами огромной массы людей, у которых не остается ни времени, ни сил, чтобы понять, чего они на самом деле хотят, и потому все – от куска хлеба до нового романа или пьесы – им всучивают насильно, как шулер подсовывает нужную карту. Эти города – потогонки, куда голод гонит нищих со всей страны, чтобы

УИЛЬЯМ МОРРИС

КАК МЫ БУДЕМ
ЖИТЬ – ТОГДА?

32 *County Councils* были созданы законом британского парламента в 1888 году, официально начали свою деятельность с 1 апреля 1889-го, ровно через месяц после речи Морриса.

33 Здесь мысль Морриса не вполне ясна: предполагает ли он создание своей дирекции железных дорог для каждого графства Англии (что будет очевидно громоздко и неудобно) или под единым географическим регионом подразумевается как раз вся Англия, но он не видит в этом проблемы (и тогда это входит в некоторое противоречие с изложенным ранее).

те могли хотя бы урвать корку хлеба и бросать кости в безнадежной игре за двадцатимиллионную долю шанса вырваться из пролетариата, пяди земли, что отделяет современное общество от вулкана, на котором оно построено. Я не отрицаю, впрочем, что эти города – также и лагеря для сбора [будущих] солдат революции, где они пытаются осуществить хоть что-то из своих надежд прежде, чем умереть.

Но, если предположить, что условия изменятся – как мы все надеемся, – зачем нам будут нужны эти чудовищные конгломераты хаоса? Никаких больше лагерей – воинствующий социализм [исполнившись] уйдет в прошлое. Никто не будет ехать в столицу, чтобы работать на износ – ведь всем будет гарантировано достойное существование. У людей появится досуг, чтобы обдумать свои желания, и возможности получить то, чего они на самом деле хотят. Паразиты, о которых я упоминал, исчезнут – ведь не станет мертвечины, которой они питаются. Интриги чиновничества отомрут, как и счетные палаты, – ведь нечего будет считать, и погоня за прибылью возвратится к своему отцу, Отцу Лжи³⁴. Не будет нужды в этой гигантской горе отбросов, в которой мы задыхаемся каждый день.

А если кто-то из вас все же склонен грустить о будущем исчезновении «суеты большого города», я скажу две вещи: во-первых, в ту пору, после монополий, когда равенство хотя бы немного приблизится, интеллигентных и вдумчивых людей станет больше – относительно населения. Сегодня все делается расточительно: чтобы получить дюжину по-настоящему образованных и тонких умов, нужно, чтобы за ними стояли тысячи пролетариев, обеспечивая для них нужную «суету». Как человек практичный, я не могу одобрить такой схемы. Во-вторых, помните, что так называемые скука и однообразие сельской жизни, на которые многие жалуются (не я), – это сейчас только обратная сторона городского гама, потому что город высасывает кровь деревни во всех отношениях. В пост-монополистические времена, надеюсь, мы перевернем этот расклад.

Что касается огромных промышленных районов, то, по моему, и они могут исчезнуть [без серьезных последствий]. Допустим, товары и правда можно производить дешевле, если максимально сконцентрировать труд и материалы. Но, когда «меч дешевизны» больше не будет нужен как [торговое] оружие против других наций, мы, я уверен, осознаем, что дешевизна бывает слишком дорогой: ад – это слишком высокая цена. И лучше уж поработать подольше, но жить в более приятном

34 «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Иоанн 8:44. Синодальный перевод).

месте. Разумеется, все мы понимаем, что эти промзоны сегодня существуют исключительно ради прибыли и ради грязи, но не ради чего-то еще. Децентрализация, о которой я говорю, со всей достойной жизнью и зрелой ответственностью, которую она принесет, возможна только как предварительное выражение грядущего равенства – и достижима полностью она станет лишь тогда, когда станет реальностью это равенство. Равенство – вот наш идеал.

Когда некоторые социалисты не ставят этот идеал во главу угла, я могу объяснить этот казус разве что тем, что их рвение в достижении средств ослепляет их по отношению к цели. Но ведь существуют лишь две теории общества: рабство – с одной стороны, равенство – с другой. Первая предполагает, что надо использовать естественные различия в способностях, чтобы взрастить класс «высших», живущих за счет недостатка и несчастья «низших». Вторая утверждает: даже если ты воспитал самого сильного, он вовсе не обязательно лучший, а просто наиболее приспособленный к созданным тобой условиям. Сколько потенциально более достойных ты, может быть, втоптал в ничто своим угнетением и властной глупостью? Дай человеку все необходимое – и то, что в нем есть, раскроется на пользу и вам, и ему.

УИЛЬЯМ МОРРИС

КАК МЫ БУДЕМ
ЖИТЬ – ТОГДА?

Допустим, товары и правда можно производить дешевле, если максимально сконцентрировать труд и материалы. Но, когда «меч дешевизны» больше не будет нужен как оружие против других наций, мы осознаем, что дешевизна бывает слишком дорогой: ад – это слишком высокая цена.

Так говорит коммунизм³⁵. И если вам хочется этому возразить, то вы говорите: «Я намерен владеть этим человеком, и все, что он делает, принадлежит мне. Если он производит меньше, чем нужно на жизнь, он бесполезен, и я убью его, как убиваю старую клячу». Любая промежуточная позиция между этими двумя теориями, мне кажется, объясняется лишь так: сторонники отмены рабства подкупают рабовладельца, чтобы тот помалкивал, пока не ослабеет настолько, что у него можно будет отнять раба и освободить. Как переходный шаг эта риторика имеет право на жизнь, но как идеал – нет: она очевидно

35 Издатель рукописи 1971 года отмечает, что Моррис был «единственным социалистом своего периода в Англии, который явно выражал марксистскую теорию двух последовательных стадий социализма и коммунизма, где первая была лишь переходом» и связывает такую теоретическую позицию Морриса с его личным знакомством с Фридрихом Энгельсом.

нелогична и неполна. Для меня единственный рациональный идеал устройства жизни в постмонополистическом обществе – это удовлетворение нужд каждого человека в обмен на применение его способностей на благо всех. Это и есть практическое равенство. Удовлетворив нужды человека, что ты еще можешь для него сделать?

Хорошо, вы спросите, а какие у него нужды? Как же хорошо, что в такой аудитории мне не нужно ожидать обычных каверзных вопросов людей, которые, видимо, полагают, что мы, социалисты, никогда не задумывались ни о каких трудностях, которые возникают в чем-либо уме при таком разговоре. Однако, если кто-то здесь думает, что один полезный человек должен иметь (обязательно) иную шкалу средств к существованию, чем другой полезный человек, я отвечу вам следующими двумя тезисами, которые пришли мне в голову (и, весьма вероятно, вам тоже).

Первое. Представьте себе бедное сообщество, которое могло бы удовлетворить средние элементарные потребности каждого человека в еде и жилье, но не могло бы сделать ничего сверх этого; сочли бы вы правильным (или идеальным, скажем так) для так называемого более полезного человека иметь что-то, кроме этого минимума, за его превосходство? Если бы он так поступал, не обрекал ли бы он других на лишения, ведь у них было бы настолько же меньше предметов первой необходимости, насколько больше у него? Не были бы они тогда [по сути] его рабами независимо от типа принуждения, который он использовал? Ведь [члены этого сообщества] явно не позволили бы подобного без принуждения. Пойдем дальше и предположим, что у нас есть сообщество, более богатое, даже довольно богатое. Но [в нем] все еще, несомненно, есть некий достойный уровень жизни, досуга и удовольствий, который может поддерживаться для его членов в целом. Так почему же они должны быть лишены против своей воли того, что они могут сделать и чего они желают, того, что они могут иметь, если не вынуждены отказаться от этого? Либо у них есть больше, чем им нужно, и в этом случае лучше не производить так много; либо у них есть ровно столько, сколько им нужно, и в этом случае, если их принуждают отказаться от части этого, они не свободные люди.

Второе. Думаю, я вижу еще один недостаток такого подхода: предполагается, что потребности всех людей будут удовлетворены в соответствии с мерой общего богатства: что ж, потребности «лучшего» человека также будут удовлетворены; и [встает вопрос], что еще вы можете сделать для него, кроме удовлетворения его истинных потребностей. По-моему, в самом лучшем случае он будет использовать свой сверхдоход просто для того, чтобы окружить себя дополнительной рос-

кошью, и результатом этого опять станет создание нового паразитического и лакейского класса, который, несомненно, будет причинять вред сообществу. Короче говоря, я не могу придумать никакой особой награды, которую вы могли бы дать особо одаренному человеку, кроме как разрешение причинять вред своим согражданам за то, что он оказал им особую услугу, – и это представляется довольно странным.

Наконец, помните, что, когда у человека есть особый талант, сама его реализация для него – удовольствие, от которого он не откажется, даже если способен; поэтому, хотя, с одной стороны, несправедливо и несоциально заставлять граждан отказываться от своих обычных преимуществ ради пропитания матки улья, с другой стороны, сама природа не принуждает их [это делать]. Что бы внутри человека такое ни было, он отдаст это добровольно, если предоставить ему свободу и надлежащие возможности для осуществления его способностей. То есть непрекариатные³⁶ стабильные средства к существованию с досугом и удовольствием в соответствии с его желаниями, а также свободное использование сырья и орудий труда.

Есть и другие детали, которые я вижу относительно того, как мы будем жить тогда, и я полагаю, что вы тоже их видите: великолепие общественной и тихое достоинство частной жизни, да и вообще все подлинные удовольствия, что придут от того, что мы стали состоятельны, хотя и не богаты³⁷; и из всех этих удовольствий величайшим *сейчас* кажется негативное, то есть облегчение от того, что мы больше не живем в одном из противоборствующих лагерей врагов, которые, несомненно, должны однажды обрушиться друг на друга, разрушив в этом процессе многие надежды и многие спокойные жизни; и все это, пока мораль пребывает в безнадежном ступоре, а пессимизм растет день ото дня, когда нам трудно понять, что означают вообще «порок» и «добродетель» – настолько коллективное преступление классовой несправедливости затмевает и подавляет все остальное.

Конечно, я не претендую на то, чтобы дать вам всеобъемлющий отчет в деталях о том, каков наш идеал нового мира; но поскольку я чувствую, что моя предыдущая речь была несколько разрозненной, то еще раз очень кратко пробежусь по пунктам, относительно которых я могу расходиться с некоторыми из присутствующих.

Первое. Переход от Монополии к Свободе – когда он будет завершен, мы окажемся в новом мире, и это будет самым

УИЛЬЯМ МОРРИС

КАК МЫ БУДЕМ
ЖИТЬ – ТОГДА?

36 Интересно, что Моррис действительно использует именно это понятие, хотя его обычно принято считать новообразованием капиталистического реализма XXI века.

37 Моррис противопоставляет здесь *wealth* как благосостояние в целом более конкретному капиталистическому *rich*.

значительным изменением, которое когда-либо происходило в истории.

Второе. По-видимому, нам придется отказаться от многого из [плодов] того, что мы привыкли называть материальным прогрессом, чтобы стать свободнее, счастливее и равноправнее.

Третье. [Этот отказ] будет компенсирован тем, что мы (а) начнем испытывать удовольствие и интерес ко всем аспектам жизни и (б) вновь обретем удовольствие от зрения³⁸, большую часть которого мы уже утратили и теряем все больше с каждым днем.

Четвертое. Вместо того, чтобы обязательно и невыносимо трудиться на какую-то слепую силу, мы должны сознавать, что делаем полезную работу для наших соседей, а они делают то же самое для нас. В результате не будет напрасной траты труда, так как не останется вскоре никаких бесполезных занятий.

Пятое. Работа, которая очевидно полезна и соответствует способностям работника, в основном будет приятным упражнением для его способностей; неизбежная и нудная работа будет выполняться машинами или короткими периодами [с перерывом на другие занятия]: больше никто не будет обречен заниматься неприятным делом всю свою жизнь.

Шестое. Не будет требоваться никаких стимулов к труду, кроме его очевидной необходимости и удовольствия, связанного с ним. А так как разделение труда на более или менее «достойную» работу влечет за собой [появление] различных стандартов жизни, создание новых классов, закрепощение обычного человека и порождение паразитических групп, не будет никакой разницы в «компенсации за труд»³⁹ (я считаю эту формулировку намеренно вводящей в заблуждение и провоцирующей вопросы). Да, я понимаю, что это подразумевает отмену частной собственности.

Седьмое. Нации как соперничающие корпорации должны прекратить существовать⁴⁰, централизация в текущем смысле слова должна стать федерацией, отвечающей целям малых единиц самоуправления, чтобы как можно больше людей могли быть заинтересованы и принимать реальное участие в общественных делах.

38 Ср. ранее в тексте «у нас в голове есть глаза... в то время как цивилизация велит нам засунуть очи в карман» (с. 170).

39 «The Reward Of Labour» – также название памфлета Морриса 1887 года, написанного в стиле риторического диалога. Он заканчивается фразой «Общество должно означать что-то иное, чем организованную несправедливость; где-то должны быть зародыши общества, о котором никто не задал вопроса: “Почему это вообще существует?”» (www.marxists.org/archive/morris/works/1887/commonweal/05-reward-labour.htm).

40 Этот тезис возможно также прочесть как призыв к уничтожению государств в принципе. Подобные выступления, а может, даже и это конкретное, заставили ряд слушателей заподозрить Морриса в анархизме – и уже через два месяца, в мае 1889 года, ему пришлось оправдываться и пояснять свою точку зрения в открытом письме «Socialism and Anarchism», где Моррис называет себя уже не социалистом, а коммунистом (www.marxists.org/archive/morris/works/1889/sa/sa.htm).

Я верю, что подобный идеал будет реализован, и я искренне надеюсь, что это правда произойдет. Они говорили нам⁴¹, что логически по мере развития изобретательности человека он постепенно лишается своих [когда-то необходимых] телесных навыков; ну что ж, может быть, – правда «логичность» событий иногда прерывается и отбрасывается в сторону историчностью.

И я надеюсь теперь, когда мы знаем или по крайней мере нам сказали, что мы произошли от неразумных микробов (или как там это называется), мы найдем в себе силы сознательно сопротивляться обратному процессу [превращения в этих микробов], который кто-то уже принял как неизбежность, что мы сделаем все возможное, чтобы остаться людьми, даже если по итогам этой борьбы мы станем варварами; эта последняя перспектива, если честно, не кажется мне такой уж страшной.

УИЛЬЯМ МОРРИС

КАК МЫ БУДЕМ
ЖИТЬ – ТОГДА?

Перевод с английского и комментарии Андрея Гелианова

41 Моррис иронизирует над популярной в то время теорией эволюционизма Герберта Спенсера, согласно которой по мере прогресса человек неизбежно «утончается», переходит от мускульной силы к использованию интеллекта и все больше зависит от техники и социальных институтов. Моррис справедливо видел в этой концепции оправдание *status quo* капиталистического индустриального общества. Через два года он напишет роман-утопию «News from Nowhere» (1890), в мире которого человек живет как цельное существо – развитое и телом, и разумом, и чувствами. Можно рассматривать этот роман как новеллизацию идей, высказанных в «How Shall We Live Then?».

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

Призраки изгнанников бродят по Британии

*The Alienation Effect. How Central European Émigrés
Transformed the British Twentieth Century*

OWEN HATHERLEY

London: Allen Lane, 2025. – 605 p.

Константин
Александрович
Митрошенков (р. 1997) –
аспирант Колумбийского
университета.

«Н о если настоящее изгнание – это мука невосполнимой утраты, почему же сегодня оно с такой легкостью превращается в могучую и, более того, весьма продуктивную движущую силу культуры?» – спрашивает Эдвард Саид в начале эссе «Мысли об изгнании»¹. В его вопросе хорошо схвачена двусмысленность культурной истории эмиграции. Трудно спорить с тем, что вынужденный переезд в другую страну причиняет огромные страдания, навсегда меняя жизнь человека; в тех случаях, когда эмиграция носит массовый характер, целые сообщества и историко-культурные области оказываются под угрозой исчезновения. Но сложно отрицать и тот факт, что зачастую именно эмиграция прорывает изоляцию национальных культур и становится условием возможности культурного трансфера.

Так и произошло в 1930–1940-е, когда сотни тысяч людей из Восточной и Центральной Европы бежали от нацизма на Запад

¹ Саид Э. *Мысли об изгнании* // Иностранная литература. 2003. № 1 (<https://magazines.gorky.media/inostran/2003/1/mysli-ob-izgnanii.html>).

КУЛЬТУРА
ПОЛИТИКИ

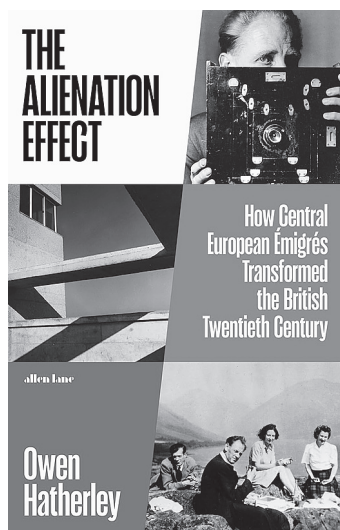
(и отчасти на Север). Они несли с собой культурные практики и традиции, вступавшие в продуктивный, пусть и не всегда простой, диалог с практиками и традициями принявших их обществ. В книге «Эффект отчуждения» культурный критик Оуэн Хэзерли рассказывает британскую часть этой истории: как центральноевропейские эмигранты изменили культуру острова и сами изменились в процессе. В его изложении эта история взаимовлияния и взаимоприспособления оказывается удивительно созвучна сегодняшнему дню. Об этом мы и поговорим ниже – но для начала немного предыстории.

После прихода Гитлера к власти Германию покинули около 360 тысяч человек. Главным образом это были представители среднего класса с либеральными, социал-демократическими или коммунистическими взглядами. Значительную часть среди них составляли евреи. Основными направлениями эмиграции стали Франция, СССР, Чехословакия, Нидерланды и Австрия². Несмотря на территориальную близость, Великобритания поначалу не привлекла большого числа беженцев из Германии. Согласно данным, которые приводит историк Жан-Пьер Пальмье в книге «Веймар в изгнании», к 1937 году в страну прибыли около 4500 человек. Это число увеличилось после аннексии Германией Австрии и Чехословакии, вынудившей местных евреев и левых покинуть родину, а немецких эмигрантов искать нового убежища³. Всего за период с 1933-го по 1940-й в страну прибыли около 100 тысяч беженцев из Центральной Европы (включая Германию) (р. 16)⁴. Для сравнения: с 1933-го по 1945-й США, ставшие к концу 1930-х главным центром европейской эмиграции, приняли до 300 тысяч человек, 53,1% которых составляли немцы и австрийцы⁵.

Великобритания не пользовалась большой популярностью среди центральноевропейских эмигрантов по ряду причин. В начале 1930-х страна переживала экономический кризис и страдала от высокой безработицы. Несмотря на то, что гражданам Германии, Австрии и Чехословакии не требовалась въездной визы, иммиграционные власти могли отказать во въезде тем, кто не имел достаточных финансовых ресурсов или был заподозрен в симпатиях к коммунизму⁶. Если говорить об интеллигентах и деятелях культуры, то многих из них пугал языковой барьер и отсутствие крепких культурных связей между странами: за редким исключением, немецкоязычные авторы

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

ПРИЗРАКИ ИЗГНАННИКОВ
БРОДЯТ ПО БРИТАНИИ

2 См.: PALMIER J.-M. *Weimar in Exile: The Antifascist Emigration in Europe and America*. London; New York: Verso, 2017. P. 134–226.

3 Ibid. P. 149.

4 Здесь и далее ссылки на конкретные страницы рецензируемой книги даются в скобках в тексте.

5 PALMIER J.-M. *Op. cit.* P. 455. При сравнении двух этих цифр важно учитывать, что многие из тех, кто изначально эмигрировал в Великобританию, в итоге перебрались в США.

6 Ibid. P. 149.

не были известны в Великобритании, а модернистские эксперименты в сфере кино, живописи, фотографии и архитектуры, которыми славилась культура веймарского периода, не находили особого отклика у более консервативной в эстетическом отношении британской аудитории. Не стоит забывать и про политический консерватизм: в 1930-е Великобритания была метрополией крупнейшей в мире империи, что не могло не смущать левых эмигрантов. Из тех, кто избрал Великобританию своим новым домом, большинство составляли либералы, католики, консерваторы и социал-демократы⁷.

Исследователи давно обратили внимание на особенности эмиграции в Великобританию. В 1968 году журнал «New Left Review» опубликовал статью молодого историка-марксиста Перри Андерсона «Компоненты национальной культуры». В ней Андерсон отмечал, что в силу своей консервативности Великобритания в XX веке привлекала наименее революционно настроенных эмигрантов, искавших спасения от «нестабильности своих обществ»: «Произошел естественный отбор, в результате которого в Англии оказались интеллектуалы, тяготевшие к английскому образу мысли и политическим взглядам. [...] По сути, это была “белая”, контрреволюционная эмиграция»⁸. Поэтому, доказывал Андерсон, эмиграция не оказала революционного воздействия на британскую культуру и лишь усилила преобладавшие в ней тенденции.

Хэзерли считает утверждение Андерсона несколько преувеличенным. Он пишет, что если мы переключим свое внимание с философии, экономики и истории (сфер, которым уделяет основное внимание Андерсон) на другие области культурного производства, то увидим более сложную картину, в которой «красного» будет точно не меньше, чем «белого» (р. 21). Поэтому в книге «Эффект отчуждения» Хэзерли уделяет основное внимание тому, что обобщенно можно назвать визуальной культурой – фотографии, скульптуре, печатному делу, архитектуре, живописи и кино. Вопреки утверждению Андерсона о консервативности тех беженцев из Центральной Европы, которые избрали своим пристанищем Великобританию, он обнаруживает, что во многих отношениях «чужаки» сумели революционизировать культуру принявшей их страны, предложив британскому обществу то, чего ему так не хватало – отчужденный взгляд со стороны.

Хэзерли настаивает на использовании понятия «Центральная Европа» для обозначения региона, откуда прибыли его герои. Несмотря на то, что многие из них говорили на немец-

7 Ibid.

8 ANDERSON P. *Components of National Culture* // New Left Review. 1968. № 1(50) (<https://newleftreview.org/issues/i50/articles/perry-anderson-components-of-the-national-culture>).

ком языке (в то время одним из главных языков международного общения и официальном языке Коминтерна), далеко не все из них родились в Германии или имели немецкий паспорт. В период между двумя мировыми войнами Германия, Австрия, Чехословакия, Венгрия, Польша и отчасти СССР образовывали единое культурное пространство, в котором происходила постоянная циркуляция людей и идей поверх границ национальных государств. Галин Тиханов пишет:

«Несмотря на... неблагоприятные политические условия, Центральная Европа между мировыми войнами напоминала субконтинент с собственной культурой; она была больше, чем просто конгломерат национальных государств, но при этом не являлась империей; это было многоконфессиональное... космополитичное содружество, пространство, в котором национальные границы не совпадали с языковыми»⁹.

Неудивительно, что многие герои Хэзерли еще до прибытия в Великобританию успели сменить несколько стран и паспортов: в их числе венгерский художник и фотограф Ласло Мохой-Надь, живший в Вене и Берлине, архитектор Бертольд Любеткин, родившийся в Тбилиси, учившийся в Москве и работавший в Париже. Несмотря на то, что перемещения между странами нередко были вынужденными (например Мохой-Надь покинул Венгрию в 1919 году, после разгрома Венгерской советской республики), они способствовали культурному развитию, давая художникам, интеллектуалам и писателям возможность расширить свой кругозор.

Название книги Хэзерли отсылает к понятию «эффекта отчуждения» (*Verfremdungseffekt*) из теории эпического театра Бертольта Брехта. Согласно этой теории, цель театральной постановки заключается в том, чтобы подорвать автоматизм восприятия и показать, что кажущиеся «естественными» феномены и состояния (например наемный труд или частная собственность) в действительности таковыми не являются¹⁰. Одна из немногих привилегий изгнанников, пишет Эдвард Саид, заключается в умении «глядеть “на весь мир как на чужбину”».

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

ПРИЗРАКИ ИЗГНАННИКОВ
БРОДЯТ ПО БРИТАНИИ

⁹ ТИХАНОВ G. *The Birth and Death of Literary Theory: Regimes of Relevance in Russia and Abroad*. Stanford: Stanford University Press, 2019. P. 15.

¹⁰ «События и люди повседневной жизни, непосредственного окружения кажутся нам чем-то естественным, потому что они привычны для нас. “Отчуждение” их имеет целью сделать их для нас заметными. Наука тщательно разработала технику сомнения, недоверия к явлениям бытовым, “само собой разумеющимся”, никогда не возбуждавшим сомнений; нет никаких причин, чтобы искусство не усвоило этой бесконечно полезной позиции» (БРЕХТ Б. *Краткое описание новой техники актерской игры, вызывающей так называемый «эффект отчуждения»* // Он же. *О театре: сборник статей*. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. С. 149). Подробнее об «эффекте отчуждения» и его транснациональных истоках см.: КЛАРК К. *Москва, четвертый Рим. Сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 278–301.

Именно эта привилегия служит залогом оригинальности их воззрений:

«Для большинства людей опыт непосредственного восприятия ограничивается только одной культурой, одной средой, одним домом; изгнанник знает по опыту как минимум две культуры, и благодаря этому ему открыты параллельные миры, то есть его сознание на языке музыки можно назвать контрапунктическим»¹¹.

Рассуждая таким образом, легко прийти к эссенциализации опыта изгнания, якобы по умолчанию предполагающего привилегию острого (если воспользоваться другой модернистской идиомой) восприятия мира, но Хэзерли избегает этой ловушки. Он показывает, как по-разному его герои реагировали на ситуацию изгнания – экспериментировали с новыми формами, возвращались к традиционным моделям или искали компромисса, – и объясняет, какие факторы влияли на их поведение. Кроме того, Хэзерли не забывает подчеркнуть, что даже в тех случаях, когда опыт изгнания давал его героям привилегию «нового видения», расплачиваться за нее приходилось реальным отчуждением и неустroенностью.

Во многих отношениях «чужаки» сумели революционизировать культуру принявшей их страны, предложив британскому обществу то, чего ему так не хватало – отчужденный взгляд со стороны.

В прессе и официальных документах тех лет эмигрантов без обиняков именовали «чужаками» (*aliens*), тем самым дегуманизируя их и подчеркивая «абсолютный разрыв между коренными жителями и иностранцами» (р. 38). Несмотря на скромные масштабы миграции в Великобританию, местные политики все равно возмущались прибытием в страну «чужаков». В марте 1933 года, когда Гитлер консолидировал власть в Германии, тори Эдвард Доран заявил в Палате общин об опасности, которую представляют для Великобритании «сотни тысяч евреев... бегущих... в эту страну».

Ситуация несколько изменилась в 1938-м, когда после «хрустальной ночи», аншлюса Австрии и аннексии Судет в Великобританию хлынул новый поток беженцев. Несмотря на возражения MI5, Министерство внутренних дел приняло решение увеличить число въездных виз: к весне 1939 года в страну прибыли 20 300 взрослых и 4800 детей из Германии, Австрии и Чехословакии. В большинстве своем беженцы принадлежали

11 Саид Э. Указ. соч.

к среднему классу, имели высшее образование и располагали финансами – иными словами, имели мало общего со стереотипным образом «нищего мигранта». Но даже это не помогло им в 1940 году, когда в условиях войны с Германией британское правительство приказало интернировать всех обладателей немецких, австрийских, чехословацких и венгерских паспортов (р. 39–40). Большинство интернированных были размещены на расположенном в Ирландском море острове Мэн, некоторых из них предполагалось на кораблях отправить в Австралию, Новую Зеландию и Канаду, бывшие тогда британскими доминионами. Среди интернированных ожидаемо оказалось немало евреев. Начальник одного из лагерей для интернированных мрачно пошутил по этому поводу: «Я не знал, что среди нацистов так много евреев» (р. 43–44). Под давлением демократических институтов практика интернирования всех без разбору беженцев вскоре прекратилась, но это не помогло избежать жертв. В июле 1940 года немецкая подводная лодка потопила пассажирский корабль «Арандора Стар», везший интернированных в Канаду. 805 человек погибли (р. 44).

Но одними только миграционными вопросами дело не ограничивалось. Тем, кому удавалось избежать проблем с властями или успешно решить их, все равно нужно было адаптироваться к новой культурной обстановке. Большинство героев Хэзерли можно отнести к модернистам, если под модернизмом мы понимаем художественную практику, ориентированную на формальные эксперименты и рефлексию собственных художественных средств, а также осмысляющую новые формы субъектности и коллективности, возникающие в ситуации модернизации и связанную (напрямую или опосредованно) с утопическими проектами переустройства общества¹². Сказать, что до середины 1930-х Великобритания вовсе не знала модернизма, было бы преувеличением: проза Вирджинии Вулф и Джеймса Джойса (последний, правда, был ирландцем и жил в эмиграции в Париже) воспринималась многими центральноевропейскими писателями и критиками как квинтэссенция литературного модернизма¹³. Но в области изобразительного искусства все было иначе. Художники, входившие в круг интеллектуалов, известный как «группа Блумсбери», аванпост нового искусства и литера-

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

ПРИЗРАКИ ИЗГНАННИКОВ
БРОДЯТ ПО БРИТАНИИ

12 Это, конечно, очень приблизительное и не вполне удовлетворительное определение модернизма, годящееся лишь в качестве рабочей гипотезы. О трудностях, с которыми сталкиваются культурные теоретики при попытке определить модернизм, см.: JAMESON F. *A Singular Modernity: Essay on the Ontology of the Present*. London; New York: Verso, 2002. P. 99–138.

13 Показательно, что немецкий филолог Эрих Ауэрбах начинает заключительную главу «Мимесиса», посвященную тому, что мы сегодня назвали бы литературным модернизмом, с детального анализа отрывка из романа Вирджинии Вулф «На маяк» (1927): АУЭРБАХ Э. *Мимесис: изображение действительности в западноевропейской литературе*. М.: Прогресс, 1976. С. 516–544. В то же время джойсовская техника монтажа, напоминает Хэзерли, оказала влияние на Сергея Эйзенштейна и Альфреда Деблена – двух знаковых фигур восточно- и центральноевропейского модернизма.

туры в Великобритании, в основном ориентировались на французские художественные направления начала XX века – фовизм и ранний кубизм (р. 240). Им было чуждо более агрессивное и политически заряженное искусство Центральной Европы – начиная с экспрессионизма (в любом случае уже потерявшего былую революционность) и заканчивая конструктивизмом, основными центрами которого были СССР и веймарская Германия.

Когда фигуры вроде Вальтера Гропиуса, Ласло Мохой-Надя или Оскара Кокошки решали возобновить творческую деятельность на новом месте, они часто сталкивались с безразличием или даже враждебностью принимающей стороны. Показательным примером тому служит история выставки «Немецкое искусство XX века» («Twentieth Century German Art»), организованной в Лондоне в 1938 году. Задуманная как ответ на выставку «дегенеративного искусства», проходившую в то же время в Германии, она предлагала зрителям широкую панораму немецкого искусства первых десятилетий XX века: от экспрессионизма группы «Синий рыцарь» и дадаистских монتاжей Макса Эрнста до сатирических аллегорий Отто Дикса и картин бывшего преподавателя Баухауса Лионеля Фейнингера (р. 239). Выставка, которая сегодня точно стала бы событием мирового масштаба, не вызвала особого энтузиазма у лондонцев. Литературный критик журнала «New Statesman» Реймонд Мортимер отозвался о ней так:

«Посетители выставки с большой долей вероятности скажут: “Если Гитлеру не нравятся эти картины, то это лучшее, что я когда-либо слышал о нем”. Широкая публика, должно быть, сочтет увиденные картины необычайно уродливыми» (р. 239).

Чтобы найти себе место в культурной жизни Великобритании, эмигранты должны были приспособиться к местным вкусам. Особенно острой эта необходимость была для архитекторов, более других нуждавшихся в финансовой и институциональной поддержке. Даже известность и большой опыт не всегда помогали найти заказы. С 1934-го по 1937 год в Великобритании жил бывший директор Баухауса Вальтер Гропиус. За это время по проектам, разработанным им в соавторстве с Максвеллом Фраем, были построены четыре здания. Самым масштабным из них стал колледж в Импингтоне (Impington Village College), который Фрай закончил возводить уже после отъезда Гропиуса в США. Хэзерли пишет, что последней каплей для немецкого архитектора стала неудача с проектом здания для Колледжа Христа, входящего в систему Кембриджского университета. Проект Гропиуса сначала был отложен, а потом и вовсе отклонен как «слишком прямо модернистский» (*too frankly modernity*) (р. 391).

Гораздо успешнее сложилась британская карьера Бертольда Любеткина, приехавшего в Великобританию в 1931 году. Любеткин начинал как конструктивист – учился во ВХУТЕМАСе и вместе с Константином Мельниковым работал над советским павильоном для международной выставки 1925 года в Париже, – но со временем перешел к более консервативному и приемлемому для Великобритании архитектурному стилю. По его проектам были построены бассейн для пингвинов в Лондонском зоопарке, несколько жилых комплексов в Лондоне, Центр здоровья в Финсбери (Finsbury Health Centre) и ряд других зданий. На протяжении всей карьеры Любеткин отстаивал идею о социальной роли архитектуры. Проектируя жилые комплексы для рабочего класса, он стремился сделать их не только функциональными, но и эстетически приемлемыми по самому высокому уровню, экспериментируя с цветами и декоративными элементами. Им двигало стремление показать, что «обычные люди» должны обитать в качественном и привлекательном жилье.

Социально значимой (пускай и в опосредованном смысле) работой занимались и перебравшиеся в Великобританию из Центральной Европы журналисты. Они оказали большое влияние на развитие местной прессы. Хэзерли подробно рассказывает об истории журнала «Picture Post», основанного в 1938 году Стефаном Лораном – немецким фотожурналистом и режиссером венгерского происхождения. Ориентируясь на издания веймарской Германии, Лоран предложил британской аудитории новый формат иллюстрированного издания, использующего репортажную фотографию, динамичный монтаж и сатирический комментарий для обсуждения общественных проблем. Отличительной чертой «Picture Post» было неприкрашенное изображение жизни рабочего класса, что часто вызывало недовольство консервативно настроенной аудитории. Отвечая на критику, Лоран писал в 1939 году:

«“Picture Post” верит в обычных мужчин и женщин; считает, что они недостаточно представлены в нашей фотожурналистике; полагает, что их лица очень выразительны, а их жизнь и дела гораздо интереснее, чем жизнь и дела тех, чьими лицами обычно пестрят иллюстрированные газеты. Это в равной степени относится как к диктаторам, так и к дебютанткам» (р. 70).

Лоран пробыл редактором «Picture Post» всего два года. В 1940-м он уехал в США, опасаясь интернирования. После него журналом стал руководить британец Том Хопкинс, во многом продолживший линию Лорана.

С «Picture Post» сотрудничали многие фотографы-эмигранты. Среди них был и Курт Хаттон, начавший карьеру в Германии, но сделавший себе имя уже в Великобритании. На его снимках,

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

ПРИЗРАКИ ИЗГНАННИКОВ
БРОДЯТ ПО БРИТАНИИ

публиковавшихся также в журнале «Weekly Illustrated», запечатлены представители рабочего класса и жители бедных районов британских городов, редко привлекавшие внимание прессы. Описывая серию фотоснимков, опубликованных под заголовком «В Кардиффе есть собственный Гарлем», Хэзерли отмечает внимательное отношение Хаттона к проблеме расизма (на одном из снимков запечатлены белые и чернокожие дети, играющие вместе, и подпись: «Они не знают, что такое цветной барьер [*colour bar*]») и отсутствие экзотизации рабочего класса. Несмотря на то, что Хаттон и его коллеги-эмигранты опирались на богатую традицию немецкой политической фотографии, в их работах сложно обнаружить какой-либо подрывной потенциал. Созданный ими образ британского рабочего класса был «неполитическим и неагитационным» и в первую очередь подчеркивал «силу и гуманность» рабочих, а не существующие в британском обществе классовые противоречия (р. 77). Неудивительно, что к 1960-м многие из сделанных ими снимков стали частью ностальгического дискурса о «старых-добрых временах», производимого в том числе активными противниками миграции.

Не меньшее влияние эмигранты из Центральной Европы оказали и на британскую книжную индустрию. Издательство «Penguin», известное своей недорогой продукцией в мягких оранжевых обложках, изначально ориентировалось на немецкое издательство «Albatros», базировавшееся в Гамбурге и выпускавшее книги на английском языке. «Albatros» специализировался на недорогих и компактных изданиях популярных, но не бульварных авторов, среди которых были Джеймс Джойс, Синклер Льюис и Олдос Хаксли. В середине 1930-х такой формат был незнаком британской публике. «Penguin», основанный в 1935 году Алленом Лейном, воспроизвел его и добился больших успехов, став самым известным британским издательством и послужив в свою очередь моделью для многих других во всем мире. В 1930-е «Penguin» сыграл большую роль в информировании британцев о происходящих в Европе событиях, публикуя книги эмигрантов, на себе испытывавших ужасы нацистского режима. Среди них была и книга Стефана Лорана «Я был узником Гитлера», рассказывающая о пребывании в тюрьме гестапо¹⁴.

Первые десять лет существования издательства книги «Penguin» не могли похвастаться аккуратным дизайном – за их оформление отвечал Эдвард Янг, не имевший соответствующего образования. После окончания Второй мировой войны Лейн решил исправить ситуацию и пригласил немецкого дизайнера и типографа Яна Чихольда, жившего в эмиграции в Швейца-

14 LORANT S. *I Was Hitler's Prisoner*. London: Penguin Special, 1939.

рии. В середине 1930-х Чихольд сформулировал концепцию «новой типографии», призванной реформировать типографское дело в модернистском духе. Он провел в Лондоне два года (1947–1949) и за это время не только разработал новый логотип «Penguin», но и сформулировал правила оформления книжных обложек, которым издательство следовало вплоть до 1980-х. Явно не страдавший от излишней скромности, Чихольд так подвел итоги своего сотрудничества с «Penguin»: «И вот появился человек, который не только захотел все изменить, но и сумел в самой консервативной стране разработать совершенно новый свод типографских правил!» (р. 169).

Среди ранних проектов «Penguin» была серия «Pelican History of Art», в рамках которой издавались широкоформатные иллюстрированные книги, посвященные разным областям изобразительного искусства и национальным традициям. Создателем и редактором серии был историк искусства Николаус Певзнер, родившийся в Германии в семье еврейских эмигрантов из Российской империи и в 1933 году бежавший от нацистов в Великобританию. Певзнер, прошедший немецкую школу истории искусства, имел преимущество перед коллегами из Великобритании, где в 1930-е история искусства еще не оформилась в отдельную дисциплину. Среди привлеченных им к проекту авторов было много эмигрантов из Центральной Европы, в том числе сотрудников Института Варбурга, основанного в 1926 году в Гамбурге и перенесенного в Великобританию после прихода Гитлера к власти.

Впрочем, Певзнер не замыкался в рамках центральноевропейской художественной традиции. В серии «Pelican History of Art» вышел ряд изданий, посвященных британской живописи, скульптуре и архитектуре от Средних веков до XIX века¹⁵. Параллельно Певзнер работал над серией путеводителей по британской архитектуре «The Buildings of England». Эти издания дали начало целой франшизе (впоследствии появились серии «The Buildings of Scotland», «The Buildings of Wales» и «The Buildings of Ireland»), а фамилия их автора стала именем нарицательным. В дополнение к этому Певзнер решил определить сущность английского искусства в серии лекций для Би-би-си, опубликованных под тавтологическим названием «Английскость английского искусства»¹⁶. Согласно Певзнеру, отличительными чертами британского искусства являются его консерватизм, пристрастие к малым формам, иррациональность и любовь к декоративным элементам. Характеристика, безуслов-

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

ПРИЗРАКИ ИЗГНАННИКОВ
БРОДЯТ ПО БРИТАНИИ

¹⁵ Подробную информацию об изданиях см.: www.penguinfirsteditions.com/index.php?cat=mainZ.

¹⁶ PEVSNER N. *The Englishness of English Art*. New York: Praeger, 1956 (<https://archive.org/details/englishnessofeng00pevs/page/n5/mode/2up>).

контекст развития английского искусства: крайне иерархизированное общество, в котором частная собственность носит почти священный характер (р. 430). Как бы то ни было, английские консерваторы не приняли этого определения «английскости», предложенного немецким евреем – а значит, «чужаком» (р. 429).

Тем удивительнее, что сегодня книги Певзнера и издания из редактировавшейся им серии «*Pelican History of Art*» кажутся неотъемлемой частью британской культуры. То же самое произошло и со многими другими героями Хэзерли: архитектор Любеткин превратился в народного героя, которому посвящают документальные фильмы и романы, а редактировавшийся Лораном журнал «*Picture Post*» стал частью ностальгического образа 1940-х. Мало кто при этом вспоминает, что книги, здания, журналы и прочие культурные объекты, воспринимаемые сегодня как само выражение «английскости» или «британскости», часто были созданы людьми, не чувствовавшими себя своими в Великобритании. Такова ирония истории, а точнее, ее ностальгического переосмысления.

Не менее ироничен тот факт, что всплеск интереса к веймарской культуре, произошедший в Великобритании в 1960-е, не был связан с деятельностью эмигрантов. Например, о Брехте – большом англофиле, приезжавшем в Великобританию в середине 1930-х, но не сумевшем получить там постоянной работы или визы, – широкая британская аудитория узнала из бродвейской постановки «Трехгрошовой оперы», адаптированной Марком Блицтайном. После этого брехтовские приемы наполнили британские телеспектакли и фильмы, Дэвид Боуи исполнил телеверсию ранней пьесы Брехта «Ваал», а «*Pet Shop Boys*» записали синти-поп кавер на «*What Keep Mankind Alive*» из «Трехгрошовой оперы». Открытие веймарской культуры затронуло не только Брехта: дизайнер Петер Сэвилл, сотрудничавший с «*Factory Records*» и оформлявший пластинки «*Joy Division*» и «*New Order*», вдохновлялся работами Яна Чихольда, а группа «*Siouxsie and the Banshees*» использовала работу Джона Хартфилда на обложке одного из своих синглов. В это время в Великобритании было еще немало выходцев из Центральной Европы, лично знавших Брехта, Чихольда и Хартфилда, но молодым поклонникам веймарской культуры не было до них дела.

С учетом рецепции веймарской культуры в Великобритании становится понятен полемический пафос книги Хэзерли: показать, что многое из того, что британская аудитория привыкла воспринимать как «свое» (от обложек книг популярных издательств до памятников архитектуры), в действительности было создано эмигрантами, то есть «чужаками», как их неред-

ко называли в 1930–1950-е. В каком-то смысле Хэзерли тоже хочет добиться брехтовского эффекта отчуждения, подорвав «само самой разумеющееся» представление о том, как развивалась британская культура в XX веке, и показав несостоятельность идеи замкнутой на себе национальной культуры.

КОНСТАНТИН
МИТРОШЕНКОВ

ПРИЗРАКИ ИЗГНАННИКОВ
БРОДЯТ ПО БРИТАНИИ

Книги, здания, журналы и прочие культурные объекты, воспринимаемые сегодня как само выражение «английскости» или «британскости», часто были созданы людьми, не чувствовавшими себя своими в Великобритании.

У этого проекта есть очевидное политическое измерение. С начала 2010-х консервативные британские политики обещают избирателям резко сократить число прибывающих в страну мигрантов. Как пишет журналистка Амелия Джентльмен в статье для «The Guardian», такая риторика предполагает, что мигранты несут угрозу, от которой британцев необходимо защищать¹⁷. Следствием этого становится растущая неприязнь к «чужакам» и рост праворадикального насилия. Такой подход к «проблеме миграции» (и само преподнесение миграции как проблемы) совершенно игнорирует позитивное влияние прибывающих в страну людей на ее экономику, культуру и общество. Конечно, сравнивать белых иммигрантов из Центральной Европы с теми, кто сегодня приезжает в Великобританию из Сирии, Судана и других кризисных регионов мира¹⁸, не совсем корректно: сохраняющиеся предубеждения против людей с «другим» цветом кожи дополнительно осложняют адаптацию мигрантов в новой стране, не говоря уже о том, что по социальному положению многие из них сильно отличаются от образованных и сравнительно обеспеченных граждан Германии, Австрии, Венгрии, Польши и Чехословакии, бежавших от Гитлера в середине 1930-х. Тем не менее сравнение двух миграционных ситуаций, 1930-х и современности, показывает, что механизм конструирования «чужого» работает схожим образом и в ситуации с теми, кто относится к той же «расе», что и принимающая сторона. Кроме того, рассказанная Хэзерли история служит уроком тем, кто видит в миграции лишь угро-

17 GENTLEMAN A. *How the Tory War on Immigration Backfired* // The Guardian. 2024. July 1 (www.theguardian.com/politics/ng-interactive/2024/jul/01/how-the-tory-war-on-immigration-backfired).

18 Согласно статистике «The Migration Observatory» за 2021–2022 годы, наибольшее число мигрантов прибыло в Великобританию из Индии, Польши, Пакистана, Румынии и Ирландии (<https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/migrants-in-the-uk-an-overview/#:~:text=India%2C%20Poland%2C%20Pakistan%2C%20Romania,of%20all%20those%20born%20abroad.&text=Family%20was%20the%20most%20common,in%202022%2C%20followed%20by%20work>).

зу, не осознавая, что развитие культуры часто стимулируется столкновением традиций.

Но одним только вопросом миграции политическая актуальность «Эффекта отчуждения» не ограничивается. Большинство героев книги Хэзерли были наиболее активны в 1940–1960-е – период, на который пришелся расцвет британского государства всеобщего благосостояния (*welfare state*). Многие из описанных им проектов либо были реализованы в рамках социальных инициатив государства (например строительство спроектированных Любеткиным жилых комплексов), либо были проникнуты социал-демократическим духом служения обществу (к этой категории можно отнести деятельность журнала «Picture Post», уделявшего большое внимание социальным вопросам). Конец эпохи государства всеобщего благосостояния пришелся на годы премьерства Маргарет Тэтчер, вдохновлявшейся книгой австро-британского экономиста Фридриха фон Хайека «Конституция свободы» (1960)¹⁹ – еще одного эмигранта, оказавшегося в Великобритании в 1930-е.

Сегодня послевоенный период стал в Великобритании объектом ностальгии как левого, так и правого толка. В первом случае ностальгируют по демонтированным социал-демократическим институтам, во втором – по «старым-добрым временам», когда государство было сильнее, а общество «белее». Однако, как предупреждает Хэзерли в книге «Министерство ностальгии» (2016), даже в своем левом варианте ностальгия по послевоенным временам легко вырождается в меланхоличное²⁰ потребление связанных с этим периодом культурных продуктов (коллекционирование старых изданий или приобретение кружек с фотографиями модернистских зданий), лишенное какого-либо политического потенциала. Вывод, к которому приходит Хэзерли в конце той книги, звучит как отповедь любым попыткам строить прогрессивную политику на образцах из прошлого:

«Если социально-ориентированный и демократический город снова будет построен, то сделают это скорее всего люди, не чувствующие особой связи с прошлым и не имеющие теплых воспоминаний о нем»²¹.

С Хэзерли трудно не согласиться. Ностальгия по прошлому едва ли может стать надежным фундаментом для ориентированной на будущее левой политики. Впрочем, это не означает, что историю можно просто сбросить со счетов. Как мы

¹⁹ Хайек Ф. фон. *Конституция свободы*. М.: Новое издательство, 2018.

²⁰ Хэзерли отсылает к введенному Вальтером Бенямином в 1920-е понятию «левой меланхолии»: Беньямин В. *Левая меланхолия* // Он же. *Маски времени. Эссе о культуре и литературе*. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 376–382.

²¹ HATHERLEY O. *The Ministry of Nostalgia*. London; New York: Verso, 2016. P. 202.

знаем из российского опыта, история, оставленная на откуп консервативным и реакционным силам, превращается ими в инструмент для оправдания опасных политических авантюр. Прошедшие эпохи, замечает Марк Фишер в недописанном предисловии к ненаписанной книге «Кислотный коммунизм», включают в себе нереализованный потенциал, который реакционные нарративы стремятся подавить. Следовательно, задача тех, кто противостоит им, постоянно «нарративизировать прошлое заново», пробуждая этот потенциал²².

Несмотря на скептическое отношение к ностальгии по социал-демократическим временам, Хэзерли тоже прекрасно осознает, какую роль историческое знание играет в политической практике. Но, чтобы прошлое перестало быть объектом меланхолического созерцания и превратилось в источник политических прозрений (*insights*), его нужно переосмыслить в свете проблем современности. Именно это и делает Хэзерли в «Эффекте отчуждения», рассказывая неприглядную историю дискриминации беженцев и одновременно предлагая читателям подумать о позитивном уроке, который они могут извлечь из сложных отношений центральноевропейских изгнанников с их новым домом. Его книга дидактична – как театр Брехта.

* * *

Хэзерли заканчивает книгу рассказом о посещении Общественного центра Ньюпорта (Newport Civic Centre) в Южном Уэльсе. Стены внутри здания были расписаны немецким художником еврейского происхождения Гансом Фейбушем, бежавшим из Германии в 1933 году. Его фрески изображают сюжеты, связанные с историей города: сражения гражданской войны, промышленные достижения викторианской эпохи, высадку союзников в Нормандии и так далее. В изображении Фейбуша история Ньюпорта, вполне заурядного и совершенно чужого для него места, приобретает эпический размах. Художник подошел к Ньюпорту без каких-либо предубеждений, пишет Хэзерли, и потому сумел изобразить его как место всемирно-исторических событий:

«Такая репрезентация кажется неправдоподобной, но она гораздо ближе к истине, чем представление о том, что Ньюпорт... – это просто еще один умирающий постиндустриальный город, еще одна “дыра”. [...]

22 ФИШЕР М. *Кислотный коммунизм (недописанное предисловие)* // Неприкосновенный запас. 2020. № 6(134). С. 13–35 (www.nlobooks.ru/magazines/nekrikosnovennyy_zapas/134_nz_6_2020/article/23200/). Об отношении Хэзерли к идеям Фишера см.: ХЭЗЕРЛИ О. *Марк Фишер. От скудной дистопии к кислотному коммунизму* // Неприкосновенный запас. 2019. № 1(123). С. 211–249 (www.nlobooks.ru/magazines/nekrikosnovennyy_zapas/123_nz_1_2019/article/20858/).

То, что сделал Фейбуш, – акт неслыханной щедрости. [...] Его фрески не аскетичны и выглядят странно в эпоху карательной экономики [*punitive austerity*]. Вероятно, на их создание ушло очень много денег, *денег из карманов налогоплательщиков*. Его фрескам необязательно быть в этом здании. В них есть что-то излишнее, чрезмерное. На мой взгляд, его фрески лучше, чем какое-либо другое произведение, созданное центральноевропейскими изгнанниками в нашей стране, символизируют отношения взаимной щедрости и благодарности. При всех многочисленных недостатках Великобритании именно британцы спасли этого человека от фашизма. Его британские работы – это ответный дар, преподнесенный не только нескольким избранным благотворителям, но и сотням муниципальных церквей, а в этом случае – целому городу. Именно этот дар и лежащую в его основе этику мы должны заново открыть для себя сегодня, пока не стало слишком поздно» (р. 530, 531).

Идейное взаимодействие с друзьями и коллегами

Разговор Юргена Хабермаса с Штефаном Мюллер-Домом и Романом Йосом¹

Штефан Мюллер-Дом, Роман Йос: Вы очень методично фиксируете все, что определяющим образом на вас повлияло (как в позитивном, так и в негативном смысле), – это, можно сказать, особенность ваших трудов: речь идет не только о систематическом перечислении источников, но еще и о целом ряде сторонних заметок (посвящений, некрологов и портретов), при помощи которых вы опять же настойчиво напоминаете об источниках влияния. Сам формат, сам стиль этого поджанра в корпусе ваших сочинений задается, пожалуй, книгой «Философско-политические профили» – и до сих пор вы остаетесь этому подходу верны. Почему вас привлекает такой тип рефлексии?

Юрген Хабермас: Действительно, подобная практика вошла у меня в привычку. Но до сих пор я даже не предполагал, что

Юрген Хабермас (р.1929) – немецкий философ и социолог, представитель второго поколения Франкфуртской школы, автор концепций коммуникативного действия и этики дискурса.

1 Публикация представляет собой шестую главу из книги Юргена Хабермаса «Что-то должно было улучшаться...»: разговоры со Штефаном Мюллер-Домом и Романом Йосом», русский перевод которой готовится к выходу в серии «Библиотека журнала “Неприкосновенный запас”» издательства «Новое литературное обозрение». Перевод осуществлен по: HABERMAS J. “Es musste etwas besser werden...”: Gespräche mit Stefan Müller-Doohm und Roman Yos. Berlin: Suhrkamp Verlag, 2024.

ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРЫ

она нуждается в объяснении. Во всяком случае сам я о ней никогда не задумывался. Вообще, когда я принимаю участие в публичных дискуссиях, ведущихся через прессу, редакторы по тому или иному поводу часто просят меня рассказать что-нибудь о моих знаменитых коллегах и друзьях – или просто о каком-нибудь общественном деятеле. Но благодаря вашему вопросу я осознал, что эти очерки *ad personam* распадаются на две категории. Чаще всего это посвящения, составленные по конкретному случаю: в большинстве случаев – заметки либо ко дню рождения, либо ко дню памяти. В последние годы, кстати, я все больше пишу в печальной перспективе: старость окружает одиночеством, чаще и чаще писать приходится с точки зрения оставшегося в живых, одного из немногих. Главную роль в подготовке таких работ играют личные отношения с друзьями, коллегами и современниками. Почему за подобные очерки именно я берусь чаще других, сказать точно не могу. Полагаю, что у интеллектуала, выступающего в том числе и публично, есть своего рода долг дружбы, некое товарищеское обязательство. Я, допустим, часто рассказываю не только о коллегах по профессии, но еще о тех писателях, юристах или теологах, которых я застал, – о друзьях или просто знакомых.

Но есть и совершенно другой случай: когда речь заходит о фигурах, воспринимаемых в первую очередь в разрезе интеллектуальной истории. В основном они принадлежат к поколению моих учителей, непосредственных или условных (здесь, допустим, можно вспомнить Ханну Арендт). Среди авторов, определивших мое мышление, есть те, кого я никогда не знал лично (скажем, Бенъямин, Витгенштейн, Кассирер или Ясперс); есть те, с кем я просто порой встречался (скажем, Хайдеггер, Гелен и Блох); но есть и те, с кем у меня по-настоящему завязались личные отношения – где-то более, где-то менее тесные, – так было, допустим, с Адорно, Шолемом, Маркузе и Митчерлихом, с Абендротом, Гадамером, Левитом и Левенталем; авторы всех трех категорий влияли на меня в равной степени.

Я постарался набросать философско-политические профили этих людей – тем более, что они не просто принадлежали к поколению моих учителей, но и вообще сделались заметными фигурами в современной интеллектуальной истории. В своих текстах я сохраняю некоторую дистанцию – как минимум из уважения к трудам этих авторов; а из-за поколенческого разрыва дистанция эта порой сохранялась даже в близких дружеских отношениях. Актуальность в подобных публикациях отступает перед значимостью самих трудов, о которых мне довелось писать. Многие идеи, высказанные этими авторами, так меня вдохновляли и оказывались для меня столь поучительными, что теперь я могу о них рассказывать непрерывно,

хоть разбуди меня ночью. В книгах типа «От чувственного впечатления к символическому выражению» я собирал статьи и того и другого типа (допустим, об Эрнсте Кассирере и об Александре Клуге) – *без разграничения*; объяснятся это тем, что только теперь, после вашего вопроса, я обратил внимание на совершенно различный характер этих работ.

Ш.М.-Д., Р.Й.: Остается вопрос о том, почему вы так близко соотноситесь с трудами именно этих авторов, уже вошедших в историю философии, почему именно они мотивируют вас на высказывание.

Ю.Х.: Точно сказать не могу. *Ad hoc* могу предложить два объяснения: с одной стороны, особое значение немецкой философии 1920-х, обретшей на том этапе новую продуктивную силу; с другой стороны, наверное, взаимосвязь этих работ с биографией самих авторов. С той поры, как латынь перестала быть главным языком европейского образования и возникли философии на национальных языках, во многих странах Европы успели сложиться некие периоды философской «классики»: так, в Германии это, бесспорно, «Йена около 1800 года» с Гегелем и Шеллингом в центре, с Кантом и Фихте как ориентирами. Такие периоды, в исторических масштабах относительно короткие, характеризуются возникновением целой плеяды заметных фигур, целого ряда законодателей новой традиции с их учением и трудами; возникают и коммуникационные сети из слушателей и читателей. Я не сравниваю эту классическую эпоху немецкого идеализма с немецкоязычной философией 1920-х как минимум из-за разницы в дистанциях по отношению к современности; философии 1920-х не хватает к тому же пространственной концентрации. Но если взять сразу Фрайбург, Берлин, Гейдельберг, Марбург и Лейпциг, а затем прибавить к ним еще Вену, Прагу и Будапешт, то оказывается, что в те годы тоже было немало философов – авторов, преподавателей, студентов; все они что-то писали, и продуктивность в этот последний великий период немецкой философии была просто потрясающей.

В Германии наша философия так и не оправилась от кровопотери 1933 года, когда пошла невиданная волна эмиграции, и вообще от нравственно-интеллектуальной порчи эпохи нацизма. Даже по работам Хайдеггера отчетливо видно, как после захвата власти нацистами немецкая философия резко утратила свое международное значение; период «Бытия и времени» сменился тогда позднехайдеггеровской философией, которая так никогда и не вышла из тени «Черных тетрадей». Лично я наиболее важным считаю не что-нибудь, а сам интеллектуальный вес тех традиций, которые укоренились тогда в наших уни-

верситетах благодаря своей непосредственной актуальности. В период – возьмем широко – между 1900-м и 1933 годом одновременно, взаимно и последовательно развивались трансцендентальная феноменология Гуссерля, логический позитивизм Венского кружка (у Шлика и Карнапа в первую очередь), ранний Хайдеггер, Ясперс и философия экзистенциализма, Эрнст Кассирер, поздний Шелер и философская антропология Плеснера с Геленом, а также гегельянский марксизм у Лукача, Блоха, Беньямина – и, разумеется, критическая теория. После войны мое поколение училось (в самом широком смысле) в длинной тени этих оригинальных школ.

{ В постнацистскую эру мы уже не могли рассматривать учения, не оглядываясь при этом на биографию самих учителей, не могли читать философские труды, не задумываясь о политической судьбе их авторов.

Но есть еще один аспект: в постнацистскую эру мы уже не могли рассматривать эти учения, не оглядываясь при этом на биографию самих учителей, не могли читать философские труды, не задумываясь о политической судьбе их авторов. Нацистская эпоха, пусть и оставшаяся позади, все еще о себе напоминала; из-за нее у мыслителей, которые оставили заметный след в моем академическом образовании, нередко расходились и взгляды, и жизненные пути. Может быть, именно поэтому я и сам так увлекся философско-политическими профилями.

Ш.М.-Д., Р.Й.: Вы ведь тесно общались с философами, эмигрировавшими из нацистской Германии, причем не только во Франкфуртском Институте социальных исследований, но и в нью-йоркской Новой школе социальных исследований (New School for Social Research), где вы тоже некоторое время работали.

Ю.Х.: Да, в 1967–1968 годы я был там третьим (после Плеснера и фон дер Габленца) профессором по программе Теодора Хойса. В Нью-Йорк мы приехали вместе с Уте и тремя детьми. Юдит была еще совсем маленькой и даже не помнит, как после обеда мы прогуливались по Центральному парку или как боролись с нашествием *German cockroaches* [тараканов-прусаков] в ее комнате. Ребенка учила английский прямо *on the spot* [на месте], и ее нью-йоркские друзья до последнего распознавали у нее верхневестсайдский акцент. Тильман незадолго до нашего отъезда уже начинал учить английский во Франкфурте, так что в Школе Рудольфа Штейнера он прославился как *genius in spelling* [гений правописания].

Впервые мы всей семьей надолго остановились в Соединенных Штатах, впервые по-настоящему столкнулись с этим международным центром XX века. Нам довелось войти в академический мир выдающихся немецких эмигрантов, скрупулезно сохранявших свой образ жизни, и это нас глубоко тронуло. В этом мире сохранялся традиционный менталитет немецких философов, нисколько не искаженный, в политическом смысле по-прежнему целостный; дома, в самой Германии, все это стало глубоко сомнительным: вспоминаю свое студенчество, еще до отъезда во Франкфурт. В Новой школе мы при первой же возможности встретились с группой коллег: они, как оказалось, уже подготовили для нас с Уте небольшой прием и сразу, без промедления сами к нам бросились. До сих пор это вижу: во главе – Ханна Арендт, которую я однажды уже видел (правда, со стороны) в Чикагском университете, а за ней – Ханс Йонас и Арон Гурвич со своими супругами. Вопросы у них были на удивление настойчивые, и разговор в целом был отмечен некой смесью любопытства и недоверия. Они знали, конечно, что я прибыл из Франкфурта, так что довольно колко и с легкими инквизиторскими нотками начали выпрашивать об Адорно и Хоркхаймере, о положении Института социальных исследований в Федеративной Республике. Я чувствовал, что меня воспринимают как очень позднего представителя той институции, которую эти эмигранты знали еще по временам Веймарской республики; все они видели, как франкфуртцев великодушно принимают в Колумбийский университет, чтобы те продолжали работу в относительно привилегированных условиях. Я знал, естественно, с каким подозрением – чуть не как на врага – Ханна Арендт смотрела на Адорно, знал и об их злополучном соперничестве за память Бенямина. Поначалу нас просто приперли к стенке, но достаточно быстро разговор вернулся к современности, а вместе с тем разрядилось и первоначальное напряжение. Видимо, нас все-таки сочли достаточно молодыми.

Незабываемо, как по выходным все старонемецкие эмигранты по очереди приглашали нас в гости; удивительная аура безвременья, которая так поразила нас при первой встрече, по-прежнему ощущалась и (теперь уже в другом ключе) подчас целиком определяла ход наших спонтанных бесед. Война закончилась больше двух десятилетий назад, но наше присутствие в этом кругу, видимо, пробудило какие-то давние воспоминания, которыми нас окутывали так плотно, что мы сами как будто в них соучаствовали. На таких ужинах присутствовала иногда супружеская чета Эриха и Аннамарии Гула, а на университетских мероприятиях я повстречал Адольфа Леве, который до эмиграции преподавал во Франкфурте.

Ханна Арендт, конечно, была человеком необыкновенным, а особенно ею восхищался Ханс Йонас, ее близкий друг. Взгляд у нее был острый, а лицо настолько выразительное, что надолго оставалось в памяти. Было в ней что-то властное; манеры у Арендт были элитарные, а свои суждения (очень уверенные, подчас даже самоуверенные) она всегда высказывала прямо и без обиняков. Мировой славой она тогда еще не пользовалась, но в своей профессии и вообще среди специалистов уже добилась международного признания. Для широкой публики она оставалась воинственным интеллектуалом, известной в первую очередь из-за споров (с Шолемом в том числе) вокруг ее книги об Эйхмане, а также благодаря ее поддержке студенческого движения. Сама Арендт очень ценила свой статус; я это подметил, когда она пригласила нас с Уве Йонсоном (в те годы он писал на Манхэттене свои «Годовщины») на кофе. Там же присутствовал Генрих Блюхер (муж Ханны Арендт), и весь вечер мы трое просто сидели и молча слушали, как она ведет беседы с прославленным Уистеном Хью Оденом, занявшим свое место напротив нее за маленьким столиком у окна. Но широкие контакты не меняли очевидного обстоятельства: Арендт вместе с Хансом Йонасом и Ароном Гурвичем входила в очень узкий круг, отчего эмигрантское самосознание и оставалось у них в неизменном виде.

Гурвич пользовался большим авторитетом в тогда еще существовавшем «Phenomenological Society», а Йонас воспрял духом чуть позже, когда его натурфилософские труды и разработанная у него экологическая этика нашли вдруг достаточно заметный отклик в Германии. Эта группа, как мне показалось, была во многом изолирована от общеамериканской философской среды, в рамках которой другие немецкие эмигранты (Карнап в первую очередь, но и Гемпель тоже) пользовались немалым влиянием. Видимо, в профессиональном смысле их мышление оставалось слишком *континентальным*. Но в самой Новой школе на пике протестов против войны во Вьетнаме студенты брались за Гегеля и Маркса, так что и от своих преподавателей они были в восторге – пусть даже свои радикальные политические потребности удовлетворять им приходилось в других местах.

Ш.М.-Д., Р.Й.: В связи с Гершомом Шолемом, которого вы упомянули, нам вспоминается, что вы несколько раз побывали в Израиле. Что для вас означали эти поездки?

Ю.Х.: Да, Израиль – это был другой полюс. Гершом Шолем, когда мы с Уте впервые приехали в Иерусалим на его восьмидесятилетие (это был 1977 год), преподнес, можно сказать, весь

свой город нам в подарок. От Академии он ухитрился получить машину с водителем и как заправский экскурсовод провез нас по всем районам и окрестностям этого в образцовом смысле исторического города. Сам Шолем, будучи сионистом, переехал на эти земли еще в 1923 году, а потом между прочим никогда не закрывал глаз на проблему изгнания палестинцев. Немецкое посольство в Тель-Авиве устроило церемонию в его честь, а дальше Шолем читал фрагменты из своих только вышедших тогда воспоминаний «Из Берлина в Иерусалим»; среди собравшихся были сплошь немецкие эмигранты, так что на каждое название берлинских улиц зал реагировал с болезненным узнаванием.

С тех пор я много раз бывал в Израиле, однажды мы всей семьей даже пробыли там несколько недель: меня пригласили прочитать курс лекций в иерусалимском Институте Ван Лера, где раньше я уже бывал и где познакомился с Иегудой Элкана. За эти несколько недель разразилась Ливанская война, так что мы увидели Израиль в турбулентном мобилизационном состоянии; это страна удивительной красоты, но – как нам довелось убедиться – по сути своей она постоянно пребывает в опасности. Воспоминания об Израиле, как ни об одной другой стране мира, отчетливо соотносятся у меня с настроениями и пластическими образами: помню похороны Шолема – открытое небо на вершине горы Скопус, длинная траурная процессия, и каждый кладет на могилу свой камень; помню, как сияло солнце и развевались флаги перед университетом, когда мне торжественно присваивали степень почетного доктора. В последний раз мы побывали в Иерусалиме в 2012 году: мне довелось тогда открывать в Академии цикл лекций по Буберу². В Тель-Авив всегда приезжаешь с чувством облегчения – это один из самых современных городов мира, начавшийся с модернистской застройки в стиле баухауса, – но Иерусалим все равно притягивает к себе через какой-то неудержимый водоворот истории, которой этот город живет и дышит по сей день.

Ш.М.-Д., Р.Й.: А что представляли собой ваши отношения с Шолем на интеллектуальном уровне? Повлияла ли каким-то образом его мысль на ваши труды?

Ю.Х.: Среди израильских друзей и коллег Шолем, конечно, был мне особенно близок, и не только оттого, что всю свою жизнь – нельзя об этом не сказать! – он берег память о своем друге Вальтере Беньямине, которого Шолем почитал за настоящего мистика; и даже не только оттого, что он вместе с Гретьель

² ИДЕМ. *Martin Buber – Dialogphilosophie im zeitgeschichtlichen Kontext // Im Sag der Technokratie. Kleine politische Schriften XII*. Berlin, 2013. S. 27–46.

и Тедди Адорно работал над изданием бенъяминовского наследия, которое пользовалось неожиданным на то время успехом³. Мы с Шолемом могли бы встретиться намного раньше, во Франкфуртском институте или в издательстве «Suhrkamp», но на деле знакомство произошло, если я правильно помню, лишь в 1963 году, когда Шолем сам пришел ко мне с вопросом по поводу одного примечания. К тому времени я прочел книгу Шолема «Иудейская мистика в ее основных течениях» и узнал оттуда о любопытнейших совпадениях у таких далеких современников, как Якоб Бёме и Исаак Лурия; на этот интересный факт я сослался в одной из своих статей. Как удивительным образом оказалось, в одном из примечаний я сумел подобрать какую-то удачную формулировку, которая, очевидно незаслуженным образом, принесла мне всецелое уважение со стороны самого Шолема. Из первой симпатии, которую я всегда считал подарком судьбы, зародилась долгая дружба семьями; потом многократно мы навещали друг друга. В более поздние годы Шолем (чаще всего со своей женой Фанией) регулярно заезжал к нам в Штарнберг, когда возвращался из Цюриха, где вел исследования. Он всегда привозил нашим детям дорогие конфеты с Банхофштрассе – и всегда с шутливой просьбой сначала попробовать их самому.

Ш.М.-Д., Р.Й.: О чем вы с Шолемом говорили при первой встрече во Франкфурте, которую вы сейчас упомянули?

Ю.Х.: Он захотел со мной поговорить по прочтении моей статьи о Шеллинге из «Теории и практики»⁴. Мистическая идея о сжати божества – то есть о его самоограничении, благодаря которому еще до всякого сотворения уже существовала некая «природа в божестве» или некое «ничто», – играла заметную роль в натурфилософском мышлении немецких идеалистов и в более позднем материалистическом повороте. В упомянутой книге Шолема я нашел рассказ о любопытном визите швабского пиетиста Этингера к раввину во франкфуртском еврейском квартале. Пиетистский богослов хотел побольше узнать об иудейском мистике Исааке Лурии, но раввин неожиданно посоветовал ему почитать современника Лурии – Якоба Бёме, у которого можно найти очень схожие идеи. Мое внимание к таким вещам даже пробудило у Шолема интерес к давно забытой моей диссертации, и он, его собственными словами, «излюбопытствовал» у меня один экземпляр. Работами Шолема по

³ Cp. c: IDEM. *Vom Funken der Wahrheit* // Die Zeit. 2015. 9 April. S. 43.

⁴ IDEM. *Dialektischer Idealismus im Übergang zum Materialismus – Geschichtsphilosophische Folgerungen aus Schellings Idee einer Contraction Gottes* // Theorie und Praxis. Sozialphilosophische Studien. Neuwied; Berlin, 1963. S. 108–161.

иудейской мистике сам я заинтересовался через тот же мотив, который, должно быть, подталкивал самого автора всю жизнь: исследовать эту антиномическую традицию – традицию преодоления зла через грех как таковой – вплоть до ее позднейших ответвлений в эпоху Французской революции через убежденность (тоже, в конечном счете, имеющую религиозные основания) в том, что Просвещение только преображало мистические образы, а не поглощало их.

ИДЕЙНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
С ДРУЗЬЯМИ И КОЛЛЕГАМИ...

Ш.М.-Д., Р.Й.: Можно ли, на ваш взгляд, как-то обобщить значение личных контактов для философии в целом?

Ю.Х.: Наука живет за счет профессионального обмена знаниями между коллегами: будь то лабораторная работа у естествоиспытателей, полевая у социологов или «сидячая» у философов – за письменным столом или на семинарах. В конечном счете, важны только идеи. Но оригинальные идеи увязываются с личностями; причем привязка эта тем сильнее, чем больше сама идея обязана абдуктивным прозрениям вместо методичного продвижения. В философии прогресс чаще всего отмечен именно прозрениями – в этом смысле она отличается от других наук, регламентированных куда строже.

Наука живет за счет профессионального обмена знаниями между коллегами. В конечном счете, важны только идеи. Но оригинальные идеи увязываются с личностями; причем привязка эта тем сильнее, чем больше сама идея обязана абдуктивным прозрениям вместо методичного продвижения.

Ш.М.-Д., Р.Й.: В другом месте вы отмечали, что самая интенсивная работа пришлась у вас на аналитическую философию языка, какой она сложилась в XX столетии. Примером тому служат тексты, собранные в «Истине и оправдании»: вы подробно рассматриваете труды американских философов, работавших в данном направлении. С кем-то из них вы были знакомы лично. Важен ли – для дела – был этот личный контакт?

Ю.Х.: Конечно, личные контакты во многих случаях были очень важны, причем как для дела, так и сами по себе: одно от другого чаще всего отделить невозможно. Мы десятилетиями дружили с Томом Маккарти, Диком Бернстайном, Диком Рорти, и в этом смысле мои отношения с американцами ничем

не отличались от тесного сотрудничества с немецкими коллегами. Но, разумеется, аналитический образ мысли я в первую очередь постигал через чтение: с авторами вроде Олстона или Райла, Карнапа или Даммита я никогда не встречался лично, а со Стросоном, Куайном и Дэвидсоном мне довелось контактировать, но очень поверхностно и мимолетно. С Дэвидсоном я познакомился в Мадриде на одной немецко-американской конференции, но о том, насколько комплексным было его образование – он изучал классическую филологию под началом Вернера Йегера и защитил диссертацию по «Филебу», – мне довелось узнать только во Франкфурте, когда Дэвидсон приезжал на университетский семинар и как-то вместе с женой зашел к нам на завтрак. Но ваш вопрос, как я понял, скорее касается более тесных связей со знаменитыми американскими коллегами, с теми из них, кого я знал долгое время и с кем имел более близкие контакты?

Ш.М.-Д., Р.Й.: Именно так: нас интересует соприкосновение чтения и личного общения, ведь в готовых текстах чаще всего этой взаимосвязи уже не видно.

Ю.Х.: Самые тесные отношения, как я уже упоминал, сложились у меня еще с 1970-е с Томом Маккарти, а также с Диком Бернштейном и Диком Рорти, которые в свою очередь тоже близко между собой дружили. С Томом мы познакомились в начале 1970-х, когда он с графом Баллестремом, – тоже очень симпатичным человеком – прибыл в наш штарнбергский Институт Макса Планка с намерением обсудить со мной, как с автором «Познания и интереса», несколько вопросов по части теории познания. Если я правильно помню, два друга – Маккарти и Баллестрем – стояли тогда на позициях американского мейнстрима, сложившегося под влиянием Рудольфа Карнапа; их учитель Николаус Лобковиц (как раз в те годы он получил должность в Мюнхене по приглашению Гельмута Куна) поручил им написать критический очерк о Хабермаса – что они и сделали, выдвинув более или менее предсказуемые аргументы. Но сам разговор с этой парой очень интеллигентных ассистентов получился по-американски непринужденным.

Том позднее мне признавался, что свои тогдашние философские взгляды он отчасти пересмотрел после того, как по настоянию своих мюнхенских студентов из движения SDS [«Students for a Democratic Society»] дополнил программу будущего семинара моей обзорной работой «К логике общественных наук». Переубедил его скорее всего сам герменевтический подход к социальным данным. Чуть позже Том получил Гумбольдтовскую стипендию и сам перешел в Штарнбергский институт;

так началась наша дискуссия, которая и по сей день еще не завершена. Пожалуй, именно Том лучше всех знает мою линию аргументации, равно как и всю сеть возражений и оправданий, которую мы разработали с ним на пару. В 1978 году он опубликовал в Америке книгу о моей теории, и скорее всего именно этому факту я и обязан своими американскими успехами⁵. Самобытность его философской мысли до сих пор недооценивают, а в двух его книгах она блестяще проявилась: я имею в виду «Ideals and Illusions» и «Race, Empire, and the Idea of Human Development», на английском вышедшие соответственно в 1991-м и в 2009 году, а позже переведенные на немецкий⁶. И все это – лишь внешняя, публичная сторона нашей дружбы длиной в жизнь; Пэт и Уте, кстати, тоже между собой сдружились.

О своей не менее долгой дружбе с Диком Бернштейном я однажды уже рассказывал⁷. В 1972 году я побывал с научной командировкой в Центре гуманитарных исследований при Уэслианском университете в Мидлтауне и тогда же получил приглашение от коллеги из Хейверфорда: без лишних церемоний он просто пригласил меня провести у них лекцию. Он прочел «Knowledge and Human Interest» и обнаружил глубокую взаимосвязь в наших теоретических установках. Дик немедленно обезоружил меня своей дружелюбной прямоотой и сразу же дал понять, что нам с ним многое нужно обсудить. Он встретил меня в аэропорту, и, как мне показалось, мы с первого взгляда друг к другу расположились. К гостям он относился с необыкновенным вниманием и великодушием.

Бернштейн был прагматиком по природе: в его неустанных занятиях философией не было ничего отвлеченно академического. Читая его «Практику и действие»⁸, я не мог не обратить внимания на удивительное сходство в наших с ним философских предпосылках. Я сразу же предложил эту книгу издательству «Suhrkamp». Начиналась она с Гегеля и Маркса, а в следующей главе Бернштейн затрагивал уже Кьеркегора и Сартра – то есть именно тех авторов, которые так впечатлили меня в годы моего ученичества (сначала в Цюрихе, а затем в Бонне), – в центральной же части книги все эти разносторонние влияния увязывались с Пирсом и Дьюи. Очень быстро, конечно, мы с Диком поняли, что к прагматизму Пирса мы под-

5 MCCARTHY T. *The Critical Theory of Jürgen Habermas*. Cambridge, 1978; нем. издание: IDEM. *Kritik der Verständigungsverhältnisse. Zur Theorie von Jürgen Habermas*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1980.

6 IDEM. *Ideale und Illusionen. Dekonstruktion und Rekonstruktion in der kritischen Theorie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1993; IDEM. *Rassismus, Imperialismus und die Idee humaner Entwicklung*. Berlin: Suhrkamp Verlag, 2015.

7 HABERMAS J. *For my Friend Richard J. Bernstein* // *Constellations*. 2023. № 1. P. 5–7.

8 BERNSTEIN R.J. *Praxis and Action. Contemporary Philosophies of Human Activity*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1971; нем. издание: IDEM. *Praxis und Handeln*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1975.

ступали с разных точек зрения. Бернштейн прочитывал этого автора совершенно в духе американской традиции: в пре-ломлении через Дьюи и скорее в гегельянском духе; я же под влиянием Апеля рассматривал Пирса в ином ключе – больше через Канта, что с исторической точки зрения тоже вполне корректно.

Мне всегда казалось, что между мной и Диком стоит только Дьюи, с его неприятием кантовской этики в строгом ее прочтении (скорее всего неприятие это еще укрепилось в ходе Первой мировой). Я со своей стороны к тому времени представил уже (в третьей части «Проблем легитимации позднего капитализма»⁹) дискурсивно-этическую версию кантовского морального принципа. А завершающая глава из уже упомянутой первой книги Бернштейна являет собой не что иное, как прагматическую переработку аналитической теории действия. Тема эта меня в высшей степени заняла, поскольку тогда я уже приступил к систематической разработке своей теории коммуникативного действия.

Ш.М.-Д., Р.Й.: Но особенно широко известен третий из ваших американских друзей...

Ю.Х.: Да, это был Ричард Рорти, и именно он впервые обратил мое внимание на Дональда Дэвидсона. В 1971 году, когда я читал лекции по программе Кристиана Гаусса в Принстоне¹⁰, он заметил наш общий интерес к прагматическому повороту в философии языка и потому несколько раз подходил ко мне после обсуждений. Затем мы снова встретились в Сан-Диего на конференции по Хайдеггеру; Рорти – как он часто это делал в более поздние годы – прославлял там Дьюи и Витгенштейна, которых наравне с поздним Хайдеггером считал своими путеводными звездами на философском небосводе. На этот съезд меня, можно сказать, откомандировал Герберт Маркузе: ему самому срочно нужно было срочно ехать в Париж; конференция, надо сказать, все равно открылась видеозаписью с интервью Маркузе, в котором он рассказывал о своей учебе под началом Хайдеггера. Когда Рорти говорил о своих «героях», я решительно возражал против такого сопоставления: Дьюи, Хайдеггер, Витгенштейн; Рорти же в ответ немедленно пригласил меня заехать на обратном пути к нему в Принстон и обсудить там «Knowledge and Human Interest» на семинаре. Так на всю

9 HABERMAS J. *Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1973. S. 140–152.

10 IDEM. *Vorlesungen zu einer sprachtheoretischen Grundlegung der Soziologie (1970/71) // Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1984. S. 11–126. Печата-но в: IDEM. *Philosophische Texte. Studienausgabe in fünf Bänden. Bd. I: Sprachtheoretische Grundlegung der Soziologie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2009. S. 29–156.

жизнь и скрепилась еще одна дружба. Никогда между прочим мы не обсуждали его академическую судьбу: аналитическая ортодоксия самым абсурдным образом от него отвернулась, а ведь он был одним из первых и самых интересных ее представителей! В поздние годы он жил, словно в изгнании, и преподавал на литературоведческом факультете в Стэнфорде. Когда Рорти умер, я (по просьбе его вдовы Мэри) прочитал в Стэнфорде мемориальную лекцию¹¹. Незадолго до смерти Дик писал мне по электронной почте с типичной для него горькой иронией, что болезнь у него та же самая, от которой умер Деррида, а его дочь говорит, что это, наверное, от «reading too much Heidegger» [чрезмерного чтения Хайдеггера].

Для возрождения прагматизма в США никто не сделал больше, чем Рорти вместе с нашим общим другом Диком Бернстайном. Во многом мы по-разному смотрели на эту традицию, и потому темы для дискуссий просто не иссякали, но все-таки прагматизм составлял для нас общее основание, вполне крепкое, когда речь заходила о Дьюи и о вопросах политической теории. Общность базовых политических убеждений была для нас необходимой предпосылкой, поскольку теория морали и теория истины вызывали у нас самые ожесточенные споры. Дик очень твердо придерживался этики сострадания, идущей от Юма, а также своих понятийных представлений об истине: реалистических, но и релятивистских в то же время. Общеизвестный факт: Рорти был не только успешным автором – интеллектуальным виртуозом высшего разряда, умевшим провоцировать дискуссии и всегда выдвигавшим остроумные идеи, – но еще блестящим стилистом и восхитительным оратором. Мы постоянно встречались и много дискутировали в публичной сфере: соперником в спорах он был мягко говоря непростым. Мы с ним принимали участие в одних и тех же конференциях, проходивших как в Германии и США, так и в других странах – Польше, Сербии, Франции. Дик говорил, что меня и Деррида он понимает лучше, чем мы сами понимаем себя и друг друга. Когда мы вместе получили почетные докторские степени в Сорбонне, для Рорти это стало каким-то особым удовлетворением.

Вспоминая теперь наши многочисленные дискуссии, я описал бы эти отношения как в первую очередь взаимообучающие. Наши контрастирующие позиции очень ясно проявлялись благодаря широкому общему фону, благодаря взаимодополняющим общим предпосылкам. Кроме того, именно Дик, пожалуй, открыл мне глаза на своего учителя Уилфрида Селларса: хотя еще в 1960-е я брался было за диссертацию по его трудам, только благодаря Рорти я действительно понял революцион-

11 ИДЕМ. «*And to Define America, Her Athletic Democracy*». *Im Andenken an Richard Rorty // Ach Europa. Kleine Politische Schriften XI*. Frankfurt am Main, 2008. S. 24–39.

ное значение работ Селларса для критики ментализма и для фундаментального обоснования лингвистической прагматики. Когда я под конец 1990-х преподавал в Эванстоне, Рорти прислал мне новое издание книги Селларса «*Empiricism and the Philosophy of Mind*», которое Рорти подготовил вместе со своим учеником Робертом Брэндомом¹². Тексту было предпослано рукописное посвящение, в котором Дик, как обычно, приуменьшал свои заслуги: «I expect to be footnoted in the history books as the man who told Brandom about Sellars – a twisted link in the chain» [«Полагаю, что в учебниках истории сделают сноску обо мне как о человеке, который рассказал Брэндому о Селларсе, – как о кривом звене в общей цепи»].

За три года до этого Брэндом опубликовал «*Making It Explicit*»¹³. Со своим выдающимся учеником Рорти познакомил меня еще раньше, на небольшой и узкоспециализированной конференции в Шарлотсвилле. В этом историческом месте Томас Джефферсон спроектировал впечатляющий архитектурный план нового университета в классицистском стиле – теперь это Виргинский университет – со внушительным главным зданием (в котором располагается библиотека), венчающим длинный и строго симметричный комплекс факультетов; за каждым из малых зданий выстроены европейского типа столовые, в которых *southern gentlemen* [южные джентльмены] наслаждались кулинарными изысками континентальной культуры. Здесь после своего бегства из Принстона Рорти преподавал на протяжении многих лет.

О выходе главной книги Брэндона – а это и вправду выдающийся труд! – Дик возвестил мне: «Вот именно та семантика, которой так не хватало моей формальной прагматике». Собственно, такое же значение эта книга приобрела и для меня: я нашел в ней логическую семантику на прагматической базе дискурсов. Чтение было не из легких и даже изнуряло, но в итоге работа Брэндона так захватывала и наполняла таким удовлетворением, что я даже удивлялся: подобный читательский опыт открывался мне только в молодые годы, да и то изредка. Решающий идейный импульс для собственной работы крайне редко приходит при чтении чужих трудов: если честно, то в большинстве случаев таких книг (еще реже статей) назвать можно не больше дюжины, а подчас и полдюжины набирается с трудом. С Брэндомом я потом еще несколько раз встречался – сначала в Эванстоне, а затем во Франкфурте и Мюнхене. Гово-

12 SELLARS W. *Empiricism and the Philosophy of Mind*. Cambridge: Harvard University Press, 1997; нем. издание: IDEM. *Der Empirismus und die Philosophie des Geistes*. Paderborn: Mentis Verlag, 1999.

13 BRANDON R.B. *Making It Explicit. Reasoning, Representing, and Discursive Commitment*. Cambridge: Harvard University Press, 1994; нем. издание: IDEM. *Expressive Vernunft. Begründung, Repräsentation und diskursive Festlegung*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2000.

рили мы в основном о лекциях, с которыми он выступал. Не могу сказать, что я узнал Брэндома по-настоящему как человека; в глаза всегда бросалась его яркая внешность: бородатый философ, именно такой, каким в былые времена вообще представляли себе настоящего философа. Не знаю к тому же, как Брэндом относится к моей теории (в своих публикациях – за исключением небольшого специального посвящения – он ссылается на меня лишь мимоходом): принял ли он ее к сведению или же он, главным образом, вспоминает обо мне как о друге своего высокочтимого учителя.

Ш.М.-Д., Р.Й.: Кого еще можно вспомнить из ваших американских коллег?

Ю.Х.: Совершенно другими – не как с Рорти – были мои отношения с Джоном Сёрлом; его труды, кстати, я прочел еще до личного знакомства. В середине 1960-х – изучив труды Витгенштейна, Остина и представителей английской школы языкового анализа – я начал вникать в лингвистику и углубился в дискуссию, запущенную тогда Ноамом Хомским; здесь я и наткнулся на очень зрелую и целостную теорию речевых актов, предложенную у Джона Сёрла¹⁴. Книга Сёрла проложила мне путь к формальной языковой прагматике, посредством которой я сумел ответить на основной вопрос социологической теории действия, касающийся порождающих условий социальной интеракции: как интенции действия у Его могут органично увязываться с таковыми у Alter? Я подступил к этому вопросу на основе анализа речевой интерсубъективности, и так возникла теория коммуникативного действия. Именно эта языковая концепция, развитая из соотнесений типа «Я–Ты» и гумбольдтовского системного взгляда на личные местоимения – над ней я работал еще с боннских времен, еще вместе с Апелем, – и сделалась, в конечном счете, камнем преткновения в наших отношениях с Сёрлом¹⁵.

Ш.М.-Д., Р.Й.: Вы имеете в виду его ментализм?

Ю.Х.: Именно так. Я даже не предполагал, что за теорией речевых актов стоит этот самый ментализм. С Сёрлом мы лично познакомились в 1980 году, когда я проводил семестр в Беркли. Я посетил тогда его семинар (проводимый совместно с Хьюбертом Дрейфузом) по гуссерлевскому жизненному миру

¹⁴ SEARLE J.R. *Speech Acts. An Essay on the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969; нем. издание: IDEM. *Sprechakte. Ein sprachphilosophischer Essay*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1971.

¹⁵ Об этом направлении в философии языка см.: SEEL M. *Spiele der Sprache*. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 2023. S. 17–126.

как языковому «фону» коммуникации; а потом Сёрл и Дрейфус вместе пришли уже на мой семинар по Макс Веберу (по приглашению Роберта Беллы я преподавал на социологическом отделении). Контакт с Сёрлом, прямой и непосредственный, а в скором времени – открытый и дружеский, оказался для меня и полезным, и в социальном отношении приятным. В политическом плане Сёрл поддерживал протестующих студентов, хотя, как и я, относился к этому движению с долей критики. Он всегда умел чем-нибудь удивить. Помню, как за ужином вдруг оказалось, что Сёрл еще и знаток хорошего вина. В середине 1980-х я пригласил его во Франкфурт на летний семестр, а к тому времени он уже опубликовал свою книгу «Intentionality», в которой теория речевых актов вопреки своим витгенштейновским предпосылкам уже пошла на резкий поворот в сторону ментализма¹⁶.

На семинарах (вели мы их вместе с Апелем) по этому поводу разразились жаркие споры. Сёрл отличился точными и остроумными замечаниями, Апель – пламенными репликами. Сёрлу – а он любил покататься по немецким автобанам на своем здесь же купленном «Мерседесе» – все это, кажется, представлялось забавным. Но в последующие годы, когда мы с Апелем в том числе и публично оспаривали сёрловский ментализм, тональность становилась все жестче, а аргументы – все беспощаднее, в том числе и по стилю. Потому в публичной сфере я даже не стал обсуждать более позднюю попытку Сёрла вывести – совершенно без учета языковых аспектов – ключевые социологические понятия из базового представления о коллективной интенциональности. В каком-то смысле мы, так сказать, встретились снова, когда независимо друг от друга и с совершенно разных точек зрения одновременно раскритиковали интерпретацию иллокутивности, которую дал Деррида.

Ш.М.-Д., Р.Й.: Какими были ваши взаимоотношения с Хилари Патнэмом, которого вы хорошо знали и который неоднократно менял свои философские взгляды самым коренным образом?

Ю.Х.: Отношения с Хилари Патнэмом с самого начала были очень дружескими, и таковыми они всегда оставались. Хилари пригласил меня в Гарвард – кажется, это было в начале 1970-х: по крайней мере студенческие протесты на тот момент еще определенно не улеглись окончательно – и в Кембридже приветствовал такими словами: «Hello, Jürgen, you must know – I am an Engelsian» [«Здравствуйте, Юрген, вам следует

¹⁶ SEARLE J.R. *Intentionality. An Essay in the Philosophy of Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983; нем. издание: IDEM. *Intentionalität. Eine Abhandlung zur Philosophie des Geistes*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1991.

знать: я – энгельсианец»]. За такой саморекомендацией стоял математик и теоретик науки, знакомый к тому же с физикой, поддерживавший студентов-марксистов и сам нашедший свой путь к Марксу через натурфилософию Энгельса. В этот момент, как бы то ни было, я сразу понял, почему он вообще меня пригласил. Патнэм, как и Рорти, был что называется *red diaper baby* [ребенком в красных подгузниках]: он рос в семье коммунистов и всю свою жизнь оставался убежденным левым. На тот момент он прочел какие-то наши с Апелем работы и заинтересовался современным вкладом в марксистскую общественную теорию. Думаю, ничего другого он тогда от меня и не ждал. Я, конечно же, был наслышан о статусе Патнэма; знал и о том, что он учился у Райхенбаха. Тем не менее его сочинения я в те годы даже не видел: в Штарнберге, помимо философии языка, я занимался только общественно-научными вопросами. На момент нашей встречи Патнэм скорее всего уже размышлял над темами, к которым подступил затем в последней главе своей «Reason, Truth, and History»¹⁷. Сошлись мы, конечно же, благодаря политическим убеждениям. Но в итоге я многому у Патнэма научился, особенно по части теории познания.

ИДЕЙНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
С ДРУЗЬЯМИ И КОЛЛЕГАМИ...

Решающий идейный импульс для собственной работы } крайне редко приходит при чтении чужих трудов.

В последующие четыре десятилетия мы встречались с ним снова и снова по самым разным поводам. Он даже провел как-то целый год во Франкфурте по приглашению Вильгельма Эсслера. На юге Франции Патнэм однажды позвал с собой Уте и твердо вознамерился найти наконец тот дом, в котором он жил с родителями в раннем детстве, вплоть до первых школьных лет. Позднее своей вступительной лекцией он открывал во Франкфурте конференцию по случаю моего семидесятилетия¹⁸. Мы оба отталкивались от Витгенштейна и потому в философии языка быстро нашли общие основания. Что же касается теории познания, то я очень глубоко усвоил внутренний реализм Патнэма: в какой-то момент я даже начал защищать эту линию в разговорах с самим Патнэмом, который на тот момент уже развернулся к эмпиризму. Его каузальная теория значений показалась мне в высшей степени убедительной. Но в теории морали камнем преткновения, несмотря даже на общие прагматические предпосылки, для нас всегда оставалось

¹⁷ PUTNAM H. *Reason, Truth, and History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981; нем. издание: IDEM. *Vernunft, Wahrheit und Geschichte*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1982.

¹⁸ IDEM. *Werte und Normen* // WINGERT L., GÜNTHER K. (Hg.). *Die Öffentlichkeit der Vernunft und die Vernunft der Öffentlichkeit. Festschrift für Jürgen Habermas*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2001. S. 280–313.

отношение к Канту – точно так же, как и в случае с Бернштейном. Публично мы в последний раз дискутировали с Патнэмом в 2000 году: это был разговор о «ценностях против норм» на организованном в честь Патнэма мюнстерском конгрессе¹⁹. В следующие десять лет мы еще несколько раз при схожих обстоятельствах встречались с ним в Эванстоне, но, к сожалению, возможности побеседовать о последнем повороте Патнэма так и не представилось; а он от философской этики обратился к сущностному содержанию трех, как он однажды выразился, укорененных в Иерусалиме «авраамических религий», то есть, в общем, вернулся к иудаизму.

Ш.М.-Д., Р.Й.: С каких пор вы по-настоящему погрузились в идейную традицию лингвистического анализа?

Ю.Х.: Все началось в Гейдельберге: с Витгенштейна, с Карнапа, с Поппера, от которых я критически дистанцировался, и с апелевского указания на ранние работы Пирса. Со второй половины 1960-х я начал активно заниматься лингвистикой и читал труды британских аналитиков. От Витгенштейна, герменевтики и фрейдовского аналитического метода я шагнул к теории коммуникативного действия, и здесь наиболее значительную роль сыграло интенсивное изучение всей литературы по теории истинности и – самое главное – по теории речевых актов. После «Теории коммуникативного действия», если отставить влияние Брэндома, я главным образом занимался совершенствованием, уточнением и дальнейшим развитием своего теоретического подхода, а в 1990-е разрабатывал дискурсивную теорию морали и ее дополнения в виде теории права и теории демократии. Здесь уже на первом месте стояло взаимодействие с Джоном Ролзом и Рональдом Дворкином, а также обращение к таким авторам, как Фрэнк Михельман или, скажем, Юн Эльстер.

Ш.М.-Д., Р.Й.: Правда ли, что влияние аналитической философии оказалось решающим только для вашей теории языка, а в вашей практической философии оно не столь уж значительно?

Ю.Х.: Крупица истины в этом есть, но в целом дела обстоят несколько иначе, ведь анализ – это в первую очередь стиль, охватывающий собой все «философствование» как таковое. Тем не менее мой вариант теории морали восходит в гораздо боль-

19 HABERMAS J. *Werte und Normen. Ein Kommentar zu Hilary Putnams kantischem Pragmatismus* // RATERS M.L., WILLASCHKE M. (Hg.). *Hilary Putnam und die Tradition des Pragmatismus*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2002. S. 280–305; перепечатано в: HABERMAS J. *Wahrheit und Rechtfertigung. Philosophische Aufsätze*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2004. S. 271–298.

шей степени не к англосаксонским импульсам, а к разговорам с Апелем, к дискуссиям с Паулем Лоренцем и – в более поздние годы – с моим другом Эрнстом Тугендхатом. Кроме того, прояснению моих идей очень способствовало постоянное их обсуждение с Томом Маккарти.

Особым значением для меня, конечно же, отмечен и «семейный конфликт» с Джоном Ролзом. Ролз был старше меня всего лишь на восемь лет, но с самого начала он внушал мне благоговение как философ глобального значения и всемирной известности – мое отношение нисколько не изменилось, даже когда мы познакомились с ним поближе. В 1980-е, если память мне не изменяет, я принимал участие в одном из его кембриджских семинаров – и сразу же был поражен радушием и предупредительностью этого очень скромного, абсолютно не тщеславного человека. Из всех коллег, с которыми я встречался в жизни, только Ролз с его принципиально непретенциозным поведением умел мгновенно вызывать какое-то особое к себе доверие, сохраняя при этом дистанцию. Меня Ролз, судя по всему, уже знал: потому, возможно, что мой сын Тильман, учась в Гарварде, посещал какой-то из его семинаров.

Тексты Ролза я, конечно же, читал уже довольно давно. Поражаюсь, однако же, что «Теорию справедливости» – судя по многочисленным пометкам и записям из моего экземпляра с немецким переводом этой книги – я внимательно прочел не раньше 1975 года – и скорее всего по рекомендации Эрнста Тугендхата. Я в тот момент целиком был захвачен началами собственной теории дискурса, разработанной совместно с Карлом-Отто Апелем и в разговорах с «эрлангенцами», так что позиция Ролза, явно кантианская по происхождению и тщательно разработанная во всех деталях, меня, конечно же, восхитила. Годом ранее у нас под редакцией Манфреда Риделя вышел сборник «К реабилитации практической философии»: своего рода неокончательный обзор, посвященный широкому спектру подходов к этике, разработанных в Федеративной Республике и, по существу, не выходящих за рамки уже сложившихся традиций. Книга Ролза же представляла собой поворотный пункт для этой дисциплины, причем как с точки зрения метода, так и по содержанию.

Что касается метода, то ни одно морально-теоретическое исследование не могло – и до сих пор не может – даже сравниться с «Теорией справедливости» ни по части систематизма и, главное, гуссерлевского пафоса «исполнения», ни в том, что касается детализированного анализа – ясного, обширного и тщательного. А чтобы оценить значение этой книги в содержательной перспективе, нужно в первую очередь вспомнить, какая ситуация сложилась на тот момент в англосаксонской философии,

задававшей тон во всем мире: эмпирический подход, предложенный аналитиками языка – наследниками Гоббса, Юма, Бентама и Джона Стюарта Милля, – господствовал в практической философии повсеместно и практически не знал конкуренции. А с появлением великой книги Ролза все это господство как ветром сдуло. Вместо целерациональности, чувства, интереса и решения, на передний план заступил отныне практический разум, обобщающий всякие интересы.

Ш.М.-Д., Р.Й.: А лично вам теория Ролза тоже показалась убедительной?

Ю.Х.: Что ж, я с самого начала рассматривал эту теорию с конструктивистской точки зрения, которую сам Ролз изложил в своих лекциях 1980 года, посвященных Дьюи и прочитанных в Колумбийском университете²⁰. Именно такого прочтения я придерживался, открывая книгу «Political Liberalism»²¹, которую Ролз подарил мне в 1994-м и о которой попросил меня высказаться на страницах «The Journal of Philosophy»²². Я, признаться, не уследил за последовательным развитием идей Ролза, которое привело его в результате к фундаментальному пересмотру всей теории справедливости. Райнер Форст, который только вернулся после обучения у Ролза, понял все это гораздо лучше меня. Переход от «Теории справедливости» к «Политическому либерализму», как бы то ни было, мне и на тот момент не казался и теперь не кажется по-настоящему обоснованным: Ролз почему-то лишает практический разум (в кантовском его понимании) последнего слова и передает первенство религиозным и другим картинам мира.

Но все-таки первый обмен идеями был столь бесценен, что череда наших с Ролзом дискуссий, дружеских и плодотворных, продолжалась непрерывно вплоть до самой его смерти; он приезжал во Франкфурт и Бад-Хомбург, а в последний раз мы встретились в Калифорнии, на праздновании его восьмидесятилетия. Содержательный итог наших многолетних дебатов в 2019 году подвел Джеймс Гордон Финлейсон, посвятивший этой теме превосходную книгу²³. Финлейсон – один из немногих в англосаксонской среде, кто при рассмотрении наших

20 RAWLS J. *Kantian Constructivism in Moral Theory (Dewey Lectures)* // The Journal of Philosophy. 1980. № 9. P. 515–572.

21 IDEM. *Political Liberalism*. New York: Columbia University. Press, 1993; нем. издание: IDEM. *Politischer Liberalismus*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1998.

22 HABERMAS J. *Reconciliation through the Public Use of Reason: Remarks on John Rawls's Political Liberalism* // The Journal of Philosophy. 1995. № 4. P. 109–131; также издано в: IDEM. *Versöhnung durch öffentlichen Vernunftgebrauch* // *Die Einbeziehung des Anderen. Studien zur politischen Theorie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1996. S. 65–94.

23 FINLAYSON J.G. *The Habermas-Rawls Debate*. New York: Columbia University Press, 2019.

с Ролзом дискуссий учитывает «Фактичность и значимость», а также в целом мое дискурсивно-теоретическое понимание морали; без этого действительно невозможно анализировать мою критику Ролза – Финлейсону же, как представляется, такой анализ в высшей степени удался.

Ш.М.-Д., Р.Й.: Кого еще можно вспомнить по части практической философии, если и дальше говорить о ваших контактах в англосаксонском мире?

Ю.Х.: На примере Томаса Нагеля и Рональда Дворкина, учеников Ролза, я лично убедился в том, каким высочайшим уважением Ролз пользовался в своем ближнем кругу. В 1989 году они пригласили меня на свой прославленный и в то же время печально известный коллоквиум в Нью-Йоркском университете (печально известный из-за того, что там, как многие считали, принято было «катком проходиться» по всем гостям), и с тех пор мы постоянно общались и встречались на протяжении двух десятилетий. И с Томом, и с Ронни у меня как-то сами собой сложились очень дружеские – хотя и очень различные по своей природе – отношения. Потом, правда, мои регулярные поездки на их коллоквиум пришлось заменить гостевой профессурой, а работа над последней книгой так меня заняла, что поддерживать эти институциональные связи я уже не имел возможности. Из всех аналитических философов Том Нагель всегда меня особенно впечатлял и в каком-то смысле даже пугал. Устрашало, допустим, как на коллоквиумах, в начале каждого заседания, он давал обобщающее резюме по всем *papers*, которые будущий докладчик успел подать. Резюмировал Нагель блестяще, и мысль каждого гостя, как правило, он формулировал лучше, точнее и остроумнее, чем это пытался сделать сам автор в своих заранее подготовленных текстах; в моем случае по крайней мере было именно так. В интуитивных прозрениях, подтолкнувших Тома к его кантианству и вообще к разработанной у него антинатуралистской философии, проступает, как мне кажется – несмотря на все великолепие аналитической подготовки, – что-то европейское, что-то эмигрантское. Но должен признаться, что перед Нагелем я до сих пор немного робею.

Общение с Ронни всегда было более непосредственным и простым, а к тому же гораздо более активным. У себя дома в Нью-Йорке Дворкин прославился как любитель принимать гостей; он регулярно устраивал большие приемы для избранных. Как-то, например, он познакомил нас с судьей Верховного суда, представлявшим тогда либеральное крыло. Еще вспоминаю, как Ронни после вторжения американцев в Ирак

и свержения Саддама Хусейна пригласил нас на ланч со своим другом – редактором «New York Review of Books»; тот как раз вернулся из Вашингтона и рассказывал нам белый как полотно: «Правительство разрешило нашей армии применять пытки в иракских тюрьмах». Ронни был выдающимся оратором – как юрист он прилагал к этому немало стараний. Он говорил очень свободно и давал блестящие лекции, интересные для любого слушателя и всегда содержавшие в себе некий театральный элемент. Его жена Бетси тоже была интересным человеком: она, допустим, разработала модернистский дизайн их загородного дома на острове Мартас-Винъярд. После ее смерти мы с Ронни стали чаще встречаться в Мюнхене, где у нас были общие друзья через Ирену Брендель, а несколько позже сама она стала второй женой Дворкина. С его книгой «Taking Rights Seriously» я был знаком еще до нашей с ним встречи, и она в какой-то степени повлияла на мои размышления в области философии права²⁴. С тех пор я прочел все книги Дворкина. А вот насколько сами они – Том и Ронни – были знакомы с моими работами, так для меня и осталось загадкой: при всей дружбе и при всем очевидном интересе к дискуссиям я все-таки не убежден, что они вообще читали когда-нибудь мои книги.

Ш.М.-Д., Р.Й.: Вернемся в Германию и поговорим о ваших здешних коллегах. В какой степени профессиональное общение с немецкими современниками помогало в вашей работе: не могли бы вы рассказать об этом хотя бы в общих чертах?

Ю.Х.: С кругом своих немецких коллег я контактировал, конечно же, не меньше, чем с американцами – потому как минимум, что в Германии мы встречались гораздо чаще. Правда, по библиографиям из наших работ, как мне теперь кажется, о взаимовлиянии судить затруднительно. Идейные импульсы, которыми мы обменивались в этом кругу, оттого не так заметны, что у нас, помимо прочего, всегда был более или менее единый образовательный фон. В годы учения все мы читали одни и те же книги. К тому же обоюдные критические замечания и глубокие дискуссии – с Германом Люббе, например, или с Рюдигером Бубнером – нередко отличались политической окраской.

И все же мы, разумеется, многому друг у друга учились. В качестве примера мне вспоминаются мои собственные – несколько отстраненные – отношения с Михаэлем Тойниссенем; в своей прорывной диссертационной работе – она называлась «Другой» и появилась в 1967 году – он очень убедительно раскритиковал гуссерлевскую теорию интересубъективности,

24 DWORKIN R. *Taking Rights Seriously*. Cambridge: Harvard University Press, 1977; нем. издание: IDEM. *Bürgerrechte ernstgenommen*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984.

а в качестве альтернативы гуссерлевской же теории сознания Тойнниссен – кстати, опираясь здесь на, увы, малоизвестную реабилитационную работу Левита «Индивидуум в роли ближнего», – предложил диалогическую философию Мартина Бубера. Мне это показалось очень интересным, и я многократно ссылаясь на работу Тойнниссена, хотя для систематического обоснования моей собственной теории все это не вполне годится. Я подробно высказывался о тойниссеновской философии религии, но, как и в случае с его интерпретацией Гегеля от 1978 года²⁵, особых причин для острых дискуссий здесь не было, так что если я что-то и почерпнул у Тойнниссена, то лишь в неявном, имплицитном виде.

ИДЕЙНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
С ДРУЗЬЯМИ И КОЛЛЕГАМИ...

С кругом немецких коллег я контактировал не меньше, чем с американцами. Правда, по библиографиям из наших работ о взаимовлиянии судить затруднительно.

Идейные импульсы, которыми мы обменивались в этом кругу, оттого не так заметны, что у нас всегда был более или менее единый образовательный фон.

В годы учения все мы читали одни и те же книги.

Наши разногласия с Дитером Генрихом обсуждались в публичной сфере, однако я со своей стороны никакого последовательного продолжения этой теме так и не дал²⁶. О тесном сотрудничестве с Апелем мы с вами уже поговорили. Альбрехт Вельмер и Кристина Лафонт критиковали мою консенсусную теорию истины; их возражения показались мне убедительными, и теорию я скорректировал – она, впрочем, все равно осталась довольно невпечатляющей. Проявилось это с еще большей очевидностью в столкновении с контекстуализмом Дика Рорти²⁷. Как бы то ни было, с Альбрехтом Вельмером мы временами взаимодействовали так тесно (особенно до его реабилитации, а потом еще какое-то время в Штарнберге), что я даже не могу сказать, в чем конкретно состоял его вклад в постепенное развитие концепции коммуникативного действия. Вклад этот усматривается, пожалуй, не в формальной прагматике как таковой, как можно было ожидать, то есть не в том, что касает-

25 THEUNISSEN M. *Sein und Schein. Die kritische Funktion der Hegelschen Logik*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1978.

26 Материалы на этот счет можно найти в: HENRICH D. *Konzepte. Essays zur Philosophie in der Zeit*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1987; см. также статью «Возвращение к метафизике?» в: HABERMAS J. *Nachmetaphysisches Denken. Philosophische Aufsätze*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1988. S. 9–60.

27 См.: HABERMAS J. *Wahrheit und Rechtfertigung. Zu Richard Rortys pragmatischer Wende // Wahrheit und Rechtfertigung. Philosophische Aufsätze*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1999. S. 230–270.

ся философии языка, – скорее его следует искать в антропологических изысканиях о мифическом и современном миропонимании (начало первого тома). Справедливости ради нужно упомянуть еще вот о чем: когда вышла «Фактичность и значимость» с базовой идеей о равноисходности либеральных гражданских свобод и демократических прав социального участия, Альбрехт странным образом возроптал – я его так до конца и не понял. Он полагал почему-то, что мне следовало непременно сослаться на его лекцию по этой теме, которую он читал на каком-то съезде во Франкфурте, пока я работал над книгой²⁸.

В Штарнбергском институте на послеобеденных коллоквиумах по четвергам у нас шли крайне оживленные дискуссии с моим другом Эрнстом Тугендхатом, который очень любил поспорить и посостязаться; по части формальной семантики я многому от него научился. Исключительное противопоставление *формальной* семантики с одной стороны и *эмпирической* прагматики с другой – а Тугендхат тоже отстаивал эту традиционную позицию – у меня, конечно же, вызвало возражения, поскольку такое эксклюзивное подразделение не позволяет как следует подступить к *формальной* прагматике. Кроме того, горячие споры велись у нас тогда по поводу философии морали, к которой мы с Тугендхатом тоже подходили по-разному. При всем том наше поколение уже осознавало, что дверь в мир для нас делается англосаксонская философия.

Ш.М.-Д., Р.Й.: При всем доминировании англофонов в академической среде стипендиаты из стран Европы и Азии в огромном количестве рвались на ваш франкфуртский коллоквиум, а сами вы проехали по всей Европе и повсюду нашли коллег...

Ю.Х.: Да, у меня, как и у всех, были взаимосвязи со множеством европейских коллег, в том числе и довольно близкие. Встречались мы, впрочем, по большей части на лекциях и конференциях; иногда удавалось погостить где-нибудь пару недель, да и то в редких случаях. В этом смысле преподавательская деятельность во Франции, Италии или Испании значительно отличалась от таковой в США, куда можно было ехать всей семьей на целый семестр. В Европе к тому же общаться подчас приходится на третьем языке. Уже поэтому, как мне кажется, содержательное взаимовлияние у нас было на порядок ниже. Но можно отметить и другое: профессиональный обмен с европейскими коллегами всегда был более эгалитарным,

28 WELLMER A. *Bedingungen einer demokratischen Kultur. Zur Debatte zwischen «Liberalen» und «Kommunitaristen»* // BRUMLIK M., BRUNKHORST H. (Hg.). *Gemeinschaft und Gerechtigkeit*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1993; перепечатано в: WELLMER A. *Endspiele. Die unversöhnliche Moderne. Essays und Vorträge*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1993. S. 54–80.

свободным от подавляющего англосакского фактора. В то же время сами европейские вселенные, внутри которых мы обитаем, оказываются столь различными, что обоюдная критика вынуждена преодолевать непростые препятствия и высокие барьеры, а такое положение дел, конечно, побуждает больше к конкуренции, чем ко взаимообучению.

У меня, для примера, были вполне коллегиальные и товарищеские отношения с Мишелем Фуко, Пьером Бурдьё и Жаком Деррида. Как-то Фуко на целых пять недель пригласил меня в Коллеж де Франс. Встретившись с ним Париже, мы поговорили о наших путях в науке, которые не были, как выяснилось, параллельными и кое-где соприкасались. Мы условились встретиться снова на следующий год и обсудить работу Канта «Что есть Просвещение?»; Фуко, к сожалению, вскоре умер, и этим планам не суждено было сбыться. Место Фуко на том форуме заняли Хьюберт Дрейфус и Пьер Бурдьё; с ними мы несколько раз пообедали вместе, однако по-настоящему плодотворных бесед у нас тогда не вышло.

Самые близкие и самые искренние отношения сложились у меня – несмотря на все пересуды – с Жаком Деррида: после того, как под конец 1990-х мы все-таки преодолели известное взаимное непонимание, которое, к несчастью, в свое время наделало много шума. Встретились мы с ним между прочим по случаю его прибытия в Эванстон, где я какое-то время преподавал в Северо-Западном университете после выхода на пенсию во Франкфурте. Потом мы встречались еще много раз и приглашали друг друга то в Париж, то во Франкфурт. Когда Деррида произнес благодарственную речь в Паульскирхе по случаю вручения ему Премии Адорно (2001)²⁹, моя жена – а обычно она ведет себя очень сдержанно – вдруг вскочила после аплодисментов, чтобы лично его поздравить. В самой речи Деррида, не пытаясь воспроизводить каких-то адорновских манер, воспроизвел вместо этого сам адорновский дух; становилось понятно, что выступает – наверное, единственный – в буквальном смысле конгениальный лауреат. И дело не в том, что Деррида был как-то особенно хорошо знаком с систематической работой Адорно: просто в ходе своего *close reading* он натолкнулся у Адорно на своего рода идейную жилу, удивительным образом очень близкую к мышлению самого Деррида. Мы с Уте между прочим оставались с ним на телефонной связи, в том числе и в последний год его жизни – практически до последних дней.

Ш.М.-Д., Р.Й.: Как вы полагаете, чем в первую очередь обуславливалось обоюдное коллегиальное восприятие внутри

29 DERRIDA J. *Fichus. Frankfurter Rede*. Wien: Passagen-verlag, 2003.

этого интернационализованного профессионально-философского дискурса? В интерпретации классиков, как кажется, все вы не слишком сходились...

Ю.Х.: Не сходились, это верно – особенно если говорить о моем подходе. Кант, правда, оставался общей точкой схождения, но только не в том, что касается герменевтического разъяснения спорных интерпретаций; от философии Канта отталкивались, пожалуй, при построении разного рода теорий морали и теорий права – или, как в случае Деррида, при сведении различных теоретических подходов воедино. С Гегелем, по-моему, все было иначе, хотя, стоит добавить, сам я не участвовал в дискуссиях об истолковании его текстов. Дитер Генрих вел семинары и лекции по Гегелю сначала в Колумбийском университете, а потом в Гарварде, причем участие там принимал в том числе и Хилари Патнэм. Имел место и обратный процесс: когда прагматический подход начал утверждаться повсеместно, в Федеративной Республике большим влиянием стали пользоваться новые интерпретации Гегеля, предложенные у Роберта Пиппина и Терри Пинкарда. Я достаточно давно знаком с обоими, однако свою точку зрения на их подход изложил лишь недавно в своей последней книге³⁰. Пинкард преподавал в Северо-Западном университете в те же годы, что и я, а на одном семестре он даже посещал мой семинар; так мы сблизились и начали общаться семьями. Вместе с Пинкардом мы побывали и в Вашингтоне, и, на летних каникулах, в Южной Франции. Электронными письмами мы иногда обмениваемся до сих пор.

Раз уж мы заговорили о международных контактах с гегельянами, то, конечно, я обязательно должен рассказать о своей дружбе с Чарльзом Тейлором. Еще в начале 1970-х Чак пригласил меня в Монреаль; я выехал из Нью-Йорка, и это была моя первая и единственная междугородняя поездка на автобусе типа «Greyhound». С семьей Тейлоров у нас завязались очень тесные взаимоотношения, которые активно продолжались вплоть до недавних пор, а с самим Тейлором у меня было немало оживленных дискуссий. Правда, обсуждали мы в основном темы систематического порядка, а собственно о Гегеле разговаривать не приходилось. К гегельянству мы подходили по-разному, но сближал нас, конечно, общий образовательный фон – европейский, а не американский. Тейлор учился в Париже и в Оксфорде. Первая общая тема, на которой мы с ним сошлись, – это логика общественных наук; здесь мы по-прежнему ссылались на свои книги конца 1960-х. Взгляды Чака на теорию познания, сложившиеся в том числе под влия-

30 HABERMAS J. *Auch eine Geschichte der Philosophie. Bd. II: Vernünftige Freiheit. Spuren des Diskurses über Glauben und Wissen.* Berlin: Suhrkamp, 2019. S. 505–555.

нием Мерло-Понти, в поздние годы всегда казались мне – если можно так небрежно высказаться – симпатичными.

ИДЕЙНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
С ДРУЗЬЯМИ И КОЛЛЕГАМИ...

В 1970-е мы приглашали друг друга в свои университеты: я его – в Штарнберг, а он меня – в Оксфорд, где Чак преподавал с 1976-го по 1982-й. Поездка у меня вышла довольно знаменательной – и не только из-за устрашающе-торжественного приема за неожиданно пышным столом, но в первую очередь благодаря тому, как на второй день моего пребывания в Оксфорде Чак организовал нам ланч с двумя тогдашними философскими звездами мирового значения: Ричардом Хейром и Питером Стросоном. Это был даже не просто ланч, а скорее деловой обед, на котором мне предстояло обсудить с Ричардом Дворкином (мы еще не были с ним знакомы на тот момент) работу Ролза «Two Concepts of Rules», уже очень известную, но мною, увы, еще не читанную³¹. За день до встречи, благодаря одному доброжелательному коллеге, мне все-таки удалось достать этот текст. Судя по всему, я так волновался, что теперь даже не помню, как в итоге прошла сама встреча; надеюсь, что без особых эксцессов. Но в результате с Чаком мы общались сравнительно тесно, причем на протяжении десятилетий: он, скажем так, католический неоаристотелианец, я кантианский прагматист. Встречались мы по большей части в США и неизменно обсуждали частные вопросы этики и философии языка. В последний раз я видел Чака в день своего девяностолетия.

Ш.М.-Д., Р.Й.: До сих пор мы говорили в основном о коллегах-мужчинах, теперь же хочется спросить и о коллегах-женщинах тоже. Пока из них вы упомянули только Ренате Майнц, которая стала вашей преемницей в Обществе Макса Планка, и Кристину Лафонт, которая защитила диссертацию во Франкфурте под вашим руководством; но больше никого. Почему так?

Ю.Х.: Что ж, до сих пор вы спрашивали о моем поколении и об учениках, которыми я горжусь. А в моем поколении *женщин-философов* было крайне мало. С Ренате Майнц у меня еще с начала 1960-х были хорошие личные отношения, однако наши исследовательские интересы никак особенно не пересекались. В Штарнбергском институте мы довольно тесно общались по рабочим вопросам с Гертруд Нуннер-Винклер; потом она защитила докторскую под руководством Майнц, что, на мой взгляд, уже говорит о высоком качестве ее работы.

В нашей рабочей группе по теории права решающую роль играла Ингеборг Маус. В 1960-е два моих докторанта (из че-

31 RAWLS J. *Two Concepts of Rules* // The Philosophical Review. 1955. № 54. P. 3–32; нем. перевод: IDEM. *Zwei Regelbegriffe* // HÖFFE O. (Hg.). *Einführung in die utilitaristische Ethik. Klassische und zeitgenössische Texte*. München: C.H. Beck, 1975. S. 96–120.

тырех) были женщинами (добавлю, что за всю свою жизнь я руководил не более чем дюжиной докторантов), и все же моя репутация в плане феминизма оставляет, конечно, желать лучшего. Нэнси Фрейзер, с которой в целом меня связывали долгие дружеские отношения и явная близость в теориях, несколько десятков лет назад уже тыкала меня носом в это обстоятельство, причем публично и довольно бесцеремонно.

Франкфуртскую традицию в следующем поколении наравне с Томом Маккарти, Акселем Хоннетом, Райнером Форстом, Петером Низеном, Клаусом Гюнтером и Бернхардом Петерсом представляют, как вы уже упомянули, и коллеги-женщины, влиятельные и пользующиеся международной известностью: Сейла Бенхаbib, например, и Кристина Лафонт. Но к этой интереснейшей главе в истории философии, к этому новому поколению невозможно даже подступить в обсуждении, не сказав сначала о четырех моих первых ассистентах – помимо Вельмера, это Негт, Оффе и Эверман. Да и мой собственный учебный процесс, как я несколько раз – правда, мимоходом – упоминал, невозможно себе представить без многочисленных импульсов и инициатив, шедших ко мне на протяжении десятилетий от моих коллег и сотрудников – как мужчин, так и женщин. Но это требует подобающего рассмотрения и уже выходит за рамки нашего разговора.

Ш.М.-Д., Р.Й.: Как вы смотрите на исследовательский взаимодействие между европейскими и англо-американскими университетами, все больше входящий в норму? Такая интернационализация философии началась на ваших глазах, а теперь она заходит все дальше. Что изменилось за это время?

Ю.Х.: Думаю, что у британских и американских коллег моего поколения по-прежнему сохранялся определенный интерес к немецкой послевоенной философии: такое во всяком случае у меня сложилось впечатление. Многие из этих людей вообще учились у преподавателей, которые либо помнили еще «старые» немецкие университеты, либо сами бежали из Германии. В нашем поколении, более позднем, американские коллеги скорее всего по-прежнему усматривали определенный «немецкий» фон, неплохо им всем знакомый. Можно ли так сказать сегодня? Обращают ли вообще теперь внимание в США на европейское происхождение того или иного коллеги? Глядя, допустим, на Райнера Форста – сделавшего успешную карьеру на международном уровне и добившегося широкого признания, особенно в американской политической теории, – я задаюсь вопросом: а воспринимают ли его в целом как немца и имеет ли это сегодня вообще хоть какое-нибудь значение? Не

привел ли международный обмен к тому, что теперь просто снялись все национальные различия? Судить об этом лучше вам, а не мне.

ИДЕЙНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
С ДРУЗЬЯМИ И КОЛЛЕГАМИ...

Ш.М.-Д., Р.Й.: Решающую роль тут играет, конечно, еще и языковая компетенция...

Ю.Х.: Привилегированное положение английского языка может повлечь за собой и другие привилегии. Будем честны: в США и Великобритании многих моих коллег и ровесников приняли далеко не в той мере, в какой они заслуживали: так можно сказать, допустим, и о Тугендхате, да и о Лумане тоже. И во многих случаях (хотя и не в тех двух, которые я назвал) объясняется это отсутствием переводов – увы, подобную лакуну невозможно заполнить авторскими публикациями на плохом английском.

Ш.М.-Д., Р.Й.: Можно ли сказать, что немецкий как язык науки свое уже отслужил? И как это может сказаться на философских исследованиях? Если поставить вопрос иначе: как вы относитесь ко все продолжающемуся разъединению научных дискурсов и национальных языков?

Ю.Х.: Что ж, философия раннего Нового времени отказалась от латыни как профессионального языка и перешла на языки национальные; пошло ли это на пользу, с уверенностью сказать не могу. Но мне, конечно же, вспоминается, как в конце 1960-х – начале 1970-х американские студенты из движения SDS массово и с небывалым рвением бросились изучать немецкий, чтобы иметь возможность прочесть Гегеля и Маркса в оригинале. Здесь напрашивается довольно простое умозаключение: если есть тексты, по-настоящему интересные для студентов, то и язык оригинала будет, конечно, востребован; как минимум студенты будут учитывать тесную взаимосвязь между самим устройством мысли и тем языком, на котором мысль устроена.

Но все это по-прежнему касается национальных языков. А возможно ведь и возрождение *lingua franca* – почему нет! Английский язык благодаря своей паратактической подвижности открывается, в том числе для мыслительных и выразительных форм из гипотактического языка – кантовского, допустим, и гегелевского. У немецких коллег английский, конечно, бывает порой похуже – как и латынь у философов из эпохи Высокого Средневековья была хуже классической. Зато студенты со всех земель и из всех союзов могли свободно общаться между собой на этой латыни. Впрочем, даже повсе-

местное проникновение английского языка не позволяет нам в полной мере конкурировать с китайцами, которые сегодня очень уверенно входят в философское пространство.

Сам я, кстати, пишу философские тексты на английском в том лишь случае, когда много времени провожу в англоязычных странах; в основном я по-прежнему пользуюсь родным немецким. Раньше его называли языком «материнским»: что ж, германистика – это ведь дисциплина романтического происхождения. Естественно, на родном языке мысль выражается с гораздо бóльшим количеством нюансов. Но литературную сноровку можно приобрести в любом языке – не обязательно для этого говорить на нем от рождения. А всякая оригинальная философская мысль – вот к чему я здесь подводил – стремится именно к литературной, неповторимой, выразительной форме.

Перевод с немецкого Дмитрия Колчигина

АЛЕКСАНДР
ПИСАРЕВ

Уют, освобожденная модерность и лейбницеанское будущее:

обзор российских
интеллектуальных журналов

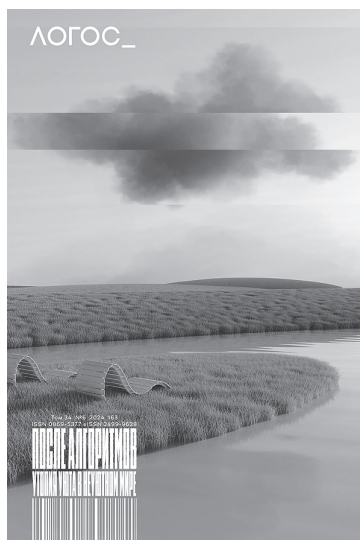

Александр Александрович Писарев (р. 1988) – исследователь, переводчик, преподаватель, младший научный сотрудник Института философии РАН.

В этот обзор вошли выпуски журналов, так или иначе посвященные будущему и способам говорить о нем. «Логос» размышляет о том, хорошо ли будет жить с алгоритмами, которые перехватывают у человека труд, язык и историю. «Ab Imperio» защищает модерность от Европы, споря с Дипешем Чакрабартти. «Stasis» проводит ревизию перспектив актуальной континентальной философии и концентрируется на проблеме политического.

**ОБЗОР
ЖУРНАЛОВ**

ЖИЗНЬ ПОД ОПЕКОЙ АЛГОРИТМОВ

Прошлый год «*Логос*» (2024. № 6) закрыл номером об алгоритмах, но тематический акцент выбрал весьма необычный. Отправная точка дискуссии – цифровая революция:

«Человек перестает обладать монополией на преобразование опыта, когда знание и власть передаются технологиям и программам: искусственному интеллекту, нейросетям, обработке больших данных, широкому комплексу киберфизических систем, внедряемых в производственные процессы и повседневные формы межчеловеческого взаимодействия. Знание, труд, язык – да и сама история – будто переходят машинам» (с. 2).

Алгоритмы опосредуют и структурируют многие процессы, являясь частью материального устройства социальной среды, в них могут воплощаться разные социальные идеалы и ценности. Поэтому внедрение алгоритмов меняет социальность и проблематизирует ее. Зачастую невозможно отличить свои действия от действий машин, а свое поведение от программных сценариев. Цифровизация переопределяет

такие феномены, как собственность, отчуждение, ответственность, справедливость, гуманность. Эти перемены вызывают у людей и сообществ чувство *неуютности*, или отчужденности, жизни. Отталкиваясь от этого, авторы номера осмысливают «условия возможности и состоятельности притязаний на уютность существования в ситуации, вызванной к жизни так называемой цифровой революцией» (с. 1). Этот ход актуализирует идею утопии как формы критического мышления о настоящем – отмечают редакторы-составители номера Константин Очеретяный и Александр Погребняк.

Они берут за основу антропологические построения Мишеля Фуко, считавшего, что современное понимание человека складывается в начале XIX века, и задаются связью человека с тремя инстанциями: языком, трудом и жизнью. Все три сегодня цифровизируются и трансформируются алгоритмами, будучи фактически изъяты из ведения людей. Поэтому поиск *утопии* введом ностальгией по *природе*, даже фантазмом природы, и желанием обрести себя в додискурсивных, допредикативных, внеисторических формах. Природой в таком случае оказывается нечто внутри человека, что ускользает от алгоритмизации.

«Мы больше не ищем реальности, истины, нового социального порядка, экономической справедливости и даже объективности – их скорее найдут наши программы и технологии, мы же ищем уюта как того, что одинаково отдалено как от онаученной природы, так и от технологизированной истории» (с. 3).

Уют как постисторическая природа и как природа по ту сторону человека – это, по мнению Очеретяного и Погребняка, интерфейс: «спекулятивное изменение жизни как формы: открытие опыта “своего”, “собственности”, “существования” по ту сторону концепта “человек” в диалоге аутопоэтических гибридов, квазисубъектов, криптисущностей» (с. 3).

Первый раздел номера посвящен тематизации уюта как состояния между (сознательной) утопией и (бессознательным) фантазмом. Известны постгуманистические по духу попытки преодолеть отчуждение путем учреждения сообщества с нечеловеческими агентами. Иван Микиртумов анализирует подобные стратегии и показывает, что такой жест отбрасывает нас с социально-критической позиции к неосентиментализму, дающему уют только в приватной сфере. Другой путь к уюту деконструирует Константин Очеретяный. В фокусе его внимания – руссоистский образ республики свободно коммуницирующих открытых сердец. За этой утопией скрывается изоляция, сводящая действие к инструкции, а коммуникацию – к сценарию. Такова изнанка любого просветительского проекта, превращающего в норму то, что по своей природе не существует правилосообразно. Однако Очеретяный находит тут зазор для спасения Руссо: эти сценарии и инструкции в своем перформативном и нарративном аспектах предполагают игровой характер своего исполнения, а значит – оставляют место для неотчужденности.

Разговор об утопии после XX века весьма затруднителен: катастрофы прошлого столетия скомпрометировали само мышление утопиями и любые попытки переустроить общество ради всеобщего блага. Например, Теодор Адорно выступал за непредставимость подлинно утопического ради его спасения от овеществления. Эрнст Блох, напротив, призывал сохранить «дневные грезы» о наилучшем устройстве жизни. Об этой оппозиции и переосмыслении возможностей утопического мышления – в статье Антона Сюткина и Артема Серебрякова. Также в этом разделе читатель найдет текст Надежды Макаровой о практиках памяти в цифровом пространстве и неожиданное сопоставление практик уюта в «открытых цифре интерфейсах» и на древнеримских виллах.

Авторы второго раздела проблематизируют обещанный цифровой революцией уют, отталкиваясь от факта неизбежности сбоя алгоритмов. Алгоритмы могут сбиться там, где сталкиваются с телесной реальностью. Александр Ленкевич и Алина Латыпова анализируют это на материале проектов систем управления действиями и телом геймера. В свою очередь Евгений Малышкин обращается к прогулке, чтобы обнаружить в ней опыт телесности, преданный забвению современной картезианской культурой. Этот опыт, чреватый встречей с иным, противостоит комфорту и отсутствию усилий, предлагаемым «цифрой». Схожую позицию занимает Александр Погребняк: оптической диктатуре, нормализующей мир, он противопоставляет *рассеянность* как нефокусированность, позволяющую заново увидеть парадоксальность вещей и их возможности. Тогда «овладеть рассеянностью в мире интерфейсов и алгоритмов означает вернуть право на игру в мире правил» (с. 7).

Полина Колозариди и Гавриил Беляк подходят к теме с другой стороны и подвергают анализу метафоры языка обещаний цифровой революции. Обсуждения дискурса продолжает Дарья Чирва: она анализирует антропоморфизм классического дискурса искусственного интеллекта и предлагает «обратиться к взаимодействию человека-машинных гибридов и социальных систем, ориентируясь на понимание уюта как меры сосуществования с радикально иным» (с. 6).

ПОДЛИННЫЕ ЕВРОПЕЙЦЫ?

«*Ab Imperio*» (2024. № 3) посвящен исследованиям новой имперской истории и национализма на постсоветском пространстве. Чтобы очертить контуры дискуссии, развернувшейся на страницах номера, редакция обращается к идее «провинциализации

Европы», сформулированной Дипешем Чакрабартти, участником индийской Группы исследований субалтерности (Subaltern Studies Group) – коллектива исследователей постколониальных и постимперских обществ. Им удалось синтезировать марксизм, французский постструктурализм и местные интеллектуальные традиции, создав «методологию, которая позволила регистрировать новые формы гегемонии и социального опыта считавшихся “безмолвствующими” групп населения в любом обществе в разные периоды» (с. 16). По сути, отмечают редакторы, индийские интеллектуалы продемонстрировали работу того культурного механизма, который был залогом культурного превосходства Европы: «открытость чужеродному знанию и способность институционально и интеллектуально усваивать его, переосмыслив в знакомых культурных идиомах» (с. 16). Этим жестом Группа исследований субалтерности провинциализировала Европу, поскольку показала, что дело не в месте, а в конкретном – современном – культурном процессе и что любое общество, успешно освоившее этот процесс, начинает восприниматься как «европейское», или «западное», то есть современное.

Однако, в отличие от своих коллег, Чакрабартти вернулся к пониманию Европы как конкретного фиксированного места и культуры – практически цивилизации. Превратив ее во внеисторическую сущность, он отождествил с ней процесс культурного взаимообмена и современность как способ интеграции социальных групп в общее культурно-политическое пространство массового общества. Присвоив современность географической Европе и призвав к провинциализации последней, он завел постколониальную теорию в тупик, поскольку фактически наложил запрет на использование культурных механизмов современности и сделал «историю “не-Европы” невозможной из-за отсутствия общего аналитического

языка и системы координат» (с. 17). В оптике Чакрабартти любое массовое общество будет становиться «Европой», а единственная альтернатива, столь же иллюзорная, – аутентичное и изолированное традиционное общество, опирающееся только на собственное знание.

Статьи номера представляют эмпирические опровержения тупика Чакрабартти. Так, Цинюнь Чжао показывает действие механизма современности в критике китайскими интеллектуалами российских эмигрантов в период 1920–1940-х. Китайская элита обличала их как неполноценных, но опасных пособников европейского империализма и колониализма. Они воспринимались не как беженцы или иммигранты, а как иностранцы, на чьем уроке китайскому обществу надлежало учиться. Тем самым китайцы подвергали Европу дискурсивной провинциализации и одерживали победу в международном соперничестве по стандартам глобальной современности.

Сергей Кан переносит нас совсем в другой контекст – контакты американского антрополога Франца Боаса с коллегами из СССР в межвоенный период и его отношение к Советскому Союзу. Боас считал советский проект научным экспериментом и положительно оценивал его политику коренизации и потому инициировал институциональное сотрудничество с советскими академическими структурами, включавшее студенческие обмены и совместные экспедиции. Он сохранял положительное отношение к сталинскому курсу, несмотря на множество фактов, свидетельствовавших о политических репрессиях и идеологическом контроле в советском обществе и академии, и даже поддержал заключение пакта Молотова–Риббентропа. Возможно, такая поддержка Боасом советского проекта была обусловлена стремлением провинциализировать Европу как провалившегося лидера современности: антрополог хотел спасти современность в Новом Свете или СССР.

Другой пример провинциализации Европы представляют мемуары и интервью британского историка Российской империи Доминика Ливена. С 1970-х он изучал императоров, имперские правящие элиты, войны и дипломатию. В своем подходе Ливен *нормализовывал* российскую аристократию и дипломатию, помещая их на одну плоскость современности с европейскими. Это уравнивание отнимало у Европы исключительное право на современность. Впрочем, в последние десятилетия судьба Европы сделала поворот:

«Различные сценарии провинциализации, или скорее “расколдовывания” Европы (в веберовском смысле) на протяжении XX века, преследующие различные цели, в конечном итоге привели к формированию широкого академического консенсуса о том, что “Европа” является просто интеллектуальной конструкцией, а не местом или единой культурой» (с. 22).

К началу XXI века Европа потеряла «цивилизованную» исключительность. Вследствие создания Европейского союза в середине 1990-х сформировалась современная версия европейской истории, испытывающая влияние все более популярной истории глобальной, в центре которой оказался «эфемерный интеллектуальный конструкт» (с. 22). Будущему этой истории посвящена статья Сони Левсен и Йорга Реквате, которые подчеркивают ограниченность нациецентричных нарративов.

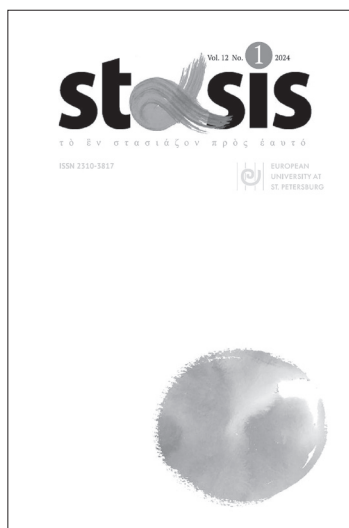
«Авторы говорят о необходимости деконструкции европоцентристских шаблонов, освоения транснациональных и сравнительных подходов и отказа от восприятия национального государства как основной единицы анализа. В конечном счете, они выступают за более инклюзивный и многогранный подход к европейской истории, соответствующий ее сложному и взаимосвязанному характеру и важности для нее глобального контекста» (с. 52).

Чего не хватает для окончательной критической деконструкции идеи Европы? Редакторы номера отмечают:

«История политий и людей, которые в разное время отождествлялись с по-разному понимаемой “Европой”, сможет освободиться от нормативного мифа истинной европейскости, когда все компоненты этого мифа будут провинциализированы – то есть признаны обыденными качествами, доступными каждому» (с. 23).

Ближайшее «тестовое» событие, по мнению редакторов, это возможное изобретение постнациональных и постимперских форм социальной группности. Где бы они ни возникали, они наверняка будут названы «истинно европейскими».

В поисках возможности политического

«*Stasis*» (2024. № 1) посвящен новым перспективам современной европейской философии, и эти перспективы связаны с Лейбницем, Альтюссером, Бадью и Деррида. Общий знаменатель почти всех этих перспектив –

вопрос о возможности политического субъекта и политического изменения.

Открывается номер ревьюизацией информатики от Андрея Глуховского. Его усилия направлены на реабилитацию метафизической идеи *абсолютного* знания через изобретение особого технического артефакта, способного дать к нему доступ. По сути, это продолжение линии, намеченной Хайдеггером: переосмысления метафизики в эпоху господства техники. Работая в рамках коинсидентального подхода, Глуховский намечает переход от двоичного кода к *четверичному*. Основная цель информатики определяется автором как организация технически опосредованного доступа человека к абсолютному знанию. Глуховский анализирует проект Лейбница, впервые упомянувшего двоичное исчисление в работе «О двоичной прогрессии» в 1679 году (с. 10), и обнаруживает в нем предпосылки для перехода к четверичному исчислению как исполнению задумки немецкого философа. Такой код, утверждает автор вслед за Йоэлем Регевем, должен лежать в основе машины, трансформирующей основания действительности и требующей совместной работы инженера и философа. Предшественницей такого устройства он считает универсальную систему исчисления у Лейбница, «которая обладает онтологическим и божественным статусом, то есть способна исчислять универсум по числам, заложенным в сущность вещей, и при этом доступна человеку как формальный логический язык» (с. 16).

Олег Горяинов продолжает линию Лейбница и переключает внимание на современных философов, опирающихся на его идеи. Его исследование ведомо следующей гипотезой:

«Актуализация наследия Готфрида Вильгельма Лейбница современной теорией, ее попытки обновить собственный язык с помощью проекта монадологии является ловушкой для любых версий политической мысли, заинтересованной в четкой артику-

ляции ответа на вопрос, кто сегодня может выступить субъектом политического действия» (с. 34).

Речь идет, к примеру, о Маурицио Лаццарато, Франклине Анкерсмите, Юне Эльстере и Бруно Латуре (с. 36–38). Чтобы выяснить последствия такого игнорирования, Горяинов анализирует свойственное им понимание субъекта по аналогии с монадой. Он показывает, что понятие субстанциальной связи, лежащее в основе онтологического статуса монад, делает невозможным на почве монадологии связанное понятие субъекта политических действий. В заключение он показывает, как эта апорийность лейбницевской философии проявляется в мышлении Джорджо Агамбена.

Следующая статья номера путем переинтерпретации раскрывает философию XX века как плодотворную почву для будущих философий. Данил Давлетбаев обращается к анализу *алеаторного материализма* позднего Луи Альтюссера и рассматривает ее как попытку обоснования политической практики при помощи онтологических концептов случайности, встречи и пустоты. Он опирается на работу «Подземное течение материализма встречи» и посмертно изданный текст «Макиавелли и мы». Согласно интерпретации Давлетбаева, эта теория распадается на две стратегии. В первой доминирующая роль отводится онтологическому концепту пустоты и действию «клинамена»; во второй задается особая «пустота» исторической конъюнктуры, которую должен занять грядущий субъект политической практики. Другими словами, «обусловленность» процесса событийного преобразования ситуации онтологической пустотой и ключевая роль субъективной (в первую очередь политической) практики» (с. 99). Соединяются эти две стратегии, как показывает автор путем сопоставления, уже в философии события Алена Бадью, ученика Альтюссера.

Проблема роли политического субъекта в истории выводит на первый план вопрос о соотношении политического идеала и истории. Как показать их взаимосвязь? Сергей Коретко полагает, что Кембриджской школе истории политической мысли это не удалось:

«Контекстуализм оказывается внутренне неконсистентным, поскольку он одновременно постулирует и никак не опосредует два взаимоисключающих тезиса. Контекстуалисты, с одной стороны, полагают, что политическая теория всегда является порождением замкнутой на саму себя, исторически конечной символической вселенной. С другой стороны, они полагают, что из артефакта прошлого можно создать актуальную сегодня активистскую политическую теорию» (с. 132).

В качестве альтернативы Коретко строит собственную диалектику политического идеала и истории, отталкиваясь от диалектической герменевтики Ханса-Георга Гадамера и Поля Рикёра.

Существуют разные способы работы с будущим и его исполнения. Одними из них являются *перформативы*, декларации и манифесты, которым посвящено исследование Владислава Макарова. Он анализирует ограничения теории перформатива Джона Остина и расширяет идею перформатива за счет критических замечаний Жака Деррида, касающихся риска и итерабельности.

«Остиновское понимание перформатива может быть реализовано лишь в таких текстах, как королевский манифест и декларация

о признании брака недействительным, тогда как формы множественной субъектности, цитатности, не-серьезности, на основе которых функционируют многие манифесты и декларации, не могут быть рассмотрены в рамках теории Остина» (с. 148).

Макаров обращается к понятию *перверформатива* Деррида, которое переосмысляет идею перформатива для ненормализованных употреблений языка и фиксирует свойственное перформативу стремление выйти из своего контекста и найти новые, ускользнуть. Тем самым удается рассмотреть то, что предшествует закону, в рамках которого только и работает остиновский перформатив. Эти теоретические изыскания Макаров использует для анализа «Манифеста Коммунистической партии».

Периодическое обращение интеллектуальных журналов к теме будущего и способов говорить о нем понятно в ситуации хронической неопределенности. Однако закономерно вызывает вопросы настройка чувственности для такой работы. Какие ощущения должны вызывать наиболее ограничительные версии будущего? Не должны ли они быть неуютными, неудобными и тревожными или же подобный критерий проверки различных версий будущего неприменим? Думается, что разговор о будущем стоит дополнить такой пострефлексией: чем его образы отзываются в нас, как окликают нас и к чему располагают?

БОРИС
СОКОЛОВ

Правда солдата

Правда солдата. От Брянска до Кёнигсберга

НИКОЛАЙ ТАТЬКОВ

М.: Вече, 2024. – 544 с.

Борис Вадимович
Соколов (р. 1957) –
историк, филолог, член
ассоциации ПЭН-Москва.

Николай Федорович Татьков с августа 1943-го до апреля 1945 года воевал сержантом, сначала как боец расчета противотанкового ружья, потом как артиллерист в составе 324-й стрелковой дивизии 50-й армии. Трижды был ранен. После войны Татьков стал кадровым офицером, окончив с отличием в 1958 году Военно-политическую академию; из армии уволился подполковником и, уже будучи в отставке, получил звание полковника. После отставки работал начальником штаба гражданской обороны в Театре имени Вахтангова и начальником отдела кадров в художественном фонде московского Союза художников. Таким образом, свой окопный опыт Татьков осмысливал с учетом послевоенного опыта и знаний. Писались мемуары в конце 1980-х – начале 1990-х, когда в эпоху перестройки пересматривалась советская схема истории Великой Отечественной войны и делались попытки обрисовать и осмыслить ее реальную картину. Татьков, стараясь быть максимально объективным, отобразил в мемуарах свою собственную, во многом оригинальную картину войны – собственную «окопную правду», осмысленную с учетом последующего офицерского опыта. Тем не менее в мемуа-

НОВЫЕ
КНИГИ

рах представлен взгляд именно рядового, а не офицера, и автор оговаривается, что «рядовой красноармеец не всегда знает мотивы маневра подразделений, не говоря о маневре частей и соединений» (с. 128–129). Мемуары увидели свет через тридцать с лишним лет после написания – и через четверть века после смерти автора, скончавшегося в 1999 году в возрасте 75 лет¹. Книгу к публикации подготовили его дети – Владимир и Олег Таньковы.

Таньков начинает повествование с 22 июня 1941 года. В этот день они с отцом и другими родственниками из деревни Долгиновка Больше-Тархановского района Татарской АССР занимались заготовкой и сплавом дров на Волге:

«В это время свободные от работ в колхозе мужчины старались на Волге на различных работах подзаработать, так как в колхозе на трудодни денег практически не выдавали. [...Поэтому] перед войной появилась тенденция ухода из колхоза, так как на трудодень давали очень мало или вообще не давали, как в 1936 году» (с. 6, 8).

В 1941-м была засуха, «мы тогда очень бедствовали, особенно весной и летом [...] до созревания хлебов и картошки» (с. 18). Таньков был мордвин, а до революции, как свидетельствовал этнограф Николай Никольский, «сравнительно мордва живет лучше других народностей в тех же местностях; в Саратовской губернии, например, задолженность ее меньше, чем чуваш, русских и татар»². Но после революции и коллективизации все народы Поволжья более или менее сравнялись в нищете. Столь же тяжело было семье Танькова и их односельчанам в войну:

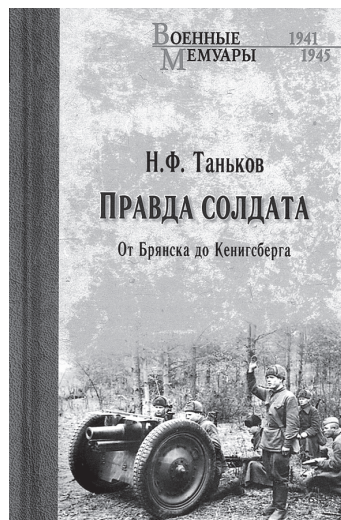
«Из колхоза на трудодень ничего не давали. Работающих на сенокосе, уборке сена, хлеба, молотье во время пашни кормили только обедом. А чем семью кормить в завтрак, обед, ужин и работающего на указанных работах в завтрак и ужин? Промышляли кто как мог. Моя мама, да и другие жители деревни летом молоко сами не ели, а вывозили на караваны баржей с солью» (с. 202).

На молоко выменивали соль, а потом на соль – муку и картофель. Но и этого хватало только на то, чтобы не умереть с голоду. Обмен же молока на соль был делом рискованным, так как, причаливая к барже, лодка могла перевернуться от волн буксира и все могли утонуть. Однажды мать Танькова чуть не погибла, но, к счастью, все обошлось.

Таньков фиксирует толки, возникшие после нападения Германии на СССР:

- 1 Буквы «Т–У». Книга памяти «Они вернулись с победой» // Тетюшские зори. 2019. 23 ноября (<https://tetyushy.ru/news/kniga-pamyati-oni-vernulis-s-pobedoy/kniga-pamyati-bukvy-t-u>).
- 2 Никольский Н. В. *Собрание сочинений: В 4 т.* Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2008. Т. 3 («Труды по истории, культуре и статистике народов Волго-Уралья и Сибири»). С. 328.

БОРИС СОКОЛОВ
ПРАВДА СОЛДАТА

«Говорили, что Гитлер обманул Сталина, заключив пакт о ненападении. Такие заявления делались в узком кругу, с оглядкой, иначе можно было объясняться за это в соответствующей организации и поехать в не столь отдаленное место. В целом в народе была уверенность в нашей победе даже в самых критических ситуациях. Вначале высказывалось мнение: через день–два Гитлера Красная армия погонит назад. [...] Когда немец оказался под Москвой, опять же в основном люди не теряли оптимизма. Ну и что, что Гитлер под Москвой? Наполеон был в Москве, а все равно его прогнали!» (с. 9).

В качестве причин поражений называли то, что «плохо готовились к войне с Германией, почему мало танков и авиации» (с. 8–10). Отступление же Красной армии объясняли «предательством высших командиров» (с. 19) – очевидно, помнили о «чистке» армейских рядов в 1937–1938 годах. По свидетельству Танькова, ветераны Первой мировой войны считали, что «у нынешних солдат, то есть красноармейцев, особенно молодых, нет таких высоких боевых качеств», какие в их время были у русских солдат, чьих штыковых атак немцы не выдерживали. Таньков этого мнения не разделял и из единственной штыковой атаки, в которой участвовал, вышел победителем (с. 36).

Танькова призвали в армию в августе 1942 года и, принимая во внимание его семь классов школы, сначала хотели определить в артиллерийское училище. Но, поскольку набор туда был закончен, он в итоге попал в 32-й противотанковый полк 2-й отдельной учебной бригады, где из него стали готовить сержанта – командира отделения противотанковых ружей. Поскольку в бригаде было много призывников из автономных республик Поволжья, то «взводы и даже отделения были многонациональными». Поэтому Таньков был возмущен, когда Немцев – командир одного из взводов – «перед строем в адрес курсантов нерусской национальности употреблял унижающие национальное достоинство слова, чего никогда не делал Родзянко» (командир взвода Танькова) (с. 58).

В учебном лагере курсанты фактически голодали. Таньков свидетельствовал:

«Кормили очень плохо. До наступления зимних холодов питались в летней столовой. Зимних столовых не было. За солдатский стол садились человек 12. На стол до нашего прихода ставили одно небольшое ведро супа (это в обед). Суп чаще был с рыбными консервами и очень жидкий. [...] Учитывая наш возраст, интенсивные занятия по боевой подготовке (причем до учебного поля и обратно 1,5–2 км, как правило, бежали), тяжелые работы (рыли котлован, носили строительный материал за 3 км и т.д.), еды нам крайне не хватало. Все похудели, как-то почернели, стали угловатыми. Появилась категория курсантов, так называемые самими курсантами, “доходяги”. При ходьбе в строю они отставали, поэтому их ставили

на левый фланг, а в движении замыкали колонну и всегда отставали от нас. Некоторые курсанты стали шарить по помойкам или выпрашивать у кулинарного наряда что-то съедобное. Таких стали называть “шакалами”, а сами действия по добыче пищи называли “шакалить”, “пошел шакалить”, “ходил шакалить”» (с. 62–63).

Если так голодали военнослужащие тыловых частей, то можно представить, как приходилось страдать мирному населению на неоккупированной территории.

Таньков подробно описывает, как 7 сентября 1943 года в первый раз ходил в атаку. Когда им еще до рассвета вместе с завтраком выдали 100 граммов водки, он понял, что придется наступать, так как из рассказов фронтовиков знал, что в летнее время водку дают только в подобных случаях.

«Перед наступлением я старался не наедаться. Во всяком случае добавки не просил. [...] Когда были еще в лагере “Песочный”, командир отделения фронтовик Ключин рассказывал, что очень плохо получить ранение в живот, особенно при полном желудке и кишках. Пуля или осколок пробивает желудок и кишки, из которых содержимое вытекает в полость живота, вследствие чего бывает заражение. Таких раненых, как правило, довозят только до медсанбата дивизии. Из рассказа командира отделения у меня появилась боязнь быть раненым в живот. Конечно, каждый из нас боялся смерти. Водку перед наступлением давали, чтобы у бойца снять как-то напряжение и помочь ему победить в себе страх возможной смерти» (с. 113).

Кормили на линии фронта обычно два раза – перед рассветом и с наступлением ночной темноты, чтобы не подвергаться обстрелам и использовать светлое время суток для боевой работы. Таньков с ностальгией вспоминал знаменитую американскую тушенку:

«На фронте, особенно в наступлении, кормили два раза. Иногда в обороне – три раза, если позволяли условия, что бывало крайне редко. Всегда было густое первое или второе. Бывал и чай. Мне нравилась каша или суп с американской консервированной колбасой, особенно, когда колбасы было много» (с. 131).

Смерть, возможность быть убитым – такова главная фронтовая реальность. Таньков посвящает немало места в своей книге этой теме. В частности, приводит рассуждения одного из своих товарищей в сентябре 1943 года: «Если суждено быть убитым, лучше бы убило сейчас. А то примешь все муки, а где-то в конце войны убьют» (с. 129).

И, конечно, в военных мемуарах речь идет о собственно боевых действиях. Много внимания Таньков уделяет неудачной

атаке на деревню Липовка 18 сентября 1943 года. Из-за ошибки разведки, считавшей, что больших сил немцев в деревне нет, в наступление пошли походной колонной без артподготовки. Уже потом, после взятия Липовки среди красноармейцев царило недовольство:

«Ну вот, немцы сами ушли. Можно было вчера не наступать и не погубить столько людей». Ругали и разведку за то, что она неправильно информировала командиров о расположении немцев к утру 18 сентября. Рядовые воины высказывали мнение, что разведка доложила: «Немцев в деревне Липовке нет». Поэтому мы пошли на Липовку походной колонной. Были даже такие высказывания: «Это вредительство, предательство, за это надо расстреливать»» (с. 137).

Списывать собственные ошибки и провалы на предательство и вредительство было характерной чертой сталинского времени. Сам же Таньков философски замечает: «Рядовой боец далеко не всегда знал, почему так, а не по-другому, но, как правило, догадывался, когда жертвы были оправданны, поскольку война есть и война, а когда и нет» (с. 137). Злосчастное наступление на Липовку он описывает так:

«До наступления рассвета позавтракали, после чего выстроились в батальонную колонну и по дороге пошли колонной к Липовке. Когда до нее оставалось метров 300–400, вдруг гитлеровцы осветили нас ракетами (было еще темно) с нескольких мест, и тут же по нашей колонне открыли плотный ружейно-пулеметный огонь. В моей памяти остался пулеметный. Пулеметы у немцев были очень скорострельные. Пулеметные очереди, состоящие из трассирующих пуль, словно лазерные лучи, проникали в нашу колонну. Многие тут же замертво упали на дорогу. Раздались стоны раненых, крики о помощи. Не дожидаясь команды, мы рассыпались: кто лег в кювет, кто отбежал вправо или влево от дороги. Не помогли и крепкие слова командиров. Наша атака деревни не состоялась из-за сильного плотного пулеметного огня противника, отсутствия с нашей стороны артиллерийской поддержки. Танков на нашем направлении вообще не было. Много прошло времени, а помню этот трагический для многих день до сего времени. Десятки убитых бойцов на дороге и около нее, стоны и крики раненых. Оказывать им помощь не было возможности. Некоторые тут же умирали. Кто мог из раненых идти или ползти, стал отходить в тыл, многих из них немецкие пулеметчики или стрелки добивали в пути. Видя это, некоторые раненые лежали в кювете или, вырыв, если не был ранен в руку, неглубокий окоп, лежали и ждали наступления вечера, а под покровом темноты уходили сами как могли в тыл» (с. 131–132).

К 19 сентября за одиннадцать дней боев, включая наступление на Липовку, взвод, где служил Таньков, из 23 человек потерял 18 убитыми и ранеными (с. 137).

Еще одна важная деталь, касающаяся того, как обстояли дела на передовой. Описывая бой, который произошел 26 марта 1944 года, Таньков вспоминает, как, возвращаясь в тыл из занятой немецкой траншеи, «увидел много убитых наших бойцов», в том числе умерших от ран до того, как им оказали помощь:

«Далеко не всегда во время боя ходила под разрывами снарядов и мин и под свист немецких пулеметов специальная команда собирала раненых. Во всяком случае я такого ни разу не наблюдал, тем более не видел на поле боя женщин-санитарок, которые тащили бы на себе или волоком на плащ-палатке раненого или перевязывали раненого» (с. 307).

Если раненых и выносили с поля боя, то делали это крепкие санитары-мужчины. Что вновь ставит под вопрос реальность историй о десятках и даже сотнях раненых, вынесенных с поля боя медсестрами и санитарками, – соответственно, и статистику соответствующих наградений.

Мемуары Танькова содержат богатый материал по организации быта и повседневности фронтовой жизни. Не обходит он и тему так называемых ППЖ («походно-полевых жен») – сожительниц офицерского состава. Как правило, роскошь иметь ППЖ могли позволить себе командиры батальона и выше, вплоть до маршалов, а также штабные офицеры. У тех, кто командовал ротой, а уж тем более взводом, не было своего блиндажа или землянки, где можно уединиться. Таньков приводит рассказ одного бойца штрафной роты, с которой он стоял по соседству у крепости Осовец в августе–сентябре 1944 года:

«Был в штрафной роте бывший шофер командующего фронтом Рокоссовского К.К. По его рассказу, он попал в штрафную роту за то, что сожительствовал с любовницей (ППЖ) Рокоссовского К.К. Рассказы бывшего шофера, которые я запомнил, были о том, как Рокоссовский ругал командующих армиями. Рассказывал, в частности, как командующий фронтом ругал нашего командующего 50-й армией Болдина И.В. за плохо проведенное наступление армии в марте 1944 года в районе Чаусы, который был правее нас. Мы тоже участвовали в этом наступлении. По рассказу шофера-штрафника, Рокоссовский сказал Болдину: “Я у Сталина еще достану эшелон снарядов, а тебя, дурака, научу воевать”» (с. 312–313).

То, что у Рокоссовского была ППЖ, военврач 2-го ранга Галина Таланова, которая в январе 1945-го родила от него дочь Надежду, сейчас широко известно, но вряд ли многие знали об этом в 1944 году. И в каких отношениях состояла Таланова с безымянным шофером, мы не знаем, да это и не важно. А вот с генерал-полковником Иваном Болдиным у Рокоссовского действительно были плохие отношения (в мемуарах «Страницы

жизни» (1961) Болдин ухитрился ни разу не упомянуть фамилию маршала). В феврале 1945-го уже в Восточной Пруссии Рокоссовский снял Болдина с должности за то, что тот не выявил отхода противника и провел многочасовую артиллерийскую подготовку по пустому месту. Замечу, что это была очень распространенная ошибка советских военачальников, и за нее, как правило, с должности, не снимали. Сам Таньков описывает такую атаку 25 марта 1944 года, когда артподготовка была проведена по практически пустой первой траншее немцев и на следующий день ее пришлось повторять по второй траншее.

В последние годы войны в Красной армии возросла доля представителей народов Центральной Азии, ранее не служивших, что способствовало росту потерь. Таньков пишет:

«[Призванные в армию узбеки] действовали медленно, [...] рассредотачивались медленно, расходились кучками, и то под крики командиров. [...] Окапывались узбеки тоже медленно. Окопавшись, они ложились на дно окопов. Командиры заставляли их вести стрельбу по гитлеровцам, а не лежать на дне окопа. [...] Многие [...] остались после нашего ухода лежать мертвыми, особенно на дороге и в поле у деревни Липовки» (с. 135).

При этом никакого национального высокомерия у Танькова нет. Он высоко оценивает действия помощника командира взвода, узбека по национальности, который под огнем противника вернул своих подчиненных в бой, и тепло отзывается о своем втором номере – узбеке Вахабе.

Остановимся на одном из боев, подробно описанных Таньковым; на его примере можно наблюдать, как функционировал механизм войны на передовой в том виде, как ее вела советская сторона. Дело происходит в середине октября 1943 года в Могилёвской области Белоруссии, в районе деревни Улуки на западном берегу реки Прони. 324-я дивизия понесла очень большие потери, поскольку саперы так и не смогли проделать проходы в немецких проволочных заграждениях, а артподготовка была слабой.

«На том участке, где мне пришлось воевать, наша артиллерия в обороне очень редко вела огонь. Снаряды берегли для наступления. Немцы же в обороне очень часто обстреливали и наш передний край, и подступы к нему, и наши тылы» (с. 163).

Впрочем, порой и в наступлении советская артиллерия не слишком щедро поддерживала свою пехоту. Во время атаки на второй день боев, по воспоминаниям Танькова, «раненых было меньше, чем убитых», но командиры и политработники требовали «прорвать оборону противника во что бы то ни стало» (с. 156). В результате уже в начале ноября из-за больших по-

терь дивизию вывели на переформирование (с. 152). Отметим, что это произошло, несмотря на то, что до того, еще 24 октября, прибыло пополнение из числа местных жителей, мобилизованных непосредственно в части полевыми военкоматами: «Одеты они были в синие телогрейки, обуты кто во что, на головах у кого кепка, у кого картуз, а у кого и шапка» (с. 162). Точно так же была одета переброшенная в ночь на 25 октября штрафная рота в 450 человек. Туда направляли тех, кто был уличен или подозревался в коллаборационизме при оккупации этих мест немцами. Начиная со второй половины 1943 года именно эти люди преобладали в штрафных ротах.

То, что сегодня называют «мясными штурмами», родилось гораздо раньше – и практиковалось еще в Великую Отечественную войну. И, поскольку призванные непосредственно в части, включая штрафников, практически не имели боевой подготовки, потери среди них были особенно велики:

«Убитых наших воинов перед проволочным заграждением и по всему луку от реки до траншеи противника было очень много. А перед проволочным заграждением и траншеей противника, где наступала штрафная рота, убитые в синих телогрейках местами лежали один на другом» (с. 165–166).

Батальон Танькова в тех боях на реке Проне потерял почти всех бойцов. Погиб и комбат. Сам же Таньков уцелел только благодаря тому, что, притворившись мертвым, целый день до сумерек пролежал на занятой немцами территории, а потом выбрался к своим. К моменту вывода 1091-го полка на переформирование из 75 красноармейцев, прибывших в августе 1943 года вместе с Таньковым из учебной бригады, в строю остались только он и еще один (с. 198). Как Таньков узнал уже через много лет после войны, за многими погибшими из числа местных жителей «приезжали жены, родственники и хоронили по месту жительства. Некоторые убитые лежали всю зиму, а весной воды разлившейся реки Прони унесли их вниз по течению» (с. 199).

Таньков описывает еще одну атаку штрафников 23 февраля 1944 года, когда рота численностью в сто человек погибла практически целиком: «Их остановили плотным огнем. Затем штрафники залегли (отходить им ни в коем случае было нельзя) и их, лежащих, до единого перебили» (с. 273). В тот же день Таньков наблюдал другую ситуацию – и это один из самых трагических эпизодов в книге:

«От Днепра бежит боец в направлении центра батальона, не добежав метров сто, он падает. Поднимает голову, пытается ползти, но ничего не получается. Поняли, что он ранен. [...] Из центра батальона вышел из траншеи один красноармеец и побежал на

помощь, не добежав до раненого метров десять, упал, сраженный пулей, и не шевелился больше. А раненый боец (говорили: связист, устранял разрыв в проводной связи) продолжал поднимать голову и, надо думать, просил помощи (слов его я не слышал). На помощь ему побежал еще один красноармеец, который добежал до убитого красноармейца и тоже упал почти рядом с ним, не подавая никаких признаков жизни [вероятно, работал немецкий снайпер. – Б. С.]. Когда побежал на помощь раненому второй красноармеец, я напряженно смотрел в расположение немцев, чтобы из противотанкового ружья уничтожить того гитлеровца, который убил нашего спешившего на помощь раненому, но, к сожалению, сколько ни смотрел – обнаружить не смог. Раненый связист поднимал голову, но на помощь ему больше никто не побежал. Видимо, решили, сколько ни посылай, все могут погибнуть, а раненому все равно не поможешь. Связист все реже поднимал голову, затем только руками шевелил, а вскоре и руками перестал шевелить» (с. 266–267).

Вслух говорить о советских потерях было небезопасно уже во время войны. Таньков описывает случай в медсанбате:

«Когда я рассказывал о наших потерях и об убитых не только в боях в октябре, но и в боях за Липовку, офицер в меховой телогрейке подошел ко мне и говорит: “Об этом нельзя говорить”. На это я ответил: “Я правду говорю”. “Все равно нельзя”, – услышал ответ. Офицер отошел, а мой знакомый вполголоса сказал: “Тыловая крыса, тебя бы туда”» (с. 231).

Как отмечает Таньков, большие потери, превышавшие советские, немцы несли только тогда, когда им приходилось прорываться из окружения без поддержки артиллерии и танков, как это было, например, во время операции «Багратион» в Белоруссии:

«С рассветом 4 июля 1944 года вдоль дороги двинулись несколько групп немцев, но мы их довольно успешно отбили, и они обратно бежали в лес. На этот раз нам было отбивать атаки немцев легче, потому что они наступали без артподготовки и без танков. [...] Довольно прицельно и относительно спокойно мы стреляли по гитлеровцам, и довольно много их осталось лежать на белорусской земле. Правда, они тоже по нам довольно густо стреляли, но прицельность огня у них не такая, так как они стреляли с ходу и наступали без танков, что делали они очень редко» (с. 371–372).

Тогда же в районе Минска Таньков сравнивает потери советской и немецкой сторон с сослуживцем по фамилии Родионов:

«Родионов был твердо убежден, что мы несем больше потерь исходя из боев, в которых мы участвовали. Например, в боях за Днепром в феврале 1944 года, как он говорил, сколько наших погибло, а когда занимали немецкие позиции, то или вообще не видели

убитого фрица, или их были единицы. Трудно было ему возражать, так как сам был свидетелем, когда занимали деревню или позицию с большими потерями, а убитых немцев не видели. Так было в бою под Липовкой Дубровского района Брянской области, где только наш взвод потерял убитыми четыре человека. Или в бою на реке Проне в октябре 1943 года на лугу и перед проволочными заграждениями немцев наших бойцов осталось навечно большое количество. А когда заняли позиции фрицев, убитых гитлеровцев видел не более десяти человек. Эти примеры можно продолжить. Наш разговор с Родионовым о количестве наших и немецких потерь завязался в связи с тем, что мы видели много убитых немцев, то есть больше, чем мы потеряли. Родионов, согласившись с этим, в то же время сказал, что это бывает, только когда немцы в “котле”. Как в данном случае, а в других случаях наступления наши потери намного больше, чем немцев. Исходя из опыта наступления, где я участвовал, с ним трудно было не согласиться» (с. 382).

Первого пленного немца Таньков увидел в конце июня 1944 года, во время операции «Багратион» (с. 370). И здесь он свидетельствует о расстреле пленных:

«Впереди шли 12 пленных. Один из бойцов стрелкового взвода указал на пленного, который ранил командира взвода. Кто-то сказал, что надо этого гитлеровца расстрелять. Командир роты разрешил. Один младший сержант кавказской национальности вывел стрелявшего в командира взвода гитлеровца из группы пленных. Гитлеровец что-то сказал своим. Один пленный что-то ему ответил. Гитлеровец пошел спокойно, как мне показалось, впереди нашего младшего сержанта. Через некоторое время услышали два выстрела» (с. 376).

«Ненависть к немцам воспитывали сами немцы своими действиями и злодеяниями на оккупированной ими нашей земле. Нельзя вспомнить без душевного содрогания убитых гитлеровцами мирных белорусских жителей около Смолицы. Вообще немецко-фашистских захватчиков было, за что ненавидеть. Учитывая все это, а также необходимость исполнения воинского долга, мы с врагами не миндальничали, памятуя принцип: “если я его, немца, не убью – он меня убьет”» (с. 373–374).

Впрочем, вышеописанный эпизод не производит впечатления стихийной расправы. Наоборот, все происходит неторопливо и с ведома и предварительного одобрения командования. Возможно, командиры таким образом стремились «выпустить пар» у бойцов, уцелевших в «мясных штурмах».

В конце войны уже на территории Восточной Пруссии Таньков не отмечает никаких актов мести в отношении немецкого населения – ни убийств, ни грабежей. Красноармейцы брали из оставленных местными жителями домов продукты и иногда часы.

Но вернемся к свидетельствам Танькова о тех, кто был мобилизован с оккупированных территорий. Некоторые из них участвовали в партизанском движении, но вспоминать об этом не очень любили. Те же, кто не участвовал, рассказали немало интересного о действиях партизан:

«Кто не был в партизанах, особенно Родионов, обращаясь ко мне, говорил: “Товарищ сержант, да какие это партизаны, это же четыре «О»”. На мой вопрос, что значит четыре “О”, Родионов пояснил примерно так: “Вот такие партизаны, как Давыдов, получают задание от командира разгромить полицейский участок или сделать засаду на дороге и уничтожить проезжающую машину с немцами. Эти партизаны уходят из партизанского лагеря, доходят самое большее до опушки леса, целый день или ночь проспят, затем возвращаются и докладывают: “Обнаружили, обстреляли, обоср., отошли”. Далее Родионов сказал, что у них в деревне партизаны у кого увели коров, оставив без молока детей, у другого скотину. Кто был в партизанах, не очень-то возражал Родионову, так как они ушли в партизаны за два–три месяца до прихода Красной армии, как выяснилось при разговоре» (с. 209).

Важны и интересны свидетельства мемуариста о, так сказать, «лексическом быте» передовой. По свидетельству Танькова, «бойцы говорили не “противник”, а “фриц”, “немец”, “гитлеровец”, реже “фашист”» (с. 144). Интересно, что, судя по дневникам и письмам немецких солдат, они называли своего противника «иванами», «русскими» (оба слова часто в единственном числе), реже «большевиками», но почти никогда – «сталинцами». Думаю, это можно объяснить тем, что в советской пропаганде одно из центральных мест занимало карикатурное изображение Гитлера, на которого возлагалась главная ответственность за войну. В германской же пропаганде Сталин отнюдь не занимал центрального места. Там упор делался на то, что русские в союзе евреями являются злейшими врагами германского народа, большевики же в значительной мере отождествлялись с евреями³.

Еще одно слово из фронтового словаря советских солдат: Таньков объясняет, почему немецкий самолет-разведчик фокке-вульф-189 советские солдаты называли «рамой», и описывает, как эта «рама» однажды их бомбила:

«Между задней частью крыла, хвостовым оперением и направляющими свободное пространство. Если самолет-разведчик над головой, то это пространство напоминает окно, а задняя часть, крылья, направляющие и передняя часть хвостового оперения – раму» (с. 218).

3 См., например, советские и германские пропагандистские плакаты и карикатуры периода Второй мировой войны: Белоусов Л., Ватлин А. *Пропуск в рай: сверхоружие последней мировой*. М.: Вагриус, 2007.

«“Рама” сбросила, как называли, кассетную бомбу с гранатами. Немцы применяли такие бомбы для поражения пехоты. [...] Кассетные бомбы или контейнер сбрасывали с самолета, и на каком-то расстоянии от самолета раскрывался контейнер и гранаты (маленькие бомбы), рассеиваясь, летели вниз» (с. 258).

БОРИС СОКОЛОВ
ПРАВДА СОЛДАТА

Таньков был награжден трижды. Первый раз он удостоился медали «За отвагу» за то, что 27 октября 1943 года «из своего ружья подбил один танк противника»⁴. Орден Славы 3-й степени он получил за бой 5 июля 1944 года «по уничтожению окруженной группировки противника восточнее города Минска», когда он во главе отделения «стойко удерживал свой рубеж», а «в рукопашной схватке с численно превосходящим противником отделение уничтожило 14 немецких солдат, причем сам заколол 3-х немцев»⁵. Орден Красной Звезды заслужил за то, что «в бою за дер. Паулен в Восточной Пруссии 15.2.1945 года тов. Таньков отличился при отражении контратаки противника. Быстрой и точной наводкой орудия он подавил огонь трех пулеметных точек противника и тем содействовал успешному отражению контратаки. Отбивая вторую контратаку, он двумя выстрелами подбил автомашину с пехотой противника»⁶.

В представлениях к наградам подвиги военнослужащих иногда преувеличивались, чтобы выглядели посolidнее. Но, судя по мемуарам Танькова, в случае с медалью «За отвагу» все так и обстояло: он действительно подбил танк, причем это был единственный подбитый им из противотанкового ружья танк за все время, пока Таньков служил. А бой 5 июля 1944 года, за который он потом получил орден, Таньков описал подробно:

«Хотя сегодня в наступлении на нас принимало участие больше немецких солдат, но им не удалось прорваться. Количество немецких трупов увеличилось, особенно перед нашим отделением ПТР. Сколько их было? Никто не считал. В моей памяти сохранилась цифра 20–25 трупов [за два дня боев, 4-го и 5 июня. – Б.С.], лежащих перед нашим отделением» (с. 372–373).

Таньков описывает и рукопашный бой – единственный, в котором ему пришлось принять участие:

«Мы углубились в лес от его опушки метров на 15–20, и вдруг перед нами как-то неожиданно, как будто выросли из-под земли, появились немцы, и тут же завязался ближний рукопашный, штыковой бой. К такому бою, если не все, то почти все, наши бойцы были готовы. [...] Один немец оказался впереди меня на расстоянии примерно длины винтовки со штыком. На какой-то миг я

⁴ Таньков Николай Федорович 1924 г.р. (<https://podvignaroda.ru/?id=21033888&tab=navDetailManAward>).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

опередил немца и выстрелил ему в упор в грудь. Немец упал за-
мертво. Далее – без подробностей. Смотрю, почти в упор в меня
целится из винтовки фриц. Я отскочил в сторону, и в то же время
прозвучал выстрел, но мимо меня. Я тут же ударил стрелявшего
в меня немца штыком в грудь, не дав ему возможности перезаря-
дить винтовку (карабин). В то время со мной был один из случаев,
довольно часто встречавшихся на фронте в бою, когда миг стоил
жизни. [...] Видимость из-за кустарников была очень маленькая,
4–5 метров. Непонятно было, кто в кого стреляет. Стали слышны
стоны раненых. В этой сумятице можно было выстрелить и в сво-
его. Еще одного фашиста штыком в бок ударил (заколол), который
из-за дерева вел стрельбу в нашу сторону и не заметил меня, как
я подошел к нему слева. Мы медленно продвигались в глубь леса.
Некоторые немцы бросали винтовки и поднимали руки, говоря:
“Титлер – капут, Сталин – гут”. Большинство же фрицев, отстрели-
ваясь, уходило в глубь леса. Еще одного гитлеровца, не подняв-
шего руки и пытавшегося убежать в глубь леса, уничтожили вы-
стрелом из винтовки. Рукопашный, штыковой бой в лесу длился
по времени недолго, не более пяти минут, но потребовал высочай-
шего напряжения физических, моральных, психологических сил,
не поддающегося описанию» (с. 373–374).

Бой в Восточной Пруссии, за который он получил орден
Красной Звезды, Таньков описал так:

«Несмотря на страшный риск, высунув голову из-за щита, чтобы
увидеть, откуда немецкий пулеметчик по нам стреляет, увидел,
как струя трассирующих пуль как бы выходит из небольшого окна
полуподвального дома и летит к нам. Нагнулся, посмотрел: пере-
крестие панорамы находилось правее и выше окна. Быстро повел
поворотным и подъемным механизмом перекрестие в основание
окна и дернул шнур. Снаряд разорвался на стене у самого окна,
справа. Пока я с помощью механизмов восстанавливал сбившуюся
наводку, заряжающий зарядил пушку, а замковый закрыл замок.
Дернул опять шнур. Разрывом снаряда на какой-то миг окно было
занавешено, если можно так сказать. Этот пулемет замолчал. Вто-
рой пулемет из того же подвального дома вел огонь над головами
наших пехотинцев, чтобы препятствовать им подняться в атаку.
Пехота действительно не могла подняться. Пулеметы скосили бы
наших бойцов, которых на снегу лежало не так уж много. После
того, как замолчал первый пулемет, я перенес стрельбу по вто-
рому пулемету, который после второго выстрела тоже замолчал»
(с. 477–478).

После окончания боя Таньков посетил подвал, где находи-
лись два пулемета, и нашел там трех убитых немцев (с. 480).
Также он отмечает, что подбил во время второй контратаки
немцев машину противника, у которой, по словам пехотинцев,
в результате взорвался мотор (с. 479–480). Здесь, как и в дру-
гих местах, мемуарист описывает такие детали военного оби-

хода, которые почти не встретишь в мемуарах не только генералов и маршалов, но и майоров и полковников.

БОРИС СОКОЛОВ

ПРАВДА СОЛДАТА

«[Когда началась германская контратака] по пехоте согласно наставлениям нужно было стрелять осколочными снарядами, [...] для этого нужно у головки взрывателя отвинтить колпачок, который зимой, во время холода, [...] не отвинчивался. Плоскогубцы находились в ящичке на передке. Шишов [...] взял топор, зажал между ногами снаряд и бородавкой топора тихонько стал ударять по зазубринам колпачка взрывателям. Таким образом он сдвигал с места колпачок, а потом отворачивал его рукой, а снаряд отдавал заряжающему. Хотя теоретически при механическом воздействии на колпачок с целью его выворачивания снаряд не должен взрываться, однако, глядя на Шишова, как он наносит удары бородавкой топора по боковой стороне головки взрывателя, как-то по спине пробежал холодок. А о Шишове подумал: ну и смелый человек. Знать, что снаряд не должен взорваться, – это одно, а сидеть верхом на снаряде и тюкать острой частью топора по головке взрывателя – другое. Кто его знает – а вдруг сработает взрыватель. [...] Правда, когда контратаку отбили, а пехота сама пошла и заняла деревню, Шишов в разговоре сказал, что снаряд не должен был взорваться. Не думаю я, что Шишов не допускал взрыва снаряда. Дело в другом. Фрицы идут, а их надо остановить, лучше уничтожить, и тут приходилось рисковать и жизнью. Два снаряда Шишов сделал осколочными. Поглядел на немцев. А расстояние между нами стало сокращаться, видя это, он бросил топор, выругался, стал подавать снаряды, не отвинчивая колпачков. И правильно сделал, потому что земля мерзлая и снаряд при ударе о нее глубоко не войдет, взорвется. Таким образом, осколков будет много для поражения пехоты.

При стрельбе снарядами с колпачком (осколочно-фугасными) при мягком грунте снаряд входит в землю и много осколков при взрыве останется в земле. Без колпачка снаряд при ударе о землю тут же взрывается, и все его осколки летят над землей» (с. 479).

В книге Танькова есть описания подвигов, но их немного. Так, во время боя у реки Прони замполит 1091-го стрелкового, подполковник Иван Прохоров, узнав, что не все в ротах поднялись в атаку, сам поднялся в атаку, чтобы «увлечь личным примером бойцов нашего батальона, коммунисты так делали на фронте; во время атаки он был ранен в живот» и умер в госпитале (с. 164–165). Но в целом воспоминания Танькова о войне совершенно лишены героического пафоса. Война для него и его товарищей – это тяжелая и смертельно опасная работа, где на фронте можно погибнуть в любой момент и где есть две главных задачи: остаться в живых и нанести поражение врагу, причем первую задачу надо решать не в ущерб второй. Интересно, что Таньков приводит только один предпологаемый случай перехода к немцам в своем полку, когда двое

новобранцев пропали без вести, оставив в окопе противотанковое ружье. Впрочем, нельзя исключить, что их захватила в качестве «языков» германская разведгруппа. В учебной бригаде такие случаи были – и дезертиров, а также самострельщиков приговаривали к расстрелу, но, возможно, не расстреливали, а отправляли в штрафные части (самострельщиков – только в случае, если после излечения они могли продолжать службу, а ставших непригодными к службе расстреливали). Ни одного расстрела перед строем ни на фронте, ни в тылу мемуарист не помнит. Надо отметить, что на фронте в то время – учитывая, что Красная армия почти всегда наступала, – дезертировать или перебежать к немцам было почти невозможно, да и у красноармейцев, уже не сомневавшихся в конечной победе, не было таких стимулов дезертировать, которые могли бы пересилить угрозу расстрела.

Мемуары Танькова свидетельствуют и о военном быте. Скажем, в большинстве советских, да и российских фильмов про Великую Отечественную войну красноармейцы, как правило, обуты в сапоги. Они попали в песню Булата Окуджавы «До свидания, мальчики» («Сапоги – ну куда от них денешься?»). Между тем Таньков свидетельствует, что даже во второй половине войны по сапогам безошибочно издали узнавали офицеров. Солдаты же сплошь обувались в ботинки с обмотками («солдаты ходили в обмотках, я обмотки снял только в августе 1945 г. в военном училище») (с. 165).

Согласно Танькову, немцы на фронте жили с бóльшим комфортом, чем красноармейцы. Когда он и его товарищи зашли в только что оставленный немцами блиндаж, то увидели следующее:

«Печку железную, много пустых бутылок из-под вина или водки, котелки, одеяла, которые лежали на нарах. Бытовые условия немцев были лучше, чем у наших пехотинцев, которые не всегда даже в обороне имели окоп с перекрытием» (с. 166).

Мемуарист сравнивает содержание ранца немецкого солдата и вещмешка красноармейца:

«У немца в ранце было мыло в мыльнице, зубная щетка, зубная паста, безопасная бритва, флакончик одеколона, носовые платки и, конечно, полотенце. Кроме туалетных принадлежностей, были: котелок, галеты, масло в круглой пластмассовой масленке с винтовой нарезной крышкой (эти масленки наши красноармейцы стали использовать для хранения махорки), фотокарточки и много еще всякой всячины. В моем вещмешке были: мыло, полотенце, котелок, ложка (чаще она была в брючном кармане), иногда бумага для писем, карандаш, патроны и гранаты» (с. 390–391).

Мемуары Танькова – это правдивый рассказ о войне, не скрывающий ее неприглядных сторон – смерти, ранения, грязь, вши: «Некоторые говорят, что война – это работа. Да какая это работа? Война – это трагедия» (с. 375). Судьбу же самого мемуариста можно назвать счастливой. Таньков уцелел, хотя полтора года находился на фронте и был трижды ранен. После войны он счастливо женился по любви, получил высшее образование, сделал успешную карьеру в армии, а после выхода на пенсию преуспел на гражданке.

БОРИС СОКОЛОВ

ПРАВДА СОЛДАТА

Summary

The materials in the 161st *NZ* issue all relate in one way or another to the two main themes – the anniversary of the end of World War II and the early history of British socialism and communism.

The first section, titled «THE LAST WORLD WAR? ON THE 80TH ANNIVERSARY OF THE END OF WORLD WAR II», consists of five articles. It opens with an article by sociologist Jeffrey Hass, a professor at the University of Richmond (USA), titled «*No Statute of Limitations: What Leningrad Siege Survivors Remember and How They Share Their Memories*». Hass analyzes testimonies from different categories of siege survivors, collected as part of an oral history project launched in 2000 by the European University at St. Petersburg. The researcher focuses on the processes of recollecting and relaying memories as some of the more active and interconnected forms of engaging with the past.

Next in the selection is an article by another American scholar, Brandon Schechter of the Blavatnik Family Foundation Archive, titled «*Hatred: Corrosive or Noble? Managing Emotions in the U.S. and Soviet Armies During World War II*». Schechter's study compares the functions and ideological agendas of two key institutions in the Allied armies fighting Nazism – United States military chaplains and Soviet political commissars.

Oleg Beida and Igor Petrov offer *NZ* readers an account of escape attempts from a German camp for Soviet officers. Their article, «*The Cold Summer of 1943:*

Escapes of Soviet POWs from Officer Camp XIII D», is based on meticulous analysis of documents of various origins – from Soviet military personnel files to German camp archives.

Mikhail Nikolaev's article deals with an exceptionally interesting socio-economic aspect of the Great Patriotic War – namely money: Soviet soldiers' salaries, the cost of food at the front lines and on the home front, and the role of money in formal and informal relationships within the Soviet army and society.

The first thematic section concludes with a piece on Southeast Asia: Kirill Kuzmin provides a brief overview of how memories of the tragic events of World War II in this region influenced Sino-Japanese relations after 1945.

Linked to the first thematic block is the latest instalment of *NZ ARCHIVE*. Asya Leiderman has prepared for their first Russian-language publication excerpts from the chronicle of the Warsaw Ghetto created by Emanuel Ringelblum (1900–1944) – a Polish-Jewish historian, educator, founder of the Warsaw Ghetto Archive, and leader of the clandestine group Oneg Shabbat, whose mission was to collect testimonies about life in Ghetto.

The *NEW BOOKS* section of the 161st *NZ* issue features an extensive review by Boris Sokolov of the memoirs of Nikolai Tankov, «*A Soldier's Truth: From Bryansk to Königsberg*». Tankov served as an artillery sergeant, had a successful military career after 1945, and after retirement held undemanding sinecures in Soviet cultural organizations. His book was written in the 1980s–1990s,

which explains the memoirist's unusual openness.

Finally, Alexei Levinson in his regular column SOCIOLOGICAL LYRICISM also turns to the subject of war – although his piece is about current conflicts. He interprets survey data on the «war sentiments» of Russian citizens.

The second thematic block in issue 161 of *NZ* – curated, translated and commented on by Andrey Gelianov – is devoted to the emergence and development of British socialism in the 19th century, aiming to present this phenomenon from an unconventional angle – not as a radical eccentricity but as a natural demand for justice that became the logical outcome of evolving aesthetic views. The centerpiece of the selection is William Morris's speech «*How Shall We Live Then?*» (1889), translated into Russian for the first time. A preface introduces the text, explaining the context of its creation and its place in the evolution of the author's views.

Morris's text is accompanied by two works of his most significant predecessors, also translated for the first time, specifically for *NZ*. The first is an open letter by the art theorist and writer John Ruskin, titled «*The White-Thorn Blossom*» (1871), addressed to the laborers and landowners of England. The second is a historic address to the Irish (1823) by the social reformer and political philo-

sopher Robert Owen, which led to the establishment of Britain's – and possibly the world's – first experimental communist settlement.

The theme of British socialism – now shifting to the 20th century – is partially continued in Konstantin Mitroshenkov's extensive review of a new book by cultural historian (and frequent contributor to *NZ*) Owen Hatherley, titled «*The Alienation Effect: How Central European Émigrés Transformed the British Twentieth Century*». The book explores Continental European political émigrés of left-wing and far-left views, who found themselves in a far-from-friendly environment in Great Britain.

The theme of intellectuals' place in society and the influence of «high culture» – “particularly of philosophical-political reflection – is further explored in a published excerpt from a book of conversations with Stefan Müller-Doohm and Roman Yos, conducted by Jürgen Habermas, one of the last «classics» of German philosophy. The complete Russian translation of the book, titled “«*Es musste etwas besser werden...*»: *Gespräche mit Stefan Müller-Doohm und Roman Yos*”, will be published by the New Literary Observer publishing house as part of «The *NZ* Library» series.

The 161st *NZ* issue concludes with Alexander Pisarev's RUSSIAN INTELLECTUAL JOURNALS REVIEW.

www.eurozine.com

The most important articles on European culture and politics

Eurozine is a netmagazine publishing essays, articles, and interviews on the most pressing issues of our time.

Europe's cultural magazines at your fingertips

Eurozine is the network of Europe's leading cultural journals. It links up and promotes over 100 partner journals, and associated magazines and institutions from all over Europe.

A new transnational public space

By presenting the best articles from the partner magazines in many different languages, Eurozine opens up a new public space for transnational communication and debate.

The best articles from all over Europe at **www.eurozine.com** **eurozine**

**Оформить подписку
на журнал можно
в следующих агентствах:**

«Подписные издания»:
подписной индекс П3832
(только по России)
<https://podpiska.pochta.ru>

«МК-Периодика»:
подписной индекс 45683
(по России и за рубежом)
www.periodicals.ru

«Экстра-М»:
подписной индекс 42756
(по России и СНГ)
www.em-print.ru

«Ивис»:
подписной индекс 45683
(по России и за рубежом)
www.ivis.ru

«Информ-система»:
подписной индекс 45683
(по России и за рубежом)
www.informsystema.ru

«Информнаука»:
подписной индекс 45683
(по России и за рубежом)
www.informnauka.ru

«Прессинформ»:
подписной индекс 45683
(по России и СНГ)
<http://pinform.spb.ru>

«Урал-Пресс»:
подписной индекс: 45683
(по России и за рубежом)
www.ural-press.ru

**Приобрести журнал
вы можете в следующих
магазинах:**

В Москве:
«Московский Дом Книги»
ул. Новый Арбат, 8
+7 495 789-35-91

«Фаланстер»
М. Гнезниковский пер., 12/27
+7 495 749-57-21

«Фаланстер» (на Винзаводе)
4-й Сыромятнический
пер., 1-6 (территория ЦСИ
Винзавод)
+7 495 926-30-42

«Циолковский»
Пятницкий пер., 8
+7 495 951-19-02

В Санкт-Петербурге:
На складе издательства
Лиговский пр., 27/7
+7 812 579-50-04
+7 952 278-70-54

В Воронеже:
«Петровский»
ул. 20-летия ВЛКСМ, 54а
(ТЦ «Петровский пассаж»)
+7 473 233-19-28

В Екатеринбурге:
«Пиотровский»
ул. Б. Ельцина, 3
(«Ельцин-центр»)
+7 343 312-43-43

В Нижнем Новгороде:
«Дирижабль»
ул. Б. Покровская, 46
+7 831 434-03-05

В Перми:
«Пиотровский»
ул. Ленина, 54
+7 342 243-03-51